

ПРОСПЕР
МЕРИМЕ

Scan Kreyder - 02.08.2014
STERLITAMAK

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

МРОСПЕР
ЕРИМЕ
ТОМ 3

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА • 1963

**Издание выходит
под редакцией
Н. М. Любимова,**

**Оформление художника
Д. Бисти.**

**Гравюры
А. Гончарова, Д. Бисти,**

Театр Клары Гасуль

*Pensarán vuestras mercedes ahora que
es poco trabajo hinchar un perro?*

Miguel de Servantes*

; * Что вы скажете, ваши милости, легче это дело — надуть собаку воздухом?

Мигель де Сервантес (исп.).

ЗАМЕТКА О КЛАРЕ ГАСУЛЬ

Клару Гасуль я увидел в первый раз в Гибралтаре, где я нес гарнизонную службу в швейцарском полку Ваттвиля. Ей было тогда (то есть в 1813 году) четырнадцать лет. Дядя ее, лиценциат Хиль Варгас де Кастаньеда, предводитель андалусской герильи, только что был повешен французами, а донья Клара осталась на попечении монаха, брата Роке Медрано, ее родственника, инквизитора гранадского трибунала.

Достоchtigый инквизитор запретил своей питомице читать все книги, кроме часослова, а в подкрепление запрета велел сжечь библиотеку, завещанную племяннице несчастным лиценциатом. Здесь, думается мне, надо искать источник ненависти автора к членам монашеского ордена, недавно упраздненного мудрым королем испанским. Среди моего скромного имущества нашлось три-четыре разрозненных тома. Я подарил их Кларе, и с этого подарка, который показался ей весьма ценным, началось наше знакомство. Это знакомство я старался поддерживать во время своего длительного пребывания в Испании после освободительной войны. Поэтому я, более чем кто-либо другой, могу отделить правду от тьмы вымыслов, распространяемых об этой необыкновенной женщине у нее на родине.

О ранних ее годах почти ничего не известно. Вот, однако, что я знаю от нее самой. Однажды вечером мы

покуривали, сидя вокруг ее *braseiro* *, и находившийся среди нас священник спросил ее, где и от кого она родилась, на что Клара, пребывавшая в разговорчивом настроении, рассказала нам следующую историю, за достоверность которой я отнюдь не ручаюсь.

«Родилась я,— сообщила она,— в королевстве Гранадском, недалеко от Мотриля, под апельсинным деревом, на краю дороги. Мать моя была гадалкой. Я следовала за ней, или, вернее, она таскала меня на спине, пока мне не исполнилось пять лет. Тогда она меня отвела к гранадскому канонику (лиценциату Хилю Варгасу), и тот принял нас с величайшим радушием. Мать сказала мне: «Поклонись дяде». Я поклонилась. Она поцеловала меня и тут же ушла. С тех пор я ее не видела».

И тут, дабы прекратить наши расспросы, донья Клара взяла гитару и спела нам цыганскую песню: «*Cuando te parió mi madre la gitana...*» **.

Родословную она себе выдумала по своему вкусу. На происхождение от древнего христианского рода она не притязала; она утверждала, что в жилах ее течет мавританская кровь, что она правнучка мягкосердечного мавра Гасуля, которого мы знаем по старинным испанским романсам. Во всяком случае, что-то дикое, что было у нее в глазах, длинные черные, как смоль, волосы, стройная талия, белые ровные зубы и нежно-оливковый цвет лица выдавали ее происхождение.

Когда на юге Испании воцарилось спокойствие, донья Клара со своим опекуном возвратилась в Гранаду. Опекун этот был ее цербером и заклятым врагом серенад. Стоило какому-нибудь цирюльнику забренчать на надтреснутой мандолине, брат Роке, которому всюду мерещились любовники, поднимался в комнату своей питомицы, горько упрекал ее в огласке, которую принимает ее кокетство, и увещал ее спасти свою душу, поступив в монастырь (наверно, он уговаривал ее при этом отказаться в его пользу от наследства лиценциата Хиля Варгаса). Уходил он от нее, самолично удостоверившись, что запоры и решетка ее окна отвечают ему за ее целомудрие.

---

* Жаровни (исп.).

** «Когда я родилась от матери-цыганки...» (исп.).

Однажды, пробравшись в комнату Клары, он застал ее за писанием не комедий, коих она еще тогда не сочиняла, но пламенной любовной записки. Гнев его предобия соответствовал тяжести проступка: виновница была заточена в монастырь.

Через две недели после поступления в монастырь она перелезла через стену и сбежала. Скрывалась она три месяца.

По истечении этого срока брат Роке с ужасом узнал, что вверенная его заботам робкая голубица выступила с успехом в Большом театре (*Teatro Mayor*) города Кадиса: она исполняла роль доньи Клары в пьесе *Mojigata* *.

Он выехал из Гранады, намереваясь вырвать ее из необычного убежища, которое она избрала. Любители скандалов уже предвкушали тяжбу между инквизитором и директором театра, как вдруг приступ подагры лишил священный трибунал ревностного деятеля, а Клару — докучного опекуна.

Ходило множество догадок относительно причины поступления ее в театр. Одни приписывают это ее естественному влечению к актерскому ремеслу; другие — равнодушию к *joven galan* ** Большого театра; иные, наконец, полагают, что на путь комедиантки толкнула Клару просто-напросто бедность.

Незадолго до восстания войск, расквартированных на острове Леон, донья Клара была введена в права наследования имущества своего дяди. Дом ее служил местом свидания всех вольнодумцев и всех конституционалистов Кадиса. Ее репутация «крайней» едва не обошлась ей дорого во время резни 10 марта. Один из *leales de Fernando Séptimo* ***, встретив ее на улице, уже занес было саблю, чтобы отрубить ей голову, но товарищ остановил его. «Ты что, не видишь, дурак? — сказал он. — Ведь это же Кларита, которая так смешила нас в сайнете о Хитане!» «Верно, — отвечал тот. — Но она враг богу и королю». «Это неважно, — заметил его товарищ. —

---

* «Святоша» (исп.).

** Первому любовнику (исп.).

*** Сторонников Фердинанда Седьмого (исп.).

Мне хочется еще раз посмотреть ее в роли Хитаны». Так он ее спас.

На следующий день Клара появилась на сцене с национальной кокардой, и она так прелестно пела патриотические гимны, что вскружила голову даже самым *serviles* *. Все офицеры корпуса Кироги сделали ее дамой своего сердца.

Два юных офицера американского батальона поссорились из-за нее. Она подарила одному из них кокарду, собственноручно сделанную из зеленой ленты, а другой будто бы пытался ее отнять. Соперники пошли драться. Узнав об этом, Клара немедленно отправилась на поле битвы. Каким способом она умиротворила их, неизвестно. Достоверно только то, что вечером она вошла в Кадис под руку с обоими примирившимися офицерами, что она повела их к себе ужинать и что с тех пор никогда больше ссора не омрачала их дружбы.

Литературная ее слава началась с небольшой пьесы под названием *Женщина-дьявол*. Сюжет комедии был публике совершенно неизвестен. Можно себе представить удивление испанского партера, увидевшего впервые на подмостках инквизиторов в полном облачении! Вещица эта имела громадный успех; зрители напоминали школьников, любующихся тем, как порют их наставника.

Однако же святоши, начавшие объединяться, завопили о соблазне. Герцогини и маркизы, раздосадованные тем, что завсегда таи их салонов покинули их ради салона доньи Клары, заставили своих мужей подать правительству жалобы. Но и у Клары были могущественные покровители. Запрета комедии не последовало. Удовольствовались тем, что прибавили к ней в нравственных целях пролог, который мы даем в начале перевода. Клара намеревалась представить вторую часть комедии *Женщина-дьявол*, но ее духовник, полковой священник конституционалистов, был этим возмущен и уговорил ее бросить свое сочинение в огонь.

С тех пор слава ее все росла, и она сочиняла одну комедию за другой, но в начале Реставрации ей пришлось бежать в Англию. Однако, поскольку напечатаны

---

* Раболенным (исп.).

они были лишь в 1822 году и не сразу представлены в мадридском театре, в Париже, где с некоторых пор начали, как мне кажется, проявлять интерес к иностранной литературе, о них почти ничего не было известно.

В Кадисе издали полное собрание ее сочинений в двух томиках *in quarto**, но вскоре после разгрома конституционалистов роялистские хунты поспешили внести их в запретный список. Таким образом, испанское издание их является чрезвычайной редкостью. Перевод, который мы предлагаем ныне, является весьма точным: он был сделан в Англии под наблюдением доньи Клары, которая была настолько любезна, что дала мне для включения в сборник одну из неизданных своих комедий. Эта последняя в томе пьеса, *Небо и ад*, была представлена только в Лондоне, да и то на домашней сцене.

Жозеф л'Эстранж

---

* В четвертую долю листа (лат.).

ИСПАНЦЫ В ДАНИИ

Комедия в трех днях

*Que el orbe se admire,
Y en nosotros mire
Los hijos del Cid*.*

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Маркиз де Ла Романа, испанский генерал, родился на острове Майорке. Он происходил из именитой семьи и приходился племянником славному генералу Вентуре Каро.

Ему дали превосходное воспитание. Он изучил несколько языков, страстно увлекался науками и проявлял большие способности, которым военная служба вскоре дала совсем иное направление. Вместе со своим дядей он участвовал в кампании 1793 года против французов и неоднократно отличался, между прочим, при защите поста Бирьяту; позднее он был ранен. В 1795 году он принимал участие в защите Каталонии. Заключение мира дало ему возможность путешествовать. Он отправился во Францию, а затем посетил главные города Европы.

Когда в 1805 году император Наполеон получил от короля Карла IV пятнадцать тысяч человек для поддержки действий своей армии на севере, маркиз де Ла

---

* Пусть мир изумится и узрит в нас достойных сынов Сида (исп.).

Романа принял командование ими. Тотчас по прибытии этих войск к месту назначения многие части вступили в строй и оказали очень важные услуги. Блестяще показала себя в стычках с врагом кавалерия.

Маркиз де Ла Романа находился еще под французскими знаменами на острове Фюне, когда до него дошла весть о мадридских событиях 2 мая 1808 года и когда намерения Наполеона относительно испанского престола стали для всех ясны. Маркиз де Ла Романа решил возвратиться на родину и присоединиться к защитникам национальной независимости. Но ему приходилось вести переговоры с представителями испанской эмиграции в Лондоне и с английским правительством так, чтобы об этом не проведал главнокомандующий французской армией князь Понте-Корво, ныне король шведский. Ему это удалось благодаря капитану первого ранга Рафаэлю Лобо, который служил в английской эскадре, крейсировавшей в Балтийском море, и он в полной тайне погрузил на суда и вывез из Дании все свои части, оставив в Зеландии и Ютландии лишь несколько сот человек, которые вскоре были окружены и разоружены датскими войсками.

Возвратившись в Испанию, маркиз де Ла Романа присоединился к повстанцам. Ни его способности, ни его храбрость не спасли тех, чью сторону он принял, от многочисленных поражений. Одно из наиболее сокрушительных поражений потерпели они под Эспиносой. Тем не менее он не утратил мужества. К концу 1808 года он собрал части, рассеянные по Леонскому королевству, и образовал из них армию левого крыла. В начале 1809 года у него произошло жаркое дело с одной из французских частей, преследовавших отступавшую тогда по всему фронту английскую армию. Он бился за каждый клочок земли, но потерял при этом свои лучшие войска. Англичанам удалось наконец погрузиться на суда. Маркиз де Ла Романа отступил в провинцию Оренсе, где и занял прочные позиции, что дало ему возможность препятствовать действиям французских войск, беспрестанно тревожа их во время перехода. Следуя этой системе, он овладел Вилья Франкой и проник в Астурию, где продолжал совершать такого же рода нападения. Валенсийская провинция назначила его членом Севильской хун-

ты. Тогда он оставил армию и отправился к месту нового назначения. Его опыт и познания были по достоинству оценены сотоварищами. Все важнейшие меры, принятые в то время, проводились в жизнь при самом деятельном его участии. В 1810 году, после того как французы вступили в Андалусию и хунта покинула Севилью, он принял командование войсками, расположенными по берегам Гуадианы, а затем соединился с герцогом Веллингтоном, когда этот генерал отошел к оборонительной линии Торрес Ведрас.

В дальнейшем Ла Романа защищал вместе с генералом Хиллом левый берег Тахо, и генерал Масена, несмотря на все свое искусство, так и не смог овладеть им. Тяготы походной жизни подорвали здоровье Ла Романа, и он скончался в Португалии, в Карташо, 28 января 1811 года.

Его соотечественники и даже сами французы отдавали должное его храбрости, дарованиям и благородству. Испанцы считают его одним из самых своих выдающихся военных деятелей нового времени.

*(«Новый биографический справочник
современных деятелей»).*

П Р О Л О Г

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ПРОЛОГА

Г р а н д .
К а п и т а н .
П о э т .
К л а р а Г а с у л ь .

Уборная Клары Гасуль.
Г р а н д , к а п и т а н , п о э т , К л а р а .

Г р а н д . Наконец-то вы одеты!

П о э т . И неизменно прекрасны, как ангел.

К а п и т а н . Но почему же без баскины и мантильи?!

К л а р а . Дело в том, что сегодня я играю не испанку.

К а п и т а н . Очень жаль!

Г р а н д . А кто автор пьесы?

К л а р а . Право, не знаю.

П о э т . Никогда не выдаст! Как мы, бедные авторы, вам обязаны!

Все усаживаются.

К л а р а . Вот это мне нравится, господа! Уселись, словно весь вечер собираетесь провести в моей уборной. Сиятельнейший сеньор! Если вы усядетесь в кресло, так непременно заснете и проспите представление.

Гранд. Вы же знаете, что я прихожу только ко второму дню.

Поэт. Я надеюсь, что эта новая пьеса разделена на действия.

Клара. Ошибаетесь. Но разве комедия от этого станет хуже?

Поэт. Ну, лучше-то она, во всяком случае, не будет. Прежде всего уже в заглавии нет никакого смысла: насколько мне известно, испанцы в Дании никогда не бывали. Не так ли, ваше сиятельство?

Гранд. Ну, а как было во время войны за Павию?.. При Великом Полководце... Может быть, они тогда решились переплыть... Кажется, чтобы попасть в Данию, особенно долго плыть не приходится... Что вы скажете, сеньор лицензиат?

Поэт (с поклоном). Разумеется. Но кратчайший путь...

Капитан. Вы говорите, сеньор лицензиат, что испанцы никогда не бывали в Дании? Э! Да ведь я сам был там вместе с великим маркизом де Ла Романа! И к тому же, клянусь богом, едва не лишился носа! Я его, черт побери, отморозил так основательно, что он был вроде сосульки.

Клара. Bravo, капитан! Вы угадали, о ком идет речь в комедии.

Все. Как! О маркизе де Ла Романа?

Клара. Вот именно.

Капитан. В таком случае пьеса, ей-богу, превосходная, уж вы мне поверьте. Маркиз был великий человек. Это он начал у нас войну куадрилий², которая выгнала французов из нашей старой Испании.

Гранд. Ла Романа — великий человек? Он же был до крайности несправедлив!.. Он не захотел назначить меня командиром полка... Меня!

Поэт. Но ведь это просто невозможно — сочинить комедию о людях, которые едва успели умереть!

Клара. Едва успели умереть!.. Дай бог, чтобы бедный маркиз еще не совсем умер!

Капитан. Клянусь богом, я еще помню тот день, когда мы встретились в Галисии³ с нашими бывшими польскими союзниками. Мы только рты поразевали от

удивления... К сожалению, Ла Романа не был тогда с нами... и...

Гранд. Скажите, Кларита, что, собственно, изображается в этой комедии?

Клара. Потерпите немного, сами увидите.

Поэт. Выходит, что комедия начинается в Дании, а кончается в Эспиносе, в Галисии. Расстояние, конечно, пустяковое... Но ведь у господ романтиков такие удобные кареты!

Клара. Вы ничего не понимаете. Все действие пьесы разыгрывается на острове Фюне.

Капитан. Да, да, вот именно: остров Фюн. Как раз там я едва не лишился носа.

Поэт. А как же насчет... трех единств?

Клара. Вот уж об этом ничего не могу сказать. Чтобы судить о пьесе, вовсе не важно знать, происходит ли действие в течение одних суток и появляются ли все действующие лица в одном и том же месте, одни — чтобы устроить заговор, другие — чтобы пасть от рук убийц, третьи — чтобы заколоться над чьим-нибудь мертвым телом, как это водится по ту сторону Пиренеев.

Гранд (*расслышав только конец фразы*). Что вы говорите? Французы перерезают друг другу глотки? Однако, будучи во Франции, я ничего подобного не наблюдал, а уж я-то знал весь Париж.

Поэт (*в сторону*). До чего он глуп! И подумать только, что человек с таким талантом, как я, вынужден сочинять стихи для людей, подобных ему! (*Громко*.) Но, возвращаясь к единствам...

Капитан. Оставьте, сеньор лицензиат! Не все ли вам равно, есть единство или нет? Вы не можете без того, чтобы не разбирать других по косточкам!

Поэт. Я это делаю исключительно в интересах искусства. Было бы очень хорошо, если бы мы подражали нашим соседям французам.

Капитан. Нет, нет! Ни в чем, кроме искусства заряжать пушку в двенадцать приемов, — они это делают гораздо быстрее, чем мы.

Гранд. И их уважение к дворянству! Во Франции министерские посты даются только вельможам, а у нас теперь...⁴

Клара. Ну, конечно, это ясно для всех... Проклятая

конституция!.. Вы просто созданы, чтобы быть министром!

Гранд. Еще бы! Я и знатен и обладаю способностями к политике. Спросите у сеньора лиценциата... Он в этом хорошо разбирается.

Поэт. Вы, ваше сиятельство, принадлежите к одному из стариннейших родов Испании.

Капитан. Черт побери! Да здравствует равенство! Я без конца сижу в капитанах, а тут какой-нибудь молодкосос из знати возьмет да и выхватит у меня из-под носа полковничьи нашивки, которых я столько времени ожидаюсь!

Гранд. Капитан, капитан!.. Не мне, бывшему герильеро...⁵.

Клара. Сеньоры, не ссорьтесь, не то я всех вас выставляю за дверь. Вы сейчас посмотрите новую пьесу, которая, надеюсь, вас примирит. Вы, сиятельнейший сеньор, посочувствуете судьбе благородного маркиза. Вашим героем, капитан, будет адъютант генерала де Ла Романа, носящий дорогое всем испанцам имя...

Капитан. А какое это имя? Я знал одного адъютанта, который заработал себе нашивки в прихожей у Годоя.

Клара. Имя вашего героя, капитан,— дон Хуан Диас...

Капитан. Дон Хуан Диас Порльер? Ах ты черт! Маленький маркиз?

Клара. Этого я уж не знаю, но только зовут его Хуан Диас. А вы, сеньор лиценциат, вы, поклонник всего французского, придете в восторг, узнав, что героиня пьесы — француженка.

Поэт. Как! Француженка в Дании? Что она там делает?

Гранд. Ла Романа был самый несправедливый человек на свете. Комедия, наверное, никуда не годится.

Капитан. К черту и пьесу и автора, если героиня — француженка!

Клара. Выходит, вы все недовольны? Не везет мне, да и только. Неужели, капитан, вы не будете аплодировать своему генералу?

Капитан. Буду, если в пьесе крепко ругают французов.

К л а р а. Ну, а вы, сеньор Эсколастик? Ведь в ней участвуют французы!

Поэт. Если бы еще это были люди, умершие по меньшей мере четыреста лет назад...

К л а р а. А если бы они умерли только триста пятьдесят лет назад, комедия не могла бы быть хорошей?

Поэт. Вряд ли.

К л а р а. Ну, тогда она станет хорошей со временем. Ах, как бы мне хотелось родиться еще раз, через четыреста лет, чтобы видеть, как ей аплодируют! Но вас, ваше сиятельство, я прошу — поаплодируйте испанскому маркизу.

Г р а н д. Его семья украла у меня семь титулов!

К л а р а. Ну вас всех к черту! (*К публике.*) Но вы, господа, люди разумные: посмотрите пьесу и будьте к ней снисходительны; автор отдает себя на ваш суд.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА КОМЕДИИ

Маркиз де Ла Романа,

Дон Хуан Диас⁶.

Французский резидент на острове Фюне.

Шарль Леблан, французский офицер.

Уоллис, английский офицер.

Хозяин гостиницы «Три короны».

Г-жа де Турвиль, она же г-жа Леблан.

Г-жа де Куланж, она же мадмуазель Леблан.

Действие происходит на острове Фюне в 1808 году.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кабинет резидента.

Издали доносится испанская военная музыка.

Резидент (один). Уф! К черту их собачью музыку! Парад кончился. Не люблю я бывать среди этих старых черномазых солдат. (Смотрит в окно.) А вот и сам генерал Ла Романа проскакал галопом домой: теперь можно и отдохнуть. Боже, что за проклятое ремесло! Я получил предписание постоянно бывать среди их офицеров. Только что опять пришлось целый час разгуливать с ними... Фу, мой сюртук весь пропитался табачным ды-

мом, одуреть можно! В Париже я бы месяца полтора не решился показаться в обществе. Но на острове Фюне, в этой чертовой дыре, особенно стесняться незачем. (Садится.) Гм! Я их побаиваюсь; у них длинющие усы, дикие черные глаза... Да и похоже на то, что мы, французы, им не по душе... Кроме того, эти черти испанцы так невежественны!.. Они никак не могут уразуметь, что наш великий император для их же счастья дает им в короли своего августейшего брата... Они находят, что на острове прохладно... Черт побери! С этим я вполне согласен... Проклятье! Когда я решился стать дипломатом, мне представлялось, что меня сразу же пошлют в Рим или Неаполь, словом, куда-нибудь, где можно найти приличное общество... Являюсь к министру... В разговоре имею несчастье упомянуть, что владею испанским. «Вы говорите по-испански?» — переспрашивает он. Я в полном восторге. Дома нахожу паспорта и инструкции — думаю, что в Мадрид... Ничего подобного: я, оказывается, прикомандирован к испанской дивизии де Ла Романа на острове Фюне!.. На острове Фюне!.. Боже милосердный! В Париже-то как удивятся, узнав, что меня послали на остров Фюн!.. Вдобавок ко всему мне приходится мотаться туда-сюда, словно я на военной службе. Если бы я еще был в самой Дании с армией князя⁷, там нашлись бы французы, с которыми можно поговорить. Но увы, я должен торчать здесь со всеми этими испанцами, датчанами, ганноверцами, немцами, невесть с кем... И все эти милые люди дружат между собой, как кошки с собаками. Изволь за ними следить, развлекать их, внушать им мысли, согласные с разумом, природой вещей и просвещением. А это, черт побери, — дело трудное. Они никак не могут втемашить себе, что англичане со своим сахаром — их смертельные враги. Они хотят пить натуральный кофе, хотят того, другого, но раз мы без всего этого обходимся, то и они могут обойтись. Боже мой! И когда это наконец мы завоюем Англию? Из-за англичан только и сижу я на этом проклятом острове с этими косноязычными испанцами. Ах, сегодня было так сыро!.. Хорошо, если не схвачу воспаление легких. Следовало бы лечь в постель; но ведь надо писать донесение. Что за собачье ремесло! Ни минуты покоя! Донесение! А что в нем писать?.. Князь сообщает мне, что имеются осно-

вания сомневаться в верности маркиза де Ла Романа, что я должен следить за каждым его шагом, разведать настроение его солдат. Да, легко сказать — разведай; поди, загляни им в душу... У этих черномазых шкура такая темная, что внутри ничего и не разглядишь. Ах, черт побери! Вот так мысль! Я напишу об этом князю Понте-Корво; он посмеется, а самый верный способ продвигаться по службе — это смешить начальство. Да, да, обязательно. Напишу об этом и в Париж. *(Пишет.)* Мысль, право же, неплохая...

Входит слуга.

Слуга. С вами желает поговорить какая-то дама.
Резидент. Дама! А что за дама?

Слуга. Француженка, сударь... Хорошо одета, и манеры очень приятные.

Резидент. Француженка на острове Фюне! Француженка в Ньюборге! О нежданное счастье! Лафлер! Скорей синий сюртук и часы с брелоком! Гребень! Хорошо! Проси.

Слуга уходит и тотчас же возвращается: за ним идет г-жа де Куланж в дорожном костюме.

Слуга. Госпожа де Куланж! *(Уходит.)*

Резидент *(в сторону)*. Черт! Это, наверное, жена какого-нибудь генерала. *(Громко.)* Я в отчаянии, сударыня, что вынужден принимать вас среди всего этого дипломатического хлама, в безобразном кабинете, который...

Г-жа де Куланж. Милостивый государь! Будьте добры, прочтите это письмо.

Резидент. Сударыня! Прошу садиться.

Г-жа де Куланж. Милостивый государь!

Резидент. Сюда, пожалуйста. Вот кресло.

Г-жа де Куланж. Если...

Резидент *(не читая письма)*. Вы, наверное, из Парижа, сударыня?

Г-жа де Куланж. Да, милостивый государь. Это письмо...

Резидент *(не читая письма)*. Я не смею надеяться, сударыня, что вы сооблаговолите задержаться здесь, в этой ужасной стране!..

Г-жа де Куланж. Сама еще не знаю. Но если бы вы взяли на себя труд прочесть это письмо...

Резидент *(не читая письма, скороговоркой)*. Нью-борг — местечко невеселое. Здесь расположены испанские части. Они тут с немцами состязаются — кто кого перескучает. Французов у нас почти нет. К сожалению, все они в самой Дании; там же и князь Понте-Корво. Однако, сударыня, ваш приезд в Ньюборг мог бы привлечь сюда весь генеральный штаб князя. Пустыня с такой отшельницей, как вы...

Г-жа де Куланж. Милостивый государь! Если бы...

Резидент *(не читая письма)*. Кстати, что Тальма?

Г-жа де Куланж. Я редко бываю в театре. Если бы вы...

Резидент *(не читая письма)*. Не могу выразить, сударыня, до какой степени я восхищен тем, что среди вечных снегов вдруг появляется... парижская роза... хи, хи, хи!.. такая очаровательная соотечественница... Я страстно желал бы чем-либо быть вам полезным. Если бы вам, сударыня, понадобилось...

Г-жа де Куланж. Умоляю вас: прочтите же наконец это письмо!

Резидент. С вашего позволения... *(Распечатывает письмо и читает.)* Брр, брр, брр... Хо! Хо! Черт возьми! Впрочем, постыдного тут ничего нет... Но я-то чем могу вам помочь, моя красавица?

Г-жа де Куланж. Познакомьте меня с маркизом де Ла Романа.

Резидент. Но... как вам сказать? Я за ним наблюдал. Из такого человека ничего не вытянешь. Он застегнут на все пуговицы. И к тому же он, видите ли, старик... И как ни прелестны ваши глазки, мертвеца им не разбудить, хе, хе, хе! *(Придвигает свое кресло к г-же де Куланж.)*

Г-жа де Куланж *(отодвигаясь)*. Может быть, у него есть друг... близкий друг, которому он вполне доверяет?

Резидент. Да, таковой имеется... Довольно занятная личность. Это его адъютант и племянник. Как мне докладывали, у маркиза нет от него тайн. Вдобавок этот

адъютант порядочный шалопай, задира... Недели две тому назад он убил на дуэли одного французского офицера, подававшего большие надежды. И знаете из-за чего? Из-за того, что этот французский офицер, предлагая ему выпить за здоровье его величества императора, сказал, что отрежет ему уши, если он не станет пить. Он не выпил — и убил офицера.

Г-жа де Куланж. Ну, а вообще, что это за человек?.. Что вы можете сказать о его характере?

Резидент. Что я могу сказать?.. О его характере?.. Не знаю... Он вечно покручивает усы... А, вот еще — он курильщик, отчаянный курильщик. Да, иногда они с маркизом запираются у себя и целыми часами курят, и притом как-то странно... маленькие бумажные сигары, которые они сами скручивают. Это совершенно точно, я видел своими глазами.

Г-жа де Куланж. Но к вам, наверно, поступали доносы на него?

Резидент. По правде сказать, кое-что ко мне действительно поступало. Но ума не приложу, куда это все девалось. У меня тут столько бумаг!.. Во всяком случае, раз я не помню, ничего существенного не было.

Г-жа де Куланж. Отлично. Но по крайней мере как его зовут?

Резидент. Зовут его дон... вы же знаете, что всех испанцев зовут «дон»... дон Хуан Диас... Удивительные у них имена!.. Дон Хуан Диас... Есть у него еще какое-то имя, но сейчас не припомню. Живет он в гостинице «Три короны», на морском берегу.

Г-жа де Куланж. Этого достаточно. Приношу вам глубочайшую благодарность за все, что вы мне сообщили. Мне надо бы получить тысячу экю.

Резидент (*пишет записку*). Вы их получите. По этому письму вам предоставят неограниченный кредит, а одна внешность ваша... хе, хе, хе!

Г-жа де Куланж. Нельзя ли, милостивый государь, отправить через ваше посредство, а не по почте, деньги моему брату, сержанту гвардии? Деньги эти выручены за французские товары, которые я продала в Германии.

Резидент. Нет ничего легче. Я каждый день посылаю своим друзьям с дипломатической почтой

копченую говядину. Но могу я рассчитывать хоть на самую ничтожную благодарность с вашей стороны? Хе, хе!

Г-жа де Куланж. Кому надо предъявить записку?

Резидент. Господам Моор и компания. Повезло же этому Хуану Диасу!.. Мы, дипломаты, сразу схватываем самую суть дела... Вы будете его соблазнять... хе, хе! Я сам не прочь стать заговорщиком, хе, хе, хе!

Г-жа де Куланж. Не так-то легко было бы, милостивый государь, проникнуть в ваши тайные замыслы. Я очень огорчена, что из-за таких пустяков оторвала вас от дипломатических дел.

Резидент. Вы мне разрешите, милая дамочка, хоть изредка навещать вас, чтобы отдохнуть от политики?

Г-жа де Куланж. Простите, милостивый государь! Вам, наверно, не пришло в голову, что я не могу принимать у себя французского резидента на острове Фюне.

Резидент. Черт побери! Пожалуй, вы правы... Но в широком темном плаще, как ходят испанцы... как-нибудь вечером... когда будет туман...

Г-жа де Куланж. Нет, это мое первое и последнее посещение. Мои донесения князю вам будет приносить моя мать. *(Накидывает вуаль и собирается уходить.)*

Резидент. Разрешите хотя бы...

Входит слуга.

Слуга. Адъютант, которого вы хорошо знаете... адъютант генерала Ла Романа желает вас видеть.

Резидент. Черт бы его побрал! Лафлер! Проведи эту даму боковой лестничкой. Живей, живей! Прощайте, сирена!

Слуга и г-жа де Куланж уходят.

Какая досада! Никогда я не был в таком ударе. И так успешно завоевывал ее благосклонность! Будь он проклят! Вот уж не вовремя явился! Не дают мне ни минуты покоя!

Входит дон Хуан.

А, дон Хуан, честь имею вас приветствовать! Как вы себя чувствуете? Очень рад. А наш дорогой генерал? Все так же? Я в восторге. Садитесь, пожалуйста.

Д о н Х у а н. Угодно вам меня выслушать?

Р е з и д е н т. Я весь к вашим услугам. Располагайте мною всецело.

Д о н Х у а н. Вот уже полгода, милостивый государь, как мы не имеем никаких известий из Испании. У меня и у других офицеров нашей дивизии есть основания считать, что ваше правительство, милостивый государь, дало вам приказ задерживать их, и...

Р е з и д е н т. Простите, господин полковник, но вы глубоко ошибаетесь. Чтобы вас окончательно разубедить, я с величайшим удовольствием передам вам депеши с вашей родины, которые я только что получил. Вот прокламация его высочества великого герцога Бергского; вот бюллетень, в котором сообщается...

Д о н Х у а н. Э, ваши прокламации и бюллетени меня несколько не интересуют! Очень они нам нужны! Известия от родных, а не от великого герцога Бергского — вот что нам требуется.

Р е з и д е н т. Мало ли по каким причинам письма не доходят куда следует? Например, могло случиться, что ваши письма в Испании не были оплачены, а это часто бывает, или же...

Д о н Х у а н. Хорошенькое объяснение!..

Р е з и д е н т. Не окажете ли вы мне чести позавтракать со мною?

Д о н Х у а н. Благодарю вас, господин резидент. Дома меня ожидает контрабандный шоколад. Я думаю, вы извините меня, если я предпочту его тому кофе, который пьют в империи.

Р е з и д е н т. Ах, молодой человек, молодой человек! Неужели же вы забываете об ущербе, который вы наносите нашей торговле? Ведь этот шоколад получен от нашего смертельного врага.

Д о н Х у а н. Не все ли мне равно, лишь бы он был хорош!

Р е з и д е н т. Милостивый государь! Шоколад, который поставляют тираны морей, не должен приходиться по вкусу офицеру, имеющему честь служить под победоносными знаменами его императорского величества.

Д о н Х у а н. И уж, наверное, его императорское величество достойным образом вознаграждает нас за всю

ту дрянь, которую нам приходится глотать из-за его блокады!

Резидент. Разумеется. Разве его величество не стремится к тому, чтобы над Пиренеями воссияло солнце цивилизации, которое доныне, сквозь туманы анархии, бросало на вас только слабые лучи?

Дон Хуан. Ха, ха, ха! Какая отеческая забота! До чего же это трогательно! Но, простите за откровенность: мы в Испании очень любим тень и отлично обошлись бы без его солнца.

Резидент. Это лишний раз доказывает, что вы нуждаетесь в законодателе, способном все у вас обновить. Разрешите мне, господин полковник, высказаться до конца. Вы, испанцы, не шагаете в уровень с веком. Этого мало: страшно подумать, но вы отвергаете свет, который мы вам несем. Пари держу, например, что вы никогда не читали Вольтера!

Дон Хуан. Прошу прощения, милостивый государь, я наизусть знаю многие его произведения.

Резидент. В таком случае о нем я распространяться не стану. Но в конце-то концов вы все еще привержены (не вы лично, милостивый государь,— вы, подобно французам, вольнодумец,— я имею в виду большинство ваших соотечественников)... вы еще привержены к суевериям... Вы до сих пор питаете уважение к монашеской братии... Так разве же привить вам дух философии девятнадцатого века и освободить вас от былых предрассудков, порожденных невежеством и заблуждением, не значит оказать вам услугу?

Дон Хуан. Мы с распростертыми объятиями примем философию, если нам пришлют ее в ящиках с хорошими книгами. Но, клянусь честью, она нас не слишком радует, когда является в сопровождении восьмидесяти тысяч солдат.

Резидент. Его величество хочет избавить вас от ига деспотических островитян.

Дон Хуан. Да, кстати, говорят, что на побережье Португалии, недалеко от городка Вимейро...⁸.

Резидент. Поверьте мне, ваши сведения неточны.

Дон Хуан. Позвольте! Я вам еще ничего не сказал.

Резидент. Но я догадываюсь, что вы хотели ска-

зять. Разрешите мне изложить факты. Правда, англичане высадились в Вимейро, эти ваши сведения верны. Но мы их атаковали, мы их опрокинули, отрезали... Словом, учинили им ужасающий разгром. Говорят даже, что у них убито много генералов. Их армия обращена в беспорядочное бегство... Вследствие этого, по повелению свыше, наши доблестные войска погрузились на суда и отплыли в Брест, во Францию.

Дон Хуан. Вот это замечательно! Тысяча благодарностей! Вашими сообщениями я поделюсь со своими друзьями.

Резидент. Если разрешите, я сейчас дам вам письменную реляцию, более подробную и более ясную.

Дон Хуан. О, ваша устная реляция превосходна и достаточно ясна!.. Меня она вполне удовлетворяет. Прощайте, милостивый государь! Приятного аппетита! Он совершенно необходим для того, чтобы пить кофе великой нации. (Уходит.)

Резидент. Ваш покорный слуга! Засвидетельствуйте мое почтение маркизу. (Один.) Ах, зловредный насмешник! Пусть смеется, сколько хочет, я его здорово поддел своим рассказом о битве под Вимейро. Удивительное дело! Стоило мне пойти по дипломатической части, и я научился врать напропалую с уверенностью и бесстрашием, о которых год назад и мечтать не смел. Я и бюллетени составляю не хуже начальника генерального штаба. Терпение, терпение! Я к этому острову не прикован. На службе у императора продвигаются быстро. Кто знает? Может быть, я в одно прекрасное утро проснусь, а у меня под подушкой — портфель министра иностранных дел. (Уходит.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Общая зала в гостинице «Три короны».

Маркиз (один, тревожно расхаживает взад и вперед; вынимает из кармана часы). Он должен был прибыть уже час назад!.. Я места себе не нахожу!.. Может быть, отсюда что-нибудь увижу. (Открывает окно, выходящее на море.) Нет, на море ни одного суденышка... Насколько различает взор — одни волны; ничего, кроме

волн, ни малейшей черной точки, которая позволила бы надеяться... (*Прохаживается по комнате.*) Может быть, они побоялись плохой погоды... Но именно такую погоду им и следовало выбрать... Если бы я только мог быть уверен, что они вовсе не отплывали!.. (*Смотрит в окно.*) Шлюп вышел в открытое море... Целый день еще придется из-за них промучиться... Адмирал писал мне: «В любую погоду я дам вам о себе знать...» Я словно на угольях... Ни одного суденышка!.. А если, несмотря на паспорта, их задержала береговая охрана?.. Приняли ли они все меры предосторожности, чтобы хорошо спрятать депеши?.. Я ведь им все время внушал... Кажется, сейчас голова лопнет! Какая это пытка — неизвестность! Стоять на поле боя под снарядами в тысячу раз легче, чем тут, в четырех стенах, дожидаться этого судна, не имея возможности ничего сделать, чтобы оно прибыло скорее.

Дон Хуан (*за сценой*). Лоренсо! Расседлай кобылу! По такой погоде я никуда не поеду. (*Входит.*) Черт бы побрал эту страну со всеми ее дождями и туманами! Ах, генерал! Целую руки вашего превосходительства. С тех пор, как мы расстались, вы не отходите от окна? Вы, кажется, считаете, сколько в Бельте волн?

Маркиз. Дон Хуан! Как ты находишь эту страну?

Дон Хуан. Это преддверие чистилища. Надеюсь, что на том свете срок поджаривания за грехи мне укоротят ровно на столько времени, сколько я провел здесь...

Маркиз (*в сторону*). Море в ужасном состоянии. Надеюсь, что они не отплывали.

Дон Хуан. Вечно дождь, кроме тех случаев, когда идет снег. Женщины все либо белобрысые, либо рыжие. Ни клочка синего неба, и хоть бы одна маленькая ножка, хоть бы один черный глазок! О Испания, Испания! Когда я увижу вновь твои баскины, твои крошечные туфельки, твои черные очи, сверкающие, как драгоценные камни!

Маркиз. Дон Хуан! Разве ты желаешь увидеть Испанию только ради черных глаз и маленьких ножек ее обитательниц?

Дон Хуан. Вы хотите, чтобы я говорил серьезно?

Маркиз. Да, но есть ли у тебя в голове хоть одна серьезная мысль?

Дон Хуан. Клянусь богом, не будь вы мой генерал, я бы изложил вам эту серьезную причину, по которой я так жажду очутиться в Испании.

Маркиз. Не бойся, говори.

Дон Хуан. Вы не посадите меня под арест? Обещаете?

Маркиз. Опять шутки!

Дон Хуан. Вы желаете, чтобы я говорил серьезно? Так вот, я хотел бы находиться в Испании, чтобы стать лицом к лицу с ее угнетателями, чтобы поднять в Галисии знамя свободы, чтобы умереть в родной стране, если свободным в ней жить нельзя.

Маркиз (*пожимая ему руку*). О дон Хуан! Ты представляешься легкомысленным, но у тебя сердце истинного испанца. Этому сердцу, дон Хуан, я и хочу доверить тайну, которую оно достойно узнать. Правда, на нас нет цепей, но все мы пленники, и этот остров — огромная тюрьма. Здесь за нами следит многочисленное вспомогательное войско. На другом берегу Бельта стоит армия князя Понте-Корво, которая в два-три дня может соединиться с датчанами и немцами, чтобы нас раздавить. Но это море, которое преграждает нам путь на родину, это море...

Входят г-жа де Куланж, г-жа де Турвиль, хозяин гостиницы и горничная. Дон Хуан наблюдает за ними, а маркиз отходит в глубь сцены, к окну.

Хозяин. Вот общая зала: ваши комнаты от нее отделяет только площадка. Здесь собирается самое избранное общество. То крыло дома, которое против ваших комнат, занимает сейчас генерал Ла Романа. Таким образом, вы сами можете убедиться, что гостиницы с лучшими постояльцами вам не найти. Каждый вечер у нас бывает вся городская знать⁹.

Г-жа де Турвиль. Очень приятно.

Г-жа де Куланж. Луиза! Скажите, чтобы чемоданы отнесли в наши комнаты.

Г-жа де Турвиль. Я иду с вами. Ужасно хочется поскорее осмотреть дом. (*К г-же де Куланж, тихо.*) Ну, действуй! Ты сейчас перед лицом врага. Хорошее начало важнее всего.

Г-жа де Куланж. Верно. Я побуду здесь, пока ты разберешься с вещами. (*Притворяясь удивленной.*) Ах, здесь кто-то есть!

Г-жа де Турвиль уходит.

Хозяин. Это генерал, о котором я вам говорил, и его старший адъютант.

Дон Хуан (*маркизу, тихо*). Ваше превосходительство! Смотрите, что нам посылает судьба! Черт меня побери, да ведь у нее самые настоящие андалусские глаза!

Маркиз. Идем, дон Хуан...

Хозяин. Господин маркиз! Эта дама прибыла из Франции и будет вашей соседкой: госпожа де Куланж. Сударыня! Генерал де Ла Романа, полковник дон Хуан Диас.

Г-жа де Куланж (*хозяину*). Значит, вы подыщете мне слугу?

Хозяин. Сейчас я этим займусь. Простите, придется вас покинуть. Не сомневаюсь, что этим господам доставит удовольствие...

Дон Хуан. Сударыня! В качестве самых давних постояльцев мы должны оказать вам гостеприимство в этой унылой гостинице. Садитесь, пожалуйста. На этот проклятый остров вас могло занести только кораблекрушение. Я уже давно молю бога, чтобы он его устроил, но не мог надеяться, что он пошлет нам...

Г-жа де Куланж. Простите, господин полковник, бог не услышал ваших молитв: я благополучно прибыла вчера на корабле. И хотя храбростью я похвастать не могу, мне ни одной минуты не было страшно. А сегодня море бурное, и я очень рада, что приехала вчера.

Маркиз. Дон Хуан!..

Дон Хуан. Вы так хорошо говорите по-испански, сударыня, что, наверное, вы наша соотечественница. Вы сжалились над нами, несчастными изгнанниками.

Г-жа де Куланж. Нет, я не испанка, но я долго жила в вашей прекрасной стране.

Дон Хуан. Я бы поклялся, что вы андалуска,— такое у вас изумительное произношение и крошечные ножки... Не правда ли, ваше превосходительство, можно подумать, что мадам родилась в Кадисе? ¹⁰

Г-жа де Куланж. Ну, а я, судя по вашей манере говорить любезности, приняла бы вас за парижанина: вы мне сказали буквально три слова, и все это были комплименты. Предупреждаю вас, что я их не люблю.

Дон Хуан. Ах, сударыня, простите: я так давно не видел хорошеньких женщин!

Маркиз. Дон Хуан! Зайди ко мне, я хочу с тобой поговорить. (Уходит.)

Г-жа де Куланж. Кажется, генерал хочет вам что-то сказать.

Дон Хуан. Ничего, подождет. Я не оставлю даму ради того, чтобы разговаривать со старым генералом о казармах и кордегардии. Можем ли мы надеяться, сударыня, что вы долго пробудете с нами?

Г-жа де Куланж. Не знаю еще. После смерти мужа я уехала из Польши и жду здесь своего дядю, который прикомандирован к вашему корпусу.

Дон Хуан. Он военный?

Г-жа де Куланж. Драгунский полковник.

Дон Хуан. Номер его полка?

Г-жа де Куланж (в сторону). Боже мой! (Громко.) Че... четырнадцать, если не ошибаюсь...

Дон Хуан. Значит, это полковник Дюран,— мы с ним вместе служили. Но его полк стоял в Голштинии, а недавно был отправлен в Испанию.

Г-жа де Куланж. Мой дядя — господин де Турвиль... Кажется, сейчас он состоит при генеральном штабе... Должно быть, он раньше командовал этим полком, или же я перепутала номера.

Дон Хуан. Вы уехали из Испании до нашествия... (поправляется) до того, как французы вступили в Испанию?

Г-жа де Куланж. Да. Сейчас французов в Испании ненавидят.

Дон Хуан. Таких француженок, как вы, сударыня, любят во всех странах. Я уверен, что мятежники, как вы их называете...

Голос за сценой. Они погибли! Они попали в водоворот!

Дон Хуан. Боже! Какие-то несчастные терпят бедствие,

Подходят к окну.

Г-жа де Куланж. Смотрите, смотрите: там баркас, и в нем три человека. Боже, какой огромный вал!

Дон Хуан. Они разобьются о скалы, если им не помочь! Но никто как будто не решается.

Г-жа де Куланж. О, будь я мужчиной!..

Дон Хуан (*расстегивая свой мундир*). Я им помогу.

Г-жа де Куланж. Стойте! Что вы делаете? Вы погубите себя. Умоляю вас, останьтесь!

Дон Хуан. Нет, нет! Не могу я сидеть спокойно, когда люди гибнут.

Г-жа де Куланж. Но ведь вы не моряк... Ради бога, не ходите, вы погибнете вместе с ними! Останьтесь, останьтесь! (*Хватает его за мундир.*)

Дон Хуан оставляет мундир у нее в руках и убегает.

Он идет на верную смерть!.. Чем вы можете им помочь?.. Господин полковник! (*Подбегает к окну.*) Полковник! Полковник! Дон Хуан! Вот он садится в шлюпку с двумя другими храбрецами. Несчастные! А волны выше дома.

Входит маркиз.

Маркиз. Что такое происходит? Из-за чего весь этот шум?

Г-жа де Куланж. Ах, милостивый государь!.. Ваш адъютант...

Маркиз. Что с ним?

Г-жа де Куланж. Он бросился... как я его ни удерживала...

Маркиз. Где он?

Г-жа де Куланж. Он там... видите? Ах!..

Маркиз (*у окна*). Дон Хуан! Дон Хуан!

Г-жа де Куланж. Боже! Такая ужасная буря!.. А шлюпка у них такая маленькая!

Маркиз. Господа! Задержите лодку! Они погубят себя. Вот мой кошелек, возьмите его... Только бегите скорей!

Г-жа де Куланж. Увы! Опасность так велика, что никто не решается поднять кошелек.

Маркиз. Как! Труссы! Да неужели же вы дадите своим товарищам погибнуть у вас на глазах?.. Ах, мне дурно!.. Ничего не вижу... Скажите: вам его еще видно?

Г-жа де Куланж. Да, видно. Они гребут изо всех сил.

Маркиз. Боже! Ужели ты допустишь, чтобы он пал жертвой своего великодушия?

Г-жа де Куланж. Ах, волна захлестнула их! Боже милостивый!

Маркиз. Нет, лодка донна Хуана еще держится на воде, но баркас...

Г-жа де Куланж. Это зрелище просто убивает меня, но я не могу отвести от него глаз.

Маркиз. Боже! Он исчез!

Г-жа де Куланж. Его красного шарфа уже не видно!

Маркиз. Несчастный! Что я скажу его матери?

Г-жа де Куланж. Я не могу удержаться от слез. Все вокруг меня завертелось... *(Падает на подоконник.)*

Маркиз. Он погиб! А мать поручила его мне! *(Бежит взад и вперед как одержимый.)*

Через несколько мгновений слышатся крики за сценой.

Крики. Вот они! Вот они!

Маркиз. Спасены!.. Я вижу его!.. Дон Хуан!.. Дон Хуан!.. Сударыня!.. Он спасся!

Г-жа де Куланж. Как! Он не погиб?

Маркиз. Вот их лодка!.. Они подобрала людей с баркаса... Еще одно усилие, дон Хуан!

Г-жа де Куланж *(махая платком)*. Мужайся, смелый юноша, ты не для того создан, чтобы погибнуть здесь! ¹¹

Маркиз. Крепче держи руль, дон Хуан!.. Еще один вал... Мужайся!

Г-жа де Куланж. Ах, сил больше нет!.. *(Падает на диван.)*

Маркиз. Дон Хуан!.. Дон Хуан!..

Крики за сценой: «Спасены!»

Маркиз. Отлично!.. Еще один вал... Последний... Победа!.. Лодка уже у самого берега... Я умру от радости!.. Сударыня, сударыня! Идите сюда, взгляните, как

он несет на руках несчастного, которого он спас... Вот это мужество! (Уходит.)

Г-жа де Куланж. Так вот он какой, этот дон Хуан!.. О, я несчастная!.. Я рассчитывала, что это фат, а он оказался героем! Не таким я его себе представляла!

Входят дон Хуан, неся на руках бесчувственного Уоллиса, маркиз, г-жа де Турвиль, хозяин и несколько слуг.

Дон Хуан. Слава богу!.. Хорошо, что я умею плавать!.. А! Вы здесь, сударыня!.. Сделайте милость, подвиньтесь.

Хозяин. Осторожнее с диваном... Подстелите полотенце.

Дон Хуан. Велика важность, ваш диван! Кладите его бережно!

Маркиз (целует дона Хуана). Сын мой! Дорогой дон Хуан!

Хозяин (слугам). Приготовьте постель да согрейте ее. Я пойду за врачом. (Уходит.)

Дон Хуан (г-же де Куланж). Ручаюсь, сударыня, что у вас есть флакон с солью,— это обязательная принадлежность хорошенькой женщины.

Г-жа де Куланж. Сейчас принесу. (Уходит.)

Дон Хуан. Все кончится хорошо,— он недолго пробыл под водой. Смотрите, ваше превосходительство: под грубой курткой у него рубашка с жабо. Для норвежского рыбака это просто щегольство.

Маркиз (тихо). Молчи!

Дон Хуан. Что вы сказали?.. Потрите ему виски... и ладони... Но как он прижал их к груди!.. Ага! Футляр какой-то на шнурке... Пусть меня черти возьмут, если тут не замешана любовь!..

Г-жа де Турвиль. Посмотрим, что это такое.

Маркиз (хватает футляр). Займемся пострадавшим.

Г-жа де Куланж (входит с флаконом в руках). Вот, возьмите. Он начинает дышать. Мама! Поддержи ему голову.

Г-жа де Турвиль. Хорошо бы поддержать его вниз головой, чтобы вылилась вся вода, которой он наглотался.

Маркиз. Да. Это был бы самый верный способ прикончить его.

Уоллис. Где я?

Дон Хуан. Среди друзей, приятель. Ну, как дела?

Уоллис (поднося руки к шее). Мой футляр?

Дон Хуан. Он в надежных руках, у маркиза де Ла Романа. Он вам его вернет, будьте покойны. А сейчас выпейте то, что вам дают.

Уоллис. У маркиза?..

Дон Хуан. Выпейте это лекарство.

Маркиз. Уложите его на кровать Педро, моего камердинера.

Дон Хуан. Взгляните, сударыня, взгляните на этого бедного матроса. Ведь это образец верного любовника. Он прижимал к груди футляр, который только что взял господин маркиз, а в нем женский портрет, — надеюсь, его превосходительство сейчас нам его покажет.

Маркиз. Дон Хуан! Я не должен касаться тайны этого молодого человека.

Дон Хуан. Пусть так. Но я для него постарался, и уж мне он должен показать, красива она или нет.

Уоллис. Где мой спаситель?

Все. Вот он.

Уоллис. Дайте мне вашу руку!

Дон Хуан. Ладно, приятель, постарайтесь уснуть! А потом, чтобы выбить у вас из головы воспоминание о соленой воде, которой вы наглотались, я вам дам опорожнить бутылку отличного хереса, — она вас оживит по настоящему.

Все уходят вместе с Уоллисом, кроме дона Хуана и г-жи де Куланж.

Г-жа де Куланж. Милостивый государь...

Дон Хуан. Я все бы отдал, чтобы увидеть этот портрет.

Г-жа де Куланж. Где мне найти слова, чтобы высказать вам мое восхищение?

Дон Хуан. Это самое простое дело для того, кто умеет плавать, как я. Каждый на моем месте сделал бы то же самое; удивительно только, что я еще никогда так хорошо не нырял. Попадешь в подобную переделку, тут у тебя и обнаруживается запас сил!

Г-жа де Куланж. Ах!.. Знаете... Мне так хочется расцеловать вас!..

Дон Хуан. Клянусь богом, я бы ничего не имел против, чтобы у меня под окнами каждый день случались кораблекрушения... Кстати, сударыня, в лодке, которую мы спасли, было три человека.

Г-жа де Куланж (*целует его*). Вот... еще... О, я совсем с ума сошла!.. Но еще никогда я так не страдала... и никогда... (*Плачет.*)

Дон Хуан. Что с вами? Вы меня пугаете! Вы бледнее, чем наш утопленник.

Г-жа де Куланж. Ах!.. Это пустяки... Но я не могу сдерживать слезы... Я просто обезумела!

Дон Хуан. А где же мой мундир? Я оставил его у вас в руках, подобно Иосифу Прекрасному... Не подумайте, что я сравниваю себя...

Г-жа де Куланж. Позаботьтесь о своем здоровье... Переоденьтесь скорее... Умоляю вас!..

Дон Хуан. Прежде всего позвольте вас проводить до вашей комнаты... Вы мне разрешите зайти потом узнать, как вы себя чувствуете?

Г-жа де Куланж. Да, конечно, в любое время... (*Уходит под руку с доном Хуаном, прижимая к глазам платок.*)

Дон Хуан (*возвращается*). Интрижка начата хорошо... Спасение утопающего, тайна, которую надо выведать,— есть чем приятно закончить день. Эта дама очень хороша собой, и, кажется, у нее легкий характер. Больше всего люблю людей искренних и откровенных, у которых что на уме, то и на языке. Но действительно надо пойти переодеться.

Дон Хуан собирается выйти. Входит маркиз.

Маркиз. Мы одни, дон Хуан. Ты смелый испанец. Я открою тебе мои сокровенные мысли.

Дон Хуан. Говорите, говорите, я сгораю от нетерпения... (*тихо*) и просто погибаю от холода.

Маркиз. Знаешь ли ты, кого спас?

Дон Хуан. Рыбака... Может быть, контрабандиста?

Маркиз. Английского офицера, лейтенанта с корабля «Ройал Джордж», посланного ко мне адмиралом, с которым я уже некоторое время состою в переписке.

Дон Хуан. Понимаю... Bravo! Мне все ясно!.. Черт возьми, забавная история!.. И милейший адмирал, может быть, увезет нас с этого окаянного острова?

Маркиз. И доставит нас в нашу старую Испанию.

Дон Хуан. Испания! Милая родина! Так я тебя снова увижу?

Маркиз. Ты будешь защищать ее, дон Хуан!

Дон Хуан. Умереть за нее, за свободу! О, на испанской земле и смерть покажется сладкой! Черт возьми, а мы сможем забрать всю дивизию?

Маркиз. Мои солдаты последуют за мной. Все предусмотрено. Английский флот станет на якоре в этой бухте раньше, чем князь подоспеет со своими французами, чтобы помешать нашим замыслам.

Дон Хуан. А что касается иностранных частей, которые вместе с нами несут гарнизонную службу на острове...

Маркиз. То у нас есть оружие...

Дон Хуан. И мы его пустим в ход!.. Ура! Но, черт побери, это отчасти помешает мне довести до конца мою сегодняшнюю победу.

Маркиз. Дон Хуан! Не стыдно тебе в такой момент думать о подобных вещах?

Дон Хуан. Почему же нет? Первое дело — родина, а затем, для развлечения, немного любви!

Маркиз. Ты взбалмошный, но славный малый. Слушай: скоро я испытаю твоё рвение.

Дон Хуан. Только об этом я и прошу! Вы увидите, что если я порой и бываю не в меру весел, то никогда ради любовной интрижки не забуду о чести своей родины.

Маркиз. Я знаю тебя, славный юноша. Так вот, если ветер не переменится, мы через несколько дней вырвемся из тюрьмы.

Дон Хуан. Я вне себя от радости. Кстати, как чувствует себя этот англичанин?

Маркиз. Благодаря тебе он сообщит мне известия, которых я ждал. Ты отправишься с ним вместе на корабль, и адмирал передаст тебе свои последние указания.

Дон Хуан. Я в вашем распоряжении. Это, наверное, письмо адмирала висело у него на шее вместо портрета любимой женщины?

Маркиз. Разумеется. А ты хотел, чтобы я его показал всем!

Дон Хуан. Бедняга! Он сжимал его в руках даже после того, как потерял сознание. Вы заметили, что он первым делом спросил о футляре?

Маркиз. И этот славный малый подвергает себя опасности быть схваченным и казненным, как шпион, за дело, в котором его отечество не так уж сильно заинтересовано. Какое же рвение должно пылать в нас, раз мы идем мстить за подло преданную родину, сражаться за то, что людям чести дороже всего на свете?

Дон Хуан. Надеюсь, когда-нибудь о нас заговорят!

Маркиз. Пусть даже потомство забудет наши имена, лишь бы оно ощутило на себе благотворные последствия наших усилий! Дон Хуан! Будем служить благому делу ради него самого! А если небо пошлет нам Гомера, возблагодарим его за это!

ДЕНЬ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната г-жи де Куланж в гостинице «Три короны».
Г-жа де Турвиль, г-жа де Куланж.

Г-жа де Турвиль. И дура же ты: потеряла голову из-за того, что он ныряет, словно гагара. Велика важность — уметь плавать, когда научился этому! Любой карп плавает еще лучше.

Г-жа де Куланж. Но подумай только: ради человека, которого он совершенно не знал!.. А все в гостинице говорят, что море здесь очень суровое.

Г-жа де Турвиль. Ну хорошо! Он умеет плавать — это ясно, и он не лишен мужества, но тебе-то что до этого? Скажи мне все-таки, что у тебя есть для донесения.

Г-жа де Куланж. Ничего нет.

Г-жа де Турвиль. Знаешь, мне начинает казаться, что ты втюрилась в этого чернявого офицера, который плавает, как утка. На тебя, милая, нашло какое-то затмение. Ты ничего не заметила? А я с первого взгляда открыла заговор.

Г-жа де Куланж. Заговор! Полно! Они тебе всюду мерещатся!

Г-жа де Турвиль. Лучше видеть их там, где их нет, чем не видеть там, где они есть. А знаешь ли ты, что за каждый обнаруженный заговор выдаются сверх жалованья награды? Скажи: ты заметила, что у этого утопавшего рубашка была батистовая?

Г-жа де Куланж. А что же в этом необыкновенного?

Г-жа де Турвиль. Что необыкновенного? Я вижу, ты совсем рехнулась. Батистовая рубашка с жабо! Может быть, надо повторить тебе? Батистовая рубашка! Это только одна нить ужасающего заговора. По этому делу двадцать человек могут отправиться на виселицу.

Г-жа де Куланж. Ты что-то уж очень проницательна.

Г-жа де Турвиль. А ты что-то уж очень глупа! Как тебе не бросилось в глаза, что этот человек — шпион либо шведский, либо английский, либо русский!.. И можно даже с уверенностью сказать, что английский. Бьюсь об заклад, что рубашка у него из английского батиста. Таким образом, все совершенно ясно.

Г-жа де Куланж. Ясно?

Г-жа де Турвиль. Одну минуту... Кроме того, на куртке у него была пуговица, не похожая на другие, с якорем, — значит, он с английского корабля.

Г-жа де Куланж. У всех моряков такие пуговицы.

Г-жа де Турвиль. Чудачка! И портреты на шее? Забавно было слушать, как этот адъютантик разглагольствовал насчет женского портрета. Право же, он неплохо играл свою роль! Это продувная бестия, он отлично изображал полнейшее неведение. А генерал быстро сунул футляр себе в карман, так что никому не удалось на него и одним глазом взглянуть.

Г-жа де Куланж. Может быть, все это и не лишено таинственности, но я не стану докучать начальству историей с какими-то пуговицами, батистовой рубашкой и

прочими пустяками. Вот уж верный способ добиться, чтобы нас сразу же отозвали!

Г-жа де Турвиль. Это пустяки? Это пустяки?.. Ах, Элиза, в подобных делах ничем нельзя пренебрегать! Благодаря всего-навсего жареному цыпленку я обнаружила место, где скрывался генерал Пишегрю. И, не хвастаясь, скажу, что мне от этого было много чести, не говоря уже о выгоде. Слушай, я тебе расскажу: это было, еще когда жил на свете твой отец, капитан Леблан. Он вернулся из действующей армии. Денег у него было много,— мы как сыр в масле катались. Так вот, в один прекрасный день иду я в нашу съестную лавку и спрашиваю у хозяина жареного цыпленка. А он мне и говорит: «Мне очень жаль, сударыня, но я только что продал последнего». Я хорошо знала всех обитателей квартала, и меня разобрало любопытство: кому? Спрашиваю у хозяина: «А кто его купил?» Отвечает: «Такой-то. Он, видно, любит себя побаловать: каждый день покупает себе на обед жареную птицу». А надо тебе сказать, прошло три дня, как мы потеряли из виду генерала Пишегрю. Я все это смекаю и говорю себе: «Черт побери, соседка, какой у вас аппетит! Похоже, что вы совсем изголодались!» Словом, прихожу на следующий день и покупаю куропаток, притом, заметь себе, нежареных — нарочно для того, чтобы поболтать с поваренком, пока они будут жариться. И вдруг входит мой соседка, у которого такой аппетит, и покупает жареную индейку — чуждая была индейка... «Ах,— говорю я ему,— господин такой-то! Аппетит у вас неплохой: ведь этого двоим на целую неделю хватит». А он подмигивает мне и говорит: «Я, знаете ли, ем за двоих». Француз ведь скорее пойдет на виселицу, чем упустит возможность сострить. Я посмотрела ему прямо в глаза, он отворачивается, берет свою индейку — и за дверь. Мне ничего больше не надо было,— я уже знала, что ему известно, где Пишегрю. Человека этого, конечно, забрали, и за хорошее вознаграждение он превосходнейшим образом выдал генерала, а я получила шесть тысяч франков¹². Вот что значит подмечать всякие пустяки.

Г-жа де Куланж. О, ты известная ловкачка! А я и сейчас ни о чем не догадываюсь.

Г-жа де Турвиль. Поступай как знаешь, дело

твое. Я умываю руки. Не моя будет вина, если кто-нибудь другой получит награду и если государству это принесет вред.

Г-жа де Куланж. Полно! У этого дон Хуана такой вид...

Г-жа де Турвиль. Хочешь, я тебе скажу, какой у него вид? Такой, что он любит дамочек. И если бы у тебя была моя голова, ты бы, как ласковый теленок, двух маток сосала и вытянула бы из господина полковника немалую сумму. Он ведь маркиз, хоть это и незаметно. Слуги говорят, что он купается в золоте. Они получают от него такие чаевые!..

Г-жа де Куланж. Боже мой, до чего я устала! Всю ночь не сомкнула глаз.

Г-жа де Турвиль. Он, наверное, страшный бабник! Ах, дитя мое, будь у меня твоя красота, я бы далеко пошла! А ведь если бы я не помогала тебе выполнять поручения, что бы ты делала? Мне приходится из кожи вон лезть, приманивая дичь, а вам, сударыня, остается только наклоняться и подбирать ее да говорить спасибо за деньги, которые это вам приносит.

Г-жа де Куланж. А также и за почет.

Г-жа де Турвиль. Что об этом думать? Люди почище нас занимаются еще более темными делишками.

Горничная (входит). Господин дон Хуан Диас спрашивает, могут ли дамы его принять.

Г-жа де Турвиль. Разумеется... Вот что значит быть хорошенькой женщиной! Ей незачем и утруждать себя: только покажется, за ней так и бегут.

Дон Хуан (входит). Простите, сударыня, я к вам на правах соседа. Я взял на себя смелость явиться, чтобы узнать, не имело ли вчерашнее происшествие дурных последствий для здоровья госпожи де Куланж.

Г-жа де Куланж. Я, конечно, была очень взволнована, но никогда еще волнение не было для меня столь приятным.

Г-жа де Турвиль (в сторону). Хорошо сказано. (Дону Хуану.) Присядьте!

Г-жа де Куланж. Вы не заболели?.. А как тот несчастный, которого вы спасли?..

Дон Хуан (садится). Он бодр и весел и поговаривает уже о том, чтобы пуститься в погоню за сельдью...

Однако, сударыня, вы, по-видимому, еще плохо себя чувствуете. Я раскаиваюсь, что принес к вам погибавшего... Но в суматохе...

Г-жа де Куланж. Пустяки! Я ведь до этого видела, как вы подвергали себя смертельной опасности... К тому же я совершенно здорова.

Г-жа де Турвиль (в сторону). Она отлично разыгрывает страсть! (Дону Хуану.) А вы даже не сказали нам, как чувствуете себя после такого неосторожного поступка. Ах, молодой человек, молодой человек! Впрочем, все вы такие.

Г-жа де Куланж (матери, тихо). Все?

Дон Хуан. По правде сказать, я был в восторге оттого, что смог принять в это время года морскую ванну. А затем я прекрасно проспал всю ночь.

Г-жа де Турвиль. Моя дочь только и говорит, что о вашей храбрости. Она боялась, как бы вы не схватили воспаление легких.

Дон Хуан. Я горжусь тем, что вы обо мне думали. Но что нам, военным, холодная ванна?

Г-жа де Турвиль. Может быть, вам случилось в вашей походной жизни встречать моих сыновей, двух офицеров, подающих большие надежды?.. Старшего, генерала де Турвиля, и младшего, полковника Огюста де Турвиля?

Г-жа де Куланж (матери, тихо). Будь осторожна!

Дон Хуан. К стыду моему, должен сознаться, что впервые слышу их имена... Но я так редко читаю бюллетени!

Г-жа де Турвиль. Вы совершенно правы! В них только и говорится, что о пролитии крови. Ах, господин Диас, я так боюсь, чтобы моих сыновей не послали в Испанию! Мы были бы этим очень огорчены: несправедливая там ведется война.

Дон Хуан вместо ответа играет шарфом.

Г-жа де Куланж. Вы, кажется, говорили мне, что жили в Севилье?

Дон Хуан. Достаточно долгое время, чтобы у меня сохранилось самое приятное воспоминание об этом благородном городе и его жителях. Но в вас, сударыня, я нахожу все, чем восхищался в севильских дамах, кро-

ме, конечно, цвета кожи, который у них, по правде сказать, несколько мавританского оттенка.

Г-жа де Турвиль. Ваша хунта находится, кажется, в Севилье? Ах, какие это мужественные люди! Настоящие римляне времен Юлия Цезаря.

Г-жа де Куланж. Полковник! Вы, наверное, занимаетесь музыкой? Вам, как испанцу, полагается хоть немного играть на гитаре. Я бы подвергла ваши таланты испытанию, да боюсь, что вам будет скучно.

Дон Хуан. Помилуйте, сударыня, разве я могу скучать, когда вы забавляетесь? Но — говорю это не из скромности — я умею играть на гитаре лишь настолько, чтобы дать в случае надобности серенаду или аккомпанировать, когда кто-нибудь поет наши простые испанские романсы. А вы, сударыня, как настоящая француженка, любите, наверное, только оперные арии?

Г-жа де Куланж. Вы ошибаетесь. Ваши меланхолические напевы нравятся мне гораздо больше, чем вся эта бесцветная музыка, которой принято теперь восхищаться.

Г-жа де Турвиль. Когда дело доходит до музыки, я исчезаю. Вы меня извините, полковник Диас. (*Дочери, тихо.*) Случай редкий, воспользуйся им. И вот что, разыгрывай добродетель, мужчины это любят. (*Уходит.*)

Дон Хуан. Вам нравятся испанские романсы? Спойте мне!

Г-жа де Куланж. Но он, пожалуй, нагонит на вас тоску по родине?

Дон Хуан. К счастью, певица такая, что забудешь, о чем говорится в песне.

Г-жа де Куланж. Вот романсы, выбирайте.

Дон Хуан. Хотя бы этот. Я прочитал только заглавие, — это, должно быть, старинный романс.

Г-жа де Куланж (*про себя*). Ой! Что он выбрал!

Дон Хуан. Рыцарь, влюбленный в мавританку, — любимый сюжет наших старых поэтов.

Г-жа де Куланж поет, дон Хуан аккомпанирует на гитаре.

Р о м а н с

Альваро де Луна был славный рыцарь, родом из Саморы. Конь его звался «Вихрь», меч его звали «Руби же-

лсзо». Он убил больше мавров, чем в моих четках зерен. Ни один рыцарь во всей Испании не выбил его из седла. Никогда не терпел он поражений — ни в поединках, ни в битвах. Но победили его прекрасные глаза.

То были дивные глаза Зобеиды, дочери алькайда¹³ Кордовы Великой. Он отбросил свой меч, пустил скакуна гулять по лугу. Взял гитару, сел на черного мула с белыми ногами, добрался до кордовского алькасара¹⁴ и сказал Зобеиде: «Я люблю тебя. Садись сзади на мула, и поедем в Самору».

Зобеида ответила ему со вздохом: «Прекрасный рыцарь! Я люблю тебя страстно, но мой бог — аллах, а твой — Христос. Скажу тебе правду: я скоро умру, ибо ты ранил меня в самое сердце. Но женой твоей я не буду, ибо я мавританка, а ты христианин».

Добрый рыцарь снова сел на мула и возвратился на родину в Самору. Там он роздал свое имущество бедным. Господь да пошлет мир брату Хайме из обители святого Иньиго! И он умер, как святой. Любовь разбила его сердце, ибо Зобеида была мавританка, а он христианин.

Г-жа де Куланж (печально). Ну, что вы скажете об этой песне?

Дон Хуан. Очаровательная песня. И спели вы ее божественно! Я хотел бы, чтобы в Испании издали закон, запрещающий уходить в монастырь всем безумцам, кроме тех, кто обезумел от любви. Это был бы верный способ уменьшить количество монастырей. А если бы после этого они еще и сохранились, у иностранцев сложилось бы о нас хорошее мнение.

Г-жа де Куланж. А как вы находите слова?

Дон Хуан. Да во всех наших старых романсах одно и то же. Дурацкие нравы доброго старого времени. Жалкий глупец был этот Альваро де Луна, клянусь богом! Зачем он не перешел в мусульманство, вместо того чтобы идти в монахи?

Г-жа де Куланж. Ах, бывают и вправду препятствия, которые могут разделить двух людей, созданных для того, чтобы любить друг друга!

Дон Хуан. Какие? Различие в национальности или религии?

Г-жа де Куланж. Может быть еще много других причин.

Дон Хуан. А именно?

Г-жа де Куланж. Например...

Дон Хуан. Ну, вот вы и не можете придумать примера! Ах, сударыня, скажите, неужели вы были бы не способны отказаться от родины ради... ради супруга... который сумел бы внушить вам любовь?

Г-жа де Куланж. Конечно, такова обязанность супруги. Но...

Дон Хуан (с живостью). Но?..

Г-жа де Куланж. ...я вторично не выйду замуж. (Улыбаясь через силу.) Очень уж приятно быть вдовой.

Дон Хуан (в сторону.) Черт бы побрал этот романс!

Г-жа де Куланж. Хотите, споем еще?

Дон Хуан. Боюсь, что вы устанете. Кроме того, мой визит, кажется, немного затянулся.

Г-жа де Куланж. Полковник! Я всегда с величайшим удовольствием... Но... (в сторону). Что сказать ему, чтобы он сам не лез в расставленную западню?

Горничная (входит). Сударь! Вас просит господин маркиз де Ла Романа.

Дон Хуан. Генерал у военного на первом месте... вот принцип дон Альваро. Разрешите, сударыня? (Целует руку г-же де Куланж и уходит.)

Г-жа де Куланж (горничной). Расшнуруйте мой чемоданчик, я задыхаюсь. (Уходит.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Берег моря.

Дон Хуан, Уоллис; в глубине сцены — матросы, занятые спуском лодки на воду. У входа в гостиницу прохаживается часовая. Темно.

Уоллис. Видите? Шлюп приближается к нам. Он поднимает на марсе сигнальный фонарь.

Дон Хуан. Я замечаю что-то вроде светлячка в доброй миле от нас.

Уоллис. У вас еще глаз не наострился по-морскому. Они гораздо ближе к нам, чем вы думаете. Через час

я высажу вас на этом же месте, и все будет в порядке. Ребята! Вы хорошо обмотали весла тряпками?

Матрос. Сейчас кончаем, лейтенант. Они будут ударять о воду без шума, совсем как утиные лапы.

Уоллис. Когда пойдем мимо мола и батареи, приналягте на весла, а если нас окликнут, ни слова в ответ.

Дон Хуан. Не беспокойтесь. Каждую ночь мимо прибрежных портов проплывают контрабандисты, и никто их не замечает.

Открывается окно; на балконе гостиницы появляется г-жа де Куланж.

Дон Хуан. Ах!

Уоллис (тихо). За нами кто-то следит. Надо отчаливать.

Дон Хуан. Не бойтесь. Кто нас может узнать? (Часовому.) Ты еще будешь в карауле, когда я возвращусь?

Часовой. Так точно, господин полковник.

Г-жа де Куланж (поет, не замечая их). «Ибо я мавританка, а ты христианин».

Дон Хуан. К чертям этот припев!

Уоллис (матросам, тихо). Да поскорее же, черт побери! Здесь неблагополучно.

Г-жа де Куланж. Вечер свежий, а я вся горю. (Замечает дону Хуана.) Ах! Кто эти люди?

Уоллис. Полковник! Да разрази вас гром! Что это вы торчите под балконом, словно жердь? Клянусь небом, сюда кто-то идет, — нам хотят отрезать отступление. Тихо! Ни слова!

Появляется г-жа де Турвиль в сопровождении горничной.

Г-жа де Куланж (дону Хуану, тихо). Кто бы вы ни были, уходите! (Уходит в гостиницу.)

Г-жа де Турвиль. Ах ты господи! Перед гостиницей какие-то подозрительные личности! К счастью, нас охраняет часовой... А дочка-то стояла на балконе... (Направляется к лодке.)

Уоллис. Стойте! Мы контрабандисты. Не губите нас, и вы даром получите табак.

Г-жа де Турвиль. А он у вас есть, господа? Я бы купила.

Уоллис. Мы вам принесем. Но не подходите... Отчаливай! Я сажусь за руль!

Лодка удаляется.

Г-жа де Турвиль. Голос как будто знакомый. И еще там стоял другой человек, с головой завернувшийся в плащ. А часовой и не подумал поднять тревогу... Все это очень странно. Но я-то выясню, в чем дело! А пока вернемся.

Г-жа де Турвиль и горничная входят в гостиницу.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната г-жи де Куланж.

Г-жа де Куланж, г-жа де Турвиль.

Г-жа де Турвиль. Разуверь меня, как хочешь, — то был он.

Г-жа де Куланж. Говорят тебе, нет! Ты так же хорошо видела, как и я, что это были контрабандисты.

Г-жа де Турвиль. Пусть так! Но я хотела бы проследить, как они возвратятся. Я не лягу.

Г-жа де Куланж. Послушай, мама, тебе станет плохо. Давай я посторожу вместо тебя.

Г-жа де Турвиль. Нет, нет. Именно ты ложись. Тебе необходимо сохранить свежий цвет лица. А мне терять нечего, я и посижу. К тому же в таких делах я полагаюсь только на себя. Не трогай ставень, я прикрыла его так, чтобы не заметили света в нашей комнате.

Г-жа де Куланж. Они, может быть, вернутся только через два-три дня.

Г-жа де Турвиль. Нет, нет! Если это те, о ком я думаю, они возвратятся еще до зари. С тех пор как мы здесь поселились, генерал чем-то явно озабочен... Прошлую ночь даже не спал: я слышала, как он все ходил и ходил по комнате. Что ни говори, дело неладное. Давай-ка я за это возьмусь. Если им удастся ускользнуть у меня из-под носа, значит, они большие ловкачи.

Г-жа де Куланж. Вот ты мучаешься, не спишь, а лучше бы просто спросить у хозяина, не выходил ли кто-нибудь сегодня ночью из гостиницы.

Г-жа де Турвиль. Какие глупости ты предлагаешь! Хозяин, наверное, подкуплен ими... И, кроме того, здешний народ — такие ротозеи!.. Только что я играла в карты у французского резидента и всех их обчистила! Боже, какие они все простаки! Да ложись же наконец: мне тебя просто жаль. Знаешь: ведь сейчас уже около часа.

Г-жа де Куланж. Не смогу я заснуть, когда знаю, что ты не спишь.

Г-жа де Турвиль. Ну, как хочешь. А у генерала еще горит свет: видишь отблеск на воде? Жалко, что нельзя открыть дверь на балкон.

Г-жа де Куланж. А ты открой. Может быть, у меня от этого пройдет головная боль.

Г-жа де Турвиль. Да, но эта старая лиса сразу почувствует недоброе. Слушай, он ходит!

Г-жа де Куланж опрокидывает стул.

Чтоб тебе!.. Не можешь посидеть спокойно.

Г-жа де Куланж. Ой, как я зашибла ногу!

Г-жа де Турвиль. Да замолчи ты, неженка!

Г-жа де Куланж. Ой, какая ужасная боль! Ой!

Г-жа де Турвиль. Что это за свет, там, далеко в море?

Г-жа де Куланж. Наверно, сигнальный огонь у фарватера.

Г-жа де Турвиль. А я думаю, это, вернее всего, судно под гамбургским флагом, которое уже несколько дней крейсирует в Бельте.

Г-жа де Куланж. Ну, а тебе что до этого гамбургского судна?

Г-жа де Турвиль. Гамбургское? Оно так же из Гамбурга, как и я.

Г-жа де Куланж. Вечно у тебя какие-то странные подозрения. Я бы не стала брать греха на совесть.

Г-жа де Турвиль. На совесть? Ты просто смешишь меня с этой своей совестью. Проповедуешь, точно поп! Тсс! Теперь вместо одного огня — два, но очень слабые. Ого! Это уже становится интересно.

Г-жа де Куланж (в сторону). Увы! (Громко.) Ты разве разбираешься в морских сигналах?

Г-жа де Турвиль. А у генерала свет погас... Замечательно!

Г-жа де Куланж. Он просто лег спать,— он умнее нас с тобой.

Г-жа де Турвиль. Ну и глупа же ты,— спит он, как же! Вот у него опять загорелся свет. Ты, может быть, скажешь, что он задул свечу, а она зажглась сама по себе, что это иногда случается?.. Три огня на корабле!.. На нашей стороне опять темно. А вот свеча снова зажглась... Поймали мы вас, господин маркиз Романский!.. Как ты побледнела! Я же говорила, что тебе нельзя так поздно засиживаться. Ложись, милая Элиза, пусть тебе приснится счастье,— теперь оно у нас в руках.

Г-жа де Куланж. О, если бы оно уже давно было у нас в руках!

Г-жа де Турвиль. Это ты верно говоришь. Мы бы теперь разъезжали в каретах по Парижу, вместо того чтобы изнывать на этом острове. Но терпение!.. Теперь опять только один огонек.

Г-жа де Куланж. Ну, давай же наконец ложиться.

Г-жа де Турвиль. Как? А совесть? Нет, нет, я должна проследить, как они будут возвращаться! А то у меня совесть не будет спокойна. Мне нужны доказательства... а они явятся вместе с лодкой. Надо бы собраться с духом и сразу пойти к резиденту... Да какой толк? Ведь он сущий болван! Нет, я сама напишу князю.

Г-жа де Куланж. Голова у меня точно в огне!

Г-жа де Турвиль. Как вернемся во Францию, сделаем отличное дельце с коленкором; за деньги его пропустят. Сунуть одно-два платья жене начальника таможи — и можно провезти что угодно.

Г-жа де Куланж. Да, я бы хотела, чтобы мы не занимались ничем, кроме контрабанды.

Г-жа де Турвиль. Надо загребать двумя руками. Хотела бы я знать, что с твоим братом Шарлем. Он не пишет уже больше двух лет.

Г-жа де Куланж. Ты же знаешь, что это за человек. Ты ведь его так хорошо воспитала! Он едва умеет писать.

Г-жа де Турвиль. Неважно! Шарль — это парень, который далеко пойдёт, если по дороге в него не попадет ядро. Его полковой командир говорит, что он храбрый, как лев. Всюду, где рубятся, он первый.

Г-жа де Куланж. Да, а также всюду, где делаются какие-нибудь гадости. (В сторону.) Здесь для него самое подходящее место.

Г-жа де Турвиль. Он очень похож на твоего отца Леблана. Твой отец командовал разведчиками и пал как герой на поле битвы. Лейтенант, служивший под его началом, отец нашего Огюста, говорил мне, что у него только на голове оказалось пятнадцать сабельных ударов.

Г-жа де Куланж. Какой ужас!

Г-жа де Турвиль. Я всегда питала слабость к храбрецам. Сперва у меня был один генерал, потом он уехал в Америку... Дикари его зажарили и съели. Все это чистая правда.

Г-жа де Куланж. О боже!

Г-жа де Турвиль. Никогда не забуду, как я жила на содержании у члена государственного совета, который давал мне двенадцать тысяч франков в год. Однажды на моих глазах один младший лейтенант конных егерей, у которого гроша медного за душой не было, публично закатил ему пару оплеух. Так вот, я, несмотря ни на что, бросила богача и взяла в любовники егеря... Глупость, конечно. Я была еще молода... и очень потом раскаивалась, особенно когда он начал лупить меня хлыстом. Если бы я родилась мужчиной, так уж наверняка пошла бы в военные.

Г-жа де Куланж. Ты ничего не видишь? Я же тебе говорила...

Г-жа де Турвиль. Нет, пока ничего не вижу... А, тсс! На воде мелькает что-то черное: не то лодка, не то кит. Поплотнее прикроем ставень... Элиза!

Г-жа де Куланж. Это... контрабандисты?

Г-жа де Турвиль. А вот и мой человек в плаще... или, вернее, твой... Он пожимает руку другому... прыгает на берег... Войдет в гостиницу или нет? Доброй ночи, Элиза! (Уходит.)

Г-жа де Куланж (одна). Он погиб... И это я, несчастная, погубила его! Пусть будет проклят день, ко-

гда моя нога ступила на этот остров! Лучше бы мы потонули в дороге!.. Единственный человек, которого я любила, должен погибнуть... И это я, я сама накинула ему на шею петлю! Он подумает, что женщина, которую он любит, разыгрывала благородную страсть и получала деньги за его голову. Чтобы я продала дону Хуана за золото!.. Как могло случиться, что я согласилась заняться таким ужасным ремеслом? Девка, которая отдается всяким подонкам, лучше меня. Вор и тот лучше меня... Как я могла... Я, верно, с недавнего времени сильно изменилась. Ведь когда я только приехала сюда и думала лишь о том, как бы выудить у этого молодого человека его секреты, чтобы потом выдать их, мне и в голову не приходило, какая это гнусность... Любовь к нему открыла мне глаза. Ах, Хуан Диас! Ты один мог бы вытащить меня из грязи. Да, выбор сделан: отныне его судьба станет моей. Я расскажу ему все. Я отрекусь от всего и последую за ним... От всего! Как будто у меня есть что принести ему в жертву!.. Родина... Что мне она? Семья... Это она сделала все, чтобы меня испортить, приучить ко всяким гнусностям... Семья мне омерзительна!.. Я могу любить только Хуана Диаса. Да захочет ли он разделить со мной судьбу, когда узнает, что я такое? Скрыть от него?.. Нет, Хуан Диас не такой любовник, от которого я могла бы что-нибудь скрыть... А сказать ему... ему, проходящему в негодование, когда он слышит о малейшей низости! Да он меня сразу же прогонит! Я убеждена, что он предпочел бы девку с постоялого двора, безобразную, грубую, красавице Элизе, которая ловит людей на приманку своей любви, чтобы потом вести их на смерть... Ну и пусть! Пусть он думает обо мне что хочет. Я слишком сильно люблю его, чтобы заботиться о себе. Рано или поздно он все равно узнает, кто я такая... И, может быть, не так уж возмутится, если я сама скажу ему все... Он узнает, как сильна моя любовь... Ведь надо любить, чтобы решиться на такое признание... Все ему скажу... Перенесу его гнев... Все равно! Я его спасу. Пусть он меня бьет, пусть надает мне пощечин, пусть плюнет мне в лицо,—я его спасу! Лучше пощечина от дона Хуана, чем банковые билеты, на которых его кровь... А может быть, он хоть немного пожалеет несчастную: ведь не от рождения у нее душа черная: негодные люди толкнули ее в бо-

лото. Но они не смогли уничтожить во мне остатков совести. Совесть? Нет, она во мне умерла. Она уже давно замолкла. Не совесть, не благородство заговорили во мне: любви, только одной любви буду я обязана, если до своей смерти совершу хоть один хороший поступок. (Уходит.)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Спальня дона Хуана Диаса.

Г-жа де Куланж (входит). Он еще у генерала. Вхожу в эту комнату, и меня дрожь пробирает... Собираюсь первый раз в жизни поступить как порядочный человек — и дрожу!.. Мне кажется, я всюду его вижу... (Бросает взгляд на стол.) Начатое письмо... Может быть, к возлюбленной, которую он оставил в Испании... Вернувшись к ней, он ни слова не напишет несчастной Элизе!.. Вот его печать; на ней герб... А я из простой семьи... Лебедь, и под ним девиз: «Незапятнанный»... Он будет верен своему девизу!.. Женский портрет — это, наверное, его мать.

Входит дон Хуан.

Дон Хуан (в сторону). Приятный сюрприз! Видно, спать мне сегодня не придется!

Г-жа де Куланж (не видя его). Те же черты, но на его лице нет этого презрительного выражения.

Дон Хуан (в сторону). Но что она, черт побери, тут делает?

Г-жа де Куланж (заметив его). Ах!

Дон Хуан (падая на колени). У ваших ног, прелестная Элиза, самый пламенный ваш поклонник! Позвольте мне доказать вам...

Г-жа де Куланж (в сторону). У меня не хватит духу...

Дон Хуан. ...какую страсть вы зажгли в моем сердце! Запрет дверь и...

Г-жа де Куланж (отталкивает его). Сеньор дон Хуан! Не время говорить о любви, когда меч навис над вашей головой.

Дон Хуан. Но зато вы в моих объятиях...

Г-жа де Куланж (отталкивая его). Говорят вам, оставьте меня! Послушайте, что я вам скажу...

Дон Хуан. Что с вами, сударыня?.. Вы чем-то сильно взволнованы!

Г-жа де Куланж. Все ваши намерения известны. Вы и ваш генерал погибли.

Дон Хуан (в сторону). Боже! (Громко.) Какие намерения?.. Я, право, не понимаю, о чем вы говорите.

Г-жа де Куланж. Вы сноситесь с англичанами, только что вы сами ездили совещаться с ними на корабль, который виден из наших окон. Генерал подавал сигналы... их заметили... за вами следят... вы окружены врагами... теперь вам надо как-нибудь ускользнуть от них.

Дон Хуан. Но... право же, сударыня, я в отчаянии от своей ошибки... Я должен стыдиться...

Г-жа де Куланж. Передо мной вам стыдиться нечего... Позаботьтесь о своем спасении и располагайте мною, если я смогу быть вам чем-либо полезной.

Дон Хуан. Вы все знаете... Как мы вам обязаны! Сможем ли мы когда-нибудь?..

Г-жа де Куланж. Я могу вам понадобиться?

Дон Хуан. Скажите, кто за нами следит,— и дни его сочтены.

Г-жа де Куланж. Дон Хуан! Я не могу...

Дон Хуан. Докончите начатое, спасите нас, помогите нам совершить справедливую месть! Ах, сударыня, умоляю вас: ответьте мне!

Г-жа де Куланж. Но... Я не решаюсь..

Дон Хуан. Не бойтесь, сударыня. Я здесь, вы под моей защитой... О боже! Если бы вы только согласились довериться мне...

Г-жа де Куланж. Мне кажется... возможно, что это...

Дон Хуан. Французский резидент? Сейчас я пушу ему пулю в лоб!

Г-жа де Куланж. Нет, нет!.. Я не спала... Я стояла на балконе, и...

Дон Хуан. Нам повстречалась ваша матушка, но...

Г-жа де Куланж. О, она вас не выдаст! Она приняла вас за контрабандистов... Но какие-то люди

прятались тут же... Они все видели; я за ними наблюдала.

Дон Хуан. Значит, их подослал резидент? Клянись богом...

Г-жа де Куланж. Он такой дурак, что его вам бояться не приходится... Словом, подумайте и сделайте что хотите... Рассчитывайте на меня, если я могу вам чем-нибудь помочь... Прощайте! (Уходит.)

Дон Хуан. Стойте, мой ангел-хранитель!.. Убежала... Однако и попали же мы в передрагу! Надо предупредить маркиза.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Общая зала.

Дон Хуан, маркиз.

Дон Хуан. Я просил, умолял, но повидаться с ней так и не удалось. Говорят, она больна.

Маркиз. Эта чертовка просто колдунья!

Дон Хуан. Теперь вы видите, генерал, что заниматься одновременно и любовью и политикой не так уж плохо?

Маркиз. Мать ее внушает мне подозрения.

Дон Хуан. Мать? Да она добрая старая дура! Сегодня она битых два часа разглагольствовала о своих дорогих сыновьях, которые в армии, и она так любит свою дочь!.. Вам известно, что во время революции она спасала эмигрантов? Полноте, это — безобиднейшее существо!

Маркиз. А скажи, пожалуйста, что она делала так поздно на берегу моря, когда ты ездил на корабль?

Дон Хуан. Почему я знаю? Она сказала мне, что вчера вечером повстречала контрабандистов и велела известить об этом бургомистра, чтобы он навел порядок. Она только и говорила, что о своих страшных снах. Ей снились кинжалы, призраки... Словом, я тогда так испугал ее, что она не могла ничего как следует разглядеть.

Маркиз. Скоро английский флот войдет в эту

бухту, и все наши тревоги окончатся. Дал бы бог, чтобы ветер не переменялся!

Входит г-жа де Турвиль.

Дон Хуан. А, сударыня! Как здоровье вашей дочери?

Г-жа де Турвиль. Сегодня утром ей, слава богу, как будто полегчало. Бедняжка! Сперва она меня так испугала! Но я надеюсь, что все обойдется.

Маркиз. Передайте ей мой привет.

Г-жа де Турвиль. Очень вам благодарна, генерал. Ах, если бы вы знали, как я вчера напугалась!

Маркиз. Да, я кое-что об этом слышал.

Г-жа де Турвиль. Прежде всего, если уж начинать сначала, я вчера была у французского резидента, который пригласил меня с дочкой провести у него вечерок. Но моя дочь заболела... Бедняжка! Все, конечно, обойдется, но сегодня утром жалко было смотреть на нее... Глаза совсем ввалились, а ведь у нее такие красивые глаза! Но это так, между прочим. Народу нашло порядочно, гостиная была переполнена. В обществе время проходит быстро. А потом, уже под конец вечера, сели играть в карты. Я сперва отказалась, но без меня нельзя было бы составить партию. Пришлось согласиться: я стала играть. И, поверите ли, только села я за карты, как начало мне везти, и никто не мог меня обыграть. Когда игра кончилась, было уже здорово поздно. Один из ваших офицеров любезно предложил проводить меня, но я отказалась, чтобы бедному молодому человеку не попал за позднее возвращение в казарму. Когда мой сын был в военной школе...

Дон Хуан (в сторону). Ну, попались... Теперь она заведет!..

Маркиз. А сколько было контрабандистов?

Г-жа де Турвиль. У наших дверей я видела двух. Один из них был в большом черном плаще, на вид совсем разбойник. За поясом у него все пистолеты и пистолеты! Я боялась, что он меня прикончит.

Маркиз. Да нет же, они никого не трогают! И разве вам самой не приятно иногда получить виргинского или гуатемальского табачку вместо того, которым вас снабжает казенная монополия?

Г-жа де Турвиль. Ах, господин маркиз, и не говорите: это моя слабость! Но, знаете... я бы вам кое-что сообщила, да боюсь, что вы сочтете меня доносчицей.

Маркиз. Я слушаю, сударыня.

Г-жа де Турвиль. Часовой, что стоял у ваших дверей, все видел и даже не пошевелился. Я говорю это не для того, чтобы вы с него взыскали.

Маркиз. Тсс, не выдавайте меня! Контрабандисты эти ко мне-то и явились — с виргинскими сигарами. Мы других не курим. Вот спросите у него.

Дон Хуан. Так точно.

Г-жа де Турвиль. Ай-ай-ай, генерал! Хорошими делами вы занимаетесь! Смотрите, я на вас донесу, если вы не поделитесь со мною виргинским или сент-винсентским табачком.

Маркиз. Ну, разумеется! Я очень рад, что у меня есть оба эти сорта и что я смогу преподнести вам хорошего табаку.

Г-жа де Турвиль. Нет, нет, нет! Я ведь пошутила, генерал. Я вовсе не желаю вас обирать.

Маркиз. Нет, вы его получите. В моих интересах сделать вас соучастницей и скомпрометировать.

Г-жа де Турвиль. Ну, так вот вам моя табакерка.

Маркиз. Не надо, не надо. Доставьте мне удовольствие преподнести вам несколько пачек.

Дон Хуан. Когда я смогу засвидетельствовать почтение вашей дочери? Ах, госпожа де Турвиль, мне так нужно ее повидать!

Г-жа де Турвиль. Она никого не хочет видеть. (Тихо.) А между прочим, разговор только о вас. Знаете, повеса вы этакий, меня это даже беспокоит.

Дон Хуан. Правда? А что она говорит?

Г-жа де Турвиль. О, да все что угодно! Разве упомнишь? Но мне пора идти к ней. Прощайте, господа! (Уходит.)

Дон Хуан. Целую ваши ручки. Ну, что вы скажете, господин маркиз?

Маркиз. Если она нас обманывает, то это хитрющая бестия. Во всяком случае, нам уже недолго придется ее опасаться.

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет французского резидента. Резидент, один, сидит за столом, накрытым к завтраку.

Резидент. Для меня это, по-видимому, кончится тем, что я получу орден Почетного Легиона. Раскрыть заговор — нешуточное дело. Кроме того, я рассчитываю, что хладнокровие и твердость, которые я проявил, находясь среди врагов, будут оценены по заслугам. Однако надеюсь, что к нам вскоре придут французские гости. Поскорей бы очутиться среди дорогих соотечественников! Положение мое все же ужасное... Отвага отвагой, но когда против тебя целая дивизия... поневоле захочешь получить подкрепление.

Слуга (входит). К вам какой-то господин.

Входит Шарль Леблан.

Резидент. Чем могу служить, милостивый государь?

Шарль Леблан. Мне — ничем, милостивый государь, а вот императору вы кое-чем послужить можете. Перед вами старший лейтенант гренадеров императорской гвардии. Сюда я прибыл во фраке и сбривши усы. Тем не менее я офицер императорской гвардии. Бернадот, то есть князь Понте-Корво, прислал меня сюда... вот мои документы... чтобы вразумить некоего испанского генерала, который собирается набедокурить. Вы знаете, о чем я говорю?

Резидент. Отлично знаю, но, наверное, с вами прибыли семь или восемь тысяч солдат?

Шарль Леблан. Да, как же! Что ж, по-вашему, можно целую дивизию переправить на воздушном шаре? Господин резидент! Вы, сдается мне, простачок. Я приехал один, при мне даже сабли нет. Но я человек действия и сумею все устроить.

Резидент (улыбаясь). Дело-то, на мой взгляд, трудноватое. Испанцев много; датчане и ганноверцы, которые стоят здесь вместе с нами, не очень-то надежны.

Шарль Леблан. Неважно! Обойдемся и без них. Послушайте, что я вам скажу. (Садится.) Ой, до чего же я устал! Я ведь загнал в пути трех лошадей. Слушайте!

Наши передовые части смогут выступить только дня через три, а здесь тем временем начинает припекать. Гельголандская эскадра вышла в море, ветер попутный, англичане будут в Большом Бельте раньше, чем мы доберемся до Малого,— и тогда все пропало.

Резидент. Да, да, вы затронули самое больное место.

Шарль Леблан. Не понимаю, о чем вы говорите. Но, между нами, князь Понте-Корво предупреждал меня, что парень вы довольно безголовый и что поэтому мне нужно договориться с некоей госпожой де Куланж и с другой дамой, по фамилии Турвиль,— обе они находятся здесь. Это ваши шпионки, ведь правда?

Резидент. Милостивый государь! По правде говоря, вашу манеру выражаться можно извинить... только военному.

Шарль Леблан. Вызовите своих бабенок. Вы же видите, что я совершенно измотан. Я истер о седло штаны вместе со своей шкурой, мне некогда придумывать витиеватые фразы. Вызывайте своих шпионок. Мы примем все необходимые меры. А затем дайте мне кровать или хотя бы охапку соломы, чтобы я мог выспаться,— у меня все тело измято, как печеное яблоко.

Резидент. Госпожа де Турвиль должна сию минуту явиться ко мне в кабинет. Удивительно, что она до сих пор не пришла.

Шарль Леблан. Это ваш завтрак? Отлично, велите принести прибор для себя. За ваше здоровье, папаша... Ей-богу, вино у вас хорошее... Да вы славный парень, черт бы меня побрал! Ох, мне так хочется есть, что я бы, кажется, отца родного съел, даже не посоливши!

Резидент (в сторону). Как ведут себя эти люди! (Громко.) Прошу вас, располагайтесь, как у себя дома.

Шарль Леблан. Правильно, черт подери, правильно! Я вижу, вы отличный парень. Простые люди мне по нраву. Как вас звать-то, скажите на милость?

Резидент. Барон Ашиль д'Орбассан.

Шарль Леблан. Ваше здоровье, барон Ашиль! А меня зовут Шарль Леблан, старший лейтенант императорской гвардии, третий батальон, гренадерский полк. Выпейте-ка за мое здоровье, господин барон! Да у

вас нет стакана! Вот, возьмите мой. Черт возьми, на войне, как на войне! Вы служили?

Резидент. Не в армии. Но я другим способом служил своему государю и отечеству.

Шарль Леблан. По ди... дипломатической части, пером вместо сабли? Так оно, пожалуй, лучше. Только и опасности, что чернилами забрызгаешься. Но чего же этих проклятых бабенок до сих пор нет?

Резидент. Госпожа де Турвиль должна явиться с минуты на минуту. По-моему, вы, как француз и кавалер (указывая на ленточку в петлице Шарля Леблана)... ведь вы же кавалер, хе-хе-хе... должны бы с бóльшим уважением относиться к прелестному полу, который предназначен...

Шарль Леблан. Пусть он хоть сто раз прелестный, я люблю женщин, которые не разговаривают и не очень обчищают вам карманы. Ваше здоровье, папаша Ашиль!

Резидент. Я слышу женские шаги... Это она.

Входит г-жа де Турвиль.

Шарль Леблан. Вот так так! Да это же моя мамаша!

Г-жа де Турвиль. Ах, сыночек мой, поцелуй свою маму! Шарль, мой дорогой мальчик!

Шарль Леблан. Ладно, ладно... Да будет вам! Так это вы?

Г-жа де Турвиль. Сыночек мой!

Шарль Леблан. Ну, поздравляю! Хорошеньким ремеслом вы занимаетесь. Если бы про это знали в полку!.. Черт меня задави, да мне лучше было бы похоронить вас, чем видеть шпионкой!

Г-жа де Турвиль. Шарль!

Шарль Леблан. Полагаю, что и сестрица моя завербована в тот же полк? Пусть она мне и на глаза не показывается, я ей не брат, она мне не сестра. Ну, довольно! Молчите и слушайте! Выпьем, чтобы легче переварить эту новость. Что ж, могло быть и хуже... Слушайте, папаша Ашиль, вот что я придумал: на завтра вы приглашаете генерала Ла Романа к обеду, понятно?

Резидент. А если он откажется?

Шарль Леблан. Не посмеет. Вы ему сообщите, что я привез известие о победе. А чтобы отпраздновать победу, добрые вояки должны собраться и выпить. Наберется у вас здесь человек пятьдесят французов?

Резидент. Есть одна резервная егерская рота.

Шарль Леблан. Достаточно. Да, чтоб не забыть, пригласите генерала Ла Романа со всем его штабом, датских офицеров и прочее. За обедом вы меня посадите рядом с генералом. Когда подадут десерт, вы провозгласите тост за здоровье императора: это будет условный знак... Мои егеря, которые должны быть наготове, войдут и возьмут всех испанцев на прицел. Я хватаю генерала за шиворот с одной стороны, вы — с другой. Если они не захотят сдаться, мы с вами бросимся под стол, а наши солдаты откроют огонь. Затем мы забаррикадируем двери; без начальников испанцы придут в замешательство, датчане и вся прочая шваль с ними справятся. В любом случае мы продержимся сколько сможем, а если нас начнут одолевать, перебьем пленников и пустим друг другу пулю в лоб. Что вы на это скажете?

Резидент. Но... это средство... пожалуй, чересчур... сильное...

Г-жа де Турвиль. Мне кажется, можно было бы...

Шарль Леблан. Молчать! Господин Ашиль! Вы умеете стрелять из пистолета?

Резидент (*напуская на себя храбрость*). В тридцати шагах не промахнусь по противнику.

Шарль Леблан. Здорово! Что ж, тем лучше! Таким образом, вы, если придется, пустите в ход пистолет. Вы будете вести себя молодцом, не так ли?

Резидент. Разумеется, я же француз! Но успех был бы вернее, если бы мы подождали...

Шарль Леблан. Пока явятся англичане, правда?

Резидент. Да нет же, французы!

Шарль Леблан. Ей-богу, вы забыли, что они могут подойти не раньше как дня через три.

Резидент. О черт!

Г-жа де Турвиль. Можно было бы избежать такого огромного риска... Немного мышьяку...

Шарль Леблан. Мышьяк! Ах, бомб на вас нет! Мышьяк! Да что я, отравитель какой-нибудь? Я, лейте-

нант гренадеров императорской гвардии, я позволю подсыпать бравым военным мышьяку, чтобы они передохли, как крысы? Да я лучше пущу себе пулю в лоб, чем угощу военного человека какой-нибудь другой пилюлей, кроме свинцовой! Мышьяк! Черти проклятые! Мышьяк!

Г-жа де Турвиль. Но...

Шарль Леблан. Замолчите! Я не шпион. Не говорите мне о мышьяке, или я забуду, что вы мне мать. А вы, милый барончик, будьте добры выполнить распоряжения, которые я привез. Рассылайте приглашения. А если они их не примут, то пусть я проглочу ядро вместо пилюли, но вы отведаете лезвия моей сабли.

Резидент. Милостивый государь... Милостивый государь... Я верный слуга его величества... И если мой долг...

Шарль Леблан. Ну ясно, вы же славный парень; пожмите мне руку и велите приготовить для меня постель. *(Выпивает стакан вина и уходит.)*

Резидент. Однако, сударыня, должен вас поздравить: сынок ваш хоть куда!

Г-жа де Турвиль. Увы! Он весь в своего покойного отца. Тот только и знал, что свою саблю.

Резидент. Вот положение-то у меня!

Г-жа де Турвиль. Впрочем, пренебрегать его советом нельзя. Надо сделать, как он сказал.

Резидент. Что ж, пусть так. Но вы тоже явитесь на обед.

Г-жа де Турвиль. Какая же вам от меня будет польза?

Резидент. Тем не менее, сударыня, вам придется с нами обедать, или пусть меня гром разразит, если я не велю вас арестовать.

Г-жа де Турвиль. Хорошо, я приду к вам на обед, господин резидент. Приду и докажу, что хоть я женщина, а мужества у меня больше, чем у тебя, дипломатика несчастный. До свидания! *(Уходит.)*

Резидент *(один)*. Дьявольщина! Проклятье! Пусть бы меня черт побрал! Только бы он убрал меня подальше отсюда... Что со мной, несчастным, будет? Уж лучше находиться на поле битвы, чем попасть в такую вот мешанину. Там хоть улепетнуть можно... Болван я не-

счастный! Воображал, что дипломатия — легкое дело! И этот проклятый остров! Ничего на нем нет... В конце концов почему бы не подождать французов? Он все погубит своей торопливостью... Предоставили бы мне свободу действия!.. Орден был уже у меня в руках... А теперь вся честь достанется этому разбойнику с большой дороги. Невежда, который не имеет никакого понятия о дипломатии, который никогда не раскрывал Ваттеля... И я!.. А если в суматохе выйдет ошибка? Проклятое ремесло! Собачье ремесло! Проклятуший остров!.. А, вот они, пистолеты, которые мне придется пустить в ход! Посмотрим. Вложу в каждый по двенадцать пуль — по крайней мере попаду в того, кто мне подвернется... Ладно, ладно! Умирать ведь один раз! Давайте их сюда, этих испанцев, давайте! Каждый француз — воин. *(Размахивает пистолетами.)* Но... тише, тише... вот замечательная мысль!.. Нет, это не оружие для дипломата. *(Кладет пистолеты на место.)* В конце обеда я им скажу: «Разрешите, я принесу необыкновенное вино, одну бутылочку... Ключа от погреба я никому не доверю...» Вот-вот! И все совершится без меня... Да здравствуют же люди с головой! Вот это называется с честью выйти из положения. Лейтенанта, может быть, в суматохе пристрелят... донесение пойдет от меня... и тогда, клянусь богом, дело в шляпе: я посланник... Да, да, черт возьми, хорошо иметь голову на плечах! Грубый мужик вроде этого Леблана может при случае хватить кулаком... Но мы, дипломаты, мы всегда умеем... да, мы умеем устраивать свои дела. *(Уходит.)*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Общая зала в гостинице «Три короны».

Дон Хуан, г-жа де Куланж.

Дон Хуан. Умоляю вас: простите мою дерзость! Но... вы были одна... у меня в комнате... в поздний час... И вы приходили, чтобы нас спасти!

Г-жа де Куланж. Не будем больше говорить об этом. Уверены ли вы в успехе? Все меры приняты?

Дон Хуан. Да, наши части стягиваются к Ньюборгу. Английский флот будет...

Г-жа де Куланж. Я вас ни о чем не спрашиваю. Не говорите мне ничего. Но вы уверены в успехе?

Дон Хуан. Больше, чем в чем бы то ни было.

Г-жа де Куланж. Я очень рада.

Дон Хуан. Скоро я буду в Испании.

Г-жа де Куланж. Как вы счастливы будете среди друзей... после такой долгой разлуки!

Дон Хуан. Увы! Еще так недавно я мечтал поскорее очутиться в Галисии! А сейчас мне жаль покидать этот дикий остров.

Г-жа де Куланж. Подумайте о своем долге. Вам предстоит сражаться за родину... и у вас будет столько развлечений! Я... я надеюсь, что вы будете счастливы в Испании... что наступит мир... и тогда... если вы возвратитесь во Францию... я буду очень рада снова увидеть вас.

Дон Хуан. В грядущем я вижу одни только беды... Вы были моим ангелом... а теперь...

Г-жа де Куланж. Перед вашим отъездом мы еще раз увидимся. Я сейчас вышиваю кошелек, и мне очень хотелось бы, чтобы вы приняли его на память от меня.

Дон Хуан. Нет, я больше не могу. В ваших руках моя жизнь и смерть. Скажите мне: согласились бы вы?.. Я едва осмеливаюсь предложить вам это... Согласились бы вы принять мое имя и последовать за мною на мою несчастную родину?

Г-жа де Куланж. Боже! Что вы мне предлагаете! (В сторону.) Ах, если б я не любила его так сильно!

Дон Хуан. Я знаю, что французенке Испания покажется очень печальной страной, особенно теперь, когда она в таком ужасном состоянии! Парусиновая палатка, солома бивуака — вот помещение, которым, может быть, еще долгое время придется довольствоваться супруге Хуана Диаса... Я не буду говорить вам о моем богатстве, о моей знатности... Душа у вас слишком благородная, чтобы подобные соображения могли на нее повлиять... Но... но... если самая пламенная страсть, если горячая любовь покажутся вам достойными вашего сердца... Конечно, вы можете подумать, что я недоста-

точно сильно люблю вас, что, если я предлагаю вам разделить со мной одни лишь страдания и бедствия, значит, я думаю только о своем счастье... Но что поделаешь? Родина призывает меня... А я чувствую, что без вас я не смогу жить!

Г-жа де Куланж. Возможно ли? Вы предлагаете мне руку?.. Я французенка, и к тому же у меня ничего нет... Как можете вы думать обо мне?.. Вы ведь отказываетесь от своей будущности!

Дон Хуан. Но что я слышу? У вас нет ко мне отращения? Вы меня любите?

Г-жа де Куланж. Да, дон Хуан, я люблю вас, но не могу стать вашей женой... Нет, это невозможно... Не спрашивайте, почему!

Дон Хуан. Я счастливейший из людей. Не думайте о своей бедности — какое это имеет значение? Разве я не любил бы вас, будь вы богаче меня?

Г-жа де Куланж. Ах, если бы!..

Дон Хуан. Ну, так позвольте же мне быть таким же щедрым, как вы!

Г-жа де Куланж. Нет... Вы сделали меня счастливой... этого довольно... Прощайте!

Дон Хуан. Что означает эта тайна? Скажите мне, что вас смущает, моя любовь преодолет все...

Г-жа де Куланж. Не могу.

Дон Хуан. Вы приводите меня в отчаяние.

Г-жа де Куланж. У нас такая большая семья!

Дон Хуан. У меня хватит на всех, я богат.

Г-жа де Куланж. Моя мать...

Дон Хуан. Я уговорю ее ехать с нами.

Г-жа де Куланж. Нет, нет, она никогда не согласится, никогда!

Дон Хуан. Вы скрываете от меня какие-то совершенно ненужные сомнения, Элиза. Во имя нашей любви скажите мне, в чем дело.

Г-жа де Куланж. Зачем вы настаиваете? Послушайте, дон Хуан: вы едете в Испанию. Важные дела требуют всего вашего времени, всех ваших усилий... А что станется со мной среди сутолоки и опасностей походной жизни? Женщина будет для вас обузой. Подумайте об опасностях войны.

Дон Хуан (*ударяя себя по лбу*). Конечно! Вы правы! Но я верил, что женщина может любить, как я! Прощайте, сударыня, вы указали мне, в чем мой долг. Да, я уеду в Испанию. Но я надеюсь, что первое же ядро попадет в меня. По крайней мере вас не ожидает участь несчастной вдовы.

Г-жа де Куланж. Стойте, дон Хуан!.. Не верьте тому, что я только что сказала... Выстрел, который вас поразит, убьет и меня... Но есть ужасная причина, которая не позволяет мне стать вашей женой... Я слишком люблю вас, чтобы выйти за вас замуж, скрыв ее. И если вы не хотите разлюбить меня, то не спрашивайте о ней. Прощайте, дон Хуан, я не забуду вас никогда!

Дон Хуан. Элиза, Элиза! Клянусь вам моей честью, я никогда не спрошу вас об этой причине... Никогда об этом не заговорю... никогда это не будет меня тревожить... Ничто не сможет уменьшить мою любовь... Но если у вас есть ко мне хоть какое-то чувство, согласитесь следовать за мною... (*С плохо скрытым беспокойством.*) Почему вы... колеблетесь, что вы такое придумали?

Г-жа де Куланж. Дон Хуан! Вы сказали, что любите меня, и дали мне такое счастье, какого я еще никогда не испытывала. А теперь... не требуйте того, что в один миг лишит меня этого счастья... Но вы так хотите.

Дон Хуан. Нет, я этого не хочу! Не говорите мне ничего!.. Заранее клянусь вам: что бы вы мне ни сказали, я все равно буду вас любить... Вы для меня самое дорогое на свете существо. И если бы честь моей родной страны не требовала...

Г-жа де Куланж. Нет, вы никогда не узнаете моей тайны. (*Уходит и запирается у себя в комнате.*)

Дон Хуан. Что с ней? Уж не безумна ли она? Что это за тайна, которую она не решается мне открыть? (*Стучит к ней в дверь.*) Элиза! Элиза!.. Не отвечает... Элиза!.. Я самый несчастный человек на свете! Все сразу на меня обрушилось! Я теряю рассудок! Не знаю, что и думать о ней. Но никогда я так не любил ее. Ах, слава богу, вот ее мать!

Входит г-жа де Турвиль.

Сударыня, сударыня! Верните мне жизнь! Я погиб, если вы мне не поможете.

Г-жа де Турвиль. В чем дело, полковник? Что с вами? Чем я могу быть вам полезна?

Дон Хуан. Ах, сударыня! Я вверяю вам свою судьбу... Я очень несчастен... Только что я виделся с вашей дочерью и признался в своей любви к ней...

Г-жа де Турвиль. Как, милостивый государь, к моей дочери?

Дон Хуан. Да, я ее обожаю, я не могу без нее жить. Она призналась, что я тоже ей не безразличен... что она любит меня... а затем... какая-то странная мысль овладела ею... Она сказала, что никогда не станет моей женою... Ах, сударыня, если бы вы на нее повлияли!..

Г-жа де Турвиль (ошеломлена). Вы хотите жениться на моей дочери?

Дон Хуан. О, если бы она согласилась, я был бы счастливейшим из людей!

Г-жа де Турвиль. Вы!.. (В сторону.) Что я, несчастная, наделала! Как я об этом не догадалась!

Дон Хуан. Но, несмотря на мои мольбы, она не пожелала сказать мне, в чем причина ее колебаний...

Г-жа де Турвиль. Тут прежде всего играет роль разница в состоянии...

Дон Хуан. Не говорите мне об этом. У меня тридцать тысяч пиастров дохода... Я богат, знатен... Но разве это так важно? У нее какие-то непонятные сомнения, она что-то скрывает от меня, а я просто умираю!

Г-жа де Турвиль (в сторону). Ну и дуру же я сваляла! И о чем это я думала? Тут дело было куда более выгодное!

Дон Хуан. Ради бога, сударыня, умоляю вас! Пойдите к ней... Станьте уже теперь моей матерью... Поговорите с ней... Объясните ей, до какой степени я буду несчастен, если она не станет моей... Но, может быть, вы, сударыня, разделяете предубеждение вашей дочери?

Г-жа де Турвиль. Я, господин полковник? Напротив, я вас глубоко уважаю. Я считала бы за честь породниться с вами. (В сторону.) Она совсем спятила!

Дон Хуан. Я вне себя от радости! Бегите же, дорогая госпожа де Турвиль, скажите ей, что мне не нужны ее тайны... скажите ей, что если у нее нет ко мне отращения...

Г-жа де Турвиль. Поверьте, полковник, что, в сущности, все это — одно ребячество... Я слишком хорошо воспитала свою дочь, чтобы ей приходилось скрывать что-либо важное. (В сторону.) Глупо упускать счастье, если оно само дается в руки. Наградные ничто по сравнению с тем, что можно у него вытянуть. Расскажу ему все.

Дон Хуан. Ах, сударыня, только на вас я и надеюсь!

Г-жа де Турвиль. Выслушайте меня, молодой человек, я сообщу вам нечто гораздо более важное.

Дон Хуан. Дорогая госпожа де Турвиль! Поговорите с ней, приведите ее сюда! Нет ничего такого, чего я не мог бы выслушать.

Г-жа де Турвиль. Потерпите немного, легкомысленный вы человек! Я только что была у французского резидента. Мне надо было с ним побеседовать. Я должна была ждать в прихожей, так как у него кто-то был... Признаюсь, что любопытство, свойственное женскому полу, заставило меня наострить слух, а так как перегородка там очень тонкая, я все слышала. И знаете, о чем он говорил? Он вместе с каким-то легкомысленным молодым человеком, как вы, обсуждал план заговора. Он замыслил пригласить генерала на обед, чтобы убить его или лишить свободы еще до того, как успеют подойти направленные сюда части. Он намеревается перебить всех испанцев, находящихся на острове.

Дон Хуан. О боже! Резидент!

Г-жа де Турвиль. Молодой человек, который с ним беседовал, по-видимому, не соглашался на это; он с возмущением говорил о том, как гнусен подобный замысел... Но негодяй резидент пригрозил ему расстрелом, и он вынужден был согласиться, хотя, я уверена, против своей воли.

Дон Хуан. Вы сами это слышали?

Г-жа де Турвиль. Собственными ушами. Вы ничего худого не сделаете этому бедному молодому человеку, не правда ли? Что касается резидента, то он отъяв-

ленный негодяй, и вы имеете все основания обрушить на него свой гнев.

Дон Хуан. Я сейчас иду к маркизу де Ла Романа. Будьте так любезны, пойдите со мной!

Г-жа де Турвиль. Только не дайте ускользнуть резиденту. Я еще в себя не могу прийти от его предательской затеи... Его надо расстрелять немедленно, не слушая никаких объяснений... Что касается другого...

Дон Хуан. С ним все ясно.

Г-жа де Турвиль. Вы мне обещали пощадить его... Но послушайте, милый молодой человек... послушайте, сын мой...

Дон Хуан. Ах, дорогая моя матушка!

Г-жа де Турвиль. Я приведу сюда дочку и пока вы будете с ней мириться, я обо всем сообщу генералу; таким образом, мы одним выстрелом убьем двух зайцев.

Дон Хуан. Скорее идите за ней. А я сейчас вернусь.

Г-жа де Турвиль. Нет, подождите. Я ее сейчас приведу. Она до того невинна, эта бедняжка Элиза... Право же, говоря между нами, я даже не знаю, был ли ее первый муж... ей мужем... Это был старый подагрик... Она до того невинна... вы просто смеяться будете.

Дон Хуан. Да идите же скорее!

Г-жа де Турвиль. Мы устроим засаду. А пока молчите. Станьте за дверью. (Стучит.) Это я, твоя мать! Открой, Элиза. (Входит в комнату.)

Дон Хуан (один). Не знаю, кто управляет нашими делами: бог или дьявол? Голова у меня в огне! Просто изнемогаю. Не приходилось мне еще бывать в такой переделке. О чем они там говорят?.. Мать, кажется, ее уговаривает... она сопротивляется...

Г-жа де Турвиль. На помощь, полковник! Сюда!

Дон Хуан входит в комнату и вскоре снова выходит оттуда, ведя г-жу де Куланж; за ними следует г-жа де Турвиль.

Дон Хуан. О, теперь вам от меня не укрыться! Вы моя на всю жизнь. Матушка ваша согласна.

Г-жа де Турвиль. Ах! От этого трогательного зрелища меня даже слеза прошибла. Ладно, детки мои,

любите друг друга, будьте счастливы, мать благословляет вас. (*Дону Хуану, тихо.*) Я иду к генералу.

Дон Хуан. Ради бога, Элиза, взгляните же на меня! Что я вам сделал? Или вы меня больше не любите? Дайте мне руку... Теперь уж, как хотите, вам придется принять это кольцо. (*Пытается надеть ей на палец кольцо.*) Отречься уже нельзя, мое кольцо у вас на пальце. Маркиза! Разрешите засвидетельствовать вам мое почтение.

Г-жа де Куланж. Итак, вы хотите все знать? Оставьте меня. Возьмите обратно кольцо и отдайте его будущей маркизе. Знаете ли вы, дон Хуан, зачем я сюда явилась? Мне платят шесть тысяч франков за то, чтобы я выведывала ваши секреты. Что вы на это скажете, дон Хуан?

Дон Хуан (*ошеломлен*). Ах!

Г-жа де Куланж. Теперь вам известно, какое у меня почтенное занятие... Моя настоящая фамилия — Леблан... А хотите знать историю моей жизни? Так вот послушайте... Вы еще не обо всем осведомлены, вам понадобится все ваше мужество.

Дон Хуан. Пощадите! Это шутка?

Г-жа де Куланж. Замолчите! Мать воспитала меня в надежде, что моя красота и сообразительность явятся для нее источником дохода. Я жила в семье, привыкшей ко всяким гнусностям, — чего же удивляться, если примеры, которые все время были у меня перед глазами, пошли мне впрок? Да, дон Хуан, я на жалованье у полиции. Меня прислали сюда, чтобы я вас оболестила и выведала у вас тайные замыслы вашего друга, чтобы я привела вас на эшафот. (*Падает на диван.*)

Дон Хуан. Элиза!.. О, для меня это смерть! Элиза!..

Г-жа де Куланж. Что же вы от меня не бежите?

Дон Хуан. Вы больны, Элиза! Вы обезумели!

Г-жа де Куланж. Удалитесь, милостивый государь, вы можете осквернить себя, прикоснувшись к такой негодной женщине, как я. У меня хватит сил самой добраться до своей комнаты. (*Делает усилие, чтобы встать, и тотчас же снова падает.*)

Дон Хуан. Элиза! Все, что вы мне говорите, не-

правда... Разве вы и ваша матушка не раскрыли, какую западню готовят нам враги?

Г-жа де Куланж. Не знаю, что сказала вам моя мать, но что касается меня, дон Хуан, то мне заплачено, мне заплачено за то, чтобы я раскрыла ваши замыслы.

Дон Хуан. Я не хочу вам верить.

Г-жа де Куланж. С того мгновения, как я вас узнала, в моей душе что-то изменилось... Глаза мои открылись... В первый раз я подумала, что поступаю гадко... Я захотела вас спасти... О дон Хуан! Моя любовь к вам... Дайте мне сказать вам о моей любви... Моя любовь к вам переродила меня... Я начинаю понимать, что такое добро... Это — желание... вам нравится

Дон Хуан. Несчастливая женщина! Проклятье варварам, которые загубили твою молодость!

Г-жа де Куланж. О дон Хуан! Вам меня жалко? Но ведь вы такой добрый! Вы страдаете, даже если видите, как больно вашей лошади!.. О, я буду помнить о вас всю жизнь... Может быть, и бог смилостивится надо мною, а ведь это правда: на небе есть бог!

Дон Хуан. Но теперь вы полюбили добро!

Г-жа де Куланж. Я люблю вас всеми силами души... Но я вам отвратительна... я это вижу.

Дон Хуан (*после короткой паузы*). Послушай, Элиза, будь со мной откровенна, я задам тебе только один вопрос... Погиб ли из-за тебя хоть один человек?.. Но нет, не отвечай... Я ничего не спрашиваю... не мне спрашивать тебя об этом... Мне! Разве я не сражался под Трафальгаром, под Эйлау, под Фридландом за деспота, утесняющего все человечество?.. Разве я не убивал благородных людей, сражавшихся за свободу своей родины?.. Разве еще несколько дней назад при первых раскатах барабанного боя я бы не бросился в угоду императору с саблей на какого-нибудь патриота? И я смею тебя допрашивать!.. Все люди — волки, чудовища!.. Кажется, я способен застрелить ее и пустить себе пулю в лоб над ее телом.

Г-жа де Куланж. Я отвечу вам, дон Хуан, я могу вам ответить. Клянусь... но чего стоят клятвы в моих устах? Нет, я не виновна ни в чьей смерти... Встаньте, дон Хуан, возьмите свое кольцо... и возблагодарите

счастливую случайность, которая оберегла меня от этого... Только случай могу я благодарить за то, что руки, которые вы целуете, не обагрены невинной кровью... Но до того, как я узнала вас, я, кажется, на все была способна.

Дон Хуан. Ты чиста, Элиза, ты чище всех этих святош, которые хвалятся, что устояли перед искушением только потому, что всю жизнь провели в монастыре! Элиза! Ты моя жена!.. Твоя мать останется здесь, я дам ей денег, сколько она захочет, а ты поедешь со мной, будешь мне товарищем, поделишь мою судьбу.

Г-жа де Куланж. Вы с ума сошли. Не пройдет и минуты, как вы передумаете, и тогда сами будете удивляться, почему это у вас возникла жалость к такой твари, как я.

Дон Хуан. Никогда, никогда!

Г-жа де Куланж. Для меня великое счастье уже то, что вы не оттолкнули меня ногой, словно какую-нибудь гадину. Я не хочу сделать вас несчастным на всю жизнь, поймав на слове в миг великодушного порыва. Вам, дон Хуан, нужна такая жена, которая была бы достойна вас. Прощайте!

Дон Хуан. Клянусь всеми дьяволами, вы со мной не расстанетесь. Я без вас не могу жить; никого, кроме вас, не смогу полюбить. Поедем со мной! Кто в Испании будет знать вашу историю?

Г-жа де Куланж. Ах, дон Хуан!.. *(Берет его за руку.)* Хорошо, я поеду с вами. Но я не стану вашей женой; я буду вашей любовницей, служанкой. Когда я вам надоем, вы меня прогоните. Пока вы будете терпеть меня возле себя, я буду делить с вами все радости и горести.

Дон Хуан. Ты всегда будешь моей возлюбленной и моей женой. *(Обнимает ее.)*

Г-жа де Куланж. Решение мое принято, и я его не изменю.

Входит г-жа де Турвиль.

Г-жа де Турвиль. Целуются!.. Наконец-то я могу порадоваться! Я же вам говорила, что ей ничего другого не надо.

Дон Хуан. Элиза! Оставь нас на минутку. Зайди ко мне в комнату и подожди там, я сейчас приду.

Г-жа де Куланж уходит.

Г-жа де Турвиль. Вы уже перешли на ты? Генерал вас спрашивает.

Дон Хуан. Я знаю, кто вы такая, сударыня... Мне стоит сказать слово, и вы будете повешены. Хотите десять тысяч пиастров за то, чтобы оставаться здесь или убираться ко всем чертям, если вам угодно, с условием никогда больше не видеть дочери, никогда не говорить с ней, никогда ей не писать?

Г-жа де Турвиль. Милостивый государь... Но... моя дорогая дочь...

Дон Хуан. Десять тысяч пиастров... Подумайте!

Г-жа де Турвиль. Я так люблю свое дитя...

Дон Хуан. Да или нет?

Г-жа де Турвиль. Я принимаю пиастры... но все же для матери это очень тяжело...

Дон Хуан. Ступайте к себе. Сегодня вечером вы их получите. Не пытайтесь выйти, часовые будут стрелять.

Г-жа де Турвиль. Дайте мне по крайней мере в последний раз...

Дон Хуан. Уходите, не то я потеряю терпение.

Г-жа де Турвиль (в сторону). Вот хитрая девчонка! (Уходит.)

Входит маркиз.

Маркиз. Ничего не скажешь, сдаюсь! Да здравствуют юные красавчики! Госпожа де Турвиль сказала правду. Вот письмо резидента, он приглашает меня на обед.

Дон Хуан. Двенадцать пуль в башку — вот что ему надо!

Маркиз. Больше и не потребуется. Я велю задержать его курьеров, и обед кончится совсем не так, как он рассчитывает. Это будет наш последний обед на острове. Ветер попутный; завтра английский флот бросит якорь у Ньюборга. А немецких и датских офицеров я возьму

под стражу — словом, поступаю с ними так, как они собирались поступить с нами.

Дон Хуан. Расстреливайте! Расстреливайте! Все люди подлецы, самое большее, чего они стоят, это пули, которая отправит их на тот свет.

Маркиз. Черт возьми, с чего это так тебя разобрало! Я никого не намерен убивать, кроме, пожалуй, господина резидента, которого я в лучшем виде повешу. Пусть знает, что столовая должна быть так же священна, как зал заседаний какого-нибудь конгресса! Завтра он послужит примером всем будущим дипломатам, а заодно — вывеской для этой гостиницы.

Дон Хуан. Да будет так!

Маркиз. Снеси эту записку полковнику Саморе. Задержать всех курьеров! Легкая артиллерия подошла. Я сейчас напишу ее начальнику. Форт займут каталонские гренадеры. Всем полкам — в пять часов собраться на плацу. И если сам дьявол не впутается в это дело, князь Понте-Корво никого не найдет здесь, когда явится делать перекличку.

Дон Хуан. Ах, генерал! Как хотел бы я уже стоять лицом к лицу с французами!

Уходят.

БАЛЕТ

В глубине сцены виден артиллерийский парк Военная музыка.

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Четыре канонира и четыре маркитантки.

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Фанданго.

ТРЕТИЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Вальс. Испанские солдаты и нюрбургские девушки. Трубят сбор, танцы прекращаются,

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Столовая.

Маркиз, дон Хуан, резидент, Шарль Леблан, испанские, датские, немецкие офицеры сидят за столом.

Шарль Леблан. Подавайте десерт.

Резидент. Э! Рановато, рановато! Еще не время... Мы еще не отобедали.

Маркиз. Что с вами, барон? Вам как будто нездоровится?

Резидент. Ничего, генерал... Ничего... Напротив, я отлично себя чувствую. Погодите, господин Леблан... Я хочу сказать: не пейте этого вина... Я сейчас принесу другое вино, превосходное,— я выдерживаю его уже давно. Я сейчас сам за ним схожу.

Шарль Леблан (тихо). Пошлите слугу.

Резидент (тихо). Нет. Я никому не доверяю ключей от своего погреба... Разве на слуг можно положиться? Еще, чего доброго, побьют бутылки.

Шарль Леблан. Он боится не за бутылку! Ладно, идите, мы вас подождем с десертом.

Резидент. Нет, нет, умоляю вас, не ждите! (Уходит.)

Подают десерт.

Маркиз (Леблану). Вы, кажется, служили в армии?

Шарль Леблан. Весьма возможно. Но на ближайšie четверть часа я секретарь господина резидента. А впрочем, готов вам служить чем могу.

Маркиз. Дон Хуан! Помнишь того офицера, которого мы подобрали под Фридландом на поле битвы? Он был весь изранен и брошен казаками в канаву.

Шарль Леблан. Дьявол их задави! Это же был я. У вас, генерал, отличная память. А теперь, друзья мои, слушайте команду! Поскольку в данный момент я представитель господина резидента, который предпочел улизнуть, предлагаю выпить за здоровье нашего общего капрала, за здоровье его величества императора! Да

здравствует император! (В сторону.) Что же это они не показываются?

Датские и немецкие офицеры встают с бокалами в руках.

Маркиз (вставая). В свою очередь, господа, имею честь предложить вам выпить за здоровье его величества Фердинанда Седьмого, короля Испании и Индии!

Испанские офицеры: «Да здравствует король!»
Шум.

Шарль Леблан. Да здравствует император! Ко мне, егеря! Генерал! Вы арестованы. Ну же, помогите нам, канальи датчане!

Входят испанские солдаты. Шарль Леблан обезоружен. Окна в глубине сцены распахиваются, и в них видны расцвеченные флагами английские корабли, которые отдают салют. Слышны радостные крики испанских солдат.

Маркиз. Ваши егеря захвачены, господин секретарь. Господа офицеры датские и немецкие! К моему сожалению, я должен просить вас дать слово, что вы не будете препятствовать нашим намерениям. Сопротивление бесполезно, а храбрость ваша хорошо известна и в новых доказательствах не нуждается. Возьмите обратно ваши шпаги, вы не пленники. В свое время мы сражались под одним знаменем, и, может быть, нам еще суждено вместе биться под знаменем свободы. Мы покидаем вас, мы устремляемся на защиту своего отечества, ибо еще до присяги на верность императору французов мы обязались отдать свою кровь за испанскую землю. Прощайте, господа! Господа испанские офицеры! Я слишком хорошо знаю людей, которыми имею честь командовать, чтобы даже на миг предположить, что хоть кто-нибудь из вас не откликнется на призыв своей родины. Вам предстоит помериться силами с тиранами и победителями всего мира, а также с теми полчищами чужеземных рабов, которых они бросили на Испанию. Наша армия рассеяна, уничтожена, но зато каждый испанец стал воином, и горы Сарагосы свидетельствуют о том, что наши крестьяне способны одолевать победителей Аустерлица¹⁵. Изменники отдали наши крепости неприятелю, наши арсеналы захвачены. Но наши города, не окруженные стенами, имеют своих Палафоксов и превратились в неприступные

твердыни, подобные Сарагосе. Все наши провинции заняты захватчиками, но французы всюду — осажденные в своих лагерях. Король наш в плену, но у нас нашлись новые Пелайо. В Испанию, господа! Будем биться с французами до последней капли крови! ¹⁶.

Все. В Испанию!

Маркиз. Сейчас я произведу смотр войскам. Дон Хуан! Разущи этого подлеца резидента. Ты знаешь, что я хочу с ним сделать. *(Уходит в сопровождении испанских и датских офицеров.)*

Шарль Леблан. Признаюсь, господин полковник, шуточка у вас вышла забавная. Но пусть меня повесят, если вам не выдала всего моя распроклятая мамаша.

Дон Хуан. Как ваше имя?

Шарль Леблан. Шарль Леблан, лейтенант гренадеров императорской гвардии.

Дон Хуан. Возможно ли, чтобы военный, принадлежащий к столь заслуженно прославленной части, унился до ремесла простого убийцы?..

Шарль Леблан. Полковник! Это название ко мне не относится. Я никого не хотел убивать.

Дон Хуан. А егеря?

Шарль Леблан. Во-первых, они должны были стрелять только в самом крайнем случае, но и, помимо того, об убийстве здесь и речи быть не может. Убийство — это дело подходящее для какого-нибудь подлеца монаха ¹⁷ или для сыщика. Но засада — вещь, допустимая для честного солдата.

Дон Хуан. Сдается мне, что вы лучше разбираетесь в статьях военного устава, чем в разнице между честным и подлым человеком. Скажите, чего заслуживает переодетый в гражданское платье военный, который устраивает засаду?

Шарль Леблан. Чувствую, что, если вы меня расстреляете, на что вы имеете полное право, я не смогу возразить ни слова. Но мне очень не хотелось бы оказаться сыщиком в глазах храброго офицера, которого я весьма уважаю, и потому позволю себе заметить, — причем прошу иметь в виду, что я не вымаливаю пощаду, — позволю себе заметить, что я не пытался разузнать ваши секреты, подглядеть, где размещены ваши части, где стоит ваша артиллерия, — ни к чему такому я не стремился.

Я вам устроил засаду, как уже имел честь докладывать... Признаюсь, мне не следовало рядиться штафиркой... А впрочем, этот костюм... Нет, за военный он никак не сойдет. Ну что ж, промойте мне голову свинцом,— это научит меня никогда не снимать мундира.

Дон Хуан. Нет, господин Леблан, вас спасет имя, которое вы носите.

Шарль Леблан. Ага! Вы, видимо, влюбились в мою мамашу или сестрицу, которые служат по шпионской части.

Дон Хуан. Замолчите!

Шарль Леблан. К черту всех сыщиков! Расстреляйте меня. Пусть не говорят, что подобная сволочь спасла жизнь офицеру императорской гвардии. Расстреляйте меня! Мне уж не быть капитаном.

Дон Хуан. Нет, живите. Я дарю вам жизнь из уважения к вашей храбрости.

Шарль Леблан. В таком случае принимаю! Вы славный парень, полковник. У вас вид бравого рубаки, хотя патронов вы скусили, наверно, меньше, чем я. Я всего-навсего лейтенантишка, а вы... О, это совсем неплохо — быть на службе Испании!

Дон Хуан. Не хотите ли командовать ротой у нас в дивизии?

Шарль Леблан. Нет, черт меня побери! Знаете: я скорее дам себя четвертовать, чем надену вместо французской кокарды какую-нибудь другую.

Входит сержант.

Сержант. Господин полковник! Не знаю, куда девался резидент, его нигде нет. А веревка над дверью гостиницы уже готова.

Шарль Леблан. Ха-ха! А ведь и правда: вместо вывески с тремя коронами висит веревка.

Входит г-жа де Куланж в солдатской форме полка, которым командует дон Хуан.

Г-жа де Куланж. Полковник! Ваш полк выстроился, вас ждут.

Дон Хуан. О моя дорогая Элиза!

Шарль Леблан (отвернувшись, про себя). А, да это сестрица! Черт бы ее побрал!

Дон Хуан. Пушечный выстрел — сигнал к отплытию. Пойдем, любимая!

Г-жа де Куланж. Прощай, Франция, я тебя больше не увижу!

Шарль Леблан (в сторону). Скатертью дорога! (Громко.) Прощайте, полковник! Не стану докучать вам изъявлениями благодарности.

Дон Хуан уходит вместе с г-жой де Куланж и испанскими солдатами.

(У окна.) Ха-ха! Право же, отлично построились! Приятное зрелище! Хорошо командовать такой прекрасной дивизией! Направо марш!.. А датчане-то смотрят на все это, как ошипанные гуси!

Резидент осторожно приоткрывает дверь и входит.

Резидент. Ничего больше не слышно. Все конечно. Я решил не показываться, пока будет слышна испанская речь. А, вот и наш храбрец. Ну-с, дорогой лейтенант, отлично мы устроили свои дела! Прах меня побери! Я ведь дрался внизу один против двенадцати... Почему, черт подери, меня не подождали?

Шарль Леблан. Поглядите-ка в окно.

Резидент. Боже! Ла Романа во главе своих испанцев!.. Что это все означает?

Шарль Леблан. А то, что нас предали: не будь полковника Хуана Диаса, я был бы уже расстрелян, а вас повсюду разыскивают, чтобы повесить!

Резидент. Меня повесить?

Шарль Леблан. Хотят, чтобы вы послужили вывеской для этой гостиницы. Видите? Вон веревка. Она ожидает вашей шеи.

Резидент. Меня повесить!

Шарль Леблан. Что поделаешь! Желаю вам всяческой удачи, господин резидент.

Резидент. О боже! Спасите! Меня хотят повесить!

Шарль Леблан. А я-то что могу сделать? Я безоружен. Вам остается только одно: просить пощады у этих дам и господ.

Резидент. Так кончается эта комедия. Не судите строго автора!

Доносятся звуки военного марша.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Баскина* — узкая короткая юбка, *мантилья* — черное покрывало, без которого испанские дамы редко выходят на улицу.

² Партизанская война.

³ При Эспиносе. Маркиз де Ла Романа находился тогда в Англии.

⁴ Следует помнить, что комедия была написана при конституционном режиме.

⁵ Солдат партизанского отряда.

⁶ По-видимому, Клара Гасуль пожелала изобразить знаменитого и злополучного Порльера, более известного в Испании под прозвищем «Маленький маркиз», которое дали ему солдаты. Мне неизвестно, был ли он на острове Фюне вместе с маркизом де Ла Романа. Но я знаю наверное, что после возвращения Фердинанда VII Порльер открыто высказался за конституцию кортесов, которую он так блистательно защищал во время войны за независимость. В сентябре 1815 года он сделал попытку провозгласить конституцию в Корунье, но успеха не имел. Преданный своими недостойными сотоварищами, Порльер был выдан военным властям, приговорен к смерти и расстрелян 3 октября 1815 года. Вот его эпитафия, сочиненная им самим: «Здесь покоится прах дона Хуана Диаса Порльера, испанского генерала. Удача сопутствовала ему во всем, что он предпринимал против врагов своей страны, но он погиб жертвой гражданских распрей. Добрые люди! Почтите прах несчастного».

⁷ Бернадот, в то время носивший титул князя Понте-Корво.

⁸ В битве под Вимейро 21 июля 1808 года сэр Артур Уэльсли (герцог Веллингтонский) разбил французские войска под командованием генерала Жюно; французские войска капитулировали в Синтре, а затем возвратились во Францию.

⁹ Немецкий обычай.

¹⁰ Андалуски, в особенности обитательницы Кадиса, славятся по всей Испании своими маленькими ножками и приятным выговором.

¹¹ Трагический конец несчастного Порльера хорошо известен.

¹² Исторический факт.

¹³ Правитель.

¹⁴ Дворец.

¹⁵ Известно, что под Байленом армия генерала Дюпона вынуждена была капитулировать перед ополчением Кастаноса и швейцарского генерала Рединга.

¹⁶ По-испански — *guerra a cuchillo*; знаменитый ответ военачальника Палафокса, которому предложили почетную капитуляцию при первой осаде Сарагосы.

¹⁷ Смотри бюллетени и прокламации Наполеона и Мюрата.

ЖЕНЩИНА-ДЬЯВОЛ, ИЛИ ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ

*Комедия*¹

Demonio

*Yo haré que el estudio olvides,
Suspendido en una rara
Beldad.*

Calderón. «El magico prodigioso»*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Милостивые государыни и милостивые государи!

Автор комедии, которую он выносит на ваш суд, позволил себе сойти с проторенной дороги. Он впервые вывел на сцену особ, которых нас учат почитать наши кормилицы и няньки. Смелость эта, пожалуй, многих возмутит и даже будет названа кощунством, но выводить на театре жестоких служителей милосердного бога еще не значит нападать на нашу святую веру. Грехи ее проповедников способны помрачить ее сияние не больше, чем капля чернил — прозрачные воды Гуадалкивира.

Передовые испанцы научились отличать истинное благочестие от лицемерия. Их-то автор и избирает своими судьями в надежде, что они ничего, кроме шутки, не увидят там, где милейший Торкемада усмотрел бы повод для аутодафе со множеством сан-бенито.

---

* Д е м о н

Я сделаю так, что, плененный этой редкостной красотой, ты позабудешь всякую науку.

К а л ь д е р о н. «Чудодейственный маг» (исп.).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Брат Антоньо² }
Брат Рафаэль } инквизиторы.
Брат Доминго }

Марикита.
Слуги инквизиционного трибунала.

Действие происходит в Гранаде во время войны за престолонаследие.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Зала инквизиционного трибунала в Гранаде.

Справа на крытом черным сукном возвышении три кресла; среднее поставлено несколько выше боковых. В глубине неясно различаются орудия пытки. Под возвышением стол и стул для секретаря. Освещение тусклое.

Рафаэль и Доминго — оба в полном облачении инквизиторов.

Рафаэль. Повторяю, сеньор Доминго: это вопиющая несправедливость. Вот уже семнадцать лет я состою инквизитором в Гранаде. Я отправлял на костер по два десятка еретиков ежегодно. И вот как оценил мои заслу-

ги его высокопреосвященство господин великий инквизитор! Поставить надо мной молокососа!

Доминго. Это возмутительно. Я вам тоже могу на него пожаловаться. Знаете, что это доказывает? Что его высокопреосвященство великий инквизитор просто дурак.

Рафаэль. Это всем известно. Но что он несправедлив и фанатичен — этого я не знал.

Доминго. Что он, в сущности, против нас имеет?

Рафаэль. Что повредило мне в его глазах, я знаю. Пустяк! История с еврейкой: я ее окрестил, а ей вздумалось вдруг почему-то забеременеть, — в обществе это наделало много шума. Но в конце концов что тут особенного?

Доминго. Я слышал, будто он нас обвиняет еще и в том, что мы не христиане.

Рафаэль. Но так ли уж необходимо инквизитору быть христианином?

Доминго. Вас подвело это крещение с последствиями, а про меня у него в книжке и не то записано.

Рафаэль. Что ж, он вас в безбожники, что ли, зачислил?

Доминго. Если бы так! Каналья служка, прибирающий у меня в комнате, каким-то образом нашел у меня, да еще великим постом, цыплячью ножку и отнес его высокопреосвященству.

Рафаэль. Да, клянусь телом христовым, история пренеприятная!

Доминго. Еще хуже то, что новый инквизитор, которого он назначил председателем нашего трибунала, — это сущий демон, и ему вменено в обязанность за нами шпионить. И вдобавок этот негодяй искренне верует.

Рафаэль. Вы так думаете?

Доминго. Помяните мое слово: это будет второй Лойола. Он, говорят, до того дошел, что не способен отличить женщину от мужчины. О, это святой!

Рафаэль. Беда!

Доминго. Беда!

Рафаэль. Черт возьми! Вот как нас наградили за верную службу! Я сегодня в отвратительном настрое-

нии. Турком готов стать. Горе тем, кого доведется нам сегодня судить! Мне непременно нужно на ком-нибудь сорвать свою злобу. На костер, на костер и еще раз на костер! Без всяких разговоров!

Доминго. Аминь! Сегодня суббота, а по субботам я имею обыкновение только осуждать. Оправдываю я по понедельникам. Таким образом, если случается так, что невинные приходится на дурной день, то ответственность за такую путаницу ложится на господа бога. А кстати, что же случилось с вашей еврейкой?

Рафаэль. Она, дурочка, в родильном доме.

Доминго. И то дура! (В сторону.) А еще глупее тот, кто поместил ее туда.

Рафаэль. Что вы бормочете?

Доминго. Я? Ругаю этого идиота великого инквизитора.

Рафаэль. Чтоб его черт побрал!

Доминго. Тсс! Тут слишком сильное эхо. Разойдемся. Вот и наш святой.

Расходятся в разные концы сцены и принимаются за свои молитвенники. Входит Антоньо в полном облачении.

Антоньо. Ваши высокопреподобия! Нам предстоит сегодня рассмотреть очень важное дело, и вы к этому, я вижу, готовитесь. Мы будем судить женщину-колдунью, заключившую, отцы мои, договор с самим дьяволом. Говорят, князь тьмы наделил эту несчастную сверхъестественными способностями. Но укрепимся духом: крест, который мы носим, оградит нас от когтей лукавого, даже если бы он мог проникнуть сквозь благословенные стены священного трибунала³.

Доминго. У нас он только потратил бы даром время.

Антоньо. Ах, отцы мои, не говорите! Плоть наша брэнна — сосуд скудельный. Что касается меня, жалкого грешника, то вся моя сила — в сознании моей слабости. Вас сделала неуязвимыми для искушения долгая праведная жизнь, а я молод годами и небогат подвигами благочестия. О, как я нуждаюсь в мудрых наставлениях ваших среди подводных скал житейского моря!

Рафаэль. В наставлениях мы все нуждаемся.

Доминго. Предостерегая друг друга, мы легче поборем соблазны сатаны.

Антоньо. «Господи! Не введи меня во искушение» — вот о чем я молюсь ежеминутно. Ведь так легко пасть! Как бы бдительно душа ни оберегала себя, враг рода человеческого — лукавый змий: он пролезет в малейшую скважину, единая капля его яда может разъесть душу навеки, и я, конечно, пал бы уже давно, если бы не заступничество моего всеблагого покровителя — святого Антония.

Рафаэль (*в сторону*). У него совесть нечиста. Любопытно! (*Громко*.) Какому же великому искушению подвергались вы произволением Божиим?

Антоньо. У нас остается еще немного времени до заседания, а чистосердечное раскаяние полезно каждому из нас, чтобы подготовить душу к предстоящему нам делу. Выслушайте же меня, отцы мои. Я всегда полагал, что женщина — самое надежное из орудий, каким располагает дьявол. Вы согласны с этим? Встреча с женщиной опаснее встречи с аспидом...

Доминго (*с напускным изумлением*). Как? Неужели? Женщина?..

Антоньо. С младенчества я находился в обители и никогда ее не покидал. Еще полгода назад единственной знакомой мне женщиной была моя матушка. О, если бы небу было угодно, чтоб я не встречался с другими!

Рафаэль (*с таким же притворным изумлением*). Пресвятая дева! Я трепещу.

Антоньо. Сатана поразил меня однажды жестокой болезнью, и жизнь моя была в опасности... Я молил бога дать мне умереть невинным... Но он не услышал моей мольбы. Я был возвращен к жизни. Врачи для окончательного восстановления моего здоровья предписали мне подышать чистым воздухом в загородном домике, принадлежащем нашей обители. Ввиду полного безлюдия я решился выйти за ограду и прогуляться в одиночестве... Я испытал свои силы на лоне природы и уже возвращался домой, как вдруг, у самой двери... взгляд мой падает на существо, которое, судя по одеянию, я принимаю за женщину. Внезапное ее появление привело

меня в такое замешательство, что у меня даже не хватило мужества закрыть глаза. В смятении, сам не свой, стоял я перед нею, и образ ее все глубже запечатлевался в сердце моем. Тщетно хотел я бежать — ноги мои вросли в землю. Как в тяжелом сне, я видел опасность, но обессилел, онемел. Я был точно птичка, замороженная аллигатором. Кровь моя кипела... Я испытывал страх... Я трепетал... И все же, если такое сравнение не кощунственно, я ощущал тот же блаженный восторг, какой на меня иной раз находил перед образом мадонны. Еще несколько мгновений — и я умер бы на месте. Я чувствовал, как душа меня покидает... Я умер бы, и умер бы во грехе, если бы это создание не сделало шага по направлению ко мне. Ее внезапное движение нарушило очарование и удвоило мой страх... Мне удалось крикнуть «Иисусе» — и пресвятое имя спасло меня. Я бросился бежать со всех ног, без оглядки, к духовному отцу моему и в его объятиях облегчил свою потрясенную душу.

Рафаэль (с глубоким вздохом). Я ожидал худшего. Антоньо. Но сатана не выпустил своей жертвы. Я бежал, но унес в себе ядовитое жало. Увы!.. Приходится сознаться... Оно до сих пор у меня в груди. Ни посты, ни молитвы, ни умерщвление плоти — ничто не могло доньше вырвать из моих мыслей образ этой женщины. Она меня преследует в сновидениях, я вижу ее всюду... Эти большие черные глаза... кошачьи глаза, ласковые и в то же время жестокие... Я вижу их... всегда... Вот и сейчас вижу. (Закрывает лицо руками.) Мне стыдно в этом сознаться, но дух мой при чтении священного писания часто витает вдали от дивных слов евангелия. Глаза и уста читают слова, не вникая в их смысл... Душа моя всецело предана этой женщине. Не подлежит сомнению, что этот образ принял диавол, чтобы искушать моего святого покровителя! Святой Антоний! Пошли мне свое мужество!

Рафаэль и Доминго (вместе). Помоги вам господи!

Антоньо. Аминь! Как может бедный грешник судить других, если он не знает, не предаст ли страшный суд его самого огню, уготованному грешникам?

Молчание.

Исполним, однако, сегодня наш долг, сколь он ни тягостен, и вспомним, что жребий человека — в горестях проводить свою жизнь. (*Всходит на возвышение и занимает место между Рафаэлем и Доминго.*) Секретарь! Огласите дело и велите ввести подсудимую.

Рафаэль. Зачем же вы закрыли глаза?

Антоньо. Я бы рад был ослепнуть! Сейчас перед нами предстанет женщина.

Секретарь. Обвиняемая Мария Вальдес! Предстаньте перед священным трибуналом.

Двое слуг инквизиции вводят Марикиту; на ней вуаль.

Антоньо (*не открывая глаз*). Женщина! Как ваше имя?

Марикита. Меня зовут Мария Вальдес, чаще — Марикита, а по прозвищу я Сорванец. Вот мое имя, фамилия и кличка.

Антоньо (*громко*). Сколько вам лет?

Марикита. Стоит ли задавать такой щекотливый вопрос женщине, если хотят услышать от нее правду? Но я откровенна: мне двадцать три года. Если сомневаетесь, взгляните на меня. Кажусь ли я старше? (*Отбрасывает вуаль.*)

Рафаэль и Доминго (*про себя*). Господи Иисусе! До чего хороша!

Антоньо (*все еще не открывая глаз, про себя*). Прочь от меня, сатана, демон любопытства! Тебе не одолеть меня! (*Громко.*) Чем вы занимаетесь?

Марикита (*колеблясь*). А, черт! Как бы вам сказать?.. Я пою, танцую, стучу кастаньетами и так далее и так далее.

Антоньо (*по-прежнему не открывая глаз*). И в таких забавах, самые названия коих мне, хвала создателю, незнакомы, вы растрчиваете время, которое должно быть посвящено слезам покаяния?

Марикита. Да в чем же каяться и о чем плакать тому, господин лицензиат, кто не сделал ничего дурного?

Антоньо (*по-прежнему не открывая глаз*). Ничего дурного? Спроси свою совесть!

Марикита. В чем же она упрекнет меня, по вашему мнению? Правда, несколько грешков я знаю за собой.

Но в это воскресенье я исповедалась в них священнику Мурсийского пехотного полка, и он мне их отпустил. Позвольте же мне уйти и не пугайте меня больше своими черными мангиями и всем вашим...

Антоньо (*по-прежнему не открывая глаз*). Марика Вальдес! Вы говорите, что совесть ваша чиста! Подумайте и не лгите.

Марикита. Я сказала вам всю правду. Надеюсь, мне можно уйти?

Рафаэль (*к Антоньо*). Задайте ей наводящий вопрос.

Антоньо (*по-прежнему не открывая глаз*). Знаете ли вы женщину по имени Хуана Мендо?

Марикита. Как не знать! Мы с ней подруги!..

Антоньо (*по-прежнему не открывая глаз*). Не ссорились ли вы с ней когда-нибудь?

Марикита. Нет... Ах, простите! Несколько дней назад она ко мне прицепилась из-за того, что я будто бы отбила у нее кавалера, а это неправда, господин лицензиат. Просто Мануэль Торривьо сказал ей, что мои черные глаза красивее, чем ее карие.

Антоньо (*про себя*). Черные глаза! (*Закрывает глаза руками.*) Сеньор Рафаэль! Будьте добры, ведите допрос вместо меня.

Рафаэль (*просмотрев бумаги, сладким голосом*). Марикита! Не проходили ли вы в пятницу пятнадцатого августа мимо оливкового питомника Хуаны Мендо, кушая на ходу гранат?

Марикита. Откуда мне это помнить?

Рафаэль. Отвечайте: да или нет?

Марикита. Кажется, да.

Рафаэль (*читая*). А не бросали ли вы в питомник зернышки граната, помахивая при этом в воздухе прутиком орехового или иного дерева с двумя концами?..

Марикита (*смеется*). А вам бы хотелось, чтобы у прутика был один конец?

Рафаэль. Не забывайте, кто перед вами!.. С двумя концами, очищенными от коры? Отвечайте.

Марикита. Да разве я помню?

Рафаэль. Да или нет?

Марикита. Ну, пускай да.

Рафаэль. А не пели ли вы в то же время нечестивую песню, в которой часто упоминается некий Джон Ячменное Зерно?

Марикита (смеется). Ха-ха-ха! Господин лицензиат! О чем вы спрашиваете? Я пела английскую балладу. Перевела ее ваша покорная слуга. Научил меня ей трубач, служивший в армии лорда Питерборо, в Мэкейском полку. В ней действительно говорится о смерти Джона Ячменное Зерно.

Доминго. Кто же такой этот Ячменное Зерно? Какой-нибудь дух тьмы?

Марикита. Ха-ха-ха! Ячменное Зерно и есть ячменное зерно. В балладе поется о том, как из ячменных зерен варят пиво, которое пьют англичане. Отпустите меня, и я вам ее пропою, потому что вы с виду добрый малый, не такой, как этот. (Показывает на Антоньо.)

Антоньо (все еще не открывая глаз). Трудно предположить, что в этом имени нет скрытого смысла.

Марикита. «Позор тому, кто видит в хорошем дурное», как было написано на берете капитана О'Тригера.

Антоньо (все еще не открывая глаз). Чем же вы объясните, что наводнение размыло питомник Хуаны Мендо?

Марикита (смеется). Чем объясню? Я и не собираюсь объяснять. Спросите у Гейара, почему он разлился.

Антоньо (все еще не открывая глаз). А я об этом спрашиваю именно вас: почему вы приказали ему разлиться?

Марикита. Послушайте: вы, может быть, еще не завтракали сегодня? Или у вас голова не в порядке? Уж не за колдунью ли вы меня принимаете?

Антоньо (все еще не открывая глаз). Именно за колдунью.

Марикита. Покорно благодарю! Если бы меня не пугал ваш грубый голос, я померла бы со смеху.

Антоньо (все еще не открывая глаз). Как бы ваш смех не перешел в слезы... Так вы отрицаете, что наводили порчу на оливки Хуаны Мендо?

Марикита. Да разве я умею наводить порчу?

Антоньо (все еще не открывая глаз.) Искупить можно любой грех. Женщина! Заклинаю тебя именем создателя! Говори правду, если не хочешь погубить свою душу.

Марикита. Но будь я колдуньей, разве я давно уже не вылетела бы отсюда в трубу?

Антоньо (все еще не открывая глаз). Подумайте и вострепещите! Потом вам даже и признание не поможет.

Рафаэль. Она строитива, почтенный собрат. Вот если бы я с нею поговорил наедине...

Доминго. Нет, предоставьте ее мне, сеньор Рафаэль,— вы забываете, что вам надо подготовить доклад...

Антоньо (все еще не открывая глаз). Нам нельзя отступить от устава священного трибунала... В последний раз я задаю вам вопрос, Мария Вальдес: колдунья ли вы?

Марикита. А я в последний раз отвечаю: нет! Ну и бестолковый же вы!

Антоньо (все еще не открывая глаз). Несчастливая! Я умываю руки. Кровь твоя падет не только на тебя. Статья сорок восьмая положения о следствии гласит: «Если обвиняемый или обвиняемая упорно отрицает свою вину, а обвинение опирается на свидетельские показания или же на документы, председательствующий для проверки таковых имеет право подвергнуть обвиняемого или же обвиняемую пытке».

Марикита. Пытке?.. Иисусе, Мария... Так вы меня станете рвать на клочья? Сеньоры лиценциаты! Сжальтесь над несчастной невинной девушкой! Заклинаю вас: не дайте мне умереть в муках! Уж лучше заточите меня в подземелье, лишите солнечного света, только не убивайте, не пытайте меня!

Рафаэль. Сеньор Антоньо! Пожалейте ее молодость!

Доминго. Она невиновна, дорогой собрат. Будьте снисходительны!

Антоньо (все еще не открывая глаз). Так велит устав. Палач Педро Грасиас! Войдите!

В глубине сцены появляется палач.

Марикита. Не надо, не надо! Пощадите, пощадите! Взгляните на меня! *(Бросается на возвышение и обнимает колени Антоньо.)*

Антоньо *(открывает глаза)*. Ах!

Рафаэль. Сеньор! Сжальтесь! Но... что с вами?

Антоньо *(дрожащим голосом)*. Я узнаю тебя... Так ты меня в ад повлечешь?.. Ты срываешь с себя брачную одежду, и я вижу опаленную кожу дьявола... Так я уже в аду? Никакие мессы, даже сам святой Антоний не вызволят меня отсюда. *(Падает без чувств.)*

Рафаэль. Он сошел с ума!

Доминго *(слугам)*. Отнесите его в келью. *(Мариките, тихо.)* Успокойтесь, дитя мое! Вас пытаться не будут.

Рафаэль *(Мариките, тихо)*. Не бойтесь. Не для таких, как вы, держим мы дыбу. *(Слугам.)* Уведите ее. Отведите ей хорошую камеру, но не позволяйте ни с кем общаться.

Доминго *(Мариките, тихо)*. Опасайтесь брата Рафаэля. Я сделаю для вас все, что смогу.

Рафаэль *(Мариките, тихо)*. Опасайтесь брата Доминго — он старый лицемер. Но я принимаю в вас участие. До свиданья, дитя мое! *(Похлопав ее по щеке.)* Я ваш друг. Прощайте! *(Направляясь к выходу, про себя.)* Не дам я тебе видеться с нею!

Доминго *(направляясь к выходу, про себя)*. Не видать тебе ее, старый сатир, или пусть с меня снимут сутану!

Марикиту уводят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

. Келья Антоньо. На стене образ мадонны.

Антоньо *(один, мечется по комнате)*. Кончено!.. Все пропало... Я погиб... Проклят!.. Более страшное проклятие не постигло бы меня, даже если бы я согрешил с нею... Я уже не могу молиться. Да и к чему... теперь?.. Нет, я молиться не стану! Я уже проклят... Тем лучше! Но пока я жив... Мария! Марикита! Я хочу думать только о тебе! Я хочу, чтобы наши две души слились воедино!

Молчание.

Как? Вечным своим спасеньем пожертвовать ради женщины, а она, быть может, падший ангел, искунитель?.. Тридцать лет молитв и самобичеваний пойдут прахом?.. Живи я в миру, я тоже был бы проклят... А я влачил тягостную жизнь для того, чтобы меня все-таки проклял бог...

Молчание.

Все время вижу ее перед собой. (*Закрывает лицо руками.*)

Молчание.

(*Становится на колени перед образом мадонны.*) Пресвятая богородица! Спаси меня!.. Я... я... Да, это она, те же черты... Ее черные глаза!.. О Марикита! (*Протягивает руки к образу и в ужасе отшатывается.*) Господи! Глаза ее мечут молнии. Ты осуждаешь меня за кощунство!.. Решусь ли... Нет, ты не увидишь моего греха. Уйди! (*Поворачивает образ ликом к стене.*)

Молчание.

Если бы вернуться расстригой в мир... Но что за мысли? Да, я сниму с себя сан, я его оскверню, но я запрусь у траппистов... Там, говорят, умирают быстро, а мне этого только и надо... Я умру с ее именем на устах. Но почему смерть?.. Почему такое тяжкое искупление? В конце концов какой же это грех? Мы и без того в сей юдоли несчастны, помимо власяницы и плети... Разве я не могу... Были святые, имевшие жен, детей... Я хочу жениться, быть отцом, быть добродетельным главой семьи. Ты лжешь, сатана, не за это я достанусь тебе! Я воспитаю благочестивое потомство, и это будет богу столь же угодно, как и дым наших костров... Безумец! Не я ли торжественно отрекся от мира? Не сам ли господь принял мой обет? И не адский ли огонь ждет клятвопреступника?

Молчание.

Я великий грешник!.. Для меня нет спасения. Одним своим взглядом эта женщина с корнем вырвала благочестие из моей души. Не удержаться мне на краю пропасти... Так брошусь же я в нее очертя голову!.. Развернись, преисподняя! (*Убегает.*)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Камера во дворце инквизиции.

М а р и к и т а (одна, сидит на кровати). Бедная Мария! Где ты очутилась? Что с тобой станется? Марики-та-«Сорванец» в инквизиции! Да я бы расхохоталась... А тут бедного Сорванца сожгут! Ох, мороз по коже... О свечу ожечься — и то страх как больно, а тут все тело в огне! (Плачет.) Подумать только! Они хотят меня сжечь, меня, добрую католичку! Ведь я не пошла за капрала Харди только потому, что он еретик. Уж он ли был не красавец! Пять футов десять дюймов росту! И кроме того, если бы я уехала с ним в Англию, капитан О'Триггер сделал бы его сержантом (так он обещал), а я стала бы маркитанткой... Ах, и дура же я! *Damn their eyes*, как они говорили! Будь прокляты святоши! Все они распутники! Может быть, те двое, толстомордые, которые меня улещали, не дадут этому долговязому бросить меня в огонь. Брр!.. Не буду больше об этом думать. Все равно горю не поможешь! Да здравствует веселье! Споем для развлечения ту песню, которая показалась им тарабарщиной. (Поет.)

Его цепями стали бить,
Кидали вверх и вниз.—
И, чтоб вернее погубить,
Подошвами прошлись...

И плоть его сожгли сперва,
И дымом стала плоть...⁴

Ах, бедный Джон Ячменное Зерно! Как ему было больно! Вот так же больно будет и мне. Неужели я буду гореть?

Входит Антоньо.

Антоньо. И на этом свете и на том.

М а р и к и т а (в ужасе отстраняясь от него). Ай! Уже! Что же это? Уже!

Антоньо. Мария!

М а р и к и т а (отстраняясь от него). Еще хоть четверть часика!

Антоньо. Мария... Я твой... весь твой. Я больше не инквизитор... Я просто Антоньо... Я хочу быть...

Марикита (отстраняясь от него). Моим палачом? А, вы мой палач!

Антоньо. Нет, нет... Не палач... Я твой друг... Мы станем единой плотью и единой душой... Будем, как Адам и Ева!

Марикита (приближаясь к нему). Как отец мой? Вы хотите быть моим любовником?

Антоньо. Да, да, я твой любовник! Мы будем вечно любить друг друга.

Марикита. И вы меня уведете отсюда?

Антоньо. Хорошо, но сначала полюби меня!

Марикита. Это успеется. Главное — бежать.

Антоньо (в исступлении). Марикита, смотри: я отрекаюсь от обета, я больше не священник, я хочу быть твоим любовником... твоим мужем, твоим любовником... Мы убежим в пустыню. Мы будем питаться дикими плодами, как отшельники...

Марикита. Ну вот еще! Постараемся лучше улепетнуть в Кадис. Оттуда постоянно уходят суда в Англию. Это хорошая страна. Говорят, там все попы женаты. Никакой инквизиции нет... Капитан О'Тригер...

Антоньо. Умолкни, супруга моя, не говори мне об английских капитанах... Я не хочу, чтобы ты о них говорила.

Марикита. Уже ревновать?.. Бежим скорее!

Антоньо. Сейчас. Но сперва докажи мне свою любовь.

Марикита. Ну так скорее! Уж очень вы невинный...

Антоньо. Я — невинный? Невинный? Я величайший грешник! Проклятый! Окаянный! Окаянный! Но я люблю тебя и отрекаюсь от рая, лишь бы смотреть в твои глаза.

Марикита. Бежим, бежим, а уж потом будем милоститься, как голубки. Ну! (Целует его.)

Антоньо (кричит). Что мне ад, когда я так счастлив!

Входит Рафаэль.

Рафаэль (крестится). Свят, свят, свят! Что я вижу?

Антоньо. Рафаэль!

Рафаэль. Злодей! Ты осквернишь крест, который на тебе!

Антоньо. Сеньор Рафаэль! Я уже не священник, я супруг Марикиты!.. Благословите наш брак... повенчайте нас! (Падает на колени.)

Рафаэль. Проклятье божье да падет на твою голову!

Антоньо (хватает его за ворот). Венчай, а то — убью!

Некоторое время между ними идет борьба. Потом Антоньо опрокидывает Рафаэля, тот выхватывает кинжал.

Марикита. Берегись! Ты! Невинный!

Антоньо (вырывает у него кинжал). Вот тебе, злодей! (Вонзает в него клинок.)

Рафаэль. Ах!.. Я убит! Дьявол ждет меня!.. Антоньо! Ты меня перехитрил... Кто бы мог подумать!.. Но я прощаю тебя за твою ловкость... а еще потому, что не могу... отомстить. Прощай... Я для тебя приготовлю там котел... А покамест... остаток дней своих... наслаждайся. Доминго... я его запер... Удалил надзирателей. Но ты меня опередил... Ты не так глуп... как я думал...

Антоньо (потрясен). Ты не творишь молитвы?

Рафаэль. Молитвы?.. Ха-ха-ха!.. Вот я и готов. (Умирает.)

Марикита. Я надену его сутану, и мы выйдем. Нас никто не узнает.

Антоньо. За один час я успел стать развратником, клятвопреступником, убийцей.

Марикита. При виде такого трагического конца вы, я полагаю, скажете вместе с нами, что женщина — дьявол.

Антоньо. Так кончается первая часть *Искушения святого Антония*. Не судите строго автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клара Гасуль пользуется словом «комедия» (*comedia*) в том смысле, в каком его употребляли старинные испанские поэты, которые именовали так все драматические произведения — и веселые и серьезные.

² Некоторые выражения в роли Антоньо, возможно, оскорбят слух дам. Автор просит их принять к сведению, что этот бедный юноша не вращался в светском обществе и не читал ничего, кроме священного писания, где все вещи называются своими именами.

³ Сам дьявол может войти в помещение священного трибунала не иначе, как с разрешения инквизитора.

⁴ Офицер 42-го английского полка научил меня этой песенке; я перевела ее на испанский язык и сама подобрала к ней музыку. Мне было тогда 13 лет (в 1812 году).— К. Г.

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Баллада

Три короля из трех сторон
Решили заодно:
— Ты должен сгинуть, юный Джон
Ячменное Зерно!

Погибни, Джон,— в дыму, в пыли,
Твоя судьба темна!
И вот взрывают короли
Могилу для зерна...

Весенний дождь стучит в окно
В апрельском гуле гроз,—
И Джон Ячменное Зерно
Сквозь перегной пророс...

Весенним солнцем обожжен
Набухший перегной,—
И по ветру мотает Джон
Усатой головой...

Но душею осени дано
Свой выполнить урок,—
И Джон Ячменное Зерно
От груза занемог...

Он ржавчиной покрыт сухой
Он — в полевой пыли...
— Теперь мы справимся с тобой, —
Ликуют короли...

Косою звонкой срезан он,
Сбит с ног, повергнут в прах,—
И скрученный веревкой Джон
Трясется на возах...

Его цепями стали бить,
Кидали вверх и вниз —
И, чтоб вернее погубить,
Подошвами прошлись...

Он в ямине с водой — и вот
Пошел на дно, на дно...
Теперь, конечно, пропадет
Ячменное Зерно!..

И плоть его сожгли сперва,
И дымом стала плоть.
И закружились жернова,
Чтоб сердце размолоть...
. . . . .

Готовьте благородный сок!
Ободьями скреплен
Бочонок, сбитый из досок,
И в нем бунтует Джон...

Три короля из трех сторон
Собрались заодно,
Пред ними в кружке ходит Джон
Ячменное Зерно...

Он брызжет силой дрожжевой,
Клокочет и поет,
Он ходит в чаше круговой,
Он пену на пол льет...

Пусть не осталось ничего
И твой развеян прах,
Но кровь из сердца твоего
Живет в людских сердцах!

Кто горьким хмелем упоен,
Увидел в чаше дно,—
Кричи:
— Вовек прославлен Джон
Ячменное Зерно!.. *

---

* Перевод Э. Багрицкого. У. Мериме текст баллады приводится на английском языке.

АФРИКАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Комедия

Amor loco

A dos hidalgos disparo la flecha

*Lope de Vega. «El guante
de doña Blanca»*.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хаджи¹ Нуман.
Зейн-Бен-Умейда.
Баба-Мустафа.
Мохана.

Действие происходит в Кордове.
Беседка в садах Хаджи Нумана.

Хаджи Нуман, Баба-Мустафа.

Хаджи Нуман. Ну, что слышать о Зейне?

Баба-Мустафа. Мне только что рассказывал о нем Омар, страж калифа.

Хаджи Нуман. Говори!

Баба-Мустафа. Он видел его вчера на невольничьем рынке. Твой друг разговаривал с одним торгов-

---

* Амур-безумец
Двоих идалго поразил стрелой.

Лопе де Вега. «Перчатки доньи Бланки» (исп.).

цем, потом вдруг вскочил на коня и ускакал через Джем-Джемские ворота.

Хаджи Нуман. Кто же этот работорговец?

Баба-Мустафа. Сдается мне, господин, что это старый Абу-Тагер, который продал тебе вчера прекрасную Мохану.

Хаджи Нуман. Ты говорил с ним?

Баба-Мустафа. Я не застал его: он был у кади.

Хаджи Нуман. Что означает это внезапное бегство? Что могло приключиться с Зейном?

Баба-Мустафа. Он выехал через Джем-Джемские ворота — значит, наверное, он отправился в Семелалию, к войскам визиря.

Хаджи Нуман. Полно! Поедет ли он сражаться с неверными, не обняв друга?

Баба-Мустафа. Коли прикажешь, я схожу еще раз к Абу-Тагеру.

Хаджи Нуман. Сходи, сходи!.. Слушай: ты отнес Мохане мои подарки?

Баба-Мустафа. Да, господин, я сам надел ей на шею новое ожерелье. Аллах! Какая она красавица! Много я видел на моем веку красивых женщин, но равной Мохане — никогда. Вздумай ты ее перепродать, то хоть она и потеряла вчера то качество, которое вы так цените, а все же ты вернул бы обратно заплаченные за нее десять тысяч динариев².

Хаджи Нуман. Никогда я ее не продам, Мустафа. Пусть сам калиф, мой господин, потребует, — я и ему откажу, хотя бы мне пришлось потом бежать к зейновым бедуинам и быть исключенным из числа правоверных³. Как тебе показалось: довольна она моими подарками?

Баба-Мустафа. Она говорит, что рада обладать такими прекрасными вещами, если станет от этого любезней твоему взору.

Хаджи Нуман. Прелестное создание!

Баба-Мустафа. Какая разница между женщинами у нас и у неверных! Когда я был пленником в Леоне, я насмотрелся на нравы тамошних женщин. У нас они все покорны, стараются наперебой угодить господину. Достаточно двух евнухов, чтобы управиться с двад-

цатью женщинами... А подите к испанцам: одна женщина командует там двадцатью мужчинами...

Хаджи Нуман. Принеси-ка шербету и плодов, да пусть Мохана придет сюда ко мне в беседку.

Баба-Мустафа. Слушаю и повинуюсь. (Уходит.)

Хаджи Нуман. Ты так всю жизнь и будешь бедуином, Зейн!.. Вечно во власти мимолетных мыслей, он забывает приглашение друзей и скачет, куда влечет его прихоть... Наверно, ему взбрело в голову перевестись копьем с каким-нибудь назарейским всадником. Храни его аллах!

Входит Баба-Мустафа.

Баба-Мустафа. Господин, господин! Твой друг Зейн слезает с коня у ворот. Клянусь аллахом, уж не случилось ли с ним беды? На Абджере нет шитого седла... Разве только...

Входит бедно одетый Зейн.

Хаджи Нуман. Зейн-Бен-Умейда! Да будет с тобой благословение божие!

Зейн. Хаджи Нуман! Да будет с тобой благословение божие! Можешь ты ссудить мне пять тысяч динариев?

Хаджи Нуман. Могу. Тебе они сейчас нужны?

Зейн. Как можно скорее.

Хаджи Нуман (дает Мустафе ключ). Мустафа!

Баба-Мустафа. Сю минуту. (Уходит.)

Хаджи Нуман. Ты видел палатки визиря? Бедуину уже наскучила кордовская жизнь?..

Зейн. Я ездил в лагерь по спешному делу. Я занимался торговлей, Хаджи Нуман, но занимался, видно, по-бедуински.

Хаджи Нуман. Уж не грабил ли ты караваны?

Зейн. С тех пор как служу Абдераму, я забыл подвиги пустынь. Чтобы добыть денег, я продал лошадей, продал драгоценности.

Хаджи Нуман. А почему же ты не обратился ко мне?

Зейн. Я подумал об этом, да слишком поздно.

Хаджи Нуман. Если не ошибаюсь, ты продал даже камень из своего ханджара? ⁴.

Зейн. Да, и всех лошадей, кроме Абджера: пока буду жив, поделюсь с ним последним куском хлеба. Но скажи: не надули ли меня? Что стоила оправа этого кинжала, который мне подарил наш славный калиф?

Хаджи Нуман. Девять-десять тысяч динариев, а то и больше.

Зейн. Десять тысяч палок еврею! Разруби его Некир ⁵ своей косой на десять тысяч кусков! Клянусь священной Кабой ⁶ и гробницами пророков, в первом же испанском городе, куда мы войдем, я снесу голову двенадцати евреям.

Хаджи Нуман. По гневу твоему вижу, что ты продешевил.

Зейн. Он дал мне полторы тысячи динариев.

Хаджи Нуман. В своем ли ты уме, бедуин? Разве можно иметь дело с евреями?

Зейн. Мне до зарезу понадобились деньги. Я шел по безестину ⁷ и увидел, как старый плут Абу-Тагер расхваливал своих невольниц. Одна из них мне понравилась, а он просил за нее девять тысяч динариев... Хаджи Нуман! До сих пор я называл бы безумцем того, кто женщину ценит дороже боевого коня, но вид этой женщины заставил меня все забыть! Я чуть было не выменял Абджера на это создание, на эту сбежавшую из рая гурию. Но я спохватился, поехал в Семелалию и продал все, что имел, кроме оружия и Абджера, однако выручил за все лишь четыре тысячи динариев. Я рассчитывал на тебя, что ты добавишь остальное.

Хаджи Нуман (смеется). Ха-ха-ха! Вот и ты попался, сын пустыни! Узнаю бедуина: он всегда действует не подумавши! Несчастный! Ты хочешь купить невольницу, а на что будешь жить? Каково тебе будет содержать и ее и Абджера?

Зейн. Разве у меня нет друга?

Хаджи Нуман. Есть, и он о тебе позаботится. Тебе нужно десять тысяч динариев, а не пять; ты их получишь.

Зейн. Спасибо, брат. Когда ты перестанешь осыпать меня своими щедротами?

Хаджи Нуман. Ах, Зейн! Я век останусь у тебя в долгу! Помнишь, как мы с тобой познакомились?

Зейн. Еще бы не помнить!

Хаджи Нуман. Я изнемог во время паломничества в Мекку; ты вылил на меня весь свой мех⁸, не оставив себе ни капли. Сколько ты тогда натерпелся!

Зейн. Мы, арабы, выносливее вас, мавров-горожан. А потом тебя бросили на песке, черного, иссохшего, как скорпион... Какой мусульманин не поступил бы подобно мне?

Входит Баба-Мустафа.

Баба-Мустафа. Господин! Пять тысяч динариев сложены в мешках в подвале. Хочешь пересчитать?..

Зейн. Нет, нет. Приготовь вьючного осла да отсчитай еще столько же. Сто динариев тебе. (Уходит.)

Хаджи Нуман. Мустафа!

Баба-Мустафа. Господин!

Хаджи Нуман. Волю Зейна исполнит другой раб. А ты пойдешь за Моханой.

Баба-Мустафа уходит.

Бедный Зейн! Потерял голову от новой своей любви. Хотел сменить Абджера на женщину! Должно быть, она сильно его пленила! Горе тому, кто переплатит за невольницу! Зейн продал камень со своего кинжала, но ему остается клинок.

Входит Мохана в сопровождении Мустафы.

Подойди ко мне, царица красоты. Скинь чадру. Твои прелести здесь будет созерцать только твой господин.

Мохана (скинув чадру). Что угодно моему льву?

Хаджи Нуман. Подойди, Мохана, сядь рядом со мной на диван. Неси угощение, раб. Ну, Мохана, довольна ли ты украшениями, что я тебе подарил?

Мохана. Господин! Ты осыпал дарами смиренную твою рабыню, и она не знает, как тебя за них отблагодарить.

Хаджи Нуман. Скоро у тебя будет кое-что лучше этих безделушек.

Мохана. Ах, господин! Покуда со мной твоя любовь, я всегда буду счастлива.

Хаджи Нуман. Милое дитя! Я богат и могуч. Моя мощь, мое богатство принадлежат тебе. Пожелай— и желания твои исполнятся.

Мохана. Ах, мой лев! Смею ли я просить твоей милости, не заслужив ее?

Хаджи Нуман. Проси— получишь. Не проси только Абджера — коня друга моего, Зейна.

Мохана. Господин! Твоя рабыня так счастлива со своим львом, что ей одного только остается пожелать. Я родилась в стране, которая лежит, видимо, очень далеко отсюда — близ города, прозываемого Дамаском. Отец мой был купцом, но аллах лишил его своих милостей, потому что он не исполнил своего обета — совершить паломничество в Мекку. За один год он потерял все добро. Брата убили курды; мать заболела и умерла. Чтобы прокормить себя и трех моих сестер, отцу пришлось меня продать⁹. О господин! Позволь мне послать им малую долю твоих подарков, чтобы я поделила с ними счастье, которым с тобой наслаждаюсь.

Хаджи Нуман. Доброе сердце! Больше ты ничего не просишь? Твой отец и сестры приедут в наш город, и сестрам я дам богатое приданое, если у них есть хоть малая доля твоей красоты.

Мохана. Я простираюсь у твоих ног.

Зейн (за сценой). Уходи прочь, раб, или я убью тебя!

Хаджи Нуман. Кто осмелился сюда войти? Мохана! Накинь чадру.

Входит Зейн с кинжалом в руке. Мохана прячется за диваном.

Как, Зейн? Тыходишь сюда, когда твой друг наедине с невольницей?

Зейн. Нуман! Неужели, когда я оказал тебе гостеприимство в своей войлочной палатке, я спас крокодила, которому суждено меня пожрать и насмеяться над своей жертвой?¹⁰

Хаджи Нуман. Что ты хочешь сказать, Зейн?

Зейн. Кто дал тебе смелость оскорблять Зейна, сына Амру, шейха¹¹ племени Умейда?

Хаджи Нуман. Но кто из нас кого оскорбил?

Зейн. Коварный мавр! Зачем ты предлагал мне деньги, отняв у меня ту, кого я ценил выше сокровищ калифа?

Хаджи Нуман. Я?

Зейн. Разве ты не купил невольницу у Абу-Тагера?

Хаджи Нуман. Да! Но какое право ты имел на нее?

Зейн (*вынимает кинжал*). А вот увидишь!

Мохана (*бросается между ними, чадра падает*).
Остановись, злодей! Убей меня вперед!

Хаджи Нуман. Ты потерял разум, Зейн! Ты поднимаешь кинжал на Хаджи Нумана! Что я тебе сделал? Не имел ли я таких же прав, как и ты, на эту невольницу? Разве я ее купил не на свои деньги? Моя ли вина, что ты так мешкал с покупкой?

Зейн (*пристально смотрит на Мохану безумным взглядом*). Ты прав.

Хаджи Нуман. Вот куда завлекло тебя сумасбродство! Не стань она между нами, ты убил бы брата!

Зейн. Я не смог бы тебя убить: Гавриил покрывает тебя своим щитом. Он покровительствует тебе, а я обречен Иблису¹².

Хаджи Нуман. Прощаю тебе, Зейн, но...

Зейн. Неразумный! Вели женщине накинуть чадру, не то я за себя не ручаюсь... Нуман, прошу тебя, прости меня! Любовь араба жарче и неудержимей самума¹³.

Хаджи Нуман. Ты взволнован...

Зейн. Слушай: когда я спас тебе жизнь, ты обещал мне исполнить любую мою просьбу! Просил ли я у тебя чего-нибудь, скажи?

Хаджи Нуман. Нет

Зейн. Отдай мне эту женщину!

Хаджи Нуман. Знаешь ли ты, как я ее люблю?

Зейн. Любишь ли ты ее, как я? Сделаешь ли ты для нее вот это? (*Пронзает себе руку кинжалом.*)¹⁴

Хаджи Нуман. Лютый тигр! На что тебе робкая газель?

Зейн. Ну?

Хаджи Нуман. Не могу!

Зейн. Обычай пустыни — соблюдать клятвы.

Хаджи Нуман. Возьми все мое добро. Я тебе все отдам...

Зейн. Хорошо обмен!.. И это ты предлагаешь Зейну! Зейну, который отдал старому Эль-Фарадже всю добычу племени Синеби за одного коня Абджера! Ну так вот: я, Зейн, предлагаю тебе Абджера и кинжал моего отца Амру за эту невольницу.

Хаджи Нуман (*умоляюще*). Зейн!

Зейн. Не поклялся ли ты священной Каабой, гробницами пророков и твоей саблей исполнить первую же мою просьбу?

Хаджи Нуман. Что сделал бы ты на моем месте?

Зейн (*нерешительно*). Что бы я сделал?..

Хаджи Нуман. Да, что бы ты сделал, Зейн?

Зейн. Я... я бы убил тебя! Вынимай кинжал!

Хаджи Нуман. Нет, не могу драться с тем, кто спас мне жизнь в пустыне. Слушай, бедуин. Вот способ уладить дело. Пусть Мохана сама выберет себе господина. Предпочтет тебя — она твоя.

Зейн. А сдержишь слово?

Хаджи Нуман. Мохана, выбирай!

Мохана. Мне ль выбирать между возлюбленным моим и свирепым дикарем? О господин мой! Твоя рабыня вечно будет любить тебя! (*Бросается в объятия Хаджи Нумана.*)

Хаджи Нуман. О Мохана! Зейн! Неужели ты отнимешь у меня невольницу, которая так меня любит?

Зейн (*удручен*). Вы созданы друг для друга... а я, я, несчастный! При рождении я был причиной смерти матери. В двенадцать лет я вышиб стрелой глаз брату... а сегодня хотел убить друга. Я попрекал его благодеяниями... О, это недостойно араба! Прощай, Хаджи Нуман!

Хаджи Нуман. Зейн! Проси у меня все, что я могу тебе дать.

Зейн. Мне ничего не надо. Я возвращаюсь в пустыню, в мою палатку.

Хаджи Нуман. Остайся с другом.

Зейн. Не могу.

Хаджи Нуман. Почему ты бежишь от меня?

Зейн. Я мог бы случайно убить тебя. Я себя знаю.

Хаджи Нуман. Ты вправе меня убить, я заслужил твой гнев.

Зейн. Как! Из-за женщины ты стал клятвопреступником, из-за женщины я чуть не стал убийцей? Не я ли из-за нескольких верблюдов делал не одну женщину вдовой, а младенцев — сиротами?

Хаджи Нуман. Остайся со мной или возьми меня с собой в пустыню.

Зейн. А рабыня тоже пойдет с нами?

Хаджи Нуман. У меня сестра — красавица, Зейн. Я отдам тебе ее...

Зейн. Брат! Вели рабыне снять чадру, позволь мне увидеть ее в последний раз перед уходом.

Хаджи Нуман. Мохана! Исполни его желание... Взгляни на него с любовью: он мне друг...

Зейн. Хаджи Нуман! Пусть аллах... (С яростью.) Нет, сразимся, и пусть решает сабля!

Хаджи Нуман. Вот ты опять рассвирепел! Мохана, удались!

Зейн (загораживает дверь). Нет, Мохана, остановись! (Хаджи Нуману.) Клятвопреступник! Трус! Предатель! Бесчестный клятвопреступник! Ты не уйдешь от меня!..

Хаджи Нуман. Зейн, несчастный, что ты делаешь?

Зейн. Она моя! Что мне до того, любит она меня или ненавидит? Не укрощал ли я диких жеребцов? Я сумею смирить и эту кобылицу. Мохана! Иди за хозяином, или я отрублю тебе голову.

Мохана (бросается в объятия Хаджи Нумана). Господин мой, лев мой, защити меня!

Хаджи Нуман. Стой!

Зейн. Бери саблю.

Хаджи Нуман. Ты не в силах защищаться... Твоя рука дрожит...

Зейн (ранит его). А что ты скажешь о таком ударе?

Хаджи Нуман (ударяет его). А ты о таком?

Зейн (повержен). Радуйся, кордовец, ты сразил героя Йемена!

Хаджи Нуман. О я несчастный! Я убил того, кто спас мне жизнь!

Зейн. А я дрался с хозяином дома! Я, шейх племени гостеприимных Умейда! Аллах! Аллах! Ты справедлив!

Хаджи Нуман. А я... Каких только мук я не заслуживаю! Я преступил клятву, данную именем священной Каабы, я убил друга.

Мохана. Господин!..

Хаджи Нуман. Проклятая! Это ты его убила. Ты не женщина, ты Ифрит¹⁵... ты сам Иблис.

Зейн. Иблис... он ждет меня!.. Прощай, брат... Абджер... Не забывай его... В Донголе есть негритянка... она беременна... от меня. (Умирает.)

Хаджи Нуман. Брат мой! Зейн, Зейн!

Мохана. Господин! Позволь рабе твоей...

Хаджи Нуман (поражает ее кинжалом). Вот тебе, несчастная! Пусть кровь Зейна сольется с твоей... Зейн, Зейн! Мы снова друзья. Я убил ее... Зейн! Зейн! Ты мне не отвечаешь, брат?

Входит Баба-Мустафа.

Баба-Мустафа. Господин! Ужин подан, представление окончено.

Хаджи Нуман. А! Тогда другое дело.

Все встают.

Мохана. Милостивые государи и милостивые государины! Вот как кончается *Африканская любовь*, комедия, или, если вам угодно, трагедия, как принято теперь выражаться. Вот два нелюбезных кавальеро, воскликнете вы. Согласна. Автор зря не придал своему бедуину чувства более испанские. Но на это он осмеливается возразить, что не в обычаях бедуинов учиться в Мадриде светским манерам и что любовь их пышет зноем Сахары. Что думаете вы о таком доводе? Думайте, что вам угодно, но не судите строго автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово *Хаджи* перед именем собственным означает мусульманина, совершившего паломничество в Мекку.

² Стоимость динария предоставляю определить ученым.

³ Калифы сочетали светскую власть с духовной. Те, кто им не подчинялся, отлучались от *джамата*, то есть исключались из числа правоверных.

⁴ Кинжал.

⁵ Ангел смерти.

⁶ Место, к которому мусульмане обращают свои молитвы. Кубической формы храм, построенный, как они утверждают, Авраамом.

⁷ Рынок.

⁸ К такому средству прибегают, чтобы привести в чувство путешественников, изнемогших в пустыне от зноя (см. *Странствия Али-Бея*).

⁹ См. *Путешествие на гору Ливан г-на Оттера*.

¹⁰ Намек на арабское поверье.

¹¹ Предводитель племени.

¹² Дьявол.

¹³ Южный ветер пустынь (см. *Странствия Али-Бея*).

¹⁴ См. *Письма леди Монтегю*.

¹⁵ Злой дух, вроде Медузы или Ламии.

ИНЕС МЕНДО, ИЛИ ПОБЕЖДЕННЫЙ ПРЕДРАССУДОК

Sease ella señoría, y venga lo que viniere.
«Don Quijote», II parte, cap. V*.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Эту необычную комедию Клара Гасуль написала по просьбе одной своей подруги, любительницы романов слезливых и неправдоподобных.

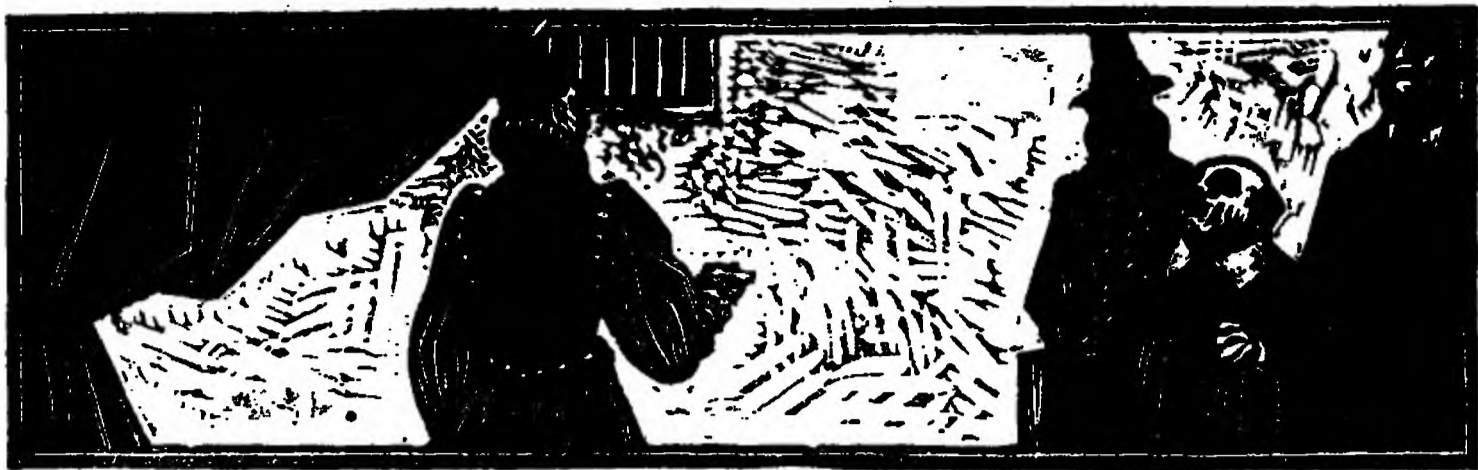
Автор, задавшийся целью воссоздать слог старинных испанских комедиографов, не сумел избежать и присущих им недостатков, а именно — стремительности действия, непоследовательности в его развитии и т. д. В то же время надо поставить ему в заслугу, что он не впал в стиль *culto* **, утомительный для читателей нашего времени.

Однако основным намерением Клары Гасуль при написании этой комедии было создание некоего пролога для второй части под названием *Торжество предрассудка*.

---

* Только бы ей стать вашим сиятельством, а все остальное вздор. «Дон Кихот», часть II, гл. V (исп.).

** Изысканный (исп.).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король.
Дон Луис де Мендоса.
Дон Эстебан, его сын.
Дон Карлос.
Священник.
Хуан Мендо.
Нотариус.
Секретарь суда.
Крестьяне, альгуасилы.
Инес Мендо!

Действие происходит в селении Монклар (Галисия) в 1640 году².

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В доме Хуана Мендо.
Мендо, священник.

Мендо. Когда мне рассказывают о грабеже или убийстве, я невольно бледнею, как будто сам виноват. Доныне руки мои еще не обагрлись кровью... Но в тот день, когда...

Священник. В нашей деревне живут, слава богу, люди простые и безобидные. Вот уже больше десяти лет не совершалось в Монкларе ни одного преступления.

Мендо. Все равно, эта страшная мысль не покидает меня. Каждую ночь я в ужасе просыпаюсь от одного и того же сна: на рыночной площади у ног моих

коленипреклоненный молодой человек с повязкой на глазах, молитвенно сложивший руки. Алькальд вручает мне топор и говорит: «Рази!..»

Священник. Молись, Мендо, и ты избавишься от подобных сновидений. Когда я вступил в орден, мне снилась каждую ночь моя двоюродная сестра; она убеждала меня сбросить сутану и бежать с нею из монастыря в Америку. Пост и молитва навсегда отогнали от меня недостойные видения.

Мендо. Ах нет, они всегда со мной!

Священник. Подумай, Мендо: ты мог бы быть еще несчастнее. Разве, по-твоему, спокойнее чувствует себя, например, инквизитор, засудивший человека на основании незначительных улик? Или судья, подписавший смертный приговор? С легкой ли совестью он идет на это? А между тем они сделали все для выяснения истины. Но ее так трудно установить!.. Кто, кроме бога, может похвалиться, что знает виновника преступления? Тебя мучит мысль: что о тебе говорят люди? Но ты живешь вдали от людей, и тебя мало кто знает. В этой деревушке уже не осталось таких старожилов, которые помнили бы, кем был твой отец.

Мендо. Ах, ваше преподобие! Мой отец...

Священник. Кажется, кроме алькальда и меня, никто не знает, что отцовским делом тебя заставляет заниматься несправедливый закон. Но если бы даже ты носил на лбу клеймо ремесла, презренного в глазах людей, ты и тогда бы должен был покорно нести свой крест ради господина, хвалить имя его и смиренно ждать дня, когда он тебя призовет к себе. Отверженный здесь, на земле, ты будешь в оный день сопричислен к избранным. Уж не думаешь ли ты, что и на небе существуют сословные различия?

Мендо. Бог — моя единственная надежда!

Священник. Сына у тебя нет, значит, после тебя не останется несчастных. Ты должен еще благодарить небо за эту милость.

Мендо. Но моя дочь, моя бедная Инес!.. Позор моего имени перейдет на нее... Увы, ей еще неизвестна эта чудовищная тайна!.. Не знаю, хватит ли у меня когда-нибудь мужества признаться ей... Мне бы надо было отдать ее в монастырь... Но примут ли ее?

Священник. Думаю, что примут, Мендо. И там она обретет супруга, который ценит чистое сердце выше, чем незапятнанный герб. Прощай. Я иду передать бедному больному милостыню от графа Мендосы.

Мендо. Нет человека благороднее и лучше графа! Вы знаете, он, такой знатный вельможа, удостоивает меня посещениями. Этой чести он не оказывает даже алькальду. Увы! Если б он только знал...

Священник. Не беспокойся. Впрочем, осторожности ради советую тебе избегать особой близости с ним. Прощай. (Уходит.)

Мендо. Целую ваши ноги. (Один.) Отверженный, изгнанный из общества людей!.. Прочтя мое имя на могильном камне, никто не скажет: *Requiescat in pace**. А за убийцу помолится всякий!.. Чем заслужил я такую судьбу?.. Сказано же в писании: «Сын не понесет вины отца»³.

Входит Инес.

Инес. С добрым утром, отец!

Мендо. С добрым утром, дочка! Вид у тебя смущенный, словно ты хочешь меня о чем-то просить.

Инес. Видишь ли, отец...

Мендо. Ну? Говори.

Инес. Видишь ли, отец... Я уже все прибрала в доме... и мне хотелось бы прогуляться на Мавританский холм... если только ты позволишь.

Мендо. Ты пойдешь гулять одна?

Инес. Нет, папа... Дон Эстебан...

Мендо. Послушай, Инес: если хочешь, иди. Но я, как друг, скажу тебе вот что, хотя мог бы сказать и как отец. Мы бедны, мы люди низкого происхождения... Тот, с кем ты хочешь встретиться, богат и знатен. Вспомни басню про горшки глиняный и чугунный.

Инес. Однако отец Эстебана... (поправляется) дона Эстебана дон Луис так добр со всеми!.. Он часто навещает тебя... Ты знаешь, как он тебя любит...

Мендо. Дон Луис приехал сюда три месяца назад, живет, как и мы, далеко от села и не видит никого, кроме меня. Не удивительно, что он навещается ко мне. А для дона Эстебана ты единственная в округе не совсем

---

* Покойся с миром (лат.).

чернолицая девушка, и ты ему приглянулась — это тоже не удивительно. Но запомни: разница в нашем положении достаточно велика, и Инес Мендо никогда не станет женой Эстевана де Мендоса. А стать его наложницей ты сама не пожелаешь... Избегай же всякой близости с господами Мендоса. Будь учтива с ними, и только.

Инес. А между тем дон Луис постоянно говорит, что, хоть он и граф, титул в его глазах не имеет никакой цены и что он ставит крестьянина, сына честных родителей, не ниже, чем любого испанского гранда.

Мендо. Все это хорошо на словах, но только доходит до дела, подобные рассуждения забываются сразу.

Инес. А дон Эстефан, барон, гвардейский офицер... И все же он говорит, что дворянин отлично может жениться на простой: он ее этим облагородит, а породы это не портит. Ему видней. Ведь все мы приходим от Адама, как говорит священник. Люди различаются только по роду занятий. Его дед был рыцарь, а мой... чем занимался мой дед?

Мендо (смущен). Мой отец?.. Он... он занимался тем же, чем я.

Инес. Должно быть, я тебя огорчила. Если тебе так хочется, я перестану встречаться с Эстеваном. Но только, милый папочка... прошу тебя: позволь напоследок привести его к тебе сегодня. Он хочет кое-что тебе сказать.

Мендо. Я забочусь о твоём же благе. Ваши встречи должны прекратиться.

Инес. Но он так любит меня!

Мендо. Ты ему веришь, бедная Инес?

Инес. Я в нем уверена. Отец!..

Мендо. Что?

Инес. А если он хочет жениться на мне?

Мендо (вздвигнув). Ах!

Инес. А если он тебе скажет об этом?

Мендо. Оставь меня!

Инес. Вот и дон Луис.

Входит дон Луис.

Дон Луис. Здравствуйте, сосед!.. Здравствуйте, милое дитя! Оставьте нас одних на некоторое время, пойдите в сад, там вас ждут.

Мендо. Инес!

Дон Луис. Молчите! Это я приказываю ей уйти. А вы останьтесь. Мне нужно с вами поговорить, а о чем; вы, верно, не догадываетесь.

Инес уходит.

Но сперва позвольте мне вас пожурить. Вы странный человек, Мендо. Я на вас в обиде. Единственный друг наш во всей округе — это вы, а к нам ни ногой.

Мендо. Простите, ваше сиятельство. Я бедный крестьянин. Куда мне водить знакомство с таким высокопоставленным сеньором, как ваша милость!

Дон Луис. Старая песня! Хоть я и граф, но знатность интересует меня не больше, чем мои изношенные сапоги. Если ваше общество мне милее общества какого-нибудь гранда, то что вы можете возразить? И потом, разве мы у вас не в долгу? Когда наши мулы чуть было не увлекли нас в пропасть, не вы ли их остановили, схватив под уздцы?

Мендо. Всякий другой сделал бы то же самое на моем месте.

Дон Луис. Правильно. Но выслушайте меня. Я не гордец. Я философ. Я читал древних авторов. И я вам скажу: нет ничего глупее аристократических предрассудков. Род Мендоса — один из старейших в Испании, а я принадлежу к старейшей его ветви, если хотите знать. Однако мне совершенно безразлично, называться «Хуан Мендо» или «Дон Луис де Мендоса».

Мендо (живо). Как? Быть Хуаном Мендо?

Дон Луис. Мендо и вправду звучит хуже, чем Мендоса. Мендо... Мендоса... Да, в этом са есть свое достоинство... Но оставим наши имена и займемся делами. Вы знаете моего сына. Славный малый, не правда ли? Отважен, умен, даровит. Он гвардейский офицер, у него все данные для блестящей карьеры. Десять герцогинь были не прочь выйти за него замуж... Захоти он только, он мог бы жениться на дочери герцога Вивара... Герцога Вивара!.. Понимаете? А герцоги де Вивар — это род, который не вчера на свет появился.

Мендо. Надо быть слепым, чтобы не восхищаться благородством барона де Мендоса.

Дон Луис. Но я, я философ. Что такое происхождение? — спросил я себя. За какие мои заслуги перед богом сотворил он меня графом де Мендоса, грандом первого класса, командором ордена Алькантары? Вырос ли я от этого в своих глазах? Эти взгляды я почерпнул у древних... Ах, Сенека!

Мендо. Я не совсем понимаю...

Дон Луис. Возвращаюсь к делу. Должен вам сказать... Угадайте... Мой сын любит и желает взять в жены... вашу дочь.

Мендо. Мою дочь?

Дон Луис. Я и сам не сразу на это согласился... Но он совсем потерял голову... И так как для мужчины неравный брак особого значения не имеет, а у Мендоса, благодарение богу, хватит знатности на целых две семьи, то я согласился на этот союз и пришел сговориться с вами о дне свадьбы... Ну? Что вы на это скажете?

Мендо. Помилуйте, ваше сиятельство!.. Вы загрязните свой герб!

Дон Луис. Пустяки! Жена ведь принимает титул мужа, а вы мне симпатичны... Есть у меня и другие побуждения. Во-первых, я философ... Во-вторых, герцог Медина Сидонья дразнил меня однажды тем, что все же я ни за что не женил бы своего сына на простолюдинке... Мне хочется доказать ему, что я на самом деле философ... Наконец, дон Родрико Пачеко поступил так же, как мой сын, а король совсем недавно назначил его все же губернатором одной из провинций.

Мендо. Ваше сиятельство!.. Это невозможно!.. Знаете ли вы, кто я такой?

Дон Луис. Вы? Самый упрямый человек на свете, клянусь богом!

Мендо. Чтобы Мендоса — и вдруг породнились с...

Дон Луис. С крестьянином? Это уж наша забота! Вам-то что до этого?

Мендо. Дон Луис! Я вас почитаю... Я даже смею вас любить... Но больше нам нельзя встречаться...

Дон Луис. Он помешанный!

Мендо. Я не могу вам открыть причину моего отказа, но, поверьте, она основательна.

Дон Луис. Убирайтесь ко всем чертям, мужлан! Как? Мой сын полюбил твою дочь, она полюбила его,

Эстебан желает на ней жениться, я даю на это согласие, а ты, вместо того чтобы поблагодарить меня за такую честь, мелешь вздор... Или, может быть, ваша милость считает, что мы слишком бедны или недостаточно знатны для вас?

Мендо. Инес сама должна понимать...

Дон Луис. Ну так вот что: я полагаюсь на нее. Если она скажет «да», вы согласитесь, не правда ли? Видал ли кто мужика, который бы так упирался, когда его хотят помыть?

Мендо (помолчав). Да, я скажу ей то, что она должна знать. Она мне дочь и имеет больше права узнать мои тайны, чем посторонний человек.

Дон Луис. Ах, тайны? У вас есть тайны? Какая-то, по-видимому, страшная тайна! Уж не разбойник ли вы? Сколько людей вы отправили на тот свет?

Мендо. Я?

Дон Луис. Простите, милый друг, не сердитесь. Я знаю, что вы славный и достойный человек, честный отец семейства. Ваше ремесло достойно уважения. Землепашцы кормят нас, дворян... А потом, не все ли мы дети Адама, как говорит Сенека?

Мендо. Ваше сиятельство! Это невозможно...

Дон Луис. Ну, вы просто не выспались. Я ухожу, но скоро вернусь. Помните, что вы мне обещали предоставить дочери свободу решения.

Мендо. Пусть выбирает...

Дон Луис. Ловлю вас на слове. До свиданья. (Направляется к выходу, но тут же возвращается.) Но только никаких угроз! Не вздумайте запугивать бедную девушку!.. Скажите ей... Впрочем, я сам ее предостерегу. А вам при ваших взглядах место в сумасшедшем доме. (Идет к выходу.)

Мендо. Она не станет колебаться.

Дон Луис. Увидим. До свиданья, Мендо. Ввек не встречал я такого чудака, как ты.

Мендо. Целую ноги вашего сиятельства⁴.

Дон Луис (возвращается). Мендо! Не говорите больше: «Целую ноги». Это слишком по-холопски. Говорите по примеру древних: «Целую руки». Этого доста-

точно... А может быть, все-таки найдется способ отмыть вас?

Мендо. О нет! Мне уже никогда не смыть...

Дон Луис. Опять за свое?.. Бегу от вас. (Уходит.)

Мендо. Кто бы мог подумать? (Уходит.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ложбина.

Встречаются дон Эстебан и дон Карлос.

Дон Эстебан. Дон Карлос? Вы здесь, мой милый капитан?

Дон Карлос. Верить ли глазам? В этой глуши барон де Мендоса!

Дон Эстебан. Как вы сюда попали, черт возьми? Вот уж не думал, что вы способны расстаться с мадридскими развлечениями.

Дон Карлос. Я охочусь. Провожу свой отпуск у отца, а он алькальд этой гадкой дыры, именуемой Монкларом. Но вы-то, вы-то что здесь делаете?

Дон Эстебан. Приблизительно то же самое. Мой отец только что купил поместье в этих краях. Кого-нибудь подстрелили?

Дон Карлос. Нет, я не стрелял. Я отослал и лошадь и собак... (С таинственным видом.) Мне захотелось побродить.

Дон Эстебан (с беспокойством). Вот как!.. А что такое?

Дон Карлос (с таким же таинственным видом). Я подстерегаю другую дичь... до которой и вы большой охотник, дорогой барон. Бьюсь об заклад, что какая-то интрижка завлекла вас в только что купленное поместье.

Дон Эстебан. Право же, нет... Что за странная мысль!

Дон Карлос. А вот послушайте. Я только три дня как нахожусь в этом дрянном захолустье, а уже обнаружил очаровательную крестьяночку, живущую поблизости отсюда. Смотрите! Видите вон тот домик?.. Там она и живет.

Дон Эстебан (в сторону). Дом Мендо!

Дон Карлос. Восхитительная девчонка, дорогой барон! Дочь простого земледельца, по-видимому, а сложена на диво... Волосы, глаза невообразимо черные!.. Руки... сносные... Увы, это ее слабое место! Как бы то ни было, я хочу позволить себе такую прихоть.

Дон Эстебан (едко). Господин капитан! Особа, о которой вы говорите, не из тех, с кем можно такую прихоть себе позволить.

Дон Карлос. Помилуйте! Крестьянка...

Дон Эстебан. Да уж кто бы она ни была, я прошу вас перенести вашу охоту в другие места.

Дон Карлос. Вот оно что! Вы, по-видимому, претендуете на первенство? Ну что ж... Но разве не могут два охотника травить одного зайца?

Дон Эстебан. Довольно шуток! Знайте, милостивый государь, что крестьянка, над которой вы потешаетесь, станет завтра моей женой.

Дон Карлос. Вашей женой?

Дон Эстебан. Да, милостивый государь, моей женой.

Дон Карлос. Ха-ха-ха! Шутка презабавная! И притом с таким серьезным видом! Удивительно! Послушайте: вы знаете, что меж друзей принято уступать друг другу свои трофеи через две недели?

Дон Эстебан. Повторяю, милостивый государь: я говорю совершенно серьезно. Благоволите отныне смотреть на Инес Мендо как на баронессу де Мендоса.

Дон Карлос. Крестьяночка — баронесса де Мендоса! Великолепно! Чудесно сыграно! Продолжайте! Нет, чего стоит это притворное возмущение!

Дон Эстебан (топнув ногой). Вы замолчите?

Дон Карлос. Вы будете сговорчивей после медового месяца! Тогда и я на ней женюсь! Ха-ха-ха!

Дон Эстебан (дает ему пощечину). Вот вам доказательство, что я говорю серьезно.

Дон Карлос (выхватывает шпагу). А вот тебе наказание за наглость!

Дерутся. Дон Эстебан убивает дона Карлоса.

Дон Эстебан. Вот тебе! Больше не пошутишь!.. Однако позаботимся о своей безопасности... В провинции к такого рода делам относятся чертовски строго...

Убегу в Мадрид... Но надо сперва проститься с Инес... Мой отец привезет ее ко мне. Наша свадьба задержится только на несколько дней. (Убегает.)

Появляются два крестьянина.

Первый крестьянин. В это время года тут шатается всякий сброд. Все солдаты во время отпуска промышляют грабежом. Но я их не боюсь. На днях от меня двое дали тягу. Они мне повстречались под вечер в окрестностях Навахи. Я собирался рубить дерево, как вдруг один из негодяев, лежавший ничком... (Спотыкается о труп и падает.) Ай! Господа! Берите мои деньги, только не убивайте!

Второй крестьянин. Эх ты, балда! Этот парень уже никого не убьет. Господи Иисусе! Да ведь это капитан, сын нашего алькальда!

Первый крестьянин. Ох, ну и дыра в животе!

Второй крестьянин. Смотри-ка, смотри! Видишь, там человек бежит. Он его и убил, ясное дело. Поймать бы его — алькальд не постойт за наградой.

Первый крестьянин. Я побегу в село за людьми.

Второй крестьянин. Нет, оставайся здесь при убитом, а я снаряжу погоню.

Первый крестьянин. Только скорей! Не люблю я сторожить мертвецов.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В доме Мендо.

Мендо (один). Мне надо было пройтись, чтобы освежить голову... и подготовиться к этой последней жертве... Пора наконец открыть... Каким безумцем я был!.. Думал скрыть от нее свое положение... Голова у нее полна несбыточных мечтаний, они сделают ее несчастной на всю жизнь... Это я виноват... Мое воспитание только поощряло ее мечтательность... Мне следовало отдать ее еще ребенком в монастырь. Она не знала бы меня, приняла бы постриг, даже не ведая о том, что есть другая, более счастливая жизнь... Теперь она во власти

безумного увлечения, и я не смогу вырвать это чувство из ее сердца, не разбив его... Во многом приходится себя упрекать! Но моя дочь... она могла бы быть моим единственным другом... У меня не хватило мужества расстаться с нею... Бедное дитя! Пусть наконец она узнает истину... Я нанесу ей жестокий удар... Но дольше медлить было бы опасно... Она поймет, что теперь у нее нет иного пристанища, кроме монастырской кельи... Вот она! Ко мне, мое мужество!

Входит Инес.

Инес. Я непослушная, отец. Я встретила Эстевана, и мы пошли гулять. А затем пришел дон Луис и наговорил мне таких приятных вещей, что я себя не помнила от радости. Эстеван хочет на мне жениться, а отец его уверяет, будто ты сказал, что я вольна поступить, как хочу. Это верно, отец? Или ты пошутил? Ах, отец, я так люблю Эстевана! Сказать тебе? Он заставил меня надеть обручальное кольцо... Я вначале отказывалась, потому что кольцо уж очень красивое... Но дон Луис так настаивал... Посмотри: вот оно... Как сверкает!

Мендо. Инес! Выслушай меня. Я говорю с тобой, быть может, в последний раз.

Инес (улыбаясь). Ну что ты!

Мендо. Инес!.. Человек, убивший ближнего своего, достоин презрения, люди должны чувствовать отвращение к нему.

Инес. Конечно, отец.

Мендо. А если его принудили убить ближнего своего?..

Инес. Как можно принудить? Всегда можно умереть, чтобы не убивать ближнего. Но к чему ты клонишь речь?

Мендо (помолчав). Итак, ты согласилась быть женой дона Эстевана?.. Ты знаешь, что его род, один из лучших в Испании, восходит чуть ли не к временам святого короля Пелагия. Дон Эстеван в родстве со всей кастильской знатью, в дружбе со всеми грандами... И ты думаешь, он не будет страдать, когда родственники и друзья станут смеяться над таким неравным браком? Ты любишь его и миришься с тем, что ему в свете придется терпеть из-за тебя постоянные унижения?..

Инес. Об этом он сам должен был подумать... Я происхожу от честных земледельцев, от чистокровных христиан... Эстебан говорит, что есть немало герцогинь, чьи бабки каких-нибудь сто лет назад были бедными мавританками... И потом, когда он только начал ухаживать за мной, я сказала ему, чтобы он шел к важным дамам, а нас, крестьянок, оставил в покое... Но он так полюбил меня... так полюбил, что я уверена: со мной он будет счастливее, чем с любой арагонской инфантой.

Мендо. Из-за брака с тобой он упустит богатое приданое. Об этом ты подумала, Инес?

Инес. Он и без того богат и считает, как и я, что даже крохи любви — это не меньше, чем горы золота.

Мендо. Инес Мендо замужем за де Мендоса! Дочь крестьянина — и испанский гранд!

Инес. Но женился же инфант дон Педро на дочери крестьянина, и ее тоже звали Инес⁵. Об этом и в песне поется.

Мендо. И ты знаешь, чем это кончилось. А потом, Инес де Кастро была дочерью крестьянина... Знаешь ли ты, как бы дон Педро... Уверена ли ты по крайней мере в том, что я крестьянин?

Инес (улыбается). Да ведь я вижу, кто ты такой.

Мендо. Нет, Инес, ты не знаешь!

Инес. Что с тобой, отец? Как ты на меня смотришь?.. Я тебя чем-нибудь огорчила? Ты, может быть, хочешь сказать, что на нашей семье какое-то пятно?.. Может быть, кто-нибудь из наших предков сделал что-нибудь дурное?

Мендо. А если твой отец?..

Инес (в ужасе). Это неправда!

Мендо (вне себя). Нет, правда!

Инес. Иисусе, Мария!.. Да этого не может быть! Ты просто хочешь меня запугать... чтобы я отказалась. Но если и так, какого страшного греха не искупила бы праведная жизнь, которую ты здесь ведешь? Ты строже к себе, чем монах.

Мендо. Бедная Инес! Пятно, лежащее на мне, тебе не отмыть до могилы... Прости меня за то, что я тебе его передал! Инес!.. На мне нет никакого греха, и все же никто не согласился бы стать моим другом... Бедная моя Инес!.. Власти меня принудили заняться ремеслом

моего отца... Я монкларский палач. (Уходит и запирает за собой дверь.)

Инес. Я потеряла Эстевана! (Некоторое время как бы в оцепенении.) Но как мне тебя жаль, несчастный отец!.. Где он? Он только что был здесь?.. Ведь это не сон... Он говорил со мной... Не могла же это я вообразить себе! Но дверь заперта... Ах, вспомнила! (Бежит к двери.) Отец! Отец! Вернись! Я по-прежнему твоя дочь. Обними меня! Приди! Я всю жизнь посвящу тебе, я буду тебя утешать... Не слышит! (Стучит в дверь.) Отец, отец! Я в отчаянии! Неужели и ты меня покинешь?.. Ах, Эстеван, Эстеван, я потеряла тебя!.. Только что я была так счастлива! И вот в один миг сделалась несчастнейшей из женщин. Нет, не замуж идти должна я теперь, а забиться в какую-нибудь трущобу... Мне предстоит открыть ему всю правду... С моей стороны было бы недостойно скрыть от него такую вещь... Не сделай он предложения, мне все же было бы легче... Надо ему признаться во всем... Но как же я могу сказать ему прямо: «Эстеван! Я дочь...» Нет, ни за что не решусь!.. А ведь он должен это знать... Иначе... он придет сюда опять, и мне будет еще тяжелее... Вот что: я напишу ему!.. Мы больше не увидимся... Я уйду в монастырь и буду вечно думать о нем... буду за него молиться богу... и не опозорю его благородной крови. Так надо! Соберусь же с силами! Кажется, мне стало легче от слез. Да, теперь я, кажется, смогу написать ему такое письмо... Ах, почему я не знала раньше, кто мой отец!

Входит Мендо с мешком денег в руках.

Мендо. Это, Инес, твои деньги, наследство твоей матери. Они помогут тебе устроиться там, где ты решишь уединиться.

Инес. Ах, не гони меня, отец! Я потеряла Эстевана — не лишай же меня отца! Позволь мне жить подле тебя всю жизнь, утешать тебя, быть твоим другом.

Мендо (плачет в ее объятиях). Господи! Отчего ты не дал ей другого отца?

Инес. Господи! Сохрани мне его на многие лета!

Мендо. Теперь ты видишь сама, что должна отказаться от того, кто дорог тебе. Хватит ли у тебя мужества написать ему, вернуть его слово?

Инес. Да, отец... я понимаю, что таков мой долг.

Мендо. Гано или поздно они бы узнали правду от алькальда или от кого-нибудь другого. Дон Эстебан— благородный юноша. Будь откровенна с ним, объясни ему... кто ты такая.

Инес. Объяснить ему!..

Мендо. И прибавь, что, воспитывая тебя, я скрывал эту тайну и что вся вина на мне. Лучше узнать ему правду от нас, чем от других.

Инес. Ну хорошо! Если так надо, я напишу.

Мендо. Напиши сейчас же. Я скоро вернусь! (Уходит.)

Инес (одна). Как это сделать?.. Да, сказать всю правду без предисловий... О господи! Эта чернильница — тоже его подарок. (Пишет.) Может быть, он меня пожалеет... «Прощайте! Инес». А тебя, кольцо, мое сокровище, я надеялась проносить всю жизнь. И как скоро приходится нам расстаться!.. Я недостойна тебя носить... Прощай! Прощай! (Целует его несколько раз.)

Входит дон Эстебан.

Дон Эстебан. Инес, дорогая! Позволь вернуть тебе твои поцелуи.

Инес (убегая от него в другой конец сцены). Ах!

Дон Эстебан. Голубка Инесилья! Я испугал тебя? Успокойся! Это я.

Инес (убегая от него). Как?.. Это вы?..

Дон Эстебан. Да, я, твой жених, я пришел...

Инес. Нет у меня жениха!.. Я отверженная. Меня надо покинуть!..

Дон Эстебан. Покинуть тебя, Инес?.. Ты не узнала меня?

Инес. Сеньор!.. Ради бога! Оставьте меня! Оставьте! Так надо!

Дон Эстебан (подходит к ней). Что с тобой? Ты приводишь меня в отчаяние. Откуда этот страх?

Инес. Не прикасайтесь ко мне! Не марайте рук!

Дон Эстебан. Этот несчастный Мендо свел ее с ума! Только этого мне не доставало. Инес! Что за ребячество!.. Неужели ты меня разлюбила?

Инес. Нет, люблю!.. Я не в силах вас разлюбить... Но... Смотрите: там, на столе, лежит письмо. Возьмите его и оставьте меня.

Дон Эстебан. Да полно тебе! Почему ты боишься меня?

Инес. Мне больше нельзя вас любить.

Дон Эстебан. Опять эта ваша щепетильность! Тебе приятно подразнить меня. Так вот же тебе в наказание! *(Насильно целует ее.)*

Инес. Я не виновата, вы меня поцеловали насильно. Я не успела вас предостеречь... Прочтите письмо, и вы все поймете... *(Отдает ему письмо.)*

Дон Эстебан читает и сразу меняется в лице. Инес бросается к его ногам, обнимает их и плачет. Дон Эстебан некоторое время стоит оторопелый. Затем внезапно разрывает письмо и насильно высвобождается из объятий Инес. Инес падает на пол.

Инес. Ах!

Дон Эстебан *(поднимает ее)*. Инес! Я сделал тебе больно?

Инес. Ах, вы меня еще зовете Инес! Дайте, я поцелую вам ноги.

Дон Эстебан. Несчастное дитя! Отчего ты стоишь передо мной на коленях? Ты-то какое преступление совершила?

Инес. Я узнала только сейчас, а знала бы раньше... я не позволила бы вам полюбить меня.

Дон Эстебан. Инес, бедняжка! Разве я в силах тебя разлюбить? Разве ты перестала быть прежней Инес, той, которая меня очаровала?

Инес. Мне никогда не убить в себе любви к вам!

Дон Эстебан. Нелепые предрассудки! Вам ли я должен принести в жертву свою любовь? О тени моих предков! Я скорее сломаю свой герб, чем откажусь от этой девушки.

Инес. Так вы не презираете меня? Я умру от счастья!

Дон Эстебан. Я люблю тебя, я люблю тебя, как прежде!

Инес *(плачет)*. Эстебан!.. Нет, вам нельзя любить меня. Вы Мендоса.

Дон Эстебан. Я твой жених... Твоя любовь дороже дворянства.

Инес. Ах, умереть бы мне теперь! Я бы тогда не обесчестила моего любимого.

Дон Эстебан. Что мне до света? Разве он стоит твоей любви? *(Видит кровь на Инес.)* Ты в крови, моя дорогая. В этом повинна моя горячность. Милая Инес! Дай мне остановить кровь поцелуями!

Инес. Ах, я умру от счастья! *(Бросается к нему в объятия.)*

Входит секретарь суда с вооруженными крестьянами.

Секретарь суда *(касаясь дона Эстебана своим жезлом⁶)*. Именем короля! Внимание к правосудию! Сеньор Мендоса, вы арестованы! Отдайте вашу шпагу.

Дон Эстебан. Подождешь, каналья!

Секретарь суда. Ко мне, друзья!

Инес. На помощь! Отец, на помощь!

Дон Эстебан обезоружен.

Дон Эстебан. До свиданья, дорогая Инес! Не бойся! Все уладится!

Дона Эстебана уводят.

Инес. На помощь! На помощь! *(Падает в обморок.)*

Мендо *(вбегает со шпагой в руке)*. Что такое? Что случилось?

Секретарь суда. Ничего особенного. Один человек убил другого, и я его схватил.

Мендо. Что с моей дочерью?

Секретарь суда. Я застал сеньориту на коленях у этого господина... Не удивительно поэтому...

Мендо *(грозя ему)*. Негодяй!

Секретарь суда. Если вы меня только тронете, об этом будет доложено алькальду. Кстати, Мендо, вы скрывали от нас...

Мендо. Вон отсюда!

Секретарь суда. Вам скоро предстоит работа, Хуан Мендо. Точите свой топор. Смотрите не оплошай-

те: вам придется иметь дело с дворянином. (Уходит со смехом.)

Мендо. Эй! Мария!

Входит женщина и помогает ему унести Инес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В Монкларской тюрьме.

Дон Эстефан (один, сидит за столом и с задумчивым видом перечитывает свой смертный приговор). Конец всему! (Бросает бумагу на стол.) Собственно говоря, очень хорошо, что я не увиделся с Инес. Ее слезы поколебали бы мое мужество, а сегодня оно мне нужней, чем когда бы то ни было. Вражеские пули часто свистали мимо моих ушей... а я оставался спокоен. Но плаха и топор почему-то страшнее. Как-то при мне один солдат поднимался на эшафот, насвистывая. Вот и мне бы такую твердость! (Свистит.) Нет, никакого кривлянья! Стойкость, покорность судьбе! В такую минуту свистеть — это рисовка. Господи! Дай мне умереть, как подобает воину и дворянину!.. Кто там?

Входят нотариус и два свидетеля.

Нотариус. Я нотариус, приглашенный вами, господин барон, а это два свидетеля, потребные для соблюдения формальностей.

Дон Эстефан. Очень хорошо. Благодарю вас. От моего отца нет вестей?

Нотариус. Нет еще. Надеюсь, однако, что его сиятельству удастся вовремя получить доступ к монарху. Его величество в данное время неподалеку от Монклара.

Дон Эстефан. Будь, что будет. А пока, господа, приступите к составлению моего завещания. Оно будет недлинным.

Нотариус (пишет). Надеюсь, что эта предосторожность окажется излишней. Ваше имя?

Дон Эстефан. Эстефан Сандоваль барон де Мендоса, капитан гвардии.

Нотариус. «...гвардии, предаю и завещаю мою душу господу богу...»

Дон Эстебан. Такова форма?

Нотариус. Да, установленная законом.

Дон Эстебан. Соблюдайте форму строжайшим образом! Я не хочу, чтобы в один прекрасный день мое завещание было опротестовано.

Нотариус. О, на этот счет при моем опыте вы можете быть совершенно спокойны! Кто тридцать лет отправляет должность нотариуса, тот не оставляет никаких зацепок для оспаривания законности нотариального акта.

Дон Эстебан. Вот и прекрасно. Давайте дальше. Итак, я завещаю все свое имущество...

Нотариус. Движимое и недвижимое?

Дон Эстебан. Да... баронессе Инес Мендоса...

Нотариус (*пишет*). Простите, не так быстро. Позвольте мне уточнить разновидности имущества.

Дон Эстебан. Проставили?

Нотариус. Чутьочку терпения. Ничто не должно быть забыто. Итак, кому изволите?..

Дон Эстебан. Инес Мендоса, урожденной Инес Мендо...

Нотариус. Ее звание?

Дон Эстебан. Она моя жена, дочь Хуана Мендо, монкларского палача.

Нотариус. Помилуй бог! Как можно об этом писать?

Дон Эстебан. Я этого требую.

Нотариус. Она ваша законная супруга?

Дон Эстебан. Да, хотя наш брак был тайным. (*В сторону.*) Авось, не попаду в ад за эту ложь.

Нотариус. Если брак был, как вы говорите, тайным, то я бы на вашем месте во избежание возможной тяжбы составил акт, объявляющий таковой действительным.

Дон Эстебан. Делайте, как знаете.

Нотариус. Я введу его в текст завещания.

Дон Эстебан. Ввели?.. Кроме того, я желаю, чтобы на моей могиле на кладбище этого села был мне поставлен памятник с эпитафией, в которой было бы ска-

зано, что Мендоса, презрев предрассудки, взял себе в жены дочь палача.

Нотариус. Черт возьми! На вашем месте я бы не настаивал на подобной эпитафии.

Дон Эстебан. Такова моя воля.

Нотариус. Как хотите! Такое завещательное распоряжение римляне называли: *roepae potine legatum...**

Дон Эстебан. Душеприказчиком я избираю моего отца.

Нотариус. Как его зовут?

Дон Эстебан. Дон Луис, граф де Мендоса.

Нотариус. Имя обыкновенное. Если вы ничего не имеете добавить, то соблаговолите выслушать и подписать. (Читает.) «Я, нижеподписавшийся, дон Эстебан Сандоваль барон де Мендоса, в предвидении кончины моей, желая составить завещание, пригласил нижеподписавшегося Мельхиора де ла Ронда, королевского нотариуса селения Монклар, и нижеподписавшихся Хайме Хименеса и Хиля Бойахаля, проживающих в Монкларе, и они явились в Монкларскую тюрьму с целью выслушать и засвидетельствовать мою последнюю волю. В присутствии поименованных лиц я объявил и объявляю, что предаю и завещаю мою душу господу богу. Что же до имущества моего, движимого и недвижимого, долгов, ценных бумаг, прав пользования и участия в пользовании чужим имуществом и других прав, которые я имею и могу иметь, то я их передаю и завещаю моей законной супруге баронессе Инес Мендоса, урожденной Инес Мендо, дочери Хуана Мендо, монкларского палача, которую я настоящим актом признаю своей законной супругой, причем желаю, чтобы в силу такового отказано было в иске любому истцу, который бы стал отрицать факт бракосочетания нижеподписавшегося с помянутой Инес Мендо, и назначаю ее моей наследницей по сему завещанию со всеми отсюда вытекающими правами и обязанностями, в том числе возлагаю на нее обязанность высечь на моей гробнице надпись: «Здесь лежит Мендоса, который, презрев предрассудки, женился на дочери палача». Я желаю также, чтобы мой отец, дон Луис граф де Мендоса, был моим душеприказчиком и

---

* В осуждение имени завещателя (лат.).

наблюдал за неукоснительным исполнением нашей последней воли. Аминь. Составлено в Монкларе, 25 мая сего 1640 года, в удостоверение чего подписались...»

Дон Эстефан, нотариус и свидетели подписываются.

Дон Эстефан. Благодарю вас, господин нотариус. Мой отец оплатит ваш труд. Не откажите принять этот кошелек и раздать все, что в нем окажется, бедным, с просьбой помолиться за меня богу, а этот перстень возьмите себе на память о несчастливце доне Эстефане.

Нотариус. О мой сеньор! Как бы мне хотелось...

Входят секретарь суда и альгуасилы.

Секретарь суда. Господин барон! К прискорбию моему...

Дон Эстефан. Понимаю. Прощайте, господа! Прошу вас за меня помолиться.

Нотариус (секретарю суда). Позвольте, милостивый государь! Это противно всем обычаям — приводить в исполнение приговор немедленно по его вынесении. Для спешки нет оснований, тем более, что отец этого дворянина подал его величеству прошение о помиловании. Короля ожидают здесь через несколько часов, подождите высочайшей резолюции.

Секретарь суда. Алькальд велит немедленно привести приговор в исполнение.

Дон Эстефан (с улыбкой). Он, видно, не такой формалист, как вы, сеньор Мельхиор.

Нотариус. Это незаконно! Я протестую!

Секретарь суда. Господин барон!..

Все уходят.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Рыночная площадь в Монкларе. Посреди площади эшафот.

Появляются дон Эстефан, альгуасилы, Мендо, слуга с топором, священник, секретарь суда, жители Монклара.

Священник (дону Эстефану). Прощайте, сын мой. Господь помилует вас. Скоро вы избавитесь от тягот мира сего. (Обнимает его.)

Секретарь суда. Разрешите, сеньор, завязать вам глаза.

Дон Эстебан. Я не боюсь глядеть в глаза смерти. А ты, Мендо... исполни свой долг... как можно лучше. (Становится на колени.) Так ли я стал?

Слуга. Да, сеньор. Спаси, господь, вашу душу!

Все (кроме Мендо). Аминь.

Дон Эстебан (священнику). Прощайте, отец мой!

Слуга (Хуану Мендо). Вы берете топор в левую руку?

Мендо. Я больше не палач! (Отрубает себе правую руку.)

Страшное смятение.

Вбегает Инес.

Инес. Стойте! (Поднимается на эшафот.) Мы умрем вместе! Вместе с ним ты убьешь свою дочь!

Мендо (показывая обрубок руки). Кому я теперь опасен?

Инес. Отец!.. Эстебан!

Секретарь суда. Что же все это значит?

Священник. Подождите короля!

Крестьяне. Мендо, ты молодец! И этот дворянин — молодец! Не бойтесь, мы не дадим алькальду вас убить. (Взбегают на эшафот; одни гонят альгуасилов, другие толпятся вокруг Мендо.)

Дон Луис (въезжает верхом). Прощение! Помилование! Остановитесь! Слава богу! Не опоздал! (Слезает с коня и обнимает сына.)

Дон Эстебан. Обними моего спасителя. Он отрубил себе руку, чтобы не отрубить мне головы.

Дон Луис (обнимая Мендо). Ах, Мендо! Что все мои титулы по сравнению с таким подвигом, как ваш? Вы римлянин, равный Сенеке.

Треск барабанов. Появляется король со своим эскортом⁷.

Все. Да здравствует король!

Король. Что тут за шум? Где алькальд? Дон Луис! Объясните, что здесь происходит. Я ничего не могу разобрать в этом гуле, все кричат одновременно.

Дон Луис говорит ему что-то на ухо, между тем как толпа кричит: «Прощенье! Прощенье!»

Нельзя не восхищаться таким геройством. Хуан Мендо! Преклоните колена! Встаньте, дон Хуан Мендо! Вы дворянин!

Мендо. Ваше величество! Я целую вам ноги... но только...

Король. Дон Эстебан! Вы прощены, но с условием, что вы женитесь на дочери Мендо.

Дон Эстебан. У меня нет более страстного желания!

Инес (Эстебану). Наконец-то мне можно тебя любить!

Король. Я сам подпишу ваш брачный договор. Пошлите за врачом. Дай бог, чтобы и во всей Испании предрассудки были побеждены.

Инес. Так кончается комедия *Инес Мендо*. Не судите строго автора. И если вам понравилась эта первая часть, то автор надеется, что вы окажете благосклонный прием и второй части под названием *Торжество предрассудка*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клара Гасуль заставляет Инес говорить на галисийском наречии. Конечно, в переводе невозможно передать легкие оттенки речи, присущие отдельным испанским провинциям. Мы считаем нужным отметить, что во второй части *Инес Мендо* речь Инес значительно выправляется, грубые выражения и простонародные обороты встречаются у нее реже.

² За несколько месяцев до Португальской революции.

³ Иезекииль, XVIII, 20.

⁴ Общепринятая форма обращения, особенно по отношению к дамам.

⁵ Знаменитая Инес де Кастро.

⁶ Жезл служителей правосудия — это знак их достоинства.

⁷ Неожиданное появление короля, завершающее пьесу, нередко встречается в старой испанской драматургии (см. *Саламейский алькальд* и сотни других пьес).

ИНЕС МЕНДО, ИЛИ ТОРЖЕСТВО ПРЕДРАССУДКА

Комедия в трех днях

*Que si de los zuecos la casais a chapines,
no se ha de hallar la mochacha, y a cada
paso ha de caer en mil faltas.*

«Don Quijote», II parte, cap. V*.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Эстебан де Мендоса.

Хуан Мендо.

Дон Сесар Бельмонте, португальский офицер.

Коррехидор Бадахоса.

Педро, слуга дона Эстебана.

Хозяин гостиницы, португалец.

Донья Инес де Мендоса.

Донья Серафина, герцогиня де Монтальван.

Аббатисса монастыря урсулинок в Бадахосе.

Действие происходит в эстремадурском замке Мендоса, затем
в Эльвасе и, наконец, в Бадахосе.

---

* Ежели вместо деревянных башмаков она вырядится в туфельки, так девчонка растеряется и на каждом шагу станет попадать впросак.

«Дон Кихот», часть II, гл. V (исп.).

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната в замке де Мендоса.

Дон Эстебан, Инес.

Дон Эстебан. Неужели вы так и не научитесь говорить как следует? Вечно у вас на языке ваши деревенские словечки.

Инес. Что поделаешь! Риохское вино всегда отдает козьим мехом¹.

Дон Эстебан. Брр! Как хорошо звучит эта половица в устах баронессы де Мендоса! *(В сторону.)* Я взбешен.

Инес. Ты всегда кипяتيشся из-за пустяков. Нет мне с тобой ни минуты покоя!

Дон Эстебан *(расхаживая большими шагами)*. Ах!

Инес. Не виновата же я, что ты расстроен. Соседи делают нам пакости, а я из-за них страдай!

Дон Эстебан. Наглецы! Но я с ними рассчитаюсь!

Инес. И для чего тебе было откапывать этих господ из их дворянских нор, приглашать их сюда? Они бедны, как церковные крысы, а чванливы, как павлины, и они сочли бы для себя позором первыми оказать нам внимание. И все это из-за моего несчастного отца. Дорого ему обошлось дворянское звание! Тебе не следует этого забывать, Эстебан.

Дон Эстебан *(пожимая ей руку)*. Никогда не забуду, дорогая Инес. Но ведь кого не взорвет, когда эти мелкопоместные идальго с доходом в тыщонку реалов один за другим являются сюда и твердят одно и то же: «Моя супруга, графиня такая-то, нездорова», «донья такая-то неважно себя чувствует». А как они высокомерны с твоим отцом! Как подчеркнуто не называют тебя доньей Инес, никогда к тебе не обращаются!.. О, я был вне себя!..

Инес. Пустяки! Посмеялся бы, и все!

Дон Эстебан. Я не вижу в этом ничего смешного. А ты, кстати сказать, давала им достаточно поводов для смеха своей наивностью и галисийскими словечка-

ми. И потом, для чего нужно тебе было говорить, что ты сама приготовила зеленый горошек? Разве тебе пристало стряпать?

Инес. Бог ты мой! Не ты ли говорил, что я его вкусно готовлю?..

Дон Эстебан. А теперь они целый месяц будут потешаться! Баронесса чистит горох!

Инес. Во всяком случае, и горох и все остальное они уплетали так, словно у себя дома они питаются впроголодь.

Дон Эстебан. Кроме того, я тысячу раз просил тебя не называть меня «сердце мое». Ведь это смешно! От этого выражения на целую милю пахнет деревней.

Инес. Нехороший ты! Не ты ли еще так недавно бранил меня, когда я называла тебя «барон»? Во время медового месяца ты всякий раз целовал меня, когда я тебе говорила «сердце мое».

Дон Эстебан (обнимает ее). Самые сладостные мои воспоминания связаны с этим обращением. Но пойми же, Инес: перед лицом света, перед этими нищими и заносчивыми идальго нам нужно соблюдать приличия.

Инес. Я буду стараться, сердце... друг мой. Ну, перестань хмуриться, поцелуемся еще разок, и да будет мир!

Дон Эстебан. Дорогая моя Инесилья! Разве я могу долго на тебя сердиться? Ведь я вчера за тебя, только за тебя болел душой. О господи! Как вспомню— снова гнев закипает. Подумать только! Эти кривляки не желают у тебя обедать!

Инес. Ну и пусть кудахчут. Разве их общество уж так приятно, разве нам без них скучно?

Входит слуга.

Слуга. Господин барон! Вам два письма. (Уходит.)

Дон Эстебан. Чей это почерк? Незнакомый. (Читает.) «Дон Хиль Лампурдо и Мельо де ла Порра и т. д., целуя руки дону Эстебану Сандовалю, барону де Мендоса, покорнейше просит его почтить своим присутствием бал, который он устраивает в своем замке де ла Порра для дам и господ нашей провинции в ближайший вторник». А тебя не зовет, негодяй! (Рвет приглашение.) Он у меня поплатится за эту наглость! Я, черт по-

бери, в его лице обучу вежливости всех будущих носителей имени де ла Порра².

Инес. Ну, полно, полно, мой дорогой Эстеван! Я так страдаю, когда ты гневаешься! Успокойся, умоляю тебя, ну ради меня!

Дон Эстеван. Ты не можешь понять чувство оскорбленного дворянина.

Инес. Сердце мое!

Дон Эстеван. Эй ты, дон Хиль или дон Дьявол! Погоди ты у меня!..

Инес. Он слишком ничтожен по сравнению с тобой. Но ты забыл про второе письмо. Прочти же его. Читать письма очень занятно.

Дон Эстеван. Я этого мерзавца... (*Читает адрес на другом письме.*) А!

Инес. Что тебя так удивило?

Дон Эстеван. Письмо от герцогини де Монтальван!

Инес. Тебе так знаком ее почерк, что ты узнал его, посмотрев только на адрес!

Дон Эстеван. Ну да... Он... он был мне хорошо знаком когда-то.

Инес. Старая любовь?

Дон Эстеван. Что? Да, нечто вроде этого, до моей встречи с тобой... Возьми, прочти. (*Отдает ей письмо.*)

Инес. Вот это благородный жест! (*Распечатывает письмо, возвращает его, не читая.*) А вот мой, ответный.

Дон Эстеван (*читает вслух*). «Дорогой барон!»

Инес (*смеется*). Дорогой барон!.. Читай про себя.

Дон Эстеван (*продолжает читать вслух*). «Дорогой барон! Я уезжаю или, вернее, бегу из Мадрида в Португалию по причинам, которые объясню Вам устно, если Вы не побоитесь приютить изгнанницу в своем эстремадурском замке только на несколько часов. Итак, Вы имели глупость жениться и, если верить слухам...» (*Читает про себя.*)

Инес. Нет, уж теперь извольте читать вслух, дорогой барон!

Дон Эстеван (*притворяясь, что читает*). Да, где это... «...и если верить слухам, то Вы женились. До свиданья. Серафина».

Инес. Ах, не научился ты еще хитрить, Эстефан! «Вы имели глупость жениться, и если верить слухам, то вы женились...» Разве так пишут герцогини? Право, кажется, я бы лучше написала.

Дон Эстефан (*кладет в карман письмо*). Сумасбродка! Но приедет она сегодня, Инес, может быть, даже сейчас. Иди оденься. Признаться, мне было бы приятно, если бы ты показала ей во всем своем блеске. Пусть-ка эта старая кокетка побесится. Знаешь, ты сегодня бледна. Не мешало бы тебе подрумяниться.

Инес. Зачем ты учишь меня лжи? Это значит обманывать самого себя. Если я тебе нравлюсь бледная, для чего же мне стараться понравиться другим?

Дон Эстефан. Инес, милая... Мне бы хотелось, чтоб она оценила мой выбор.

Инес. Хорошо. Я нарумянюсь тебе в угоду, сердце мое. Но наряжаться... Мне так не к лицу все эти финтифлюшки!..

Дон Эстефан (*с раздражением*). Не вздумай при герцогине сказать «финтифлюшки». Иди же, ангел мой, приоденься, пожалуйста! При твоей внешности тебе все к лицу. (*Целует ее.*)

Инес. Как устоять перед твоими похвалами? До свиданья! Я скажу горничной, чтоб она сделала меня как можно красивей. (*Уходит.*)

Дон Эстефан (*один*). Герцогиня де Монтальван едет сюда... Как это глупо, что я волнуюсь!.. Ну да, я любил ее... как и многих других... не больше, не меньше. Не все ли мне равно в конце концов, что она скажет о моей женитьбе? Я люблю Инес... Не мешает же мне любить ее критика Серафины? Я не буду обращать внимания даже на ее насмешки, ручаюсь... Она лукава, в этом я уже не раз убеждался... Досадно, что она приезжает как раз сегодня... Сегодня Инес не так хороша, как обычно... бледна... с оттенком желтизны... синева под глазами... Черт знает что. Она ее засмеет!.. Бедная Инес!.. Нет, пусть она только посмеет вышучивать мою женитьбу!.. Она увидит, как я приму ее шутки, черт возьми!.. Когда-то герцогиня была очень хороша собой... Когда-то, то есть пять лет назад. Это она создала мне имя у прекрасных дам. Она была причиной моего первого поединка... Помнится, я был ранен в руку и

пошел к ней, гордый и истекающий кровью, чтобы она перевязала мне рану. Она сама наложила повязку... и никому не позволила ходить за мной. Накладывая повязку, она целовала рану... отсасывала кровь... Я был тогда молод, и ее поцелуи жгли меня, как раскаленное железо... С каким трепетом сердечным я всегда вспоминаю эти мгновения!.. Ах, дон Хуан Рамирес! Как я был вам благодарен за тот удар шпагой, которым вы меня угостили!

Входит однорукий Хуан Мендо.

Мендо. Храни вас бог, дон Эстефан! Рад вас видеть в добром расположении духа.

Дон Эстефан. Называйте меня сыном, если не хотите огорчать.

Мендо (в смущении). Я пришел... пришел с вами проститься... Я уезжаю...

Дон Эстефан. Уезжаете? Куда же?

Мендо. В Галисию... В Ферроль... к родственнику... к брату — мы с ним много лет не виделись.

Дон Эстефан. Но появился он у вас очень недавно! Почему это мы о нем раньше никогда не слышали от вас?

Мендо. Право... право, не знаю...

Дон Эстефан. Что-то вам здесь не по душе, вот почему вы и решили уехать.

Мендо. О нет, милый дон Эстефан!.. Мне просто надо уехать... надо уехать...

Дон Эстефан. Но почему? Объясните толком!

Мендо. У меня есть дело в Галисии...

Дон Эстефан. Вечно у вас секреты. Но этот секрет я, кажется, разгадал. Вас вчера задела наглость этой захудалой знати... Вы хотите уехать от таких неприятностей. Но я вас прошу, отец, останьтесь, останьтесь, и вы получите удовлетворение. Я с ними разделаюсь, я стану их донимать всеми способами. Почти вся округа принадлежит мне. Я им ни охотиться, ни рыбы удить не дам, я притяну их к суду. Как губернатор Ависа и военный начальник провинции, я нашлю им солдат на постой, когда наши войска двинутся в Португалию³. Наконец...

Мендо. Зачем же вам наживать неприятности из-за сущей безделицы? Оставьте этих людей со всеми их

предрассудками. Я им прощаю, я им уступаю. Я покидаю поле сражения. Победа должна оставаться за большинством.

Дон Эстебан. Нет, черт побери, теперь, когда мне известны ваши побуждения, я вас не отпущу. Пусть не говорят, что Мендоса уступил чьей бы то ни было прихоти. Вы останетесь у меня, хотя бы вся Эстремадура ополчилась на этот замок, чтобы вас изгнать.

Мендо. Послушайте, дон Эстебан! Вы знаете, как я раньше противился вашему браку. Если бы даже на мне не было страшного пятна, смытого с меня теперь по милости нашего государя, я и тогда считал бы, что невеста и жених должны быть равны по положению. Не то, чтобы я упорно придерживался предрассудков или, скажем, предвзятого мнения о дворянах и простолюдинах. Но раз мы, по воле судьбы, родились в том или ином сословии, то в нем же находятся и наши знакомства, дружеские связи. В их основе — сходство вкусов, нравов, понятий. Надо оставаться там, где определил нам быть господь бог. Но вот с нашей семьей господь распорядился по-иному. Вы породнились с бедным человеком, чье имя, несмотря на милости его величества, все-таки раздражает дворянский слух. Вам пришлось бы слишком много вытерпеть, прежде чем вы заставили бы людей уважать это имя... А я человек... я старик, сам по себе ничем не замечательный, ни на что вам не нужный, не находящий здесь никакого дела для себя. Как же я могу с легким сердцем обречь на постоянные унижения благородного человека, когда и без того уже стольким ему обязан?..

Дон Эстебан. А я вам?

Мендо. Нет, Эстебан, отпустите меня... Что до моей дочери, то, повенчавшись с вами, она утратила мое имя. Она стала Мендоса. Это имя способно стереть все родовые пятна. К тому же, если вас оскорбят из-за нее, то вы, ее муж, вы перед алтарем дали обет защищать ее и мстить за нее. А я... я, как прокаженный, отгоняю гостей от вашего дома, покуда в нем живу, я лишаю вас всех удовольствий, всех преимуществ, на которые вы имеете право по своему положению.

Дон Эстебан. Вся эта прекрасная речь ни к чему, Мендо. Вы думаете, ваше общество не приятнее мне в

тысячу раз, чем общество всех этих мелкопоместных эстремадурских идальго? И ради их дурацкой спеси я пожертвую другом, отцом? Да пусть они убираются к черту!

Мендо. Сеньор, я теряюсь. Семья Мендоса осыпала меня столькими щедротами, что я уже разучился отказываться от них. Но я очень боюсь, как бы вы когда-нибудь не пожалели о том, что приблизили к себе темного изуродованного крестьянина...

Дон Эстефан (сжимает его в объятиях.) Ваше увечье напоминает мне о том, что вы для меня сделали, отец! Смогу ли я когда-нибудь расплатиться с вами?

Мендо. То, что я сделал...

Дон Эстефан. Мы не дадим себя в обиду, будьте спокойны. Кстати, к нам сегодня приезжает красивая дама из Мадрида — герцогиня Серафина де Монтальван. Мы решили принарядиться по случаю ее приезда... Может быть, это глупо с моей стороны, но... пожалуйста, смените эту простую одежду на другую, изящнее.

Мендо. Напрасно вы меня не отпускаете. (Уходит.)

Дон Эстефан. Ну, полно, полно!.. (Один.) Я сделал доброе дело, это придает мне силы в борьбе с чарами Серафины... Чарами!. Да здравствует скромность!.. Стоит мужчине одержать одну победу, хотя бы самую незначительную, и он уже воображает, что все женщины только и думают, как бы его соблазнить... Пожалуй, приличия требуют, чтобы я поехал встречать гостью? Нет, я думаю, что это будет неприятно моей Инес. Впрочем, такое внимание мне надлежало бы оказать любой даме... Почему я должен быть менее учтивым с герцогиней, чем с какой-нибудь мещанкой? Поеду, встречу ее! Но вот уже ворота открываются...

Входит слуга.

Слуга. Господин барон! Только что во двор въехала дама в экипаже, запряженном шестеркой мулов. (Уходит.)

Дон Эстефан. Иду встречать. До чего глупо, что я так волнуюсь! Словно не прошло пяти лет со дня нашей разлуки! А за пять лет самая красивая женщина очень меняется. (Уходит.)

Входит Инес, неумело наруганная, вся в брильянтах.

Инес. С какой радостью поспешил он ей навстречу!.. А когда получил письмо, лицо у него просияло!.. Он не пожелал прочесть мне его до конца... Я не показываю, что это меня огорчает. Конечно, он ведет себя так без дурного умысла. Он меня любит; ревность с моей стороны была бы неблагодарностью. Однако я всего лишь простая крестьянка, не обученная хорошим манерам. Он, пожалуй, отвернется от меня, когда рядом со мной увидит мадридскую даму, умную, обаятельную. Ах, нет! Эстефан так благороден, что не разлюбит меня! *(При виде входящей герцогини.)* Боже, как она красива!

Дон Эстефан вводит под руку герцогиню.

Дон Эстефан. Дорогая Инес! Вот герцогиня Серафина де Монтальван. Позвольте вам представить, герцогиня, баронессу Мендоса.

Герцогиня. Я очень рада с вами познакомиться.

Инес *(запинаясь)*. И я... тоже.

Герцогиня. Какие тут ужасные дороги! Я изнемогаю от усталости. Ах!

Инес. Да ведь вы ехали в экипаже!

Герцогиня *(с улыбкой)*. Вот поэтому-то я и устала.

Дон Эстефан. Садитесь, пожалуйста, герцогиня. *(К Инес тихо.)* Инес! Что же ты? *(Герцогине.)* Садитесь!

Герцогиня. Баронессе как будто не по себе. Вам нездоровится?

Инес. Кому? Мне, сеньора?

Дон Эстефан. Она вчера устала и поэтому показалась вам бледной. Обычно цвет лица у нее ярче.

Герцогиня. При такой нежной коже, как у баронессы, бледность нельзя считать недостатком.

Дон Эстефан *(кланяясь)*. О!

Инес. О!

Герцогиня. Она придает изысканность...

Инес. Сеньора! Вы очень любезны... но...

Герцогиня. Баронесса еще так молода! Ведь ей не больше двадцати четырех — двадцати пяти лет?

Инес. Мне исполнится пять... то есть, что я говорю?.. Мне исполнится двадцать на летний Иванов день.

Герцогиня. В этом замке вы поселились недавно?

Дон Эстебан. Очень недавно. Я избрал его своей резиденцией ввиду близости Ависа, верховным губернатором которого я числюсь. Не думал я, что буду иметь честь принимать вас тут! Скажите, герцогиня: о каком изгнании упоминаете вы в письме? Что вас разлучило со столицей? Надеюсь, вы попали в Эстремадуру по серьезному поводу?

Герцогиня. По чрезвычайно серьезному. Знайте, дон Эстебан, что я беглянка в полном смысле слова. Вот что со мной произошло. Как вам известно, я пользовалась некоторым влиянием при дворе. Сам герцог де Лерма иной раз советовался со мной. Покойный король оказывал мне честь своей благосклонностью. И вдруг, неизвестно откуда, как бомба, падает на нас Оливарес, занимает при молодом короле Филиппе место Лермы, и я в один миг теряю почти все свое влияние. Для меня нет ничего противнее придворных интриг. Поэтому я великодушно предложила Оливаресу свою дружбу. Он ее с презрением отверг. Пришлось объявить войну. Я попыталась свалить министра, приставив к королю преданного мне духовника. А Оливарес подsunул ему любовницу. Любовница победила! Король всецело доверился министру — Меркурию...

Инес. Герцога Оливареса зовут Меркурий?.. Какое смешное имя!..

Герцогиня. Короче говоря, Оливаресу захотелось разделаться со мной, а он всемогущ. Вот он и обвинил меня в том, будто я соучастница какого-то португальского заговора. Все это находится в связи со злополучной историей Жоана де Браганса!.. Какой-то дикий вздор! Утверждают, будто я виновница того, что Португалия отпала от короны его католического величества. Меня собирались заточить в монастырь, а может быть, и в Сеговию⁴. Я вовремя об этом узнала и, не дожидаясь ареста, спаслась бегством так поспешно, что меня, пожалуй, еще и не хватились в Мадриде. Я переберусь в Португалию... и там действительно стану заговорщицей... раз уж этого им так хочется.

Дон Эстебан. Какая низость! Заточить даму в Сеговийскую башню!

Инес. А как же... духовник?

Дон Эстебан. Инес! Герцогине нужно подкрепиться. Пойди похлопочи. *(Говорит ей что-то тихо.)*

Инес уходит.

Молчание.

Я не успел вас спросить, как прошло ваше путешествие.

Герцогиня. Вполне благополучно... Кстати, скажите: комендант Ависа находится в вашем подчинении?

Дон Эстебан. Да. Он еще держится, судя по его письмам, но в провинции так мало войска, что я не могу ему ничем помочь. А почему вы меня спросили о нем?

Герцогиня. Так просто.

Дон Эстебан *(помолчав)*. А было время...

Герцогиня. Отчего у вас такой смущенный вид?.. Вы мне что-то хотите сказать?

Дон Эстебан *(стараясь казаться равнодушным)*. Нет, ничего... Как вам понравилась моя жена?

Герцогиня. Очень понравилась.

Дон Эстебан. Она, к сожалению, очень застенчива и могла показаться нескладной. Вы ее привели в полное замешательство. О моей женитьбе вы узнали в Мадриде?

Герцогиня. Да.

Дон Эстебан. Скажите откровенно: что об этом говорят?

Герцогиня. Откровенно?

Дон Эстебан. Да.

Герцогиня. Большинство не одобряет, если хотите знать правду. Но наши придворные философы считают, что вы показали хороший пример. Появились на эту тему песенки, слюшки, остроты... Что еще? В общем, считают, что вы сделали глупость. Но в Мадриде все забывается так быстро! Уже несколько месяцев, как об этом не говорят.

Дон Эстебан. А вы, герцогиня?.. Смею спросить, какого вы мнения?

Герцогиня *(с достоинством)*. Довольно странно, дон Эстебан, что вы интересуетесь моим мнением... столь же бесполезным для вас, сколь и запоздалым.

Дон Эстебан. Простите, герцогиня, я пошутил. Что сделано, то сделано. Я ни о чем не жалею.

Герцогиня *(помолчав)*. Дон Эстебан! Мое преж-

нее чувство... чувство дружбы к вам нисколько не ослабело. Мы давно не встречались, но если кто из нас может себя в чем-нибудь упрекнуть, то уж, конечно, не я. Со времени вашего отъезда в армию я ничего не слышала о вас.

Дон Эстебан. Ах, герцогиня, я сгораю со стыда! Ваши укоры слишком справедливы!

Герцогиня. И все-таки, дон Эстебан, я не забыла нашей прежней дружбы. В постигшей меня беде я решила попросить убежища у вас. Быть может...

Дон Эстебан. Я горжусь этим лестным для меня свидетельством вашего доверия...

Герцогиня. Как ваш друг, я была огорчена вашей женитьбой. А как ваша... я не смею произнести то нежное имя, каким вы раньше называли меня... я страдала, да, я очень страдала от сознания, что великодушные толкнуло моего Эстебана на такое чудачество... простите старому другу это выражение. Когда-нибудь ему придется в этом раскаяться. Я уже не говорю о женитьбе на неровне. Я понимаю, что вы выше пошлых предрассудков. Не говорю я и о том отталкивающем, что есть в фигуре тестя... Наоборот, это как раз романтическая и увлекательная черта вашего романа... Но увы: я вижу вас на всю жизнь связанным с невоспитанной крестьянкой. После первого ребенка увянет ее красота, а тогда-то и скажется значение воспитания у женщины... Но, может быть, я и ошибаюсь. Я пока еще не присмотрелась к донье Инес. Мне не чуждо предубеждение... ревность... А ведь вы уверены, что во мне говорит ревнивая женщина. Да, я ревную, Эстебан: я вас любила... я вас... Будь рядом с вами женщина очаровательная, умная — словом, женщина, созданная для вас, то я, конечно, тоже страдала бы от утраты сердца, которым некогда владела... Но для меня по крайней мере было бы некоторым утешением сознание, что вы счастливы — и в глубине вашей души и в глазах света. Я сказала бы себе: он не мог быть моим, но он нашел достойную спутницу. *(Отворачивается и плачет.)*

Дон Эстебан. Герцогиня! Поверьте, я ценю... все то лестное...

Входят Инес и дворецкий.

Дворецкий. Кушать подано!

Инес (Дону Эстевану). К завтраку будет *rische-го*⁵ — то, что ты так любишь!
Герцогиня. Вот!

Все уходят.

ДЕНЬ ВТОРОЙ⁶

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Декорация первого действия.

Дон Эстеван, Инес.

Инес. Друг мой!

Дон Эстеван (рассеянно). Что?

Инес. Ты сердишься на меня?

Дон Эстеван. На тебя? За что?

Инес. Я наговорила столько глупостей при этой даме! Чем больше я старалась... тем хуже у меня получалось.

Дон Эстеван. Полно!.. Она еще не выходила из своей комнаты?

Инес. Нет. Чудное дело: некоторые особы просто давят своим присутствием. В первый раз вижу такую важную даму.

Дон Эстеван. Она что-то долго отдыхает.

Инес. Скажи, ты заметил, какие у нее красивые руки? Мне хочется ее спросить, чем она их моет, что они у нее такие белые.

Дон Эстеван (улыбаясь). Белые руки — удел не каждой женщины, Инес. Нужно родиться герцогиней для того, чтобы руки были красивые⁷.

Инес. Однако...

Дон Эстеван. Ведь она уже давно ушла к себе...

Инес. Сегодня мой отец сам не свой. За обедом все время пялил глаза на герцогиню.

Дон Эстеван. А ты заметила, как мило, как любовно она... то есть донья Серафина... говорила с твоим отцом?..

Инес. Да, и все же у него был озабоченный вид...

Дон Эстеван. Он всегда такой... Ну, теперь-то она, наверное, встала. Пойди к ней, Инес... Гостям надо выказывать как можно больше внимания...

Инес (тихо, печально). Особенно если это красивые дамы. (Уходит.)

Дон Эстебан (один). Нелепое воспитание! Нелепые предрассудки! Гонишь их, думаешь, избавился от них, а они возвращаются — такие же сильные, такие же опасные! Я сбросил с себя их иго, растоптал их... Дорого мне обошлась победа... И вот я уже почти раскаиваюсь... Нет... Но все-таки я страдаю от того, что смирил врагов, которых я презираю... Они еще осаждают меня... Стоило появиться герцогине, и мне уже кажется, что моя жена, моя милая Инес... подурнела. Ее наивность больше не чарует меня... То ли было прежде!.. Мне обидно, что в этом захолустье я отстал от моды... Демону соблазна хотелось бы приковать меня к колеснице Серафины... Но я выдержу это слабое испытание, потому что постиг уловки врага. Не выходил ли я победителем из более опасных сражений? В Испании долго будут помнить показанный мною пример — после него я вправе, думается мне, полагаться на свои силы. Она напустила на себя важность. Мне тоже хочется ее помучить. Не думал я, что после того, что между нами было, она станет со мной разговаривать, как со школьником. Она еще делает вид, будто жалеет меня!.. Кокетка!.. А еще и теперь прекрасна, как ангел... Ах, супружеская верность!.. К счастью, она обязательна только для женщин.

Входит слуга.

Слуга. Господин барон!

Дон Эстебан. Что случилось? Почему у тебя такой растерянный вид?

Слуга. Господин барон!.. Там бадахосский коррехидор!

Дон Эстебан. Коррехидор?..

Слуга. Со своими людьми!.. Он хочет видеть вас.

Дон Эстебан. Ну что ж, пусть войдет!

Входит коррехидор.

Коррехидор. Целую руки господину барону.

Дон Эстебан. Чему обязан я честью вашего посещения?

Коррехидор. К моему прискорбию, барон, я вынужден исполнить приказ, только что полученный

свыше. В этом доме остановилась герцогиня де Монтальван, отсюда она намерена направиться в Португалию...

Дон Эстебан. Кто вам сказал, что герцогиня здесь?

Коррехидор. Потише, пожалуйста! Не будем волноваться. Я узнал ее экипаж в вашем каретном сарае.

Дон Эстебан. А вы умеете различать гербы на каретах?

Коррехидор. Не хуже всякого другого, милостивый государь мой. Впрочем, на экипаже герцогини гербов нет... но слуги во всем признались.

Дон Эстебан. Судя по вашей бороде, я думал, что вы достаточно благоразумны для того, чтобы не придавать значения болтовне слуг.

Коррехидор. Я понимаю, как вам тяжело выдать свою гостью, но в то же время не станете же вы укрывать врага короля!

Дон Эстебан. Милостивый государь! Я не укрываю ни герцогинь, ни врагов короля. Убирайтесь к черту и оставьте нас в покое, не то я вас накажу за дерзость!

Коррехидор. Прошу вас, барон, воздержаться от оскорблений. Вы не накажете меня, потому что вы больше не губернатор провинции, а мне было бы...

Дон Эстебан. Что говорит этот наглец...

Коррехидор. ...было бы крайне неприятно учинять в вашем доме обыск и тем наносить вам оскорбление.

Дон Эстебан. Если вы на это осмелитесь, видит бог, я покажу вам, что бывает с выскочкой, когда он оскорбляет испанского гранда!

Коррехидор. Но и вам не мешает поучиться, как должно почитать правосудие. Я спрашиваю в последний раз: где находится герцогиня?

Дон Эстебан. Убирайтесь вон, не то мои люди прогонят вас палками!

Коррехидор. Я вынужден применить насилие. Эй, стража!

Входят вооруженные альгусилы.

Дон Эстебан (звонит). А, каналья! Так ты забыл, что перед тобой Мендоса? Ты мне заплатишь, негодяй, за свою наглость.

Входят слуги.

Коррехидор. Именем короля! Дон Эстебан де Мендоса! Вы арестованы! (Прикасается к нему жезлом.)

Дон Эстебан (слугам). Вышвырните вон этих нахалов! Вы что? Окаменели перед жезлом этого негодяя? Смотрите! Я вам покажу, как надо исполнять свой долг! (Выхватывает шпагу.) Вот как надо с вами разговаривать, нахалы! Вон отсюда, канальи! (Выгоняет их и сам вслед за ними выбегает из комнаты.)

Входят Инес и герцогиня.

Инес. Ах, они убьют его! На помощь! На помощь!

Дон Эстебан возвращается, вкладывая шпагу в ножны.

Герцогиня. Превосходно, барон! Вы мастерски бьете шпагой плашмя⁸.

Инес. Ты не ранен, сердце мое?

Дон Эстебан. Нет.

Герцогиня. Нельзя ли узнать, барон, какое важное соображение побудило вас испытывать свою силу на спинах этих бедняг в черных мантиях?

Дон Эстебан. Герцогиня. Мне надо сказать вам несколько слов наедине... Инес! Оставьте нас на минутку!

Инес. Как? Мне... мне уйти, сердце мое?

Дон Эстебан. Да.

Инес. И надолго?

Дон Эстебан. Нет, нет. Оставьте нас.

Инес уходит.

Герцогиня. Какая таинственность! Знаете, не будь вы женаты, я бы испугалась.

Дон Эстебан. Герцогиня. Мне бы не хотелось омрачать ваше прекрасное расположение духа. И все же я вынужден вам сообщить, что из Бадахоса только что приезжал коррехидор, чтобы арестовать вас.

Герцогиня. Вот как?

Дон Эстебан (самодовольно). Да, донья Серафи-

на! Я не убоюсь гнева правосудия и стал на защиту прелестей, которые хотят спрятать от света в Сеговийской башне.

Герцогиня. О, вы образец странствующих рыцарей! Тристан, Ланселот, Амадис... Примите благодарность злосчастной преследуемой инфанты. Ха-ха-ха!

Дон Эстебан (*принужденно смеясь*). А вы все та же!

Герцогиня. Увы! Приходится расстаться с этой веселостью: она мне более не к лицу! Дорогой дон Эстебан! Довершите ваш подвиг. Дайте мне четверку сильных лошадей. Мне надо быть в Португалии сегодня же ночью.

Дон Эстебан. Приказывайте. Все, что у меня есть, принадлежит вам.

Герцогиня. Как мне грустно, что мы так скоро расстаемся!.. Я не надеюсь на новое свидание... Но так надо!..

Дон Эстебан. Герцогиня! Я...

Герцогиня. Не будем терять время... Есть у вас надежный человек, решительный, смелый, который мог бы меня проводить? Мой конюший сломал себе руку в Касересе.

Дон Эстебан. Донья Серафина! Разве вам не известен в этом доме человек, который был бы горд возможностью услужить вам?

Герцогиня. Что вы хотите сказать?

Дон Эстебан. Серафина!.. В прежнее время вы бы сказали мне, чтобы я вас проводил... чтобы я защитил вас от преследователей. Отчего вы меня отвергаете теперь?

Герцогиня. О дорогой мой Эстебан!

Дон Эстебан. Скажите же!.. Скажите, Серафина, что вы меня избираете своим рыцарем.

Герцогиня. Нет, Эстебан, не могу. И без того вы сделали для меня слишком много — вы навлекли на себя гнев жестокого министра. Проводить меня в восставшую Португалию — значит объявить себя моим сообщником, отрезать себе навсегда обратный путь в Испанию... Нет, дорогой Эстебан, я не хочу, чтобы вы рисковали из-за меня. Не забудьте, что вы губернатор провинции и что все ваши поступки, даже самые невинные...

Дон Эстебан. Что мне гнев Оливареса! Ради вас я пойду навстречу и не таким опасностям. К тому же, провожая вас, я скроюсь от преследования бадахосского правосудия, которое я отделал как следует... Донья Серафина! Не отвергайте меня, заклинаю вас! *(Берет ее за руку)*

Герцогиня. Это невозможно!.. Вы не должны покинуть свою семью... свою милую Инес... Ах, это имя вытеснит из вашей памяти имя бедной Серафины и грозящие ей опасности!.. Прощайте, Эстебан, вспоминайте хоть изредка о вашем старом друге.

Дон Эстебан. Нет, Серафина, нет! Я не покину вас! Ваша свобода, ваша жизнь, быть может, в опасности. Как я буду жить с мыслью о том, что вас каждую минуту могут схватить? Чтобы я, кавалер, сидел спокойно дома и ограничивался бесплодными пожеланиями удачи вам, моей... гостье... моей дорогой Серафине! *(Падает к ее ногам.)*

Герцогиня. О боже! Я и без того несчастна! Неужели суждено мне еще увлечь за собой в бездну единственного моего друга?

Дон Эстебан. Согласись, Серафина! Заклинаю тебя той раной, которую я получил из-за тебя!

Герцогиня. Жестокий! Какие дни вы мне напоминаете!

Дон Эстебан. Ты согласилась! Видит бог, я последую за тобой даже в казематы Сеговии.

Герцогиня *(слабым голосом)*. А... ваша Инес?

Дон Эстебан. Сейчас я думаю только о тебе... об опасностях, окружающих вас... А Инес... Она останется здесь, чтобы отвести угрозу... если, впрочем...

Герцогиня. О, знай она ваше решение...

Дон Эстебан. Я найду предлог...

Герцогиня. Хорошо, я согласна. Проводите меня только до...

Дон Эстебан. Не называйте места, где мы расстанемся.

Герцогиня. Жестокий Оливарес! Как долго ты еще будешь свирепствовать!

Дон Эстебан. Не бойтесь за меня: у меня есть при дворе могущественные друзья. Ваше великодушие преувеличивает значение моей ничтожной услуги.

Герцогиня. Господи! Дай мне быть единственной жертвой!

Дон Эстебан. Я знаю тайные тропы. Не так они ловки, чтобы нас поймать. Лучшего проводника вы не могли бы найти.

Герцогиня. Ах, зачем я сюда приехала!

Дон Эстебан. Я благословляю за это небо!

Входит слуга.

Слуга. Господин барон! Вам два письма. *(Уходит.)*

Герцогиня *(взглянув на одно из писем)*. Печать министра!

Дон Эстебан. Что ему от меня нужно? *(Читает письмо и передает его герцогине.)* Вы видите, я тоже при дворе на дурном счету. Он отзывает меня и требует, чтобы я выехал немедленно.

Герцогиня. Подчинитесь, Эстебан, или вы себя погубите. Вы сами видите, что слишком далеко зашли.

Дон Эстебан. Тем меньше у меня оснований бросаться тигру в лапы. Я тоже изгнанник! Какое счастье!

Герцогиня. Боже мой!

Дон Эстебан *(прочитав другое письмо)*. А это мне пишет наш общий друг дон Родриго де Ирьярте. По его словам, меня подозревают в прикосновенности к беспорядкам в Португалии. Говорят, что я не без умысла поселился так близко от очага восстания... Ха-ха-ха! Потеха, в самом деле! Да ведь они сами меня сюда назначили!

Герцогиня. Как я несчастна! Не знаю, что вам посоветовать...

Дон Эстебан. Мы обсудим это вместе, когда будем в безопасности. Но, тсс!.. Инес!

Инес *(приоткрывая дверь)*. Можно войти?

Герцогиня. Если б вы знали, баронесса, как я сердита на дона Эстебана! Он сообщил мне мадридские новости, но, право, они не стоили того, чтобы делать из них тайны от вас... особенно от вас.

Дон Эстебан. Инес, дорогая моя! Герцогиня решила нас покинуть. Я велю запрягать. *(К Инес, тихо.)* Я провожу ее до апельсиновой рощицы.

Инес *(тихо)*. Хочешь, я тоже поеду?

Дон Эстебан. Нет, там роса, ты простудишься.

Инес. Как же вы поедете ночью, герцогиня? Вы не боитесь?

Герцогиня. Несчастья закалили меня. Они не дают мне передышки.

Инес (Эстевану, тихо). Скажи, за что ты побил альгуасилов?

Дон Эстебан. Наглецы! Они смеют... Глупейшая охотничья история... Видишь ли, браконьеры... Впрочем, ты этого не поймешь.

Инес. Почему же слуги говорят, будто...

Дон Эстебан. Потому что они болтуны и дураки, а с твоей стороны глупо слушать их. Однако мне нужно пойти распорядиться... Покажи донье Серафине, какие ты цветы посадила.

Инес. Герцогиня! Взгляните на мой аравийский жасмин.

Герцогиня (Эстевану). Как можно скорее! Хорошо?

КАРТИНА ВТОРАЯ

Одна из нижних зал в замке.

Мендо (один). Даже в учтивости богатых людей есть что-то дерзкое. Эга герцогиня издевалась над нами, а дон Эстебан только на нее и смотрел, а не на жену. Ах, боюсь, раскается Инес в том, что пошла за важного барина!

Входит Инес.

Инес. Наконец-то она уехала. По правде говоря, я о ней скучать не буду.

Мендо. Твой муж поехал ее проводить?

Инес. Да, до апельсиновой рощицы. Я тоже хотела поехать на своей белой лошадке, но он не позволил. Знаешь, я очень беспокоюсь за него.

Мендо. А что?

Инес. Он взял с собой пистолеты... Но ведь у нас тут нет разбойников.

Мендо. Может быть, это... для спокойствия герцогини.

Инес. Разве ей грозит какая-нибудь опасность?

Мендо. Надеюсь, не грозит.

Инес. А вдруг ее схватят?..

Мендо. Ну, из Бадахоса сюда не скоро доберешься.

Инес. Ах, навлечет на него беду эта женщина, что навязывает духовников королям! Да, отец, она хотела, чтобы король взял ее духовника. Она сама рассказывала целую историю, только я в ней ничего не поняла. Господи боже! И зачем мой муж пустил ее к себе в дом?

Мендо. Он не мог поступить иначе. Они ведь когда-то были дружны.

Инес. К несчастью! (Слышен стук.) Кто-то стучит в ворота. Может, он уже вернулся?

Входят коррехидор и множество вооруженных альгуасилов.

Коррехидор. *Salutem omnibus!* * Вот и мы, но уж на этот раз во всеоружии. Над правосудием не смеются. Весело смеется тот, кто смеется последний. Посмотрим, кто будет платить за разбитые горшки.

Инес. Что вам угодно, сударь?.. Зачем вы к нам пожаловали?

Коррехидор. Только затем, чтобы арестовать дона Эстевана, сеньора де Мендоса, и донью Серафину, герцогиню де Монтальван.

Мендо. Что вы говорите, сударь? Этого не может быть!

Коррехидор. А это уж позвольте мне знать. Я исполняю свой долг. Главное — не смей сопротивляться! Иначе я тут все предам огню и мечу.

Инес. Сударь!.. Герцогиня... уехала... а мой муж... тоже уехал...

Коррехидор. Рассказывайте! Нас не проведешь! Через ворота никто не выезжал. Значит, сорока еще в гнезде. (Двум альгуасилам.) Никого не выпускать! (Другим.) А вы следуйте за мной!

Коррехидор и альгуасилы уходят во внутренние покои.

Инес. Говорила я: погубит его герцогиня! Пресвятая дева! Смилуйся над нами!

---

* Привет всем (лат.).

Мендо. Успокойся! Богатый человек всегда вывернется.

Инес. Но где он? Когда я с ним увижусь?

Мендо. Да, дай бог, чтоб он скоро вернулся!

Инес. Ты говоришь так, словно не очень на это надеешься.

Мендо. Я?.. Нет, я надеюсь... Он скоро вернется.

Инес. Что-то есть у тебя на уме, только ты не решаешься мне сказать. Да, ты или знаешь, или предполагаешь что-то страшное.

Мендо. Дитя мое, ты ошибаешься! Пойди к себе, дочка. Нам остается только молиться богу, чтобы он сохранил тебе мужа.

Инес. Ты пугаешь меня! Сердце мое чует недоброе.

Мендо. Пойдем навверх. Что нам тут делать?

Мендо и Инес уходят.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Эльвас. Постоялый двор.

За столом сидят и пьют хозяин, португальские солдаты и горожане.

Хозяин (со стаканом в руке встает). За здоровье Жоана де Браганса, короля Португальского!

Все. За здоровье Жоана де Браганса!

Хозяин. Это, черт возьми, настоящий португалец, добрый король, душа-человек. Такой-то нам и нужен. Это не испанец с постной рожей, выкачивающий из нас дублоны.

Солдат. Пусть попробуют вернуться! Мы их примем так, что не обрадуются.

Хозяин. Слыхали новость, господа? Когда дон Родриго де Саа и Фернандо Менесес вышвырнули из дворца в окно Васконсельоса, как вы думаете, что случилось?

Горожанин. Он разбился о мостовую.

Хозяин. Нет, народу явился огромный призрак и громовым голосом крикнул: «К оружию, португальцы! Испанскому игу конец!» Кто ж бы это был по-вашему?

Солдат. Ясно, кто! Не кто иной, как король Себастьян⁹.

Хозяин. Он самый... Сказав эти слова, призрак рассыпался в воздухе с таким треском... точно разом выпалили из десяти тысяч пушек. Все это истинная правда: я слышал про это от своей сестры, а она была в церкви, когда Васконсельос вылетел из окна.

Солдат. Ничего в этом нет удивительного. Всем известно, что король Себастьян не убит. Вот послушайте. Стоял я как-то ночью на часах. Темно было, как в печке, моросил дождь. Я раздувал фитиль своей аркебузы, как вдруг мимо самого моего носа прошел большой белый призрак, вооруженный с ног до головы и в короне. Идет и тяжело вздыхает. Я, братцы, живых людей не боюсь, а как увижу привидение, так сразу душа в пятки. Повалился я на землю и прочитал молитву против духов...

Хозяин. Я тоже такую молитву знаю — очень помогает.

Горожанин. Это кто жалует к нам?

Хозяин. Это, господа, хороший человек, обходительный молодой португалец дон Сесар де Бельмонте. Он командует войском, осадившим Авис.

Входит дон Сесар. Все встают.

Дон Сесар. Здравствуйте, друзья мои, здравствуйте!

Хозяин. Для моего заведения высокая честь...

Дон Сесар. Ему сейчас будет оказана еще большая честь. Я поджидаю здесь даму, бежавшую из Кастилии, — там ее преследовали как друга Португалии.

Хозяин. Все, что есть у нас лучшего, к ее услугам.

Дон Сесар. Она, вероятно, скоро приедет.

Хозяин. Осмелюсь спросить, ваша светлость, как наши дела?

Дон Сесар. Все идет прекрасно, друг Бонифас. Испанские гарнизоны отовсюду бегут во все лопатки. Население везде с восторгом присягает Жоану де Браганса.

Хозяин. Ах, как хорошо!

Дон Сесар. Только на башнях Ависа еще разве-

вается испанский флаг. Но вскоре мы водрузим и на них португальские кинесы¹⁰.

Хозяин. Я сам, если нужно, с вертелом в руке пойду брать приступом башни. Насадить бы мне на него столько же испанцев, сколько торчало на нем индюков!..

Входят герцогиня в шарфе фамильных цветов королевского дома Браганса и дон Эстефан.

Герцогиня. Привет стране-спасительнице! Привет Португалии! Да здравствует Жоан де Браганса! Ах, дон Сесар!

Дон Сесар. Какое для меня счастье, донья Серафина, видеть вас в безопасности на португальской земле!

Герцогиня. Да, теперь я спасена. *(Вполголоса разговаривает с ним.)*

Дон Эстефан остается в глубине сцены; вид у него слегка растерянный.

(Громко.) Дон Сесар. Позвольте вам представить моего спасителя дона Эстевана де Мендоса. Барон! Разрешите представить вам дона Сесара де Бельмонте.

Дон Эстефан и дон Сесар холодно кланяются друг другу.

Дон Эстефан. Вам нужно отдохнуть, донья Серафина. Я не знаю, как вам на этом постоялом дворе...

Герцогиня. О нет! Я только что чувствовала сильную усталость, а теперь, при виде друзей...

Дон Сесар кланяется, дон Эстефан хмурится.

...и при мысли, что я вырвалась из когтей Оливареса, я сразу воспряла духом. Я готова танцевать от радости.

Дон Сесар *(тихо)*. Его величество готовит вам в Лисабоне торжественную встречу.

Герцогиня. Вы уверены? *(Шепчет ему что-то. Громко.)* Знаете, дон Сесар, я была на волосок от гибели. Если бы не отвага сеньора де Мендоса, меня бы арестовали и упрятали в Сеговию.

Дон Сесар. Боже! И меня не было с вами!

Дон Эстефан. Эта схватка не заслуживала ваше-

го участия. (*Герцогине, тихо.*) Удалите отсюда этого человека.

Герцогиня. Наша карета сломалась по дороге. Пока ее чинили, появляется сеньор коррехидор со своими людьми. Пиф-паф! Стрельба из пистолетов... звон шпаг... Я чуть было не умерла со страху и открыла глаза лишь тогда, когда подошел дон Эстефан с известием, что неприятель разгромлен.

Дон Сесар (*тихо*). Он остается здесь?

Герцогиня (*тихо*). Да. За ним стоит поухаживать, пока мы от него не получим... вы сами знаете... то, что вам нужно для Ависа.

Дон Сесар. Донья Серафина! После такого трудного путешествия вам необходим отдых. Я ухожу. (*Дону Эстефану.*) Сеньор де Мендоса! Если я могу вам быть здесь полезен,— пожалуйста, располагайте мною.

Дон Эстефан. Целую ваши руки.

Дон Сесар. (*Герцогине, тихо.*) Комендант требует письма... Ну, да вы меня понимаете... (*Уходит.*)

Молчание.

Герцогиня (*весело*). Дон Эстефан! Что с вами? Вы на меня дуетесь?

Дон Эстефан. Я?

Герцогиня (*передразнивает его*). «Я». Да, вы, сударь. Чем я привела вас в столь мрачное расположение духа?

Дон Эстефан (*холодно*). Герцогиня! Вы шутите так мило... вы всегда так веселы...

Герцогиня с нежностью смотрит на него.

Ах, Серафина! Перестаньте так на меня смотреть, а то я не смогу больше на вас сердиться.

Герцогиня. За что же сердиться на меня, мой дорогой Эстефан? (*С нежностью в голосе.*) Не должна ли я скорее сердиться на вас за то, что вы последовали за мной в Португалию? Но как мне корить вас за непослушание, которое меня же и спасло?

Дон Эстефан. Вы меня терзаете, Серафина, своими бесконечными знакомствами. Я помню, что было в Мадриде, но — боже мой! — у вас всюду находятся близкие друзья. Даже в Португалии!

Герцогиня. Что же тут удивительного? Дон Сесар участвовал в заговоре, как и я. Ах, об одном я только жалею — о том, что я и вас втянула...

Дон Эстебан. Ах, Серафина! От вас одной зависит, жалеть ли мне об этом.

Герцогиня (*в притворном изумлении*). Барон де Мендоса! В самом деле, что вы намерены предпринять? На вашем месте, раз вы уже опорочены и чуть ли не изгнаны из Испании, я поступила бы на службу в Португалии.

Дон Эстебан. А на что я им нужен? И потом, разве я не кастилец?

Герцогиня. А я-то разве не испанка? Но я изгнанница, и теперь я подданная той страны, которая меня приютила.

Дон Эстебан. Оставим это...

Герцогиня. Нет, об этом надо говорить... иначе мне станет еще больнее от мысли, что я увезла вас из вашего края... навлекла на вас гнев вашего двора и не предложила вам никакого возмещения со стороны португальских властей.

Дон Эстебан. Да разве я за Португалию дрался? Возмещением для меня было бы...

Герцогиня. Я понимаю, что в предстоящей войне вы не хотели бы сражаться в рядах португальцев... Но существуют такие посты...

Дон Эстебан. Еще раз прошу вас: оставьте этот разговор!

Герцогиня. Так что же с вами будет? Ведь в Испанию вам теперь вернуться нельзя.

Дон Эстебан. Вы уже гоните меня?

Герцогиня. Вы меня приводите в отчаяние!

Дон Эстебан. Вознаградить меня за небольшие услуги, оказанные вам, — разве это дело Жоана де Браганса? Нет, донья Серафина, я достаточно вознагражден счастьем, что вы в безопасности.

Герцогиня. Вы уже не испанец. Отчего бы вам не стать португальцем? Послушайте: я могу вам обещать такой пост, на котором вы, не сражаясь против Испании, в то же время войдете в милость к Жоану де Браганса.

Дон Эстебан. Странная настойчивость!

Герцогиня. Вы даже сможете оказывать услуги

соотечественникам. Вот, например, замо́к Авис еле держится. Завтра дон Сесар собирается его штурмовать. Но если я попрошу, то он позволит гарнизону выйти из крепости. Напишите коменданту — он вам подчинен, ведь вы официально числитесь губернатором Ависа... очевидно, имеете на него влияние. Убедите его прекратить бесполезное сопротивление, напишите, что вы разрешаете сдать замо́к.

Дон Эстебан (сурово). Вы отдаете себе отчет, что вы мне предлагаете?

Герцогиня. Самую простую вещь. Вы же сами мне говорили, что крепость обречена. Поберегите испанскую кровь, вот и все.

Дон Эстебан. А испанскую честь?..

Герцогиня. Ах, честь! Честь! Ваше любимое слово. Сколько крови льется из-за него! В конце концов придется дону Сесару штурмовать замо́к или не придется, мне-то что до этого? Я обещаю подарить свой шарф тому, кто первый водрузит португальский герб на башнях Ависа. Я буду очень рада, если он достанется дону Сесару.

Дон Эстебан. Дон Сесар! Вечно дон Сесар! Это ваше любимое слово, Серафина. С той минуты, как мы приехали в Португалию, вы только и твердите мне про дона Сесара.

Герцогиня. Почему бы мне не говорить о нем?

Дон Эстебан. Я не хочу хвалиться тем, что мне удалось для вас сделать. Но скажите: кто еще вас будет любить, как я?

Герцогиня. Вы забываете...

Дон Эстебан. Я хочу все забыть у ваших ног, Серафина, я обожаю вас! Зачем же вы мучаете меня своим легкомыслием?

Герцогиня (вполголоса). Долг выше любви! (Громко.) Сеньор! Вы забываете, что принадлежите другой.

Дон Эстебан (в ярости). Нет, я этого не забываю, жестокая женщина! Но вам этого мало. Вам нужно доконать меня своими упреками, своими насмешками. Да, я все бросил ради вас. Я пожертвовал родиной, женой, честью... а вы... вы, из-за которой я стал ничтожнейшим из людей, вы, Серафина, с таким презрением отвергаете

меня, а любовь донна Сесара, по-видимому, цените выше моей!

Герцогиня. Какая несправедливость! И вы еще меня обвиняете! Разве я нарушила клятву? Вспомните апельсиновые рощи Аранхуэса. Не вы ли сто раз клялись мне в вечной любви? А потом меня бросили... Несколько холодных вежливых писем — вот все, чем вы меня утешили, а вскоре и они прекратились. Наконец, вы мне наносите последний удар: вы женитесь, Эстеван... И на ком?.. Кто моя соперница? Праведное небо!.. Вот она, ваша верность, Эстеван! Так-то вы соблюдаете клятвы? Ступайте прочь, вероломный! Дайте мне оплакать мои минувшие увлечения!

Дон Эстеван. Серафина!.. Я не переставал тебя любить... Да... Клянусь тебе... Я бросил Инес... чтоб уже не разлучаться с тобой... чтобы стать твоим рабом. Неужели ты покинешь меня?.. Нет, я вижу, ты улыбаешься, ты готова раскрыть объятия тому, кого любила когда-то.

Герцогиня. О мой Эстеван!

Дон Эстеван. Я твой навеки!

Герцогиня. Умей презирать мнение людей — и я стану жить для тебя, а ты для меня.

Дон Эстеван. Навеки!

Герцогиня. Навеки! О мой любимый! Мы будем счастливы с тобой вдали от испанских тиранов, при нашем обожаемом государе. Да здравствует Жоан де Браганса!

Дон Эстеван. Да здравствует Жоан де Браганса!

Герцогиня. Мы с тобой португальцы! *(Надевает на него свой шарф.)*

Дон Эстеван. Я пушу слух, будто я умер... переменяю имя... и тогда, в уединении, вдали от придворной суеты, мы заживем счастливо в объятиях друг у друга... Но если та, несчастная...

Герцогиня *(обнимая его)*. Сокровище мое!.. Скажи: ты напишешь коменданту Ависа?

Дон Эстеван. Заклинаю тебя, Серафина: не требуй этого от меня!

Герцогиня. О нет, я не требую, я только умоляю.

Дон Эстеван. Ты этого хочешь?.. Хорошо! Я для тебя пожертвую всем...

Герцогиня. Я тебя расцелую за это!

Дон Эстебан. Но что же я ему напишу?.. Я не могу...

Герцогиня. Напиши, что на подмогу из Испании рассчитывать нечего... Разве это неправда?

Дон Эстебан. Да... но...

Герцогиня. Ты не хочешь, чтобы я тебя расцеловала?

Дон Эстебан. Ну, так пиши сама... Я подпишу. Ты довольна?

Герцогиня (написав). О моя единственная радость! (Целует его.) Да, теперь я верю в твою любовь! (Звонит.)

Входит Педро.

Это письмо надо немедленно доставить коменданту Ависа. Вы найдете у ворот корнета Бейрских волонтеров, — он доставит письмо по назначению.

Педро. Господин барон! Вы, кажется, завели новую моду — надели шарф цветов герцога де Браганса?

Дон Эстебан. А что?

Педро. Если так, то извольте рассчитать меня. Мне неохота носить португальский шарф. Испанцем я родился, испанцем и умру.

Дон Эстебан. Дорогая моя Серафина! Какую жертву я принес ради тебя!

Герцогиня. Ах, вот что? Вы смущены тем, что слуга попросил у вас расчета? (К Педро.) Возьмите этот кошелек, добрый человек, выпейте за мое здоровье, возвращайтесь домой, и да хранит вас Пиларская божья мать! (Тихо.) А если вас будут спрашивать о бароне де Мендоса, отвечайте, что он умер... убит на дуэли... Поняли?

Педро. Так отвечать всем? Даже баронессе?

Герцогиня. Всем. Возьмите еще это кольцо, подарите его жене, если вы женаты. Но первым делом отдайте письмо корнету.

Педро уходит.

Эстебан, единственное сокровище мое! Видишь? За апельсиновой рощей заходит солнце. Это вернулся к нам тот сладостный вечер Аранхуэса!

Дон Эстебан. Ах, зачем я тогда покинул тебя!

Дон Эстебан и герцогиня уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Замок де Мендоса.

Инес, Мендо.

Мендо. Он вынужден скрываться из-за этой скверной истории... Но пройдет время, власти успокоятся, и он вернется.

Инес. Но почему же он не пишет? Я могла бы иметь от него уже три письма.

Мендо. Гм...

Инес. Ты мне говоришь не все, что думаешь, это мне совершенно ясно. Эстефан погиб или изменил мне. Уж лучше измена!

Мендо (в сторону). Да, лучше! Тогда я смогу отомстить за тебя.

Инес. Что ты говоришь?

Мендо. Я надеюсь, что он жив и все еще любит тебя... Но есть немало причин...

Инес. Пресвятая дева! Не Педро ли это?

Входит Педро.

Педро. Целую ваши ноги, сеньора.

Инес. Педро!.. Что ты сделал с моим мужем?.. Говори!..

Педро. Увы, сеньора...

Инес. Его нет в живых!

Педро. Спаси, господи, его душу и прости ему все прегрешения его!..

Инес. Она убила его! (Лишается чувств.)

Мендо. Негодяй! Ты убил мою дочь!

Педро. Сеньора!.. Сеньора!.. Придите в себя! Не верьте тому, что я сказал, ни единому слову не верьте!.. Сеньор де Мендоса не умер...

Инес. Что?

Педро. Он жив и здоров, но...

Инес. Слава богу! Так я его увижу!

Педро. А вот увидите ли — не знаю...

Инес. Педро! Говори все, ничего не скрывай!

Педро. Вы хотите знать правду?.. Слушайте же! Он в Эльвасе, с герцогиней. Он называет ее дорогой своей Серафиной. Я сам видел на нем португальский шарф. О нем еще и не то говорят... Я не выдержал и попросил

расчета. Герцогиня дала мне денег и велела рассказывать, что сеньор скончался, а ваш муж слушал и молчал. Лучше бы ее дукаты расплавились и прожгли мне руку до кости. Я чуть было не убил этой ложью мою добрую госпожу.

Молчание.

Инес (всхлипывая). Я этого не переживу!

Мендо (в сторону). Что я предвидел, то и случилось. (Громко.) Инес!

Инес. Что, отец?

Мендо. У тебя еще сохранились платья, которые ты носила в Монкларе?

Инес. Сохранились, отец.

Мендо. Собери их. Не бери с собой ничего из вещей, которые тебе подарил изменник. Нам нельзя больше оставаться под его кровлей. Мы поедем в Бадахос. Ты найдешь приют в монастыре урсулинок.

Инес. Дай мне руку... Я очень слаба...

Мендо. Пойдем. Обопрись на мою руку... Я тверд... Идем!

Инес и Мендо уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Постоялый двор в Эльвасе.

Герцогиня, дон Эстебан.

Герцогиня. Отчего ты так печален, мой дорогой друг? Может ли рассеять эту грусть твоя Серафина?

Дон Эстебан. Когда на совести такое бремя... веселым быть нельзя.

Герцогиня. Съездил бы на охоту, развлекся.

Дон Эстебан. Комендант Ависа вернулся в Испанию?

Герцогиня. Надеюсь, что да.

Дон Эстебан. Ты не знаешь, условия капитуляции были строго соблюдены?

Герцогиня. Не сомневаюсь.

Дон Эстебан. Слава богу! Серафина! Уедем из Эльваса! Воспоминания, связанные с этим постоялым

двором, для меня мучительны. Ах, если бы мы с тобой очутились в пустынях Америки!

Герцогиня. Для меня с Эльвасом связаны только воспоминания любви. Пустыням Америки мы, с твоего разрешения, предпочтем Лисабон.

Дон Эстебан. Там посмотрим... Я хочу прокатиться верхом. Хочешь, поедем вместе?

Герцогиня. Нет, я устала... Мне хочется отдохнуть.

Дон Эстебан. А где... дон Сесар?

Герцогиня. Неисправимый ревнивец!.. В Ависе, конечно!

Дон Эстебан. Мне ли тебя ревновать, Серафина?.. Ты доказала мне свою любовь!.. Я немного проедусь. Когда навстречу мне несется ветер, свистит в ушах и оглушает, это меня успокаивает. До свиданья! (Уходит.)

Герцогиня. Прощай, душа моя! (Одна.) Бедный простофиля! Бесхарактерный мужчина достоин презрения. Мне казалось вначале, что из него можно что-нибудь сделать. Но при такой ограниченности ему не быть спутником Серафины... Порой мне жаль его... Но если обращать внимание на эти слабые существа, то что же будет с нашими высокими замыслами?.. Оливарес! Ты выгнал меня из Мадрида — я с триумфом вступлю в Лисабон. Уж теперь я дам волю своему честолюбию! Моему могуществу не будет границ.

Бьют часы.

Уже так поздно! Пора бы ему прийти.

Входит дон Сесар.

Дон Сесар. Он здесь!

Герцогиня. Войдите, Цезарь, Помпей удален.

Дон Сесар. Моя царица! Похвалите меня за точность. Я прискакал из Ависа и, не дав себе ни минуты передышки, примчался похитить вас.

Герцогиня. Нашего приятеля беспокоит судьба испанского гарнизона в Ависе.

Дон Сесар. По правде сказать, у него есть все основания для беспокойства. Крестьяне Алентехо и Бейры не дадут уйти живым ни одному испанцу. Это верно так же, как то, что я дворянин.

Герцогиня. Но ведь это ужасно, дон Сесар! Возьмите платок. Лошади поданы?

Дон Сесар. Да, очаровательница.

Герцогиня. В таком случае едем. Дайте вашу руку.

Герцогиня и дон Сесар уходят,

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната Серафины в Эльвасе.

Входит дон Эстебан.

Дон Эстебан. Я устал, а душевная боль не прошла... Инес так и стоит у меня перед глазами... Как она, наверно, страдает! Несчастливая!.. Чем она виновата?.. (Зовет.) Серафина! Серафина! Донья Серафина! (Уходит, но тут же возвращается.) Что бы это значило? Куда она могла уйти? Ах, что это? (Берет письмо и читает адрес.) «Барону де Мендоса в собственные руки». Ее почерк. Прочтем. «Дорогой дон Эстебан! Я в отчаянии, что расстаюсь с Вами... но мне непременно нужно уехать в Лисабон. Насколько я понимаю, Португалия Вам не по душе... а потому советую Вам вернуться к Вашей прелестной жене... она, наверно, очень без Вас соскучилась. Прощайте! Будьте с нею счастливы... За меня не тревожьтесь. Дон Сесар...» О! (Бросает письмо. Молчание.) Да, я это заслужил... Я покинул ангела и бросился в когти дьявола... Мстить?.. Нет... Я ослабел духом... Как же мне быть теперь?.. Как же я покажусь на глаза старику Мендо?.. Инес... Она первая откроет мне объятия, в этом я уверен... Но Мендо!.. Что, если Педро... Ему велено было сказать... О, какой же я изверг!.. Быть может, я убил ее! Инес, Инес!.. Ты ли или твое бездыханное тело ждет меня в замке Мендоса?.. Нет, я не выдержу неизвестности. Хуже этого ничего не может быть... Хотя бы мне не сносить своей головы, но я поеду в Мендосу!

Входит Педро.

А, Педро! С какими ты вестями?

Педро. Я вернулся к вам, господин барон... Я не мог солгать... Видя, как сеньора страдает... я сказал ей всю правду.

Дон Эстебан. А она?

Педро. Она покинула Мендосу. Сеньор Мендо отвез ее в Бадахос, в монастырь урсулинок.

Дон Эстебан. Я лечу туда, Педро! Это они послали тебя ко мне?

Педро. Господин барон!.. Сеньора дала мне эту записку... потихоньку от отца...

Дон Эстебан (прочитав). Ни слова упрека!.. Ангел небесный!.. Как мог я тебя обмануть?.. Едем, Педро! Загоним всех лошадей... Сегодня же мы должны быть в Бадахосе.

Педро. Не знаю, удастся ли. Придется ехать окольными путями.

Дон Эстебан. Почему?

Педро. Весь Алентехо взялся за оружие. Восставшие крестьяне только что перебили гарнизон Ависа... Каждого испанца, попавшего им в руки, они убивают на месте.

Дон Эстебан. Этого только не хватало! Все равно, Педро! Если меня убьют, ты скажешь им, что я раскаялся перед смертью.

Педро. Ах, господин барон, это ангел! Она все время старалась оправдать вас в глазах отца.

Дон Эстебан. В дорогу, Педро!.. Комендант дон Грегорьо не спасся?

Педро. Нет, господин барон. Они его повесили.

Дон Эстебан. Еще одно убийство на моей совести!

Дон Эстебан и Педро уходят.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Приемная в монастыре урсулинок.

Мендо, Инес, аббатиса.

Мендо. Прощай, Инес! Мы еще увидимся.

Инес. Прощай, отец. Мне жить осталось недолго. Слишком силен был удар. Если он когда-нибудь разлюбит красавицу Серафину... и захочет вернуться к своей Инес... увы, он меня уже не застанет. Скажи ему, что я

его простила... и, умирая, молила господа его простить...
Прощай, отец! (*Целует его.*)

Мендо. Прощай, дитя мое!

Инес, поддерживаемая аббатисой, уходит.

(*Один.*) Теперь я могу весь отдаться мщению. Левая рука у меня еще, слава богу, цела.

Вбегают дон Эстефан, бледный, в смятении.

Дон Эстефан. Инес! Любовь моя!

Мендо. Уважай эти стены!

Дон Эстефан. Инес! Инес!

Инес (*за сценой*). Это он! Он вернулся ко мне!
(*Вбегает и падает в его объятия.*) Так ты еще любишь меня?.. О, наконец-то я счастлива! (*Лишается чувств.*)

Аббатиса. Посадите ее на стул, дайте ей понюхать соли... Принесите воды!

Дон Эстефан. Инес, дорогая!.. Сможет ли моя любовь искупить мое преступление?.. Ах, говори же! Ради бога!

Аббатиса. Выпейте воды, сеньора!

Инес. Эстефан!.. Отец!.. Дайте мне руки! (*Пытается соединить их руки, Мендо вырывает свою.*) Эстефан! Поцелуй меня... Прощай! (*Падает к нему в объятия и умирает.*)

Аббатиса. Скончалась!

Мендо. Барон Мендоса! Полюбуйтесь, что вы наделали!.. Взгляните на мою искалеченную руку... Какие воспоминания вызывает она у вас?.. А вы... как вы нас отблагодарили? Что вы сделали с моей дочерью?.. Я еще никого не лишал жизни... Но сегодня я сам себя назначаю вашим судьей и палачом... Да простит вас господь! (*Стреляет в него из пистолета.*)

Аббатиса. На помощь! Здесь убивают! Заприте двери!

Дон Эстефан. Дайте ему уйти... (*Кладет голову на грудь Инес.*)

Мендо. Я не тронусь с места, потому что... комедия окончена. Да, милостивые государи и милостивые государыни, так кончается вторая часть пьесы *Инес Мендо, или Торжество предрассудка*.

Инес. Автор попросил меня воскреснуть, чтобы по-

просить у публики снисхождения. Вы можете уйти с приятным сознанием, что третьей части не будет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Намек на испанский обычай держать вино в мехах. По смыслу это можно перевести: «Черного кобеля не отмоешь добела».

² Непереводаемая игра слов. По-испански *Rogga* означает смешную чванливость.

³ Надлежит помнить, что действие происходит вскоре после переворота, возведшего на португальский престол Жоана де Браганса.

⁴ Государственная тюрьма (см. *Жиль Блас*).

⁵ Тушеное мясо с бобами. Деревенское блюдо.

⁶ Я перевожу словом «день» испанское слово *jornada*. Клара Гасуль применяла этот устаревший термин, которым пользовались испанские классики для деления пьесы на действия. В данном случае слово «день» не обозначает, конечно, промежутка времени от восхода до захода солнца (см. *Саламейский алькальд*. *Время от времени* Кальдерона).

⁷ Эта мысль, как мне кажется, заимствована у лорда Байрона. См. *Дон Жуан*.

⁸ По-испански этот удар называется *cuchillada*. См. значение этого слова в новелле Мигеля Сервантеса *Ринконете и Кортальдо*.

⁹ Намек на народное поверье, распространенное в Португалии. Многие верят, что король Себастьян (погибший в Африке) на самом деле не умер и является своим подданным при необычных обстоятельствах. Последний раз он, кажется, являлся в то время, когда Лисабон был занят французами (1808—1809 гг.).

¹⁰ Португальский герб.

НЕБО И АД

Комедия

*Sin zelos amor,
Es estar sin alma un cuerpo.
Calderon. «Almas atravesadas»*.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Пабло Ромеро.
Брат Бартоломе, инквизитор.
Донья Уррака де Пиментель.

Действие происходит в Валенсии.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Молельня.

Донья Уррака, дон Пабло.

Донья Уррака. Нет, нет и еще раз нет! Можете просить сколько вам угодно. В великопостную-то среду, да еще на первой неделе!

Дон Пабло. Зато у нас даром пропал вторник на масленой.

Донья Уррака. Я великая грешница,— прости меня господи! — но на такой грех я ни за что не пойду.

---

* Любовь без ревности — все равно что тело без души.
Кальдерон. «Одержимые души» (исп.).

Дон Пабло. Только один поцелуй!

Донья Уррака. Нельзя!

Дон Пабло. Велика важность — один грех! Я все возьму на себя.

Донья Уррака. В великопостную среду!

Дон Пабло. Э, к черту пост! Сжальтесь! Единственный поцелуй!

Донья Уррака. Какой вы несносный!.. Закройте же окно!

Дон Пабло. Еще один! Авось грешней не станете.

Донья Уррака. Нет, оставьте меня, бога ради!

Дон Пабло. Что это у вас на шее?

Донья Уррака. Это четки, благословение самого его святейшества папы.

Дон Пабло. А мой портрет? А цепочка? Куда вы их дели? Ах, Уррака, бьюсь об заклад, что вы ее отдали этому чертову отцу Бартоломе, а он повесил ее на шею какой-нибудь мадонне!

Донья Уррака. Нет, все это у меня в шкатулке. Просто я думала, что в такой день, как сегодня...

Дон Пабло. Такой день, как сегодня, нужно бы вычеркнуть из календаря!

Донья Уррака. Вы думаете, дон Пабло? А разве не сегодня...

Дон Пабло. Ладно, поговорим о другом. Вам следовало бы взять духовника постарше. Кругом пересуды, да и мне не по себе.

Донья Уррака. Вы хоть духовную особу пощадите, если уж ко мне потеряли уважение...

Дон Пабло. Да черт его дери! Я говорю о нем так, как он того заслуживает; я знаю, что он вам на меня наговаривает.

Донья Уррака. Напротив, Пабло. Бедный! Он все надеется, что вы наконец обратитесь!.. Уж сколько времени я грешу — и все для вашего спасения, неблагодарный!

Дон Пабло. Вы знаете, как я признателен вам за вашу доброту, но пожертвуйте ради меня еще одним. Попросите отца Бартоломе подобру-поздорову убраться вон.

Донья Уррака. Нет, он был духовником моего мужа, пока тот не уехал в Новый Свет. Дону Хосе всегда так помогали его советы!

Дон Пабло. А, провались он совсем! Потому-то и нельзя его на порог пускать. Что же это такое? Из-за меня вы бросили мужа, а теперь не можете расстаться с этим чертовым духовником?

Донья Уррака. Ах, не ругайтесь, Пабло, умоляю вас!.. В великопостную среду!

Дон Пабло. От вашего сумасбродства даже статуи церковные ругаться начнут. Итак, в последний раз позвольте мне доказать вам, как я люблю вас.

Донья Уррака. Завтра, завтра!

Дон Пабло. А завтра я на дежурстве, убей меня бог!

Донья Уррака. Пабло, дорогой! Если уж вам не терпится, то хоть ругайтесь иначе. Что бы стоило вам сказать: «У, сатана проклятый!» Или, например: «Клянись трубкой»,— знаете, как ругаются военные, когда сердятся?

Дон Пабло. Прощайте!

Донья Уррака. Прощайте, душа моя!

Дон Пабло. Уррака!

Донья Уррака. Что такое? Чему вы смеетесь?

Дон Пабло. Вы назвали меня своей душой?

Донья Уррака. Да, милый. Ну и что же?..

Дон Пабло. Ведь сегодня великопостная среда.

Донья Уррака. Негодник! Как вы можете смеяться над такими вещами! Я употребила это слово не в земном его смысле.

Дон Пабло. Так подарите же мне на прощание поцелуй вполне небесный, так сказать, херувимский...

Донья Уррака (*целует его*). Не кощунствуй!

Дон Пабло. Прощай, сердечный друг! Значит, в пятницу утром.

Донья Уррака. В пятницу?.. Но ведь это...

Дон Пабло. Э, клянись телом Христовым!..¹ Пятница — это же день Венеры. Итак, в пятницу. Прощай! (*Уходит.*)

Донья Уррака (*одна*). Как жаль! Такой прекрасный человек, с таким добрым сердцем — и такой безбожник, сущий язычник! Рано или поздно, а его надо обратить в истинную веру. Грешно отдавать такую душу в лапы дьявола.

Бой часов.

Четыре часа. Ах, сейчас должен явиться со своими душеспасительными наставлениями отец Бартоломе! Надо приготовить ему варенье из роз и мараскин. (Открывает шкаф и достает угощение.) Теперь прочту главу из Фомы Кемпийского, которого он мне дал... Мне это необходимо... Пабло совсем сбил меня с толку... Где же книга?.. Стой! Как это гитара здесь очутилась? Нужно ее убрать... Ей здесь не место... (Берет гитару и наигрывает.) Как хорошо настроена! Ла-ла-ла-ла.. Такой не найдешь... Пабло всегда уж сумеет выбрать подарок!.. (Поет.) Ла-ла-ла-ла... «Мой духовник...» Прямо как на грех научил меня Пабло этой песенке, вот напев ко мне и привязался... Впрочем, разве песня—грех? *Мі* спустилось... (Поет.) Ла-ла-ла-ла... «Мой духовник, мой духовник... мой духовник... Мой духовник мне говорит: «Борися с плотию, мой сын, и просиди три дня на хлебе и воде». Тут Марикита позвала: «Идем-ка ужинать со мной!» К чертям духовника!»

Входит брат Бартоломе.

Донья Уррака. Ах!

Брат Бартоломе. Иисусе, Мария! Что я слышу?

Донья Уррака. Как?.. Я... Это вы?.. Что вы могли слышать?.. Разве я пела?

Брат Бартоломе. Глазам и ушам своим не верю! Как, дочь моя, и это вы? Я надеялся застать вас на молитве или по крайней мере за душеполезным чтением, и что же я вижу: в руках у вас гитара, а на устах богопротивные песни!

Донья Уррака. Ах, отец мой! Если бы вы знали...

Брат Бартоломе. Какой лукавый демон...

Донья Уррака. Так, отец мой, вот уж истинно: лукавый попутал! Я хотела вынести гитару из комнаты... нечаянно перебрала две-три струны... а лукавый тут как тут... Как на грех, застрял у меня в голове один ненавистный напев, я по рассеянности и начни его подбирать... затем...

Брат Бартоломе. Затем?

Донья Уррака. Затем... не знаю, как это случилось... я громко запела.

Брат Бартоломе. Да, дитя мое, не кто как лукавый, нашептал вам эту богохульную песню. Возблагодата

рите же вашего ангела-хранителя, вовремя пославшего меня, чтобы не дать вам совершить еще и другой грех...

Донья Уррака. Слава тебе господи!.. Что же вы не сядете, отец мой? В вашем возрасте пройти пешком от доминиканского монастыря до Приморской улицы — ой, как утомительно!

Брат Бартоломе. Благодарение божественному спасителю нашему, я еще не настолько слаб, дитя мое, чтобы не держаться на ногах. В сорок девять лет хоронить рано.

Донья Уррака. Я потому так сказала... что вы сегодня, по-моему, плохо выглядите.

Брат Бартоломе. Плохо выгляжу?.. Нет, мне этого не кажется... (Смотрится в зеркало.) У вашего зеркала зеленоватый оттенок... Нет, я чувствую себя превосходно... И я нарочно для вас, дитя мое, надел новую рясу.

Донья Уррака. Ну так садитесь же, отведайте угощения, которое я для вас приготовила!

Брат Бартоломе. Охотно, дочь моя, ибо мало вкусил я ныне пищи земной.

Донья Уррака. Боюсь, как бы строгий пост не повредил вашему здоровью.

Брат Бартоломе. Ничего не поделаешь!.. Налейте-ка мне еще стаканчик мараскину. Ваш мараскин куда лучше того, который мне подарила донья Мария де Хесус.

Донья Уррака. Еще бы! Это сущая скареда: ни за что не истратит сорока реалов на подарок друзьям.

Брат Бартоломе. Осторожней, дочь моя! Не осуждай ближнего своего... Правда, за целый год она расщедрилась всего лишь на одно распятие из слоновой кости, желтое-прежелтое, да на весьма неважный мараскин. Ведь знает же она, что лучше совсем не делать подарков, чем дарить всякую дрянь.

Донья Уррака. Истинная правда... Кстати, вам передали корзинку бордоского?

Брат Бартоломе. Да, дитя мое. Благодарствую, только в следующий раз, когда будете посылать мне в обитель вино, упакуйте его не в корзинку, а, скажем, в ящик из-под книг, — словом, как-нибудь иначе.

Донья Уррака. А что?

Брат Бартоломе. Да так... Я приберегал его на

ночные бдения для поддержания слабой плоти моей... а настоятель заметил корзину... Разумеется, пришлось его попотчевать... Братия тоже пожелала вкусить понемножку... И теперь у меня ни капли.

Донья Уррака. Не печальтесь, досточтимый отец. На днях пришлю вам еще корзиночку. Я так рада, что мое вино всем пришлось по вкусу!

Брат Бартоломе. Себя-то не обездольте... Сознаюсь, однако же, что вино сие премного лучше прочих врачует грешную плоть мою... Будете вы сегодня исповедоваться?

Донья Уррака. Как хотите. Я желала бы до пятницы получить отпущение грехов.

Брат Бартоломе. Хорошо. Пока я допью стаканчик, подумайте о грехах ваших, а затем покайтесь мне во всех прегрешениях, содеянных вами за эту неделю.

Молчание.

Итак, дитя мое, вы готовы?

Донья Уррака. Да, отец мой.

Брат Бартоломе. Ну, так приступим. Преклоните колена—вот на эту подушку. Так. Поближе ко мне... поближе! Прекрасно!.. Достаточно ли мягка подушка для ваших коленок, дитя мое? Удобно ли вам?

Донья Уррака. О да! Мы можем начать, когда вам угодно.

Брат Бартоломе. Дайте мне вашу ручку... Сколько времени я вас не исповедовал?

Донья Уррака. Я думаю, отец мой, это было... в субботу.

Брат Бартоломе. Так!

Донья Уррака. Я рассердилась на горничную за то, что она слабо меня зашнуровала.

Брат Бартоломе. Так!

Донья Уррака. Увидев в церкви офицера в синем мундире с красным кантом, я отвлеклась и уже не внимала богослужению с подобающей набожностью.

Брат Бартоломе. Так!

Донья Уррака. Осуждала некоторых подруг моих.

Брат Бартоломе. Так!

Донья Уррака. Что же еще? Да, вот: я слишком

привязана к моей болонке; может быть, истинной христианке это и не пристало?

Брат Бартоломе. Да, уж это напрасно, дитя мое! Ваша собака так плохо воспитана, что не далее как позавчера укусила меня за ногу. До сих пор больно. Поборите привязанность вашу и дайте ей сто ударов плеткой.

Донья Уррака. Ах, отец мой, пощадите бедняжку!

Брат Бартоломе. Ну, дайте пятьдесят!

Донья Уррака. Бедная собачка просто... просто не узнала вас.

Брат Бартоломе. Но она постоянно рвет мне сунтану... Впрочем, и то сказать — неразумное животное... Не давайте ей три дня сахару, только и всего.

Донья Уррака. Бедная собачка!

Брат Бартоломе. Еще что?

Донья Уррака. Еще... Ах да, отец мой!.. Что, муха — постное?

Брат Бартоломе. Муха? То есть как?

Донья Уррака. Боюсь, что я нечаянно проглотила муху в шоколаде. Потом-то я спохватилась, но было уже поздно.

Брат Бартоломе. А какая муха? Тощая или жирная?

Донья Уррака. Совсем крошечная.

Брат Бартоломе. Ну, тогда постное. Маленькие мухи, которые рождаются в воде, — это постное. Вот большие, которые рождаются в воздухе, то скоромное... Но я боюсь, дитя мое, как бы вы не забыли иной грех, горше прежних.

Донья Уррака. Я, досточтимый отец?.. Но...

Брат Бартоломе. Да, да. Что же вы мне не рассказываете?.. А?..

Донья Уррака. О чем?

Брат Бартоломе. О доне Пабло.

Донья Уррака. О доне Пабло?.. Я?..

Брат Бартоломе. Да, совершили ли вы вновь с доном Пабло тот грех... о котором...

Донья Уррака. Но... я...

Брат Бартоломе. Ах, дитя мое, я вижу ясно, что это случилось!

Донья Уррака. Я... я не могла перед ним устоять... Я все время думала о страданиях святой вели-

комученицы Агнесы... Но я не смогла, как святая Агнеса... Я не смогла перед ним устоять... Иначе... он что-нибудь сделал бы над собой... Разве его удержишь?.. Он такой горячий!..

Брат Бартоломе. Дурно! Очень дурно! Чаете ли вы по крайней мере направить его на стезю истинную?

Донья Уррака. Пока еще не отчаиваюсь.

Брат Бартоломе. Надо смирять себя, дочь моя, надо смирять себя!..

Донья Уррака. О, я согласна на все епитимьи, какие вы только захотите на меня наложить!

Брат Бартоломе. Прежде всего не пускать на порог дона Пабло.

Донья Уррака. Ах, отец мой!.. Разве нет другого средства? Я убеждена, что мне удастся достучаться до его сердца... Я уже давно собиралась принести в дар вашей церкви серебряные подсвечники, которые вам прошлый раз так понравились.

Брат Бартоломе. Пресвятая богородица да вознаградит вас! *Centuplum accipies...* * Воистину, жертва — путь к смирению... но... все же...

Донья Уррака. Я их завтра же отошлю в обитель.

Брат Бартоломе. Ну, хорошо... Вы одумаетесь... Подождем немножко... Только каждое утро читайте десять раз «Отче наш», и десять раз «Богородицу», и семь... нет, десять раз вечером и семь утром.

Донья Уррака. Слушаю, отец мой, ни одного дня не пропущу.

Брат Бартоломе. Погодите, дитя мое, мне нужно еще кое-что у вас спросить. В этом сильно заинтересованы церковь и государство,—я полагаю, вы можете избавить их от великой опасности.

Донья Уррака. Я? Иисусе, Мария! Да я на все пойду!

Брат Бартоломе. В городе ходит по рукам тайно отпечатанный памфлет...

Донья Уррака. Можно мне встать?.. Вы ведь кончили исповедовать?

Брат Бартоломе. Да, дитя мое.

Донья Уррака встает.

---

* Сторицей воздастся... (лат.)

Ходит по рукам памфлет под названием *Откройте глаза...* Что это вы покраснели?

Донья Уррака. Я? Покраснела?.. Это занавеска отсвечивает.

Брат Бартоломе. Самое для нас главное — узнать, кто автор, и мы подозреваем... Что же вы смутились?..

Донья Уррака. Ничуть.

Брат Бартоломе. Мы подозреваем дона... дона Пабло.

Донья Уррака. Дона Пабло? Как же, станет он писать памфлеты! Плохо вы его знаете! Чтобы дон Пабло стал писать памфлеты? Да ему в жизнь свою не написать памфлета, клянусь вам! Прежде всего он слишком верный слуга его величества, чтобы писать пасквиль на его правительство.

Брат Бартоломе. А почему вы знаете, что там говорится о правительстве государя нашего короля?

Донья Уррака. Да вы сами только что сказали.

Брат Бартоломе. И словом не обмолвился.

Донья Уррака. Значит, я ошиблась.

Брат Бартоломе. Но если бы автор был он, вы наверняка знали бы об этом?

Донья Уррака. Конечно.

Брат Бартоломе. И вы настолько правдивы, что этого бы от меня не скрыли?..

Донья Уррака. Да. Будь тут хоть капля истины, вы бы уже знали все.

Брат Бартоломе. Расположение, коим пользуется у его величества семья дона Пабло, не дает нам права арестовать его без явных улик, как мы поступили бы со всяким другим.

Донья Уррака. Но какие у вас основания приписывать именно ему этот памфлет?

Брат Бартоломе. Как вам сказать! Известная связь между тем, что я слышал от вас о его религиозных убеждениях, и некоторыми фразами, на которые я наткнулся в этом его сочинении.

Донья Уррака. Так других улик у вас нет?

Брат Бартоломе. Никаких.

Донья Уррака. Дон Пабло так любит своего короля, что никогда не напишет на него пасквиля. Он не

очень набожен, это верно, но обряды соблюдает строго. Каждый год непременно причащается вместе с другими офицерами своего полка и свободомыслием не хвастается.

Брат Бартоломе. В таком случае я ошибся. Очень вам благодарен за сообщение. Все же, если еще что-нибудь узнаете об этом деле, не забудьте сказать мне. А пока продолжайте склонять его к покаянию.

Донья Уррака. Приложу все усилия, клянусь вам!

Брат Бартоломе. Теперь о другом. Помните, вы мне прислали несколько коробок надушенных сигар? Не найдется ли у вас хоть одной? Я бы с удовольствием закурил.

Донья Уррака. А разве у вас не осталось?

Брат Бартоломе. Увы, дитя мое, все до одной выкурил!

Донья Уррака. Что же вы мне раньше не сказали? Я бы вам еще коробку прислала. Вот вам моя *retaca* *, — курите, сколько хотите.

Брат Бартоломе. Да наградит вас господь за вашу доброту, дочь моя! Не отвергаю дара сего, ибо знаю, что вы скорей можете достать себе, нежели иннок неимущий. (*Закуривает сигару.*) Что вы теперь читаете?

Донья Уррака. Я?.. Во-первых, молитвы читаю... Потом — Фому Кемпийского, *Цветник святых*, иногда — *Араукану*.

Брат Бартоломе. *Цветник святых!*.. Сколь при-скорбно, что в наше греховное время ни одно святое имя не украсит этой книги!

Донья Уррака. Я-то знаю одно имя, которое должно непременно попасть в *Цветник!*

Брат Бартоломе. Не говорите! За добро, сотворенное мною в сем брэнном мире, сторицей воздастся мне в мире ином.

Донья Уррака. Аминь!

Брат Бартоломе. Ну, мне пора, дочь моя. Да хранит вас господь, дитя мое!

Донья Уррака. И вас также, отец мой!

Брат Бартоломе. Ах да, чуть было не забыл!.. У меня есть четки — благословение его святейшества па-

---

* Портсигар (исп.).

пы, я хочу их вам подарить. (*Вынимает из кармана разные вещи.*) Это мой *cigaretto* *... Это пузырек со святой водой... это...

Донья Уррака. А это что такое?

Брат Бартоломе. Это донья Бел... Погодите, сейчас вспомню. Ну, словом, одна дама попросила меня выбросить этот портрет в море.

Донья Уррака. В море?

Брат Бартоломе. Да, раскаяние охватило ее, и она рассталась с тем, кто несколько дней назад подарил ей этот портрет. Отдайте мне его.

Донья Уррака. Мне хочется открыть медальон.

Брат Бартоломе. Не надо, отдайте! Ай, сломали! (*Как бы нечаянно открывает крышку и роняет портрет.*)

Донья Уррака (*поднимает портрет*). Ах! Иисусе, Мария!

Брат Бартоломе. Что с вами, дитя мое?

Донья Уррака. Изменник! Он подарил ей свой портрет!

Брат Бартоломе. Отдайте же мне его!

Донья Уррака (*не отдает*). Нет, не отдам!.. Негодяй, мерзавец! Так ты обманывать меня?

Брат Бартоломе. Что такое?

Донья Уррака (*не отдает портрета*). И я могла довериться этому предателю!

Брат Бартоломе. Изменивший богу может ли не изменить женщине?

Донья Уррака. Донья Белиса!

Брат Бартоломе. Я ее не называл.

Донья Уррака. Променять меня на донью Белису!

Брат Бартоломе. И ради этого-то вероломного вы жертвуете вечным своим спасением!

Донья Уррака. Жаль, что тебя здесь нет! Ты бы дорого мне заплатил...

Брат Бартоломе. Свращать добродетельных женщин — вот единственная его радость.

Донья Уррака. Пабло! Коварный Пабло! Когда же я смогу отомстить тебе?

---

* Портсигар (*исп.*).

Брат Бартоломе. Да ведь вы только что с таким жаром его защищали!

Донья Уррака. Защищала? Этот подлец способен на любое преступление!

Брат Бартоломе. Потому-то я и заподозрил в нем автора памфлета.

Донья Уррака. Ага!

Брат Бартоломе. Но раз это не он...

Донья Уррака (в сторону). Я могу отомстить ему!

Брат Бартоломе. О, если бы это был он...

Донья Уррака. (в сторону). Смерть моя!..

Брат Бартоломе. Вы бы...

Донья Уррака. Да, отец мой, это он!

Брат Бартоломе. Дон Пабло?

Донья Уррака. Да, изменник Пабло.

Брат Бартоломе. Дитя мое! Гнев лишает вас рассудка, вы сами не знаете, что говорите. Только что сказали...

Донья Уррака. Я готова поклясться на евангелии, что автор этой богомерзкой книги — дон Пабло.

Брат Бартоломе. Вы уверены?

Донья Уррака. Клянусь. Он хочет поднять Испанию, убить короля и насильно сделать всех испанцев гугенотами.

Брат Бартоломе. Положим, они сами этого хотят... Но вы говорите правду?

Донья Уррака. Да лишит меня господь царствия небесного, если дон Пабло, предатель дон Пабло, не автор гнусного памфлета!

Брат Бартоломе. Верю, верю. Прощайте, дитя мое! Возблагодарите господа за то, что он показал вам порок во всей его скверне. Вы спасены. Будете теперь знать, как доверяться военным, бросающим женщину ради первой встречной!..

Донья Уррака. Прощайте, отец мой!

Брат Бартоломе. Да хранит вас господь и святая дева! (Уходит.)

Донья Уррака (одна). Чудовище! Изменить мне с доньей Белисой! Донья Белиса! Старая дура! Пучеглазая! Черномазая! И меня променять на эту уродину, на эту чумазую цыганку! Нет, дон Пабло! Поплатишься

ты мне за измену! С какой радостью я буду глядеть, как ты пойдешь в сан-бенито... на аутодафе... Дурочка! Ведь так и заплакать недолго... Нет, я не хочу твоей смерти... Я хочу, чтобы тебя упрятали в глубокое... сырое подземелье... Нет, нет... и этого не надо... Я хотела бы на твоих глазах схватить донью Белису за руки и нанести ей кинжалом сто ран. Как приятно было бы смотреть на твои страдания!.. Воображаю, как бы ты мучился, видя, что я терзаю твою возлюбленную! О, такая месть получше всякого аутодафе!.. Ведь я же не хочу твоей смерти... Но что я наделала!.. Может быть, месть моя чересчур жестока?.. Я выдала его тайну... А разве он не предал моей наинежнейшей любви?.. Но брат Бартоломе — член священной инквизиции... он исполнен рвения... он, конечно, выдаст его... Его подвергнут пытке, сожгут на костре... И я — всему виной... Скажут еще, будто я потому выдала его, что сама недостаточно красива, чтобы его удержать... О Белиса, Белиса! Ты мой единственный враг! Заплатишь ты мне за него!.. Пабло! Я не хочу твоей смерти!.. Нет, не хочу!.. Я спасу тебя... Он покинет родину и уедет далеко, далеко... Оставит Белису, свою любовь... Он будет очень несчастен... Он поймет, до чего доводит... Но Белиса... О, ей я отомщу!.. Лаурета! Бумаги, чернил да вели кучеру подавать! (Уходит.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Тюрьма инквизиции.

Дон Пабло (сидит один за небольшим столом). Подлецы! Раз теперь пост, значит, я должен, по-вашему, и за предсмертным обедом жевать постное? Треску они дают жесткую, как пятьсот чертей.

Входит донья Уррака.

Ба, ба! Клянусь телом Христовым, сама Уррака! Женщина и деньги всюду пройдут. Ну, здравствуйте, любезная подруженька! Какой бог, нет, какой черт занес тебя в мои объятия?

Донья Уррака (холодно). Дон Пабло! Говорят, вы приговорены к смертной казни?

Дон Пабло. Невзирая на пост.

Донья Уррака. Но вы еще могли бы спастись.

Дон Пабло. Выдав сообщника, с которым я писал? Ни за что!

Донья Уррака. Нет. Если вы откажетесь от неверия, всенародно покаетесь... и затворитесь в монастыре... тогда я испрошу для вас помилование.

Дон Пабло. Всенародно покаяться?.. Затвориться в монастыре?.. Только и всего? Черт подери, а? Всепокорнейше целую ручки моей инфанты. Уж лучше пусть виселица, чем монастырь.

Донья Уррака. Нечестивый упрямец! Опомнись, тебе уготовано место в аду!

Дон Пабло. Да брось ты свои проповеди! Послушай, милый друг, завтра меня повесят. Зато сегодняшней день — мой! Воспользуемся случаем и оставшееся время проведем как можно веселее.

Донья Уррака. Легче мне разжечь огонь твоего костра, язычник!

Дон Пабло. Ого-го! Вот вы как со мной заговорили! Вы что, с ума спятили, Уррака? Или и впрямь сюда можно проникнуть, только превратившись в злого и жестокого инквизитора?

Донья Уррака. Выбирайте, милостивый государь! Повторяю: если выполните мои условия — жизнь, если нет — смерть.

Дон Пабло. «Милостивый государь»? Час от часу не легче! Помилуйте, что с вами?

Донья Уррака. Я знаю, что вам остался один день жизни... И как ваш старый друг... как ваш бывший друг... я была бы очень рада за вас, если б вы раскаялись.

Дон Пабло. Стало быть, я здорово подурнел в тюрьме, раз вы со мной так обращаетесь.

Донья Уррака. Заклинаю вас, милостивый государь: прекратите неуместные шутки! Покайтесь, умоляю вас!

Дон Пабло. А, не было печали — черти накачали! Скоро вы кончите? Ваш тон мне порядком надоел. У вас приступ набожности, а у меня припадок любви. Бросьте ваши покаяния и монастыри...

Донья Уррака. Дон Пабло! Я ненавижу тебя, но заклинаю: покайся!

Дон Пабло. Ты? Ненавидишь? Меня?

Донья Уррака. Да, предатель! Но как ни гнусна твоя измена, я не хочу твоей смерти.

Дон Пабло. Предатель! Измена! Что я безбожник — с этим я согласен, но за всю мою жизнь я никого не предал.

Донья Уррака. Ты никого не предал?

Дон Пабло. Никого. Я предполагаю, что меня выдал дон Агустин: он знал, кто автор памфлета. Он струсил и поспешил назвать соучастника, лишь бы на него не пало подозрение. И все-таки я ни за что его не оговорю.

Донья Уррака. Да, вы честны с мужчинами, а с женщинами?..

Дон Пабло. С тех пор как я вас знаю, хотя бы раз изменил я вам?

Донья Уррака (*насмешливо*). О, ни разу!

Дон Пабло. Честное слово, ни разу!

Донья Уррака (*насмешливо*). Не любо — не слушай!

Дон Пабло. Что тут смешного?

Донья Уррака. Меня разбирает смех, как подумаю о муках, которые ты будешь терпеть в аду за ложные клятвы.

Дон Пабло. Странная ревность! Да я клянусь вам честью...

Донья Уррака. Молчи, презренный! Посмотри на этот портрет. Кому ты его подарил?

Дон Пабло. Уррака! Сколько лет мы с вами знакомы?..

Донья Уррака. Ага, попался, рыцарь чести!

Дон Пабло. Два года. В первый раз я встретился с вами, когда только что перешел из Сеговийской военной школы в карабинеры. Помните мой новенький мундир? Он вам тогда так понравился! А теперь посмотрите на портрет. В каком я здесь мундире?

Донья Уррака. Боже! В сеговийском!.. Дон Пабло! (*Бросается в его объятия.*)

Дон Пабло. Ха-ха-ха! Старуха Белиса, которую я бросил ради тебя, решила тебя провести. Она зла, как все старые ведьмы. Этому портрету три года.

Донья Уррака. Прости меня, друг мой!.. Я злодейка... Мне нет места на земле... Убей меня!

Дон Пабло. Что ты! Мы еще крепче сдружились! Давай позабавимся, как в первый день нашей любви! Кто не ревнует, тот не любит.

Донья Уррака. Несчастный! Если бы ты знал, кто тебя выдал!.. Я!

Дон Пабло. Ты? .

Донья Уррака. Да, я!.. От ревности... от злобы... я совсем с ума сошла...

Дон Пабло. Значит, сильна была любовь! Я бы никогда не подумал, что она так далеко пойдет. Ну, полно, встань, поцелуй меня!

Донья Уррака. Простишь ли ты меня?

Дон Пабло. Твоя любовь не выходит у меня из головы. Черт побери! Ну, и сильная же любовь!

Донья Уррака. Пабло! Я высокого роста,— надень мое платье и беги.

Дон Пабло. Ну, так они повесят тебя, с них все станется.

Донья Уррака. Иисусе, Мария!.. Что же нам делать?

Дон Пабло. Покоримся, радость моя. Нам недолго осталось быть вместе,— давай беситься напропалую!

Донья Уррака. Слушай! Сюда вот-вот должен прийти брат Бартоломе. Это он вырвал у меня твою тайну.

Дон Пабло (с беспокойством). Черт! Каким образом?

Донья Уррака. Он показал мне этот злополучный портрет. Он сейчас придет. У меня за подвязкой спрятан кинжал — убей его и надень его сутану.

Дон Пабло. Что?

Донья Уррака. Этот предатель — второй виновник твоей смерти.

Дон Пабло. Просто он хорошо знает ремесло инквизитора.

Донья Уррака (развязывает подвязку). Бери кинжал.

Дон Пабло. Какая прелестная ножка! Позволь поцеловать ее!

Донья Уррака. Держи кинжал, говорят тебе!

Дон Пабло. Нет, это гадко! Мы, военные, к подобного рода оружию не прибегаем.

Донья Уррака. Так отдай скорей кинжал!

Дон Пабло. Нет, я сам спрячу его на прежнее место.

Донья Уррака. Отдай!.. Вот брат Бартоломе!

Входит брат Бартоломе.

Дон Пабло (брату Бартоломе). Ну-с, святой отец, вы, кажется, твердо намерены удушить меня?

Брат Бартоломе. С сокрушенным сердцем, но...

Дон Пабло. О, я знаю, вы честный человек! Но разве нет способа все уладить миром?

Брат Бартоломе. Донья Уррака должна была вам сообщить...

Донья Уррака. Изложите это сами, отец мой, с присущим вам красноречием. Присядьте. (Тюремщику, за сцену.) Оставьте фонарь у двери, его высокопреподобие сейчас выйдет.

Брат Бартоломе. Возлюбленный брат мой! Поймите о тех мучениях, которые уготованы вам в мире ином, и, не колеблясь, возблагодарите трибунал за ту снисходительность, которую он жаждет выказать по отношению к вам. Он предлагает вам уйти в монастырь, и там вы спасете свою душу. Буде же проявите упорство...

Донья Уррака (убивает его). Так бьют быков!²

Брат Бартоломе. Ах! (Умирает.)

Дон Пабло. Боже милосердный!

Донья Уррака. Сними с него сутану, а то как бы она в крови не запачкалась. Бери шляпу, фонарь... Иди за мной. Скажи: на мне нет следов крови? Что же ты молчишь?.. Пабло, иди же! Мы покинем родину и никогда больше не будем ссориться... Иди же!

Дон Пабло. Так кончается эта комедия. Не судите строго автора!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Cuerpo de Cristo*.

² Ловкость матадора состоит в том, чтобы поразить быка в правую лопатку; при этом острие шпаги должно вонзиться в мозжечок. Если матадору это удалось, тогда бык убит одним ударом, а клинок едва окровавлен.

СЛУЧАЙНОСТЬ

Комедия

*Que esa pena, ese dolor
Más que tristeza, es furor,
Y más que furor, es muerte.*

*Calderon. «El mayor
monstruo, los zelos»*.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Донья Мария, или Марикита
Донья Франсиска, или Пакита
Донья Ирена
Донья Химена
Рита, служанка
Брат Эухеньо — духовник монастыря

} воспитанницы
женского
монастыря.

Действие происходит в Гаване.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Монастырский сад. Направо небольшое здание, дверь которого обращена к зрителям. Над дверью надпись крупными буквами: «Аптека». Окно нижнего этажа выходит в сад. В глубине сцены большое апельсинное дерево. На переднем плане беседка из лян с деревянной скамейкой внутри.

Донья Мария (одна, сидит на скамейке. Перед ней раскрытая книга, но она задумалась и не читает). Он дал мне книгу и велел прочитать. Говорит, что в ней

* Эта мука, это горе — больше, чем скорбь, это — безумие; больше чем безумие: это смерть.

Кальдерон. «Нет страшнее чудовища, чем ревность» (исп.).

я найду утешение во всех скорбях человеческих... Читала я ее и перечитывала, а средства от любви так и не нашла. Фома Кемпийский — великий учитель, человек нежный, добродетельный, отзывчивый... святой... такой же святой, как и он, но совсем не знавший любви... Как я несчастна!.. *(Читает надпись на первой странице.)* «Донье Марии Кольменарес в награду за хорошее поведение». Хорошее поведение! Я для него только благодетельная девочка, то есть скучная девочка... то есть ничтожное существо, которое нельзя любить... а если и можно, то как ручную горлицу. Да при чем тут девочки или женщины? Он никого не может любить. Он священник, он не от мира сего... Однако... он совсем не похож на других священников, — он шутит, смеется, часто со мной беседует... Но боже, о чем он говорит со мной? Каких птиц держу я в клетках, какие цветы выращиваю. А как он оживился вчера, когда рассказывал о дворцах Альгамбры! *(С грустью.)* Увы! Он говорил о них донье Франсиске... А я, я сама видела Альгамбру, но стоило мне заговорить, как он умолк, и разговор оборвался. Донья Франсиска на три года старше меня, а что она знает такого, чего бы не знала я? Что она умеет, чего бы не сумела я? Пою я лучше, играю на фортепьяно и на гитаре тоже лучше. А она и танцевать-то почти не умеет... Вчера, когда я с ней танцевала, я заметила, что отец Эухеньо смотрел на меня с удовольствием, даже глаза заблестели. Куда девался суровый священник? Предо мною стоял молодой влюбленный кавалер... Тут-то мне и надо было отдать ему это роковое письмо, которое я каждый день пишу и сейчас же рву. *(Вынимает спрятанное на груди письмо и пробегает его.)* Теперь оно ни то, ни се. С каждым разом становится все холоднее, но зато раньше оно было просто неприлично... И, кроме того, что может тронуть в разговоре, то насмешит в письме... А что подумает он о конце?.. Напрасно я написала: «Я найду в себе силы умереть, чтобы больше вам не докучать». Найду в себе силы умереть!.. Никогда он не поверит, что крошка Марикита *найдет в себе силы умереть*. Не то угроза, не то просто дерзость. «Я найду в себе силы умереть». Так говорят на сцене, перед тем как заколоться деревянным кинжалом... Но ведь я писала это совершенно

серьезно: я хотела умереть. Врач говорит, нет ничего проще: ложка яду, о котором он нам рассказывал... мгновенные судороги — и кончено... Но если ты правда хочешь покончить с собой, то никому ни слова... Стану переписывать, непременно выброшу эту фразу. Но тогда (с досадой)... тогда письмо станет еще суше и холодней. Ах, почему он не может читать в моей душе?.. Отдать или не отдать? Поговорить с ним?.. Он меня сейчас же остановит... (Срывает ветку.) Если нечет, отдам письмо... Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать... Чет! И все же говорить с ним я не в состоянии. Будь что будет, отдам письмо! На книге, что ли, погадать? Первая страница слева: «Лучше страдать и переносить всевозможные пытки, чем исполнить твое желание». Какая я дуручка! Нужно быть совсем глупенькой, чтобы гадать на книге, когда речь идет о жизни... Да, отдам ему письмо,— оно хоть прямо говорит: «Я люблю вас»,— а уста мои и того не скажут.

Р и т а (поет за сценой). «Француз влюбленный плачет, как дитя, а андалусец — тот спокойней, он говорит: «Люблю! Иди ж за мной! А нет — прощай...»

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Донья Мария, Рита.

Донья Мария. Это сам оракул, он диктует, как мне поступить. Отдам письмо. (Рите.) Ты собираешься мести комнату?

Р и т а. Да, барышня. Хочу слегка протереть все эти склянки да окна открою,— проветрить не мешает. (Входит в аптеку, открывает окно.)

Донья Мария подходит к окну.

Донья Мария (с деланной улыбкой). Смотри не разбей ту бутылку,— помнишь, о которой ты мне говорила?

Р и т а. Иисусе, Мария! Да я и подойти-то к ней боюсь! Хоть и говорят: «Не хлебнешь — не отравишься»,— а все-таки если б я чуть дотронулась, у меня душа была бы не на месте.

Донья Мария. Будто уж яд так силен!

Рита. Верно вам говорю. Мне сам врач наказал: «Смотри не трогай бутылку, Рита! Две-три ложки на стакан воды — и четверти часа не пройдет, как все барышни на тот свет отправятся». Подступит к горлу, начнешь задыхаться — и аминь.

Донья Мария (*показывает на одну из аптечных склянок*). Вот эта бутылка, да?

Рита. Нет, барышня, вон тот пузырек на верхней полке. Всего ничего, а отравить может больше тысячи человек.

Донья Мария. В нем что-то белое?

Рита. Этот самый.

Донья Мария. Хорошо...

Рита. Хорошо? А по-моему, плохо. Хоть бы дьявол шею свернул тому, кто выдумал такое мерзкое снадобье! Нехристь окаянный! Одного в толк не возьму: ведь у аптекаря должны быть такие лекарства, которые лечат, а они завели вон какие, что и «В руке твои» не успеешь прочесть, как на том свете очутишься.

Донья Мария (*торжественно*). Есть болезни, от которых такие лекарства помогают.

Рита. Сохрани нас господь и святой Иаков от этих болезней! По мне, это только для сумасшедших хорошо, чтобы других не перекусили.

Донья Мария (*в сторону, мечтательно*). Мгновенная боль — и конец!

Рита выходит из аптеки и затворяет дверь; окно оставляет открытым.

Рита. На месте матери игуменьи я бы на помойку зашвырнула этот мерзкий пузырек. Пользы-то когда еще от него дождешься, а долго ль до беды?

Донья Мария. Как?

Рита. Да так... Захочет кто от кого отделаться... А мало ли шальных, что руки на себя накладывают?..

Донья Мария. Что ты! Кто же это захочет себя убить?

Рита. Да уж, конечно, не вы, барышня, — вы у нас известная умница, образованная, старшим бы вас в пример надо ставить, а сколько сумасбродок на свете!..

Я знаю, вы никому не скажете... Вот хоть, недалеко ходить, подруга ваша, донья Франсиска,— я бы не решилась показать ей такой пузырек.

Донья Мария. Франсиске?

Рита. Вечно она английские романы читает,— они ей только забивают голову. Вы не поверите, как-то раз она мне и скажи: «Если бы, говорит, я полюбила, а мой возлюбленный погиб страшной смертью, я бы руки на себя наложила».

Донья Мария (с горькой усмешкой). Можешь быть спокойна.

Рита. А я ей: «Барышня! Не говорите таких вещей. Я простая служанка,— разве я могу вам, как священник, наставление прочесть? Одно я знаю: наложить на себя руки — значит прогневать господа бога». Ведь правда, барышня?

Донья Мария. «Не убий». (Вполголоса.) Но ведь не сказано...

Рита. Не кто, как лукавый сеет дурные мысли. Знала я девушку из Гватемалы, было ей тогда лет семнадцать-восемнадцать, и явись у нее желание покончить с собой, да какое сильное! Так она мне рассказывала: стоило ей подойти к высокому окну и заглянуть вниз, как уж дьявол ей шепчет: «Бросайся!» Прошло время — вылечилась.

Донья Мария (живо). Как же ей это удалось? Что она делала?

Рита. Да что, постоянно богу молилась об исцелении, по святым местам начала ходить. Тут как-то подвернулся ей молодой погонщик мулов, красивый такой брюнет, стал за ней ухаживать... ну и поженились... Теперь она столько же думает о самоубийстве, сколько я о том, чтобы меня повесили.

Донья Мария (в сторону). Увы!

Рита. Только, барышня, чур: ничего не говорите донье Франсиске, что я вам про нее насажала.

Донья Мария. Не беспокойся, Рита! Будешь убирать мою комнату, найдешь у изголовья маленькие четки гранатовые, с мексиканским золотом,— возьми их, я тебе их дарю.

Рита. Мне, барышня?

Донья Мария. Да, я уже давно хотела тебе что-

нибудь подарить. Ты так добра ко мне! Когда я выйду из монастыря, помолись за меня по этим четкам.

Р и т а. Ах, милая барышня!.. Позвольте ручку поцеловать, уж очень вы щедры... Как же я буду тосковать, когда вы нас покинете! Ну, а для вас-то ведь это к лучшему,— замуж, поди, выйдете...

Д о н ь я М а р и я (вздохнув). Как знать!..

Молчание.

Р и т а. Поставить вам в фарфоровые вазы свежих цветочков?

Д о н ь я М а р и я. Поставь.

Р и т а. Прощайте, барышня, покорно вас благодарю. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Д о н ь я М а р и я одна.

Д о н ь я М а р и я. Молиться?.. Я тоже молилась, да не прогнала неотвязные думы. А вдруг он захочет бежать со мной?.. Нет, это невозможно! Тогда я уйду одна, так надо... Да, я уйду из этого мира. (Смотрит в окно аптеки.) Мгновенная боль!.. Может быть, менее жгучая, чем та, которую я терплю день и ночь вот уже два месяца... Ведь если я захочу, я могу теперь же достать это сокровище, и оно даст мне забвение. Что стоит влезть в окно? Этот камень словно нарочно для меня положен,— удобная ступенька. (Ставит ногу на выступ стены и хватается за подоконник.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Д о н ь я М а р и я, брат Эухеньо.

Б р а т Э у х е н ь о (не замечая доньи Марии, подходит к апельсинному дереву, вынимает из дупла письмо и кладет на его место другое). Благодарю тебя, прекрасное дерево! Ты служишь мне верно, как всегда. (Читает.) Страхи! Упреки!.. О, ты несправедлива!.. В конце поцелуй!.. Наши письма похожи одно на другое, как две капли воды.

Донья Мария (спрыгивает; про себя). Отойди от меня, сатана!

Брат Эухеньо (про себя). Что это за хорошенькая девочка? Как она ловко прыгает! Да это крошка Марикита, подруга Франсиски! Она очень мила для своего возраста. Что она делала в монастырской аптеке?

Донья Мария (заметила брата Эухеньо). Ах!

Брат Эухеньо. Что же вы меня не позвали? Я бы подал вам руку.

Донья Мария. Как? Вы?

Брат Эухеньо. Я, видно, напугал вас.

Донья Мария. О нет!.. Но я... (В сторону.) Господи Иисусе!

Брат Эухеньо. Не ожидал я от вас такой ловкости, донья Мария! Позвольте узнать, почему вы избрали столь странный способ входить в аптеку?

Донья Мария. Да я не входила туда, клянусь вам!

Брат Эухеньо. Очень может быть, но вышли вы оттуда... Я угадал, хотите пари?

Донья Мария. Неужели вы думаете...

Брат Эухеньо. Вы там стащили леденцы, сознайтесь! Ах, донья Марикита! За такой грех вы мне ответите! Придите только в исповедальню!

Донья Мария (в сторону). Он обращается со мной, как с ребенком!

Брат Эухеньо. Да нет, я и вправду напугал вас. Успокойтесь, дитя мое, я не такой злюка, как вы думаете!.. Ну, хотите, я вам сейчас же отпущу грехи? *Absolvo te...** За это вы должны поделиться со мной своей добычей, — тогда я вас не выдам.

Донья Мария смотрит на него с глубокой печалью.

Но... Что за взгляд?.. Вы меня пугаете... Вот уже несколько дней вы ходите такая печальная... Куда девался ваш яркий румянец! Что с вами? Уж не больны ли вы?

Донья Мария. Больна? Нет... Я очень несчастна.

Брат Эухеньо. Уж не умер ли ваш попугай Лорето?

---

* Отпускаю тебе... (лат.).

Донья Мария. Ах, как вы плохо меня знаете, отец Эухеньо! Вы считаете меня ребенком. (*Закрывает лицо рукой.*)

Брат Эухеньо. Ребенком? Сохрани бог! Таковую взрослую барышню, которой на днях стукнет... пятнадцать лет!

Донья Мария (*с важностью*). Разве в пятнадцать лет не страдают так же, как в тридцать?

Брат Эухеньо. Простите за глупые шутки, мрачный ваш вид меня в самом деле волнует. Может, вы получили дурные вести из Испании? Надеюсь, ваш дядюшка-генерал в добром здоровье?

Донья Мария. Как будто... Нет, я сама повинна в моих страданиях. Ах, отец Эухеньо, как бы я хотела быть женщиной!.. Я хотела бы умереть.

Брат Эухеньо. Полно! А то я и в самом деле приму вас за ребенка. Гоните прочь от себя нелепые мысли. Я уверен, что вы заразились ими от книг, которые вам и в руках бы держать не следовало. Что это за книга?

Донья Мария. Видите: *Подражание Христу*, вы сами мне ее дали. Не проходит дня, чтобы я ее не читала; ищу в ней поддержки — и не нахожу. Я никогда не читаю романов, отец Эухеньо, но ведь у меня есть душа, сердце... я живу... думаю... и... Вот потому-то я и хочу умереть!

Брат Эухеньо (*в сторону*). Кто-то затронул малюткино сердечко. В монастыре от них того и жди. (*Громко.*) Итак, дочь моя, на днях вы мне обо всем расскажете. Сейчас у меня нет времени увещевать вас и бранить, как вы того заслуживаете. В самом деле, стоило бы вас хорошенько пожурить за ваши бредни. Я-то думал, что вы самая благоразумная из всех ваших подруг... Как вам не стыдно, донья Мария? Это какое-то поветрие: все хотят умереть. Только и слышу жалобы на жизнь, и всё — от таких детей, как вы.

Донья Мария. Дети!.. Дети тоже могут желать смерти, раз они несчастны, а я, я хочу смерти, да смерть меня не хочет.

Брат Эухеньо. Что вы говорите?

Донья Мария. Вы, наверно, слышали, что недели две назад меня чуть не убил разъяренный бык. Я на-

рочно пошла ему навстречу. Он подбежал ко мне... так близко, что я почувствовала на щеке его дыхание... И вот, не знаю почему, он не причинил мне никакого вреда.

Брат Эухеньо. Если все, что вы говорите, правда...

Донья Мария (*гордо*). Правда! Так вы думаете, я лгу?

Брат Эухеньо. Значит, это было величайшее безрассудство и великий грех. Ваш возраст самый счастливый. У вас, донья Мария, как редко у кого, есть все, чего вы ни пожелаете; вы сирота, но зато у вас богатый, влиятельный дядя, вы единственная обладательница большого состояния. Через год за вами придет дядя и увезет в Испанию; вы будете представлены ко двору, счастливо выйдете замуж.

Донья Мария. Я? Выйду замуж? Боже!

Брат Эухеньо. Надо благодарить бога за все щедроты, которые он на вас изливает, а не предаваться беспричинному унынию. (*В сторону.*) Не мешает поговорить о ней с врачом.

Донья Мария (*твердо*). Повторяю, отец Эухеньо: вы меня не знаете.

Они пристально смотрят друг на друга, затем опускают глаза.

Брат Эухеньо (*вынимает часы*). Мне кажется, донья Мария, вы хотите мне в чем-то признаться. Буду счастлив подать вам полезный совет. Завтра днем, с двенадцати до двух, я в исповедальне. Приготовьтесь за это время, усердней молитесь. А сейчас мне пора, мать игуменя ждет меня пить шоколад.

Донья Мария. Боюсь, вы станете презирать меня: вы ведь не просто мужчина, вы священник.

Брат Эухеньо. Быть может, я невпопад скажу, донья Марикита, а быть может, и угадаю: кто-то вам вскружил голову.

Донья Мария. Вы священник... Но если бы вы могли понять...

Брат Эухеньо. Прекрасно понимаю, что месяц назад в Гавану прибыл Хиронский батальон волонтеров. У офицеров мундиры с иголки. По воскресеньям

они ходят к обедне в церковь святого Иакова, где бываете и вы... Завтра мы об этом поговорим.

Донья Мария. Ничего я вам не скажу, ничего вы от меня не услышите. Что я за несчастная!

Брат Эухеньо. Дитя мое! Кроме как от смерти, лекарство от всего найдется. Прощайте, меня ждет шokolad. *(Хочет уйти.)*

Донья Мария *(удерживает его)*. Жизнь или смерть!.. Отец Эухеньо, выслушайте меня! Мы здесь одни... Умоляю, выслушайте меня! Вы должны меня выслушать! Моя жизнь в ваших руках... Скажите только слово, и... клянусь...

Брат Эухеньо смотрит на нее все строже.

Ах, отец Эухеньо!.. Вы священник... Я не могу говорить с вами.

Брат Эухеньо. Донья Мария! Я, право, не знаю, то ли смеяться над вашим поведением, то ли сердиться... Нет, мне только жаль вас, вы мне внушаете сострадание. Станьте на молитву и через час приходите в монастырскую церковь. Там я выслушаю вас, а теперь не могу.

Донья Мария *(вынимает спрятанное на груди письмо)*. Чего не смею сказать вам... может быть, письмо...

Брат Эухеньо *(протягивает руку)*. Письмо? О чем? Дайте!

Донья Мария *(не отдает)*. Обещайте мне не читать его здесь. Прочтите вечером, не раньше вечера. Обещаете? А завтра... Нет, не говорите мне о нем... Если вы мне вернете его... не упрекайте ни в чем... это бесполезно... Верните — и все... Я сама накажу себя за легкомыслие... Но только, ради бога... ведь вы не станете упрекать меня?

Брат Эухеньо *(берет письмо)*. Дайте!

Донья Мария. Сжальтесь надо мной, умоляю!.. Я как могла боролась с собой... Главное, не открывайте его здесь.

Брат Эухеньо разрывает конверт.

Ах, боже мой, что вы делаете? Отец Эухеньо!.. Заклинаю вас!.. Пожалейте меня... Отец Эухеньо! Отдайте

письмо... Вы меня убиваете... Ах, да не читайте же здесь!

Брат Эухеньо. Что с вами?.. Кто-то идет! Успокойтесь!

Донья Мария. Не читайте здесь... или верните письмо.

Рита (входит). Отец Эухеньо! Мать игуменья ждет вас пить шоколад.

Брат Эухеньо. Иду. (Донье Марии.) Тотчас же прочту.

Брат Эухеньо и Рита уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Донья Мария одна.

Донья Мария. Итак, я выдала свою тайну... Выдала без всякой надежды, что отец Эухеньо ответит на мою любовь... и притом в ту минуту, когда я ясно увидела все его равнодушие ко мне... Что я говорю?.. Равнодушие!.. Он священник, благочестивый человек, строгой жизни — значит, у меня нет никакой надежды. Чем ждать его упреков, надо было... Однако... если бы он меня полюбил... если бы он мог меня полюбить!.. Нет, никого он, кроме бога, не любит... Но иногда он говорит так ласково... так нежно... Вот и теперь: вдруг мне показалось, что предо мной уже не священник... Но стоило мне заговорить, как он посмотрел на меня таким ледяным взглядом, что мужество изменило мне... А в тот вечер, когда я танцевала с Франсиской, он был словно упоен нашим весельем, — вот когда мне надо было признаться ему в любви!.. Франсиска! Она танцевала со мной... Да нет! Она его не любит. Если она и влюблена, так непременно в офицера.. Правда, он часто говорит с ней... Но нет... Только не о любви... Франсиска не могла бы... Священника! Одна я... Боже! Какой великий грех! Любить священника! Одна я во всем мире способна на такую ужасную, такую преступную любовь... Этого и успокаивает меня. Негодная! Нашла чем успокаивать себя — преступностью! Зато у меня не будет соперницы... Наверно, он уже достал письмо... А вдруг он именно теперь читает? Конечно, оно вызовет в нем гнев,

возмущение... Чтобы женщина могла так низко пасть! А может, он смеется надо мной и говорит, пожимая плечами: «Глупое дитя!..» Боже всемогущий! Я им докажу, что я не дитя. Они увидят, что я похрабрее любого воина, что я люблю так, как мои подруги любить не умеют. Или он, или смерть... А ну как он покажет письмо? Оно такое дикое... А конец?.. Что я там написала? Ни слова не помню. Голова кругом идет... «Я... если вы меня не любите... то я...» Сумасшедшая! Зачем я дала ему письмо! Уж лучше бы на словах... Он увидел бы мои слезы, волнение... А тут — бесчувственная, холодная бумага, старательный почерк... точки, запятые! Подумает еще, что я прикидываюсь, будто люблю его... выписываю фразы из романов... Опять назовет меня ребенком. Боже! Убей меня, не то они до того меня доведут, что я сама себя убью... Не написать ли ему хоть одно слово? Извиниться за письмо, объяснить... Нет, это уж будет совсем глупо... Может, он и не читал еще письма. Если бы прочел, так пришел бы сюда или послал бы за мной. Я не перенесу ожидания... я с ума сойду... Сама просила его не читать письма до вечера, а теперь боюсь: вдруг он окажется чересчур послушным... О, лучше смерть, чем пытка неизвестности, чем всю ночь вертеться в постели, томиться без сна! Отец Эухеньо! Убей меня сразу!..

За сценой слышен разговор, смех.

А, вот идут те, кого я называю подругами! Болтают, смеются. Никогда еще их присутствие не было мне так невыносимо. (*Хочет уйти.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Донья Мария, донья Ирена, донья Химена,
донья Франсиска.

Донья Ирена. Мария! Марикита! Куда ты? Чего ты бежишь от нас?

Донья Химена. Что с тобой, Марикита? Глаза у тебя красные, словно ты только что плакала. А, догадалась: ты читала роман с печальным концом!

Донья Мария. У меня голова болит.

Донья Франсиска. Бедняжка! Да, лоб горя-

чий. Посидела бы здесь в тени, право! В комнатах душно. Сядем на скамейку, положи голову мне на плечо, а я... (Тихо.) Марикита! Дорогая! Мне столько нужно тебе рассказать! Непременно останься и выслушай меня.

Донья Ирена. Марикита! Рассуди нас с Хименой!

Донья Химена. Нечего сказать, нашла судью! Что она понимает в этих вещах? Франсиска — еще куда ни шло.

Донья Ирена. Что тут особенно понимать? Пусть только скажет, что ей больше нравится.

Донья Франсиска. Да не мучайте ее дурацкими вопросами! Бедный ребенок! Вы же видите, что она больна.

Донья Ирена. Ты хочешь, чтоб тебе никто не мешал самой к ней приставать. Обе вы просто невыносимы — водой вас не разольешь.

Донья Мария (зевая)¹. В чем дело, Ирена?

Донья Ирена. Фи, стыд какой! Зевать людям в нос!

Донья Мария. У меня страшно болит живот.

Донья Ирена. Ты вчера видела в церкви офицеров с «Эсмеральды»? Ну так вот, один из них приглянулся Химене, и она, видите ли, находит, что мундиры моряков красивее мундиров американских драгун. Что ты на это скажешь? Морские офицеры уж так просто одеты, а у американских драгун мундиры зеленые с желтыми нашивками, галуны серебряные, панталоны серые с оранжевым кантом, каски черные с султанами...

Донья Химена. В таких нарядах они ни дать ни взять канарейки, а у моряков мундиры голубые, с красными нашивками и белые панталоны... Военным идет строгая одежда. Потом я обожаю шляпы, обшитые золотом, а от кинжалов просто без ума.

Донья Ирена. Эка невидаль! У каждого погонщика мулов, у каждого грузчика тоже есть кинжал. Нет, что может быть красивей сабли, длинной, до земли, — звяк-звяк по камням! Пойдите, а шпоры? У драгун такие звонкие шпоры, что когда они входят в церковь, все невольно оборачиваются. Куда морякам до них!

Донья Химена. Просто офицеры «Эсмеральды»

не строят из себя капитанов Матаморов, как драгуны. Но что они храбры, как львы, про то знает весь свет. Моряку столько нужно храбрости!

Донья Ирена. Как будто она не нужна драгуну! По мне, что на лошадь влезть, что плыть на корабле в открытом море, одинаково страшно.

Донья Химена. А бури, кораблекрушения, битвы? Вот где нужна смелость! Пушки, торчащие из люков, стреляют ядрами: выпалят раз — двадцати человек как не бывало...

Донья Ирена. Вы заметили? С той поры, как Химена отдала свое сердце капитану фрегата, она изучила все морские наименования.

Донья Химена. Ничего я ему не отдавала, даже и поговорить-то не пришлось, но у него есть рекомендательное письмо к моей тетке. В воскресенье я встречу с ним у нее. Знаю только, что это очень порядочный молодой человек. Ведь чтоб попасть в морские офицеры, надо быть дворянином.

Донья Ирена. На словах, может, ты и ничего не сказала, зато веером, слава богу, столько наговорила!

Донья Химена. Господи! Кому бы говорить, а тебе помолчать. Кто знаки делал и глазки строил этому верзиле, капитану дону Рафаэлю Саманьего? Вот так имечко! А капитана «Эсмеральды» зовут дон Хуан де Гарибай, это — баскское имя, было бы вам известно. Он получил крест Алькантары, участвовал в одном знаменитом морском сражении, в Картахене дрался на пистолетах с англичанином и ранил его в руку, а потом...

Донья Франсиска. Однако ты хорошо знаешь его биографию!

Донья Ирена. Не люблю я пистолетов, в них есть что-то грубое. То ли дело шпага, куда изящней! Месяц назад дон Рафаэль дрался на шпагах. Он поразительно ловок.

Донья Франсиска. Вы, должно быть, с военной формы глаз не сводите.

Донья Ирена. Ах, она так идет мужчине! Будь я мужчиной, я бы стала драгунским полковником.

Донья Химена. А я... если бы я была мужчиной, я бы стала капитаном корабля. Ты видала мальчиков?

Их юнгами называют. До чего ж они милы в синих курточках и белых панталончиках!

Донья Франсиска. Значит, кто без нашивок на рукавах, не в треуголке и не в каске, тот уж вам не пара?

Донья Ирена. Вовсе нет... Да вот за примером ходить недалеко: каждый день мы встречаемся с очень красивым мужчиной без всякого мундира.

Донья Химена. Я знаю, о ком ты говоришь, и вполне с тобой согласна.

Донья Франсиска. О ком же?

Донья Ирена. Что за вопрос! Об отце Эухеньо.

Донья Франсиска. Об отце Эухеньо?

Донья Мария. Об отце Эухеньо!

Донья Химена. Ни у кого нет таких красивых рук, как у него.

Донья Ирена. А в глазах у него столько благородства и вместе с тем столько доброты!

Донья Химена. Жаль, он не носит усов — у него рот велик.

Донья Ирена. Для мужчины — не слишком, и притом у него чудесные зубы. Как он за ними следит! Ради этого, я думаю, он и курить бросил... Что ты смеешься, Пакиита?

Донья Франсиска. Смеюсь над глубиной ваших наблюдений.

Донья Химена. Особенно я люблю его за то, что он всегда в хорошем расположении духа. Всегда весел, обходителен — полная противоположность своему предшественнику, покойному отцу Доминго Охеде: тот, бывало, из-за каждого пустяка нас донимал. Отец Эухеньо разрешает нам потанцевать, попеть, посмеяться и всякий раз говорит: «Веселитесь, пока молоды». Стоит игуменье на нас рассердиться — а ведь она старуха сварливая, — он непременно за нас заступится. Такой милый!

Донья Ирена. Вы знаете, что он сделал для доньи Лусии де Ольмедо?

Донья Франсиска. Откуда же нам знать?

Донья Ирена. Весь город говорит. Я узнала об этом вчера, когда была у мамы.

Донья Франсиска. Донья Лусия, дочь аудитора дона Педро? Та, что бежала с драгунским офицером?

Донья Ирена. Та тамая. Сначала отец метал громы и молнии, ни о чем другом и думать не хотел, как о том, чтобы поместить Лусию к «Кающимся грешникам», и добился от коррехидора приказа об аресте драгунского офицера, лейтенанта... как его?.. Фадрике Ромеро, что-то в этом роде. Говорят, лейтенант смазлив, черноус, с грехом пополам тренькает на гитаре. Гитарой-то он и прельстил сумасбродку Лусию: ведь он младший в семье, у него гроша за душой нет. Живи на жалованье... Знаете, каково это? Ну, да он малый не промах: узнал про богатство отца и давай дочери клясться в вечной любви.

Донья Франсиска. Да отец Эухеньо тут при чем?

Донья Ирена. Он пошел к отцу, тот в ярости. Он, конечно, прочитал ему проповедь, да так красноречиво, так трогательно, как во время поста. «Вы, говорит, видите, что, лишая счастья дочь вашу, сами становитесь несчастным. Хотите наказать ее за скандал, а сами устраиваете еще больший» — и пошел и пошел! Поучал он его, поучал, пока тот не прослезился. А отец Эухеньо заранее спрятал в соседней комнате похитителя с блудной дочерью. Отворил дверь, тут оба они бух старику в ноги, руки ему целуют, потоки слез проливают: «Батюшка такой, батюшка этакий!..» Наконец каменное сердце аудитора стало мягким, как воск. Поднимает дочь, целует ее, протягивает руку Фадрике и говорит: «Любезный сын мой!» Но это еще что!.. Дон Педро скуп, как жид, а отец Эухеньо так его умаслил, что тот дал за дочерью великолепное приданое. Знаете, почему? Он честолюбив, а отец Эухеньо убедил его, что если свадьба будет бедная, весь город его на смех поднимет... Э, Пакита, что с тобой?.. Ты плачешь?

Донья Франсиска. Меня растрогало его благородство.

Донья Химена. Велика власть красноречия!

Донья Ирена. До чего же мы чувствительны! Ах! Ах! Ах!

Донья Химена. Пакита плачет, Марикита, того и гляди, тоже. Совсем как в романах. Ну, Ирена, под-

ружки и без нас поплачут. А я тебе такое расскажу, что ты со смеху умрешь. Прощайте, подруженьки! У вас свои секреты, у нас — свои.

Донья Химена и Донья Ирена уходят,

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Донья Мария, донья Франсиска.

Донья Франсиска (*обнимает донью Марию*).
Дорогая Мария! Друг мой единственный!

Донья Мария (*внимательно смотрит на нее*).
Не думала я, что ты так чувствительна.

Донья Франсиска. Ах, ты еще не знаешь, что со мной!..

Быют часы; донья Мария вздрагивает.

Какая ты сегодня нервная! Будь твое сердце занято, как мое, часы напоминали бы тебе о счастье... Нас никто не видит? Смотри, Марикита. Ты не выдашь меня? Письмо!.. (*Подходит к дереву и достает письмо брата Эухеню.*)

Донья Мария рассеянно следит за ней. Донья Франсиска пробегает письмо и целует его.

Милое дитя! Дай я тебя поцелую! (*Целует донью Марию.*) Надо же было заболеть тебе именно сегодня! Когда я сама счастлива и довольна, я хочу, чтобы все, кого я люблю, тоже были счастливы и довольны.

Донья Мария. Мне нездоровится.

Донья Франсиска. Да, последнее время мы замечаем в тебе перемену, но ты так быстро выросла, сформировалась!.. Дай срок, когда-нибудь ты будешь счастлива, как я, и все как рукой снимет.

Донья Мария. А ты очень счастлива?

Донья Франсиска. О да! Больше и желать нечего, разве только, чтобы подольше все оставалось как есть... Марикита! Я так переполнена счастьем, что мне необходимо поделиться с тобой, хотя по твоему хмурому личику я вижу, что ты совсем не расположена меня слушать. Ты моя самая близкая подруга, а одна из повинностей дружбы — выслушивать рассказы обо всех радостях и печалях друга. Тебя здесь считают ребенком,

потому что ты моложе всех нас, «взрослых», но ты так умна, так рассудительна, так... (Целует ее.) Я тебя люблю и только тебе доверю мою тайну.

Донья Мария (со вздохом). Раз уж тебе так хочется, я выслушаю тебя. (В сторону.) Авось, время быстрей пролетит за ее рассказами!

Донья Франсиска. Ну, слушай! (Меняя тон.) Знаешь, у тебя такой важный вид, что я робею... Не смотри на меня так... Ты не будешь журить меня, деточка? Старших почитать надо!.. Марикита! Я люблю и люблю бима.

Донья Мария сжимает ей руку.

Что это? Теперь ты начинаешь плакать. Ага, сударыня, попались! Как, и вы туда же? Кто бы мог подумать?.. Верно говорит игуменья: «В наше время дети все понимают». По слезам видно, что сердечко твое кем-то ранено. Уж не драгунским ли капитаном или морским офицером?

Донья Мария. Никем, уверяю тебя! Я больна, потому и глаза у меня на мокром месте, а из-за этого я не...

Донья Франсиска грозит ей пальцем.

Нет, клянусь!.. Но, говорят, любовь приносит несчастье... Я боюсь за тебя, Пакита.

Донья Франсиска (улыбаясь). Кто это тебе сказал, малышка?

Донья Мария. Кто? Да все... Мать игуменья... духовник...

Донья Франсиска. Отец Эухеньо? И ты думаешь, он правду говорит?

Донья Мария. Они говорят о том, чего я не знаю... и я верю им.

Донья Франсиска. Дитя!.. Пойми, дорогая, они обманывают тебя: любовь — высшее благо, без любви жизнь — ад... Донья Марикита! Да вы, как видно, притворщица!.. Но сначала я расскажу, а потом тебя поисповедаю.

Донья Мария. Кого же ты любишь?

Донья Франсиска. О Марикита! Ты бы, конечно, выбрала своего сверстника, молодого офицера, кончающего военную школу. Только бы и думала: как

хорошо выйти за него замуж, погулять с ним под руку по набережной!.. Да, это, должно быть, большое удовольствие. Но есть иная любовь... столь же сильная... может быть, даже более сильная, чем при замужестве... когда замужество... (*понижает голос*) невозможно.

Донья Мария. Как так?

Донья Франсиска. Да, Марикита. Ведь можно любить мужчину... женатого. Вообрази, что по тем или иным обстоятельствам... каким — неважно... он был вынужден жениться... и предположим, он никогда свою жену не любил... Она стара, уродлива и зла... Или представь себе, что молодая, неопытная девушка вышла за старика... Или... Но твоя добродетель подсказывает тебе, что это дурно?

Донья Мария (*живо*). Мне?.. Ах, Пакита, я думаю, что любовь бывает иногда сильнее всех законов — земных и небесных! Говорят, любовь приходит неожиданно... и когда почувствуешь ее, тут уж некогда бывает размышлять, что хорошо, что дурно.

Донья Франсиска. Ангелочек! И ты это говоришь! Ну что за прелесть! Дай я тебя поцелую. Скажи, кто тебя научил?

Донья Мария. Не помню... Где-то я слышала... Так что же, ты любишь женатого?

Донья Франсиска. Ты знаешь, я не слишком набожна. Я провела два года в Англии и там убедилась, что нельзя принимать на веру все, что святоши твердят нам здесь про еретиков. В Англии я видела священников, у которых и жены есть и дети, и это не мешает им быть прекрасными священниками.

Донья Мария. Ну и что же?

Донья Франсиска. Ну и что же? Ты все еще не догадываешься? Я вижу, с тобой окольные пути не помогут. Ты сама сказала, что любовь сильнее всех законов — божеских и человеческих. Ты поймешь меня и простишь... Так вот, милый друг, я люблю священника, и священник этот — отец Эухеньо.

Донья Мария. Боже правый! Отец Эухеньо!

Донья Франсиска. Он самый. Некоторое время я боролась, но теперь я готова оплакивать потерянные дни, принесенные в жертву добродетели или, верней, предрассудку. Дорогая моя! Ты знаешь только дружбу

да еще, быть может, бредни, которые ты принимаешь за любовь... Но истинная любовь, любовь запретная... О Марикита! Я люблю тебя больше всех женщин на свете!.. Не знаю, чего бы я ни сделала для тебя... Так вот, если бы для спасения этого человека понадобилось... Но что за безумие гадать о невозможном! Нет, ангел мой, найти возлюбленного не значит потерять подругу. Я счастливейшая из женщин: у меня нежный возлюбленный и верная подруга.

Донья Мария (подавлена). Отец Эухеньо!.. Он любит тебя!

Донья Франсиска. Я вижу, твои устои поколеблены, но убеждения твои или, скорей, предрассудки так укоренились в твоей душе, что ты не можешь найти мне оправдания. По-твоему, уж раз священник, значит, не человек. Тебе кажется это кощунством, святотатством. Я сама так думала, пока не уступила чувству, а вот теперь, когда только им и живу, я рада, что могла хоть чем-нибудь пожертвовать для моего Эухеньо. О, зачем я не была раньше более набожна! Тогда б я могла пожертвовать для него боязнию ада, пренебрегла бы спасением души. В этой жертве, в этом стремлении всё претерпеть ради любимого человека заключена высшая духовная радость.

Донья Мария. А он любит тебя?

Донья Франсиска. Любит ли он меня? Любит ли он меня? И ты меня спрашиваешь об этом!.. Любит ли он меня? Да в его сердце кровинки нет, которая не была бы моей, нет мгновения в жизни его, когда бы образ мой не стоял перед ним... А между тем, дорогая, я ему с утра до вечера твержу, что он меня не любит, и он в свой черед... Уж и бесим мы друг друга — просто сил никаких нет! Но ссоры эти прелестны, — ради них стоит жить. Знаешь, милая, ему предлагали ехать в Испанию, там его сейчас же посвятили бы в епископы, но из-за меня он отказался.

Донья Мария. И давно вы любите друг друга?

Донья Франсиска. Право, не знаю. Теперь мне кажется, что я с первого взгляда в него влюбилась, а по-настоящему и полутора месяцев не прошло, как мы друг другу признались в любви. С первого же дня он показался мне самым умным человеком из всех, кого я знала.

Мне нравилось каждое его слово. Я запоминала самые незначительные его фразы. Все мужчины сразу показались мне неумными, мне становилось весело только в присутствии Эухеньо. Вскоре я заметила, что и он обратил на меня особое внимание. Он говорил со мной чаще, чем с моими подругами, забрасывал меня вопросами, а я всякий раз, как он ко мне обращался, от волнения отвечала ему невпопад. Когда мы собирались по вечерам у игуменьи на уроки музыки, он неизменно садился за моим стулом, и когда я играла, я все время видела его лицо в зеркале, что висит над фортепьяно. Сколько я делала ошибок! Я бывала зачарована, потрясена, почти в беспамятстве. Мне казалось, что ноты, зеркало — все куда-то плывет. И тогда ко мне подходила ты, моя добрая Марики-та, показывала, на чем я остановилась, ободряла меня, затем облакачивалась на мой стул, и в зеркале я видела теперь две головы рядом: твою и Эухеньо. Казалось, вы оба так меня любите, вы бросали на меня такие ласковые взгляды! Бедная Мария! Когда ты пела — а ведь поешь ты вдесятеро лучше меня, — отец Эухеньо тебя и не слушал; он с нетерпением ждал, когда кончится музыка и он сможет подойти ко мне и поговорить. Тут-то я и заметила, что люблю его, и сперва это меня сильно встревожило. Любить священника! Мужчину, которому запрещено жениться! Но я сейчас же вспомнила про жен священников, которых встречала в Лондоне, потом мне приходили на память женщины, несчастные в семейной жизни... Я не знала ни одной женщины, которая в браке нашла бы свое счастье... И все же я избегала оставаться наедине с отцом Эухеньо, перестала с ним разговаривать, глядела на него лишь украдкой и замечала, что он печален, что глаза его при взгляде на меня становятся влажными и словно молят о чем-то... Мы оба тогда были очень несчастны... И вдруг я узнаю, что он пошел в монахи не по призванию, а что так сложились обстоятельства. Ты не поверишь, дорогая подруженька, как я страдала от одной мысли, что он ушел от мира из-за несчастной любви. Отец Эухеньо любит другую, — этого я не могла перенести! Я еще не знала наверное, люблю ли его, но уже ревновала... Ревность... Какая это жестокая вещь, Марики-та! Да не омрачит твою душу эта низкая страсть! Сколько ночей я провела без сна, орошая подушку слезами и

кусая простыни от ярости!.. Наконец я узнала, что на самом деле заставило его надеть эту гадкую рясу.

Донья Мария. Что же, любовь?

Донья Франсиска. Его мать опасно заболела... Врачи приговорили ее... Она была очень набожная женщина. Эухеньо тогда было самое большее семнадцать лет. Умиравшая мать сказала ему: «Если ты дашь обет посвятить себя богу, я уверена, что ты испросишь исцеление твоей матери». Он не раздумывал и, хотя уже учился на доктора, бросил все, сделался священником, и мать его выздоровела.

Донья Мария (тихо). Какое самопожертвование!

Донья Франсиска. Чем больше я о нем узнавала, тем сильнее к нему привязывалась. Я была убеждена, что и он любит меня, но что возраст и сан удерживают его от объяснения. Я решила поговорить с ним первая и заставить его признаться. Начинала издали, чтобы кружным путем подойти к слову «любовь», но когда наступал момент произнести это волшебное слово, смелость мне изменяла, и я не решалась. Наконец однажды вечером мы танцевали в саду при лунном свете. Он стоял, прислонившись к этому дереву, и смотрел на нас. Во время танцев у меня с головы упал цветок прямо к его ногам. Он сделал вид, что не заметил, а сам будто нечаянно уронил платок, нагнулся и поднял его вместе с цветком. Кончили танцевать, я подхожу к нему и, смеясь, говорю, а сама вся дрожу и слышу, как сердце бьется в груди: «Отец Эухеньо! Вы подняли мой цветок, отдайте мне его!..» Я поняла, что это его огорчило. Он снял с груди цветок и отдал. В этот миг луна спряталась за облачко. И он мне сказал: «Вы бросили цветок, как безделицу, а я его поднял, как сокровище, — зачем же вы его у меня отнимаете?» Он улыбался и как будто бы шутил, но нам было тогда совсем не до шуток. Я ответила: «Раз вам так хочется, я вам его подарю. Возьмите!» Протянула руку, цветок упал, рука моя очутилась в его руке. И тут у меня так закружилась голова, что я чуть не упала, но он поддержал меня. Не помню, что он мне говорил и что говорила ему я, не знаю, сколько времени мы пробыли под деревом, но, расставаясь, мы уже знали, что любим друг друга и нашли способ видеться... Сказать тебе, какой? Ты еще, пожалуй, рассердишься на

меня. Я притворилась, что хочу исповедоваться, пошла в церковь, стала перед ним на колени, и там, в исповедальне, вместо признания в грехах и наставлений бог услышал признания в любви. Мы касались друг друга лишь кончиками пальцев, но его горячее дыхание опаляло мне уста... и в порыве страсти мы целовали решетку... О, если бы я могла тогда броситься в его объятия, я согласилась бы умереть за один этот час блаженства!

Д о н ь я М а р и я. И вы счастливы?.. А если вас застанут?

Д о н ь я Ф р а н с и с к а. О, это невозможно! Эухеньо так осторожен! В сад он приходит ночью, и всего один раз я с трудом уговорила его зайти ко мне в комнату. Это было безумие с моей стороны: ты знаешь, моя келья — рядом с кельей игуменьи, там слышно каждое слово. По счастью, мать Моника храпела вовсю, и в этом было наше спасение. Обычно мы встречаемся здесь. Вон кустик душистого вереска², видишь? Дорогая Марикита! Мы были здесь вчера ночью, я держала его за руку, голова его склонилась ко мне на грудь, я ощущала биение жилки на его виске. Мы были так полны, так потрясены своим счастьем, что не могли говорить, — мы только вздыхали по временам, глядя на звездное небо. Мы видели, как Южный Крест³ медленно склонялся к горизонту. Порою легкий ветерок, дувший с моря, осыпал нас апельсиновыми листьями... Ах, Марикита, как нам было хорошо! Если бы ты знала, какие радости дарит любовь! Не могу понять, почему от этого не умирают... (*Прячет голову на груди доньи Марии.*) Ах, Мария, Мария!.. Нет, вам, сударыня, рано знать все эти тайны... Ты еще слишком молода, мой дружок. Я на три года старше тебя, а давно ли сама их постигла? Ты можешь подождать, — у тебя еще все впереди... Одно меня тревожит: мы без пристанища, кочуем. А что будет, когда пойдут дожди? Уж тогда в сад не выйдешь. Разве что в шалаше садовника...

Д о н ь я М а р и я (с горькой улыбкой). И ты воображаешь, что ты очень предусмотрительна?.. Жестоко ошибаешься! Месяца не пройдет, как все узнается. Увидят, как отец Эухеньо лазает по монастырским стенам... поймают... дознаются про вашу любовь... его заточат куда-нибудь в монастырь траппистов, а тебя — к «Кающимся

грешницам». Почему ты не бежишь с ним? Поверь, это самый разумный путь... единственная возможность спастись.

Донья Франсиска. Хорошая подружка! Ты пугаешь меня. Но что же делать? Ты забываешь, что у отца Эухеньо почти ничего нет, а у меня только то, что перепадает от щедрот дедушки. Для бегства, помимо любви, нужно еще кое-что, о чем в романах не пишут, — денег, да побольше. К стыду моему, сознаюсь тебе, миленькая моя Марикита: когда я в часовне гляжу на статую пресвятой девы, всю в драгоценных камнях, у меня является неодолимое желание завладеть всеми этими сокровищами и бежать с отцом Эухеньо. Сколько нравочений я выслушала от него за это!

Донья Мария. Что же ты ко мне не обратилась? Ты знаешь: я богата, у банкира на мое имя положена крупная сумма денег, у меня есть драгоценности, — мне сказали, что они очень дорого стоят.

Донья Франсиска. Какое великодушие! Узнаю мою добрую Марию! Но я не могу принять от тебя такую большую жертву.

Донья Мария. Какая же это жертва?

Донья Франсиска. Эухеньо никогда бы не принял денег от женщины, я его слишком хорошо знаю: он горд и даже несколько высокомерен. Наш план таков: Эухеньо усердно трудится над книгой об отцах церкви, и вот на вырученные деньги...

Донья Мария. Вздор! Одни мои брильянтовые серьги стоят дороже всех его сочинений, вместе взятых.

Донья Франсиска (слегка задета). Я не сомневаюсь, что твои брильянтовые серьги стоят дорого, но книга Эухеньо блещет достоинствами, это будет ценный вклад в науку, он продаст ее за большие деньги... Во всяком случае, нам вполне хватит добраться до Ямайки, — там мы и поселимся. Он будет давать уроки испанского и латыни, я займусь вышиванием, буду вести хозяйство. Весело проживем!

Донья Мария. Да, но пока он окончит свой гениальный труд, вас могут поймать... Возьми брильянты и уезжай. Живите счастливо... если можете.

Донья Франсиска. Друг мой! Мы не можем принять такой ценный подарок, но если ты настаиваешь, я

попрошу у него позволения взять у тебя займы, чтобы нанять судно до Ямайки.

Донья Мария. Мне не нужны брильянты, я никогда их не надену, возьми,— я так хочу. Вот ключ от шкатулки, возьми ларчик и беги сегодня же ночью.

Донья Франсиска. Но...

Донья Мария (*встает*). Говорят тебе, беги и оставь меня!

Донья Франсиска. Как видно, Мария, я оскорбила твою нравственность, ты меня презираешь и хочешь от меня отделаться. Твоя строгая добродетель, твоя набожность беспощадны ко мне, но в тебе еще сохранились дружеские чувства, и ты не захочешь выдать меня. Однако, если ты меня разлюбила, я не приму подарка.

Донья Мария. Напрасно ты думаешь, что я такая добродетельная и богобоязненная. Если ты действительно любишь отца Эухеньо, действительно счастлива с ним... значит, ты поступила правильно.

Донья Франсиска. Голос твой дрожит, ты не можешь скрыть свое возмущение. Что с тобой, Марикита? Скажи мне! Ты сердишься на меня? Ответь!

Донья Мария. Я тебе сказала, что мне нездоровится... У меня отчаянная головная боль, а ты уже целый час толкуешь мне про своего отца Эухеньо, про... Послушай, оставь меня одну и возьми ключ.

Донья Франсиска. Нет, я не могу взять, не спросясь Эухеньо.

Донья Мария. Как хочешь. Но только, ради бога, оставь меня! Каждое твое слово — как нож в сердце.

Донья Франсиска. Мария! Я вижу ясно: ты меня разлюбила.

Донья Мария. Напротив, я и не подозревала, что я тебя так люблю!

Донья Франсиска. Раз тебе хочется побыть одной, Марикита, я уйду... только поцелуй меня, и тогда я поверю в твою любовь.

Донья Мария (*подставляет щеку*). Теперь ты довольна?

Донья Франсиска. Так я целую Эухеньо! У него такое же нежное дыхание, как у тебя. Но ты сердишься? Прощай! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Донья Мария одна.

Донья Мария. Кто бы мог подумать?.. Я ни на что не надеялась, но такого удара все-таки не ожидала! Отец Эухеньо любит другую!.. Он любит Франсиску. Что ж, она красива,— мужчинам только этого и нужно... Донья Франсиска — моя соперница... и победительница! Могла ли я подозревать?.. Они хотят моей смерти, они ей будут рады... Слава богу! Окно еще открыто, драгоценный сосуд скоро будет мой... Вот она, моя судьба! *(Влезает через окно в аптеку и минуту спустя возвращается. Рассматривает склянку.)* Совсем немного. Такая смерть не очень страшна. Долго страдать не будешь. Нехорошо, что я поспешила отдать письмо,— моя тайна умерла бы вместе со мной. То-то помучались бы они, доискиваясь причины моей смерти! Говорят, стыдно женщине первой признаваться в любви. *(С отвращением.)* Франсиска так именно и поступила... Он покажет ей письмо, они вместе начнут обсуждать его... Смешное, глупое письмо! Но смерть моя поправит все. Что они тогда скажут? Хотела бы я знать, покончила ли бы с собой Франсиска на моем месте? Франсиска? Выдумала тоже! Поплакала бы и, смочив слезами платок, утешилась, а я... Нет, их поразит моя смелость, они скажут: «Бедная крошка! Такой ребенок, а умерла, как воин, как римлянин». В лучшем случае прослезятся, а я буду счастлива тем, что устроила их счастье... счастье Франсиски, Франсиски, которую я ненавижу, которую я только что, когда она медленно разрывала мое сердце на части, с радостью заколола бы кинжалом!.. Пожертвовать своим счастьем ради соперницы! Да, это жестокая пытка! Быть может, когда-нибудь Эухеньо поймет, кто из двух соперниц выше... Нет, никто не будет так тебя любить, как я! А когда я умру — ты...⁴ Ну что ж! Пусть я пожертвую всем, пусть, наконец, он узнает меня! *(Достает записную книжку и пишет.)* «Завещаю подруге моей...» *(С горьким смехом.)* Подруге! «...Франсиске Гомес все мои брильянты и деньги, положенные моим дядей на мое имя... у сеньоров Арьяса и Кандадо».

Стук.

Ах, это Рита! Что ж, закрывай окно, теперь можно.

Смерть улетела отсюда, она у меня в руках!

Входит Р и т а .

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Донья Мария, Р и т а .

Р и т а . Это опять я... Надо окно закрыть. (*Закрывает.*) Барышня! Что это с вами? Вы такая печальная!

Донья Мария. У меня ужасно болит голова.

Р и т а . Не лечь ли вам в постельку? Может, хотите чего принять?

Донья Мария. Нет, спасибо. Ах да, Рита, принеси мне стакан лимонаду!

Р и т а . Мигом приготовлю.

Донья Мария. Нет, не стоит, дай лучше стакан воды.

Р и т а . Сию минуту. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Донья Мария одна.

Донья Мария. Больше всего на свете мне жаль этого свежего садика. Нет, раз отец Эухеньо с Франсиской сделали его местом своих свиданий, мне и его не жалко. (*Глядит на руки.*) Дрожу... хотя и не боюсь. Женщина не так сильна, как мужчина. Впрочем, один храбрый кастильский полководец тоже дрожал во время битвы. Ах! Кто это? Отец Эухеньо!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Донья Мария, брат Эухеньо.

Брат Эухеньо (*в сторону*). Бедное дитя! Дрожит! Мне жаль ее.

Донья Мария (*в сторону*). Не решается заговорить.

Брат Эухеньо (*возвращает ей распечатанное письмо*). Донья Мария! Вот ваше письмо, я прочел его.

Донья Мария. Упреки бесполезны, отец Эухеньо, избавьте меня от них.

Брат Эухеньо. Нет, донья Мария, упрекать я не стану, ибо, надеюсь, совесть заговорила в вас и в глу-

бине души вы раскаиваетесь, что написали мне это странное послание. Смущение, которое я читаю на лице вашем, убеждает меня, что сердце у вас отнюдь не испорченное и что это юный ветреный ум толкнул вас на такой опрометчивый поступок. Я мог бы доказать вам, как дурно, скажу больше — почти безнравственно обращаться со столь... мирской речью к священнослужителю, связанному торжественными обетами. Видно, уж очень легкомысленно и недостойно было мое поведение, раз вы могли усомниться в моем благочестии. Я, верно, так же виноват, как и вы, — жаловаться не на кого! Но, бедное дитя мое, мне все же хотелось бы указать вам на ваше безрассудство. Предположим на минуту, что я забыл клятвы, произнесенные пред алтарем, и оказался повинен в деянии, недопустимом для всякого человека, кощунственном и богопротивном, если его совершает духовное лицо, — каким несчастиям я бы вас подверг! Мирянин, соблазнивший девушку, всегда может покрыть грех, а священник не может. Скрытность и осторожность прячут на время преступление от людских взоров, но рано или поздно тайна обнаружится, позор неизбежен. Ваше доброе имя, высшее благо женщины, погублено навсегда, и за несколько дней суетного наслаждения вы обречете себя на долгие годы раскаяния и угрызений совести.

Д о н ь я М а р и я. Отец Эухеньо! Почему вы не вспомнили об этих прекрасных истинах, признаваясь в любви Франсиске?

Б р а т Э у х е н ь о. Франсиске? Я вас не понимаю!

Д о н ь я М а р и я. Отец Эухеньо! Франсиска мне рассказала все! Мне, право, обидно: я была с вами откровенна, даже слишком откровенна, а вы со мной лицемерите.

Б р а т Э у х е н ь о. Ах, не думайте...

Д о н ь я М а р и я. И в этом саду, под этим деревом, вы играете роль священника! Почему вы прямо не скажете: «Я люблю Франсиску»? Это было бы куда благороднее.

Б р а т Э у х е н ь о. О, как мне стыдно!.. Да, донья Мария, мы в вашей власти. Можете нас выдать, если хотите.

Д о н ь я М а р и я. Ах, отец Эухеньо! Чем я подала

повод к тому, чтобы вы заподозрили меня в такой низости?

Брат Эухеньо. Я не прав, признаю, но все же я в ваших глазах преступник... Да я и в самом деле преступник!.. Я знал, каким опасностям подвергаю вашу подругу, но, верьте мне, я долго боролся с этой пагубной страстью, и если наконец уступил...

Донья Мария. Зачем вы передо мной оправдываетесь? Я понимаю вас и одобряю. Есть средство предотвратить опасность, я о нем только что говорила с Франсиской... бежать в страну, где вы могли бы обвенчаться.

Брат Эухеньо. Этого-то я и хочу, но...

Донья Мария. С деньгами все легко. Я могу дать займы донье Франсиске. Живите с ней счастливо.

Брат Эухеньо. Я потрясен вашим великодушием, я преклоняюсь перед вами...

Донья Мария. Прощайте, отец Эухеньо! (Улыбается.) Вы понимаете, что теперь наш разговор не может доставить мне удовольствие. Давайте же расстанемся...

Брат Эухеньо. Моя благодарность...

Донья Мария. Прощайте!

Брат Эухеньо. Позвольте... (Хочет поцеловать ей руку.)

Донья Мария. Отныне я для вас не женщина, отец Эухеньо, в лучшем случае — друг.

Брат Эухеньо. Пошли вам бог человека, достойного вас! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Донья Мария одна.

Донья Мария. Роковая минута близка. Вот Рита несет мне лимонаду, — он избавит меня от всех скорбей дольного мира... Бойтся каплю пролить... Идет, словно на похоронах... Мои похороны будут необычные. Виновница моей смерти, конечно, будет держать надгробный покров... А он совершит отпевание... Ха-ха-ха!.. Да нет! Ведь я самоубийца, я проклятая, таких в церковь не вносят, закопают где-нибудь в укромном месте. Не все ли

равно? Лишь бы в могиле не думать больше о том, что так терзает меня здесь.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Д о н ь я М а р и я, Р и т а.

Р и т а. Вот вам полный стакан лимонаду, со льдом приготовила. Пейте, пока не нагрелся.

Д о н ь я М а р и я. Милая Рита! Мне стыдно вечно тебе надоедать, но сделай мне одолжение, отнеси эту книгу ко мне в комнату!

Р и т а. Слушаю, барышня.

Д о н ь я М а р и я. Я скоро уеду из монастыря, Рита, но птиц с собой не возьму. Дарю их тебе, позаботься о них.

Р и т а. Вы уезжаете из монастыря?

Д о н ь я М а р и я (*вырывает лист из записной книжки и пишет*). Да. Вот тебе. По этой бумажке ты получишь триста пиастров у сеньоров Арьяса и Кандадо, они живут на Морской площади.

Р и т а (*в изумлении*). Барышня!..

Д о н ь я М а р и я. Это птицам на корм. Ты хорошо будешь за ними ухаживать, правда?

Р и т а. Бог с вами, барышня, зачем деньги? Мне довольно, что птицы ваши.

Д о н ь я М а р и я. Нет, возьми записку и отнеси книгу.

Р и т а. Барышня, да вы плачете!..

Д о н ь я М а р и я. Ничего, иди!

Р и т а. Я подожду, пока выпьете...

Д о н ь я М а р и я. Стакан с блюдцем я сама отнесу. Оставьте меня...

Р и т а. Барышня, милая! Какие вы странные нынче!..

Д о н ь я М а р и я делает ей знак удалиться.

Осыпали подарками, плачете...

Д о н ь я М а р и я. Прощай, Рита!

Рита хочет поцеловать ей руку; донья Мария целует Риту.

Оставьте же меня! Уйди, прошу тебя!

Р и т а (*в сторону*). Другие радуются, как из монастыря уезжать, а она плачет. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Донья Мария одна.

Донья Мария. Только она одна во всем монастыре меня и любит. Когда я с ней прощалась, то почувствовала, что силы оставляют меня... Смелей! Еще немного, и все будет кончено. *(Всыпает часть содержимого склянки в стакан с лимонадом.)* Цвет лимонада не изменился. Не знаю, почему, но для меня черный яд страшней прозрачной воды... *(Берет стакан и ставит на скамейку.)* Чтобы умереть, надо иметь мужество... Стоит мне вылить напиток — и я удержу мою жизнь, иначе она вот-вот улетит... Какой позор! Я стану презирать себя. Итак! *(Хочет взять стакан.)*

Входит донья Франсиска.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Донья Мария, донья Франсиска.

Донья Франсиска. Марикита! Я опять пришла тебя мучить! Ну, как ты себя чувствуешь?

Донья Мария. Хорошо. Скоро будет еще лучше.

Донья Франсиска. Дорогая подружка! Окажи мне еще большую-пребольшую услугу! согласишься — возьму у тебя деньги.

Донья Мария. Говори.

Донья Франсиска. Садовник купил огромного пса, чтобы он сторожил апельсины. Это большая помеха нашим свиданиям. Уступи мне на ночь твою комнату! Ее окно выходит во двор, стена низкая, влезть по ней легко. У нас есть веревочная лестница. А ты переберешься в мою комнату, от скуки возьмешь мои книжки.

Донья Мария. Тебе нужна моя комната?

Донья Франсиска. Да, дорогая!

Донья Мария. Вечером она к твоим услугам.

Донья Франсиска. Какая ты добрая, Марикита! Вот блаженство! Вместо бесконечных скитаний всю ночь напролет очутиться в уютной комнате с альковом!

Донья Мария. Больше тебе ничего не нужно?

Донья Франсиска. Ты ангел!.. Ах! Стакан лимонаду! Ты весь его выпьешь?

Донья Мария. А ты тоже хочешь?

Донья Франсиска. Стакан большой — оставь мне половину, я умираю от жажды.

Донья Мария. Пей на здоровье!

Донья Франсиска. Я выпью первая, вот ты и узнаешь мои мысли. (Пьет.)¹

Донья Мария (в сторону). А ты — мой.

Донья Франсиска (выплескивает остаток). Ах, какой отвратительный вкус!.. Что могло быть в лимонаде?.. Ах, какой ужас! Все горло сожгло!.. Но что с тобой? Что ты смотришь на меня и плачешь?.. Отчего ты дрожишь?.. Боже! Я вся горю... Господи!.. Что ты дала мне?.. Отвечай же!.. Мария!.. Ах!.. Я задыхаюсь, горю... Воды! Дай мне воды!

Донья Мария. Несчастливая!.. Что я наделала? На помощь! На помощь!

Донья Франсиска. Умираю! Ах!

Донья Мария. Пакита! Пакита! Не умирай... На помощь!.. Прости меня! Прости!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же, брат Эухеньо, донья Ирена, донья Химена, Рита.

Донья Мария. Спасите ее! Она отравлена, отравлена мной! Но я искуплю свой грех. Монастырский колодец недалеко! (Убегает.)

Брат Эухеньо (к публике). Простите мне смерть двух прелестных девушек и не судите строго автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Довольно обычное действие волнения. Известно, что Али-паша, сдавшись туркам, перед смертью зевал целый час подряд.

² *Mirad estas verbas...*

Qué aún están holladas...*

³ Созвездие, по которому узнают время в зависимости от его движения к горизонту.

⁴ *Tu te holgarás con ella en la cama, comprada de mi dinero ***,

---

* Взгляни на эти травы... они еще примяты...

** Ты насладишься с ней на ложе, купленном на мои деньги (исп.).

КАРЕТА СВЯТЫХ ДАРОВ

Сайнет

*Tu veràs que mis finezas
Te desenojan.*

*Calderón «Cual es la mayor
perfección?» **

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Андрес де Ривера, вице-король Перу.

Епископ Лимский.

Лиценциат Томас де Эскивель.

Мартинес, личный секретарь вице-короля.

Бальтасар, камердинер вице-короля.

Камила Перичола, комедиантка.

Действие происходит в Лиме в 17... году.

Кабинет вице-короля.

Вице-король сидит в глубоком кресле за столом, заваленным бумагами. На нем халат. Под одну ногу, обернутую фланелью, подсунута подушка. Мартинес с пером в руке стоит около стола.

Мартинес. Господа аудиторы ожидают ответа, ваше высочество.

---

* Ты увидишь, что я тебя пленю своим лукавством.
Кальдерон «В чем больше совершенства?» (исп.)

Вице-король (жалобно). Который час?

Мартинес. Около десяти, ваше высочество. Как раз пора одеваться к богослужению.

Вице-король. Ты говоришь, погода хорошая?

Мартинес. Да, монсеньор. С моря дует прохладный ветерок, на небе ни облачка.

Вице-король. Я охотно отдал бы тысячу испанских пиастров, только бы лил дождь, как из ведра. Тогда бы можно было остаться дома, в уютном кресле. Но в такую погоду, как сегодня... когда весь город будет в церкви... нельзя же уступить первое место аудиторам и не показаться народу!..

Мартинес. Итак, ваше высочество, вы изволили принять решение...

Вице-король. Карета заложена?..

Мартинес. Да, ваше высочество, заложена та самая великолепная карета, что прибыла из Испании.

Вице-король. Жителям Лимы не доводилось еще видеть подобной кареты... Она вызовет настоящий фурор!.. Ну как же отказаться от такого удовольствия! Нет, честное слово, отказаться нельзя!.. У обоих моих телохранителей¹ новые мундиры, и меня самого народ тоже еще не видел в парадной одежде, с недавно пожалованной мне звездой... Такой случай нельзя упускать... Мартинес! Я поеду в церковь, истинный господь! Я даже пойду пешком. Только бы одолеть парадную лестницу — и самое трудное будет позади. Как ты полагаешь, Мартинес?

Мартинес. Народ придет в восторг, увидя ваше высочество!

Вице-король. Поеду, черт возьми, поеду! Аудиторы лопнут с досады: они-то мечтали играть первую роль!.. Да мне и нельзя там не быть... Епископ уж обязательно упомянет во время проповеди о пожалованном мне ордене... Такие вещи приятно послушать... Ну, надо себя пересилить... (Звонит.)

Входит Бальтасар.

Принеси парадный мундир... А ты скажи аудиторам, что во время службы им придется стоять позади меня... Бальтасар! Подай башмаки и шелковые чулки... Я поеду в церковь.

Бальтасар. В церковь, монсеньор? Но ведь доктор Пинеда запретил вашему высочеству выходить!

Вице-король. Доктор Пинеда ничего не понимает... Я сам знаю, болен я или нет... Нет у меня никакой подагры... И у отца и у деда не было... Нечего ему меня убеждать, в моем возрасте не болеют подагрой!.. Мартинес! Как по-твоему, сколько мне лет?

Мартинес (в смущении). Монсеньор... Вы так прекрасно выглядите... должно быть...

Вице-король. Пари держу, что не угадаешь... Ну?

Мартинес. Сорок... да?

Вице-король. Не-не... не... не угадал... Ну, Бальтасар... давай одеваться... (С усилием приподнимается.) Да помогите же!.. Осторожней!.. Ай!.. Осторожнее, черт вас возьми!.. Не понимаю, что случилось,—ногу точно иголками колет.

Бальтасар. Ваше высочество! Как бы вас не продуло,—это опасно.

Вице-король (пробует ступить на ногу). Ох! Господи, как больно!.. Ни за что я больше не надену башмаков... видит бог, не надену... Ох, клянусь телом господним!.. Да ну тебя к черту вместе с твоими шелковыми чулками и башмаками!.. Ведь это же настоящая пытка.

Мартинес и Бальтасар усаживают его в кресло.

Пододвинь табурет... Ох! Не пойму, что случилось, но никогда еще я не мучился так ужасно, как сейчас.

Бальтасар. Ваше высочество! Не забывайте советов доктора Пинеды... Он говорит, что воздух вам вреден... Служба тянется долго... Придется стоять на ногах, вы утомитесь...

Вице-король. Да, да, в том-то и беда, что я боюсь утомиться... Я ведь не болен... Я уже отлично себя чувствую... Если бы я хотел, я даже мог бы выйти... Но я не хочу рисковать здоровьем ради удовольствия быть приемником от купели индейского кацика... Не поеду! Мартинес! Напиши аудитору дону Педро де Инохоса, что вместо меня он будет приемником младенца... то есть кацика... Вот двенадцать имен, которые он должен будет носить. Желаю ему всяких благ. Бальтасар! Убери с глаз долой парадную одежду... Не

хочу зря огорчаться... Глупо хвастаться галунами, шитьем, лентами!.. Позвать ко мне Пинеду, если он не пошел на эти чертовы крестины... Дай сигару и мате². Хорошо! Раз уж я остался дома и скучаю, займусь-ка я государственными делами... Бальтасар! Никого ко мне не допускать! Слышишь? Никого! (*Мартинесу.*) Ну как, готово? (*Читает написанное Мартинесом письмо.*) Так... Ах, боже мой! Ты позабыл написать в числе прочих моих титулов «кавалер ордена Сантьяго»... Черт возьми! Уже полгода, как этот орден пожалован мне в Испании, а три дня тому назад и в Перу.

Мартинес. Простите, ваше высочество, мою оплошность. (*Вписывает в письмо и этот титул.*)

Вице-король. Бальтасар! Отошли письмо с верховым... Ну, Мартинес, за работу! Дел накопилось много?

Мартинес. Да, монсеньор. Я как раз собирался доложить вашему высочеству. Прежде всего самое неотложное — донесение полковника Гарсии Васкеса о брожении в провинции Чукисака: у индейцев происходят частые сборища, и, если в ближайшее время не будет прислана помощь, через месяц начнется восстание.

Вице-король. Послушай, Мартинес: я припоминаю, что ты мне уже докладывал о чем-то в этом роде. Полковник Гарсия Васкес, провинция... провинция... как ее там?.. черт знает, какие у этих индейцев названия! Почему бы индейцам не говорить по-испански?

Мартинес. Чукисака, монсеньор. Я уже имел честь докладывать об этом вашему высочеству два месяца назад, когда у вас был приступ подагры... Извините, я оговорился: когда вам, ваше высочество, немного нездоровилось.

Вице-король. И что же я тогда сказал?

Мартинес. Вы сказали, что подумаете.

Вице-король. А! Так, так!.. Войска у нас маловато... Как далеко от Лимы до провинции... ну, до этой самой?... Ты понимаешь, о чем я говорю.

Мартинес. Около трехсот испанских миль.

Вице-король. Ах, так!.. Я думал, гораздо ближе... Да, положение серьезное. Принимать скороспелые решения не следует. Я подумаю. Что еще?

Мартинес. Ходатайство Франсиско Уайны Ту-

пака, побочного отпрыска инка Уайны Капака, о присвоении ему титула инка, герба и привилегий, коими пользуются прочие инки.

Вице-король. К ходатайству ничего не приложено?

Мартинес. Прошу прощения, монсеньор. Локтя полтора китайского атласа, на котором изображена родословная просителя, начиная с Манко Капака, Титу Капака, Льоке Юпанки... такие имена, что язык сломаешь...

Вице-король. Я не о том спрашиваю... Когда ходатайствуют о чем-нибудь подобном, идут совсем иным путем... Проверить такую родословную — дело не шуточное. Обычно этим занимается мой секретарь... и я не имею ничего против, чтобы он был вознагражден за свой труд... Ну, а если секретарь --- человек с умом... Вот что, узнайте у вашего предшественника, как поступают в таких случаях.

Мартинес. Понимаю. Этот инка очень богат...

Вице-король. Перейдем к следующему делу. Почему вы смеетесь?

Мартинес. Жалоба маркизы Альтамирано на попугая сеньоры Камилы Перичолы, а заодно и на самое сеньору Перичолу.

Вице-король. Опять эта гадкая девчонка набедокурила!

Мартинес. «Принимая во внимание то обстоятельство, что вышеозначенный попугай каждый раз, как маркиза проходит по улице, обзывает ее по подстрекательству ответчицы такими словами, повторить которые не позволяет истице ее скромность»... она просит удушить сеньору Перичолу... Простите, я оговорился, удушить попугая, а сеньору, его хозяйку, как следует отчитать и взыскать с нее штраф.

Вице-король. Что же такое говорит попугай?

Мартинес. Это просто милая шутка сеньоры Камилы. Вот что произошло, монсеньор. Когда проходит маркиза, попугай кричит: «Почем сукно?» А маркиза до замужества была дочерью богатого суконщика, вот она и обижается на этот намек.

Вице-король. Эта девчонка поссорит меня со всеми лимскими дамами.

Мартинес. Вот письмо графини де Монтемайор. Она жалуется, что сеньора Перичола пыталась выставить ее в смешном виде на сцене в комедии *Старая кокетка*.

Вице-король. Час от часу не легче!

Мартинес. Вам, ваше высочество, известно, с каким поистине неподражаемым мастерством эта актриса подмечает и перенимает смешные черточки.

Вице-король. Да, но она переходит всякие границы, для нее нет ничего святого. Я ее огчитаю, клянусь богом! Я всю жизнь интересовался драматическим искусством, но я не допущу оскорбительных выходок по адресу дам из таких семей, которые могут навредить мне в Мадриде.

Мартинес. Вот прошение увечного капитана...

Вице-король. Довольно. Я устал. Дочитаем в другой раз. Но если уж ты, дорогой Мартинес, заговорил о Перичоле, я хочу, чтобы ты рассказал мне о ней все.

Мартинес. Я, монсеньор? Но что я могу рассказать вашему высочеству?

Вице-король. Да, да, я хочу, чтоб ты пересказал мне все, что говорят о ней в городе, в тех домах, где ты бываешь.

Мартинес. Всюду говорят об ее выдающемся таланте.

Вице-король. Я тебя не об этом спрашиваю. Я хочу знать, что говорят о нашей связи,— делать из этого тайну сейчас бесполезно. Хотя ты и недавно у меня на службе, ты, верно, догадался... Черт возьми, я ведь тоже мужчина! Если я вице-король, это еще не значит, что я обязан жить монахом.

Мартинес. Ваше высочество! У вас много завистников, а у сеньоры Перичолы, если уж говорить откровенно, много завистниц.

Вице-король. Льстец! Но в том, что ты говоришь, есть доля истины... и, может быть, не такая уж маленькая.

Мартинес. О монсеньор! Я говорю только правду!

Вице-король. Мне известна твоя преданность, и потому я хочу кое в чем тебе признаться, но с усло-

вием, что ты заплатишь мне откровенностью за откровенность. Ты ведь знаешь, я не из тех, кто верит всяким небылицам... поэтому не говори зря.

Мартинес. Ваше высочество! Я вам скажу все, как на духу!

Вице-король. Так вот, Мартинес, что меня мучает. Перичола по натуре девушка хорошая, но она очень ветренна. Она поступает так опрометчиво, что может повредить и себе и мне. Ты понимаешь, я не боюсь, что она мне изменяет. Об измене речи быть не может, она и не помышляет об этом, но я боюсь, что в городе считают, будто она мне изменяет.

Мартинес. О монсеньор!..

Вице-король. Свет зол и не щадит высокопоставленных особ. Кроме того, люди часто судят по внешнему виду... Вот ты, например, Мартинес: не замечали ты в ее поведении чего-нибудь такого, что могло бы внушить подозрение?

Мартинес. Ваше высочество! Как вы могли подумать...

Вице-король. Знаешь, чтоб ты не стеснялся, я должен тебе сказать, что Перичола тебя недолюбливает. Она просила у меня твое место для... ни за что не догадаешься, для кого... для племянника своего башмачника. Правда, этот башмачник шьет ей очаровательные туфельки. Господи боже мой! Когда она в розовых шелковых чулках и в туфельках, расшитых блестками, танцует в Хитанилье... Ах, Мартинес, Мартинес, как она хороша!

Мартинес (в сторону). У-у, злодейка!

Вице-король. Я привязан к тебе, а потому и слышать о нем не захотел. Но теперь ты видишь, что Перичоле ты не по душе. Значит, и тебе нечего с ней церемониться. Еще раз повторяю: ты можешь говорить совершенно откровенно.

Мартинес. Мой милостивый господин!

Вице-король. Говори, но только не лги.

Мартинес. Ваше высочество! Я так вами обласкан, что даже не знаю, смогу ли когда-либо выразить вам свою признательность... Но честь, оказанная мне откровенностью вашего высочества, повергает меня в смущение... теперь я уже не решаюсь говорить... Это не

значит, что я... осуждаю сеньору Перичолу... Но, может статься, вы, ваше высочество, истолкуете мои слова как... как месть... если только можно назвать мезью... то, что говорится не в осуждение... ибо вы, ваше высочество, конечно, не будете на нее сердиться... потому что в конце концов... это сущие пустяки.

Вице-король. Что — «сущие пустяки»? Говори!

Мартинес. О, ничего серьезного! Сеньора Перичола вас любит, нет сомнения... Вы так добры, ваше высочество! Ну как можно вас не любить?.. И наговорили то мне, может статься, только по злобе... ибо, как вы изволили справедливо заметить, свет зол.

Вице-король. А что тебе говорили?

Мартинес. Ваше высочество! Не стоит придавать значения тому, что мне говорили, ведь и сказал-то мне это старший приказчик торговца шелком с улицы Кальяо... Может быть, мне не следовало бы даже пересказывать, ваше высочество, то, что болтают люди столь низкого звания... Может быть, вы даже не соизволите меня выслушать, но раз вы сами, ваше высочество, приказали мне рассказать то, что мне известно, я могу передать вашему высочеству только то, что рассказали мне.

Вице-король. Ах ты, господи! Да говори же наконец! Что тебе рассказали?

Мартинес. Так вот этот самый приказчик по имени Луис Лопес, принадлежащий, между прочим, к очень порядочной семье, сказал мне, когда у нас зашел разговор о шелках, что он отпустил как-то восемь локтей малинового атласа капитану Эрнану Агирре, а тот заплатил за него, не торгуясь, по десять дукатов за локоть.

Вице-король. Ишь ты!

Мартинес. Так вот, монсеньор, Луис Лопес утверждает, будто видел на сеньоре Перичоле платье из этого самого малинового атласа. Помните, какое было на ней платье в воскресенье вечером? Это оно и есть. Однако вполне вероятно, что Луис Лопес ошибся... тем более, что капитан сказал: «Я не торгуюсь, потому что беру атлас для своей любовницы».

Вице-король. Для любовницы?

Мартинес. По-моему, это — лишнее доказательст-

во, что приказчик ошибся... Я его сразу оборвал и прямо сказал, что я думаю об этих враках... Но если бы я придал им веру, он бы мне и не то еще порассказал.

Вице-король. А что бы он рассказал?

Мартинес. Всякие сплетни, уж и не знаю, где они подбирает... Да вот хотя бы: будто бы как-то ночью дозорный сержант задержал на Дворцовой улице мужчину в плаще, накинутом прямо на рубашку. Штаны он, правда, держал в руках. Сперва его приняли за вора, но когда его привели в кордегардию, дежурный лейтенант опознал в воре капитана Агирре. Но это еще ничего не доказывает.

Вице-король. Когда это было?

Мартинес. Он говорил, будто в ночь с пятницы на субботу... В ту ночь, когда мы так долго прождали... Впрочем, на Дворцовой улице живут дамы, которых никак не назовешь недотрогами... Я предполагаю, что капитан ухаживает за сеньорой Беатрисой... Ах нет, не может быть, я ошибся: ведь уже недели две, как она уехала в Кито... Ну, не за нею, так за кем-нибудь еще.

Вице-король. Это все?

Мартинес. Увы, монсеньор! Вашему высочеству прекрасно известно, что злословие не останавливается на полпути: стоит только пустить о ком-нибудь сплетню, и сейчас же найдутся охотники почесать языки... Но то, что мне осталось еще досказать, так несуразно, что я боюсь, как бы вам, ваше высочество, не наскучило слушать.

Вице-король. Не бойся, не наскучит. Я слушаю.

Мартинес. Во время последнего боя быков... По правде сказать, сплетня продумана до мельчайших подробностей, но, по сути, это вопиющая нелепость... Может быть, ваше высочество, вы изволили обратить внимание во время последнего боя быков на веселого маленького, рослого, складного, легкого, как пантера, отважного, как лев, на некоего чоло³ по имени Рамон, одного из самых искусных лимских матадоров?

Вице-король. Ну и что же?

Мартинес. Говорят... но ведь вам известно, что клеветники болтают все, что взбредет на ум... Так вот, клеветники говорят, будто некоторые из этих господ имеют наглость притязать на благоволение высокопо-

ставленных дам... и, что еще нелепее, утверждают, будто многие дамы забывают то высокое положение, которым они обязаны своему рождению или другим обстоятельствам, и благосклонно принимают домогательства этих негодяев. Я боюсь утомить вас, ваше высочество, мне сдается, что вы нездоровы.

Вице-король. Да, у меня очень болит нога.

Мартинес. Итак, досужие и злые люди, которых в Лиме, слава богу, немало, утверждают, будто Рамон бросал пламенные взгляды на красавицу актрису. Кроме того, было замечено, что этот матадор, достаточно искусственный во всех тонкостях своего ремесла, вместо того чтобы заманить быка к ложе вашего высочества и убить его там, как это полагается всякому знающему свое дело матадору... так вот, этот самый Рамон занял позицию перед ложей сеньоры Перичолы, оказав ей этим особое внимание. Надо признаться, есть люди, которые во всем видят дурное, даже в самых безобидных поступках. Вот хотя бы поступок сеньоры Перичолы во время этого же боя быков был очень дурно истолкован, а, в сущности, в нем нет ничего дурного. В тот момент, когда черный с белыми подпалинами бык, самый свирепый из всех, был повержен Рамоном, жемчужное ожерелье сеньоры упало на арену. Рамон его поднял и надел на шею, а перед тем почтительно прикоснулся к нему губами. Я-то уверен, что ожерелье упало случайно, а сеньора, со свойственной ей щедростью, оставила его матадору, но только он его почему-то не продал, хотя на его месте всякий другой матадор поспешил бы выручить за него деньги и пропить их в кабаке. Он же, наоборот, всем назло расхаживает в ожерелье по городу, важный, как павлин. Вы только представьте себе, ваше высочество, какая пища для сплетен! И чего только не придумают люди! По их словам, сеньора Перичола свесилась через барьер, сама сорвала с шеи ожерелье, бросила его матадору и крикнула: «Браво, Рамон!» Сеньора Ромер, из Большого театра, сидевшая в той же ложе, уверяет, — несомненно, из зависти, — будто сеньора Перичола крикнула: Браво, мой Рамон!» Я сидел далеко и не слышал, но готов пари держать, что она солгала: она ведь презлющая. Да вот хотя бы она осмеливается утверждать, что на последнем представлении *Дочери воздуха* венки,

упавший к ногам сеньоры Перичолы, был брошен чоло Рамоном. Мало того, сеньора Ромер рассказывает, будто Рамон заходит в уборную сеньоры Перичолы и даже бывает у нее в гостях. Он, пройдоха, так дерзок, что с него это станется. Несмотря на темный цвет кожи, он мнит себя Адонисом. Он играет на гитаре, но в случае чего может пустить в ход нож. Когда Перичола поет, никто рядом с ним не смеет ни кашлянуть, ни высморкаться... Для актрисы он незаменимый поклонник. Сеньора Ромер рассказывает еще, что сеньора Перичола часами сидит, запершись с ним вдвоем, особенно в те дни, когда вы, ваше высочество, на охоте или когда вам, к несчастью, нездоровится.

Вице-король. Больше вы ничего не слышали?

Мартинес. Была бы только охота слушать, рассказам конца не будет. Но я ведь не придаю им значения и полагаю, что вы, ваше высочество...

Вице-король. Господин Мартинес! Вы наглец.

Мартинес. Монсеньор!

Вице-король. Дерзкий, бесстыдный лгун!

Мартинес. Монсеньор! Я передал вам то, что слышал от других.

Вице-король. Вот в этом-то, сударь, и сказывается ваша непочтительность. Вы осмеливаетесь нагло выдавать за святую истину пошлые закулисные сплетни! Зачем вы третесь за кулисами? Разве там ваше место? Разве я за то плачу вам жалованье, чтобы вы вместе с комедиантами занимались интригами? Вы бездельник, лентяй... и к тому же еще лгун. В том, что вы не постеснялись сказать мне в лицо, нет ни слова правды. Да как вы, негодный, смеете меня уверять, будто мой соперник — какой-то матадор, ничтожный чоло!..

Мартинес. Да нет, монсеньор... Я не говорю...

Вице-король. Я знаю Перичолу. Она прекрасная девушка и любит только меня. Вы лжец, бесстыдный лжец, во всем, что вы сказали, нет ни крупинки правды.

Мартинес. Ваше высочество! Благоволите припомнить...

Вице-король. Замолчите! Я вытащил вас из грязи, взял к себе на службу. Я хотел устроить ваше счастье. Вы не достойны моих милостей. Мне следовало бы

с позором выгнать вас вон, но по мягкости характера я дам вам место. Я назначаю вас сборщиком налогов в провинцию... как ее? Ну, словом, туда, где полковник Гарсия Васкес. Отправляйтесь немедленно. Если к утру вы не покинете Лимы, я препровожу вас под конвоем четырех драгунов в Кальяо, откуда вы выйдете только после моей смерти.

М а р т и н е с. Смилуйтесь, монсеньор!.. Да ведь это хуже тюрьмы! Соблаговолите вспомнить, что я говорил по вашему приказанию.

В и ц е - к о р о л ь. Вы еще смеее рассуждать! В конце концов кто здесь хозяин? Клянусь богом, если бы я мог стоять на ногах, я проучил бы вас палкой! Вон отсюда, наглец, а не то я прикажу выбросить вас в окно! Ах, так я хуже чоло? Хуже чоло! Вон отсюда, бесстыдник!

За дверью кабинета громкие голоса.
Входит Б а л ь т а с а р, следом за ним П е р и ч о л а. М а р т и н е с уходит.

Б а л ь т а с а р. Монсеньор! Я говорил сеньорите, что ваше высочество заняты, а она требует, чтобы я ее впустил.

В и ц е - к о р о л ь. Пусть войдет, а вы ступайте.

П е р и ч о л а. Удивительно! Чтобы попасть к вам, надо взять приступом дверь кабинета. Я надеюсь, что это — недоразумение... ваш дурак-привратник перестарался.

В и ц е - к о р о л ь (недовольным тоном). Я полагал, что вы в церкви.

П е р и ч о л а. Не знаю, попаду ли я туда. Отчасти это зависит от вас. Но прежде всего как ваша подагра?

В и ц е - к о р о л ь (с возрастающим недовольством). Нет у меня никакой подагры.

П е р и ч о л а. Ах, значит, вы просто не в духе! Жаль! Я пришла к вам с просьбой и рассчитывала, что застаю вас в более благодушном настроении. В таком случае, целую ваши руки. Прощайте! Поговорим в другой раз.

В и ц е - к о р о л ь. Камила! Не покидайте меня так быстро! И мне тоже надо с вами поговорить. Клянусь богом, можно подумать, что вы боитесь остаться со мной с глазу на глаз.

Перичола. О ваше высочество! Я почти никогда не боюсь вас.

Вице-король. Не уходите! Побудьте со мной,— я болен... Я знаю, что общество капитана Агирре вам приятней... но иногда приходится приносить жертвы.

Перичола. Общество капитана Агирре? Я сию минуту с ним рассталась.

Вице-король. Сию минуту расстались... Прекрасно, сударыня! Вы избавляете меня от предисловий, я могу прямо приступить к делу.

Перичола. Я подозреваю, монсеньор, что вы собираетесь угостить меня небольшой сценой ревности, а то ведь уже скоро два месяца вы не даете воли вашим ревнивым чувствам. Боюсь, как бы эта сцена не затянулась. Если вы ничего не имеете против, я сейчас изложу вам свою просьбу. Вы мою просьбу уважите, а упреки и гнев отложим до завтра.

Вице-король. Я не расположен исполнять ваши просьбы. Вы злоупотребляете моей добротой.

Перичола. Прекрасное вступление! Но позвольте теперь мне сказать... Все лимские кривляки, точно по уговору, наперебой стараются меня уязвить, а все потому, что я красивее всех. Правда, я сегодня очень хороша? Мы вступили в войну не на живот, а на смерть, пущены в ход мелкие сплетни, мелкие пакости. Если бы не недосуг, я бы вам кое-что рассказала. Кроме того, обе стороны стараются перещеголять одна другую драгоценностями, изысканными туалетами... Для ювелиров и модных лавок мы клад!

Вице-король. Какое мне дело до всей этой чепухи? Может быть, здешние дамы перещеголяли вас роскошью своих уборов, но зато по части любовников...

Перичола (с глубоким реверансом). По части любовников я поступаю совсем не так, как здешние дамы: я отдаю предпочтение качеству, а не количеству...

Вице-король. Перичола! Не прерывайте меня! Я говорю сейчас совершенно серьезно.

Перичола (перебивая его). Выслушайте меня! Всего два слова...

Вице-король. Я очень вами недоволен. Со всех сторон только и слышишь о вашем кокетстве, и, если го-

ворить прямо, я боюсь, что из-за вас мне приходится играть очень глупую роль...

Перичола (*перебивая его*). Как раз сегодня мне пришла блестящая мысль: все здешние дамы лопнут со злости, только надо, чтобы вы были пайнкой, каким вы умеете быть иногда.

Вице-король. Господи Иисусе, да выслушайте меня наконец!

Перичола. Черт возьми, да выслушайте меня наконец! Я женщина, а вы кастилец, вы обязаны быть со мной почтительны. Помолчите же, когда я говорю!

Вице-король. Хорошо, говорите, хотя вы могли бы и подождать.

Перичола. Сегодня, как вам известно, все лимские дамы пускают пыль в глаза, стараясь затмить друг друга роскошью и великолепием своих нарядов. В Лиме всего пять экипажей: две ваши кареты, карета епископа, карета аудитора Педро де Инохосы и карета маркизы Альтамирано, моего злейшего врага, почти такая же древняя, как и ее хозяйка, но, что там ни говори, это все же карета. Сегодня утром, когда я узнала о вашем намерении просидеть весь день дома, мне пришло в голову, что, подарив мне присланную вам из Мадрида карету, вы могли бы способствовать моему торжеству над соперницей.

Вице-король. Это и есть ваша просьба?

Перичола. Карета обрадует меня куда больше, чем золотеносная жила или целая индейская провинция.

Вице-король. Ничего не скажешь, желание скромное. Для того чтобы поехать в церковь, ей, видите ли, нужна карета. Чем она хуже маркизы? Просто опомниться не могу.

Перичола. Вам, дон Андрес, известно, что деньги меня мало трогают. Я не знаю, во что обошлась вам карета, но вы богаты. Будьте уверены, я не попросила бы у вас такого подарка, если бы мне не надо было унижить моих смертельных врагов. Может быть, моя просьба вам неприятна, в таком случае позабудьте о ней. Может быть, мне не следовало обращаться к вам с этой просьбой, в таком случае простите. У меня есть один недостаток: я действую, не подумавши.

Вице-король. Подарить ей карету! Да виданное ли это дело — комедиантка в карете! Кто вы, сударыня, — епископ, аудитор или маркиза, чтоб ездить в каретах?

Перичола. Да ведь я же одновременно и наследница ирландского престола, и царица Савская, и царица Томирида, и Венера, и святая мученица дева Юстиния!

Вице-король. Сумасбродка!

Перичола. Неужели все эти особы не стоят одной старой маркизы, дочери кордовского торговца сукном, которое шло на одежду погонщикам мулов? Да ну же, добрый папочка, дорогой Андресильо, вы пошутили! Вы уже не злитесь, вы милы, как всегда? Ведь вы подарите мне карету, подарите, правда?

Вице-король. Камила! Прежде всего это ни с чем не сообразная просьба, затем вы выбрали неудачный момент: я недоволен вами.

Перичола. А что, если я прибегну к репрессивным мерам?

Вице-король. Послушайте, вы напрасно обращаете все в шутку. Будьте уверены: ваше поведение мне известно, я не хочу, чтобы меня надували.

Перичола. Если я не вымолю у вас кареты, я буду очень несчастна. Не могу же я отправиться в церковь пешком, словно какая-то простолюдинка, или на носилках, словно мещанка! Особенно после надежд, которые я питала... Ах, монсеньор вице-король Перу! Вы очень жестоки!.. Сколько вы заплатили за вашу карету?

Вице-король. Бросьте толковать о карете, сударыня, ответьте лучше на мой вопрос. Я в курсе всех ваших походов и не заблуждаюсь на этот счет, как прежде, когда я вас любил. Теперь я вас больше не люблю, понимаете? Мне открыли глаза, теперь я вас знаю... И все же мне очень любопытно послушать, что вы скажете в свое оправдание... Я слушаю... Что ж вы молчите, черт вас возьми? Что ж вы молчите?.. О чем вы задумались, чего вы подняли глаза к небу?

Перичола. Какая красивая карета!

Вице-король. С вами и святой потеряет терпение. Черт бы побрал эту карету!.. Я знаю, что капитан Агирре в вас влюблен.

Перичола. Охотно верю. Дайте мне сигару.

Вице-король. И вы в него тоже... Да, вы тоже в него влюблены... я знаю, наверное знаю... Что ж вы молчите?.. Не бойтесь! Скажите, что это неправда, что он не дарил вам малинового атласного платя... Скажите, скажите же, что это неправда! Сделайте одолжение!

Перичола. Жаль, что он не подарил мне и кружевную мантилью. Моя порвалась.

Вице-король. Его застали в полураздетом виде у вас под окном... Я это знаю, я сам его видел... Но, ради бога, скажите, что это неправда!.. Вы такая хорошая комедиантка, вы должны лгать с тем же невинным видом, с каким другие говорят правду.

Перичола. Спасибо за комплимент.

Вице-король. Вы понимаете, моя дорогая, что так продолжаться не может. Придется порвать наши отношения... Это надо было сделать уже давно... Не в моем характере брать на содержание любовницу капитана Агирре... Вы очень спокойны... Неужели вы полагаете, что я принимаю вашу невозмутимость за спокойствие чистой совести?

Перичола (*трагическим тоном*). Это спокойствие отчаяния. Во всем этом меня огорчает только одно — упущенная возможность поехать в церковь в карете. Время уходит, и когда вы попросите прощения, уже будет поздно.

Вице-король. Ах, так я попрошу у вас прощения, моя красавица? Вы на это рассчитываете? Так вот я прошу прощения за то, что открыл еще и ваши шашки с весьма известной особой.

Перичола. Так, теперь уже двое. Надеюсь, что тремя вы удовлетворитесь.

Вице-король. Это не кто иной, как доблестный Рамон, чоло по рождению и матадор по призванию. Ничего не скажешь, вы умеете выбирать любовников, сударыня. Он знаменит, имя его гремит по всей Лиме.

Перичола. Это верно, и он вполне заслужил свою славу, не то что другие. Он самый бесстрашный тореадор в Перу и, пожалуй, самый красивый и самый сильный.

Вице-король. Черт возьми! Иначе и быть не может — вы не такая женщина, которая может бросить

вице-короля ради первого встречного. К тому же вы особа достаточно ловкая: бросив одного любовника, вы приобретаете двух. Вы разменяли дукат на мелкую монету.

Перичола. Так по вашему счету вице-короля можно разменять на капитана и матадора? Ваше высочество! Вы плохо считаете. По-моему, одного капитана можно разменять на трех вице-королей, а чтобы разменять матадора, потребуется не меньше шести вице-королей.

Вице-король. Бесстыдница!..

Перичола. Не церемоньтесь!

Вице-король. Наглая девчонка! Она еще хвастается своей распущенностью, она нисколько не боится дурной славы!

Перичола. Не стесняйтесь! (Декламирует.) «Жестокое воображение! Зачем сладостным своим обманом заставляешь ты страдать мое сердце?»⁴.

Вице-король. Взять в любовники матадора и к тому же еще чоло!.. Вы Мессалина!

Перичола. Что это такое?

Вице-король. Вы...

Перичола. Ваше высочество! Не извольте сдерживаться. Я понимаю: вспышки гнева предписаны вам врачом. Вы горячитесь, а это, вероятно, полезно при подагре.

Вице-король. Замолчите, злодейка! Взять в любовники чоло! Господи помилуй! Я осыпал вас милостями... Ради вас я пренебрегал мнением света... Ведь это позор — наместник испанского короля взял любовницу с театральных подмостков!.. Не знаю, как я еще терплю... Если бы не мое беспредельное мягкосердечие, я бы давно засадил вас в исправительный дом.

Перичола. Не посмели бы!

Вице-король. Не посмел бы!.. Дайте сюда перо и чернила — я подпишу приказ.

Перичола. Если Перичолу посадят в тюрьму, в Лиме вспыхнет восстание.

Вице-король. Вспыхнет восстание! Ну, ну, ну...

Перичола. Да, вспыхнет восстание. Обезглавьте, повесьте всю лимскую знать, маркизов, графов, кавалеров, — ни один человек и не пикнет, не встанет на их защиту. Прикончите двенадцать тысяч беззащитных ин-

дейцев, отправьте двадцать тысяч в рудники, — вас встретят рукоплесканиями, провозгласят новым Траяном... Но попробуйте воспрепятствовать жителям Лимы наслаждаться игрой своей любимой актрисы, и они побьют вас камнями.

Вице-король. Увидим, увидим!.. А если я прикажу директору не возобновлять с вами контракта?

Перичола. Ну что ж! Я возьму гитару и буду петь на улицах, под вашими окнами, а в песнях высмеивать ваш вице-королевский сан и вашу подагру.

Вице-король. Очень похвально! А что вы скажете, ежели я отправлю вас в Испанию с первым же галисном?

Перичола. Вы мне доставите огромное удовольствие... До смерти хочется увидеть старушку Европу, а потом, если повезет, я могу стать любовницей премьер-министра или самого испанского короля — вот тогда уж я вам отомщу. Я возведу на вас обвинение, вас арестуют и в кандалах препроводят в Испанию, как Христофора Колумба. Ваше счастье еще, если в дальнейшем я вас помилую и вместо того, чтоб послать на виселицу, сгною в Сеговийской башне.

Вице-король. А пока это еще не случилось, чтоб ноги вашей не было здесь, во дворце!

Перичола. С превеликим удовольствием подчиняюсь воле вашего высочества.

Вице-король. Минутку! Так как мы видимся в последний раз, надо привести в порядок наши счета... Я слишком вас презираю, а потому не стану мстить. Андрес де Ривера не наказывает за оскорбление, ежели оскорбитель такого низкого звания. Я подарил вам много денег и ценных вещей... оставьте все себе. Вам будет выплачено трехмесячное содержание. Надеюсь, что благодаря этому вы не так скоро попадете в больницу.

Перичола. До сих пор я терпеливо выслушивала обидные слова и отвратительные поклепы. Я приписывала такие речи вашей болезни, но последнее оскорбление стерпеть нельзя. Монсеньор! Мои предки — чистокровные христиане и кастильцы, и я слишком горда, чтоб принимать подарки от челсвека, которого не люблю. Все ваши подарки будут вам возвращены. Я продам дом вме-

сте с обстановкой и выплачу все. А пока возьмите брильянтовое ожерелье и перстни... К вечеру у меня ничего вашего не останется. (*Бросает драгоценности и собирается уходить.*)

Вице-король (*взволнован*). Перичола!.. Перичола! Не... не уходите!.. Послушайте... Ну, послушайте же!.. Вы хотите, чтобы я встал?.. Ой! Ой!

Перичола (*останавливается*). Вам больно?

Вице-король. Вы сказали, что это клевета?

Перичола. Не помню, что я говорила.

Вице-король. Скажи, что это неправда, и я все позабуду.

Перичола. Думайте, что вам угодно. Целую руку вашего высочества.

Вице-король. Нет, нет, не уходи!.. Перичола!.. Я вспылал... наговорил лишнего... Давай объяснимся спокойно. Значит, мне на тебя наговорили, это неправда?

Перичола. Позвольте мне удалиться. Мне безразлично, что вы обо мне думаете.

Вице-король. Послушай, Камила. Согласен, я был неправ. Ты удовлетворена?

Перичола. Нет, нет, вы правы.

Вице-король. Злая упрямец!.. Я тебя ненавижу, но, что поделаешь, ты очаровательна... Я тебя так люблю!.. Я знаю: все, что мне наговорили, неправда... Но скажи, скажи, что это неправда... Одно только...

Перичола. Нет! Вы меня горько обидели, теперь мне все равно, что вы обо мне думаете.

Вице-король. Послушай, Камила! Ну, не будем об этом говорить... Прости меня... Я был неправ... Я так нестерпимо страдал, что сам не помнил, что говорю. Все позабыто... Дай твою ручку... Но скажи...

Перичола. Что сказать?

Вице-король. Что ты больше не сердишься, что простила мне мою вспышку.

Перичола (*протягивая руку*). Хорошо, я вас прощаю. Я верю в искренность вашей любви.

Вице-король. Ну, хотя бы из великодушия... Я вполне уверен в тебе... Я уже не ревную... Но неужели так уж трудно сказать, что тебя оклеветали?

Перичола. Как! Вы опять за старое?

Вице-король. Ну, хорошо... Кончено... Больше об этом ни слова... Я верю тебе и без оправданий... А все-таки... Вот видишь, какой я слабохарактерный!

Перичола. Монсеньор! Неужели вы желаете, чтоб я разъяснила вам, до какой степени ревность по-мрачила ваш рассудок? Ну, давайте постараемся вспомнить ваши упрёки. Ах, да! Малиновое атласное платье?.. Боже праведный! Что за нелепое подозрение!

Вице-король. Да, это просто смешно, но все-таки...

Перичола. Совершенно верно, у меня есть малиновое атласное платье, но я его купила у моей соседки, туземки, любовницы капитана Агирре. Кто подарил ей платье — любовник или кто другой, я не знаю... Я купила его через свою горничную, ежели угодно, спросите ее.

Вице-король. Да ни за что на свете, деточка!.. Я верю тебе! (*В сторону.*) Ты мне поплатишься за свою ложь, мерзавец Мартинес!

Перичола. А насчет той, другой небылицы о капитане Агирре могу сказать только одно — такие случаи в Лиме не редкость, и я бессильна этому помешать. К тому же я припоминаю, что в тот день вы до поздней ночи засиделись у меня за ужином.

Вице-король. Перичола, прелесть моя, ни слова больше! Мне и без того ужасно стыдно... Слава богу, я уже не ревную... Итак, ты говорила, что тот чоло...

Перичола. Сведения ваших шпионов о чоло Рамоне столь же достоверны. Правда, на последнем бое быков он восхитил меня ловкостью и отвагой, ибо он был так уверен в своем ударе, что, воткнув клинок под лопатку быку, даже не посмотрел, есть ли еще в нем признаки жизни, и, повернувшись к быку спиной, поклонился мне с учтивостью, необычной для торeadора. Я поняла, что это значит, и хотела бросить ему кошелек, но я позабыла кошелек дома. Вот я и схватила первую попавшуюся мне под руку ценную вещь. Но мне и в голову не пришло, что этот поступок так ложно истолкуют. Полюбить чоло! Матадора! Человека, который пьет водку, ест сырой лук! О монсеньор!

Вице-король. Да, да, прелесть моя, я был неправ... Но будь я быком, я бы собрал последние силы и поднял на рога господина Рамона.

Перичола. И тогда я закричала бы: «Да здравствует бык!»

Вице-король. Ты очаровательна! Проси, чего ни захочешь... Я ведь не верю, что у тебя бывает в гостях этот матадор Рамон, который ест сырой лук.

Перичола. Простите, ваше высочество. Вам известно, что скоро мне предстоит играть главную роль в комедии поэта Перансуреса. Я пою там песенку на местном наречии, и, чтоб лучше усвоить выговор и произношение, я посылаю за Рамоном, у него приятный баритон, а петь он готов хоть весь день, было бы только что выпить. В заключение я могу предложить лишь одно: если у вашего высочества осталось хоть малейшее сомнение, отправьте капитана в Панаму, а матадора в Куско. Но я боюсь, как бы их изгнание не получило огласки и не дало повода злым языкам посмеяться над вами и надо мной.

Вице-король. Хорошая моя Перичола! Как сделать, чтоб ты забыла...

Перичола. Любовь оправдывает многое, но я советую вашему высочеству впредь не очень доверять слугам, которые кричат о своей преданности, а сами готовы в любую минуту обмануть доверие господ.

Вице-король. Что ты хочешь сказать?

Перичола. Я не называю никого, должность доносчика мне не по душе. Я молода, недурна собой, я актриса и не избавлена от наглых приставаний, вот мне и сдается, что какой-нибудь самонадеянный фат, которого вы почтили доверием, а я выгнала вон из театра, порадовал вас такого рода милыми выдумками.

Вице-король. Ах, он мерзавец! Я никогда ему не доверял. Ах, негодяй! Как он смел приставать к тебе! Ты имеешь в виду Мартинеса?

Перичола. Я никому не хочу зла.

Вице-король. Ах, негодяй! Я отправлю тебя не к Гарсии Васкесу, а в крепость Кальяо, и будь я проклят, если ты скоро оттуда выйдешь!

Перичола. Я ни словом не упомянула о нем. Почему вы думаете, что я имела в виду именно Мартинеса?

Вице-король. Не мешай, я сам знаю... Деточка! Ты, кажется, просила подарить тебе карету? Черт! Дело в том...

Перичола. Не будем больше говорить о карете! Я счастлива, что не лишилась вашего расположения.

Вице-король. А карета доставила бы тебе большое удовольствие?.. Видишь ли, крошка, дело в том...

Перичола. Да, мне очень хотелось карету... Но теперь, после нашего ожесточенного спора, я передумала.

Вице-король. Ты рассчитывала, что я подарю тебе карету... Но дело в том, черт побери... Видишь ли, карета... не то, чтобы мне было жалко карету... но что скажут, если...

Перичола. Оставим этот разговор. Да все равно сейчас уже поздно. Я не успею вовремя в церковь.

Вице-король. Ну, мулы-то у меня хорошие... Я боюсь только этих проклятых аудиторов... Вот хотя бы Педро де Инохоса... Он все переиначит по-своему...

Перичола. Он вас ненавидит, потому что вас любит народ... Но я ни за что не соглашусь поставить вас в неловкое положение. Говорят, что с ним надо считаться.

Вице-король (немного подумав). Черт с ним! Пусть болтает, что угодно... Неужели я не волен дарить то, что мне принадлежит, кому мне заблагорассудится?

Перичола. Не надо, умоляю вас! Я поняла всю необдуманность моей просьбы, мне стыдно, что я приставала к вам с этой каретой. А потом... мне стоило такого труда сдерживать слезы!.. Право, мне уже не до прогулок, только бы добраться до постели и успокоиться.

Вице-король. Бедная девочка! Как она меня любит!.. Нет, детка, тебе надо подышать свежим воздухом, это полезно. Когда меня что-нибудь рассердит, Пинеда предписывает мне для успокоения прогулки в экипаже... Можешь, прелесть моя, считать карету своей. Позвони и вели сию же минуту закладывать.

Перичола. Монсеньор! Подумайте! Сейчас вы чересчур добры, а только что были крайне несправедливы.

Вице-король. Звони, звони! Пусть твои враги лопнут от зависти.

Перичола. Но...

Вице-король. Знаешь, если ты не примешь этого подарка, я подумаю, что ты все еще на меня дуешься.

Перичола. В таком случае я не могу вам отказать... Но я, право, смущена. (Звонит.)

Входит Бальтасар.

Вице-король. Прикажи сию же минуту запрячь белых мулов в мою новую карету, а кучеру сказать, что мулы вместе с ним и с каретой принадлежат сеньорите.

Бальтасар уходит.

Бедная крошка! Как бьется твое сердечко! Скажи: ты все еще сердншься?

Перичола. Я так благодарна вашему высочеству!

Вице-король. К чему это «ваше высочество»? Зови меня так, как зовешь иногда.

Перичола. Так вот, Андрес, сегодня ты причинил мне большое горе, а потом доставил большую радость.

Вице-король. Поцелуй меня, ангел мой! Вот такой я тебя люблю. Понимаешь, когда моя Перичола со мной, я не хочу быть вице-королем. Злюка! Помнишь, как ты расценила любовные способности вице-королей?

Перичола. Ну что там! Ты же отлично знаешь, что для меня ты Андрес, а не вице-король Перу. Посмотри-ка лучше, какие хорошенькие вышитые туфельки сделал мне башмачник Марино. Помнишь, я как-то раз тебя просила за его племянника?

Вице-король. Что за очаровательная ножка! Вся целиком умещается у меня на ладони. Кстати, ты говоришь, что его племянник малый неглупый? Я возьму его на место Мартинеса.

Перичола. Нет, нет, я никого не хочу смещать. Да, помимо всего, Мартинес вам нужен, ваше высочество. Он сообщает полезные сведения.

Вице-король. Да ты, я вижу, злопамятна! Не беспокойся, сегодня же он будет ночевать в Кальяо.

Входит Бальтасар.

Бальтасар. Карета подана.

Вице-король. Ну, моя прелесть, желаю тебе веселиться, а после богослужения поскорей возвращайся ко мне. Если кто тебя обидит, не забудь мне сказать. Видит бог, острякам солоно придется... А ожерелье, а перстни забыла? Подойти поближе, я надену тебе ожерелье... Сегодня ты божественно хороша.

Перичола. Ты подарил мне сегодня нечто более ценное, чем бриллианты: ты подарил мне свою любовь и доверие. (Уходит.)

Вице-король. Ты ангел!.. Она из меня веревки вьет. Зато как же она любит меня!.. Я ни в чем не могу ей отказать... А все-таки... подарить карету... Могу себе представить, какие пойдут толки!.. Комедиантка в раззолоченной карете! А многие маркизы и графини счастливы, если у них есть носилки!.. Верно, служба уже отошла... Она застанет только проповедь епископа... Тем лучше... Что это? Стук колес во дворе. Да, она времени зря не теряет... Бальтасар! Подкатите кресло к окну и подайте подзорную трубу. Я хочу посмотреть на карету... Черт возьми! Ее видно будет до самой церкви... Ого-го, как она покатила!.. Со мной мой кучер не ездит так быстро... Все останавливаются, смотрят... Ишь ты, снимают шляпы, точно еду я сам!.. С ума сошли!.. Вот она уж на площади... Боже мой! Сейчас заденет... Слава Иисусу, опрокинулась другая карета... Собирается толпа... Что сейчас будет? Ее могут обидеть... Бальтасар! Бегите!..

Бальтасар. Слушаю, монсеньор...

Вице-король. Господи помилуй! Дерутся... Все бегите... Все возьмите ружья... Разгоните этих негодяев... Перичола! Ах, какое счастье! Она едет дальше, ей расчищает дорогу какой-то человек... Он так ловко фехтует палкой!

Бальтасар. Бежать мне за каретой?

Вице-король. Нет, оставайся дома. Теперь уж не нужно... Но как бы на обратном пути... Скажи Себастьяну и Доминику: пусть едут верхом, пусть возьмут

мушкетеры и издали следуют за экипажем... пусть снимут ливрей... Если случится беда, вы мне ответите. В Лиме народ грубый! Я боюсь, как бы не учинили насилия... Впрочем, кажется, все обошлось благополучно, ту карету подняли, она едет дальше... Толпа входит в церковь. Дай бог, чтоб с ней не приключилось беды! Что там ни говори, а нигде не сказано, что комедианткам нельзя ездить в каретах, раз они у них есть... Кто ж виноват, ежели актрисы моложе и красивее маркиз и им дарят кареты, а тем нет... (Закуривает сигару.) Крестины что-то затыгиваются!.. Просто дожидаться не могу Перичолы, хочется от нее самой узнать все подробности... Проклятая нога!.. Стоит разволноваться, и нога начинает ныть сильнее... Ну-ка, припомним: прошлый раз я болел пять... нет, шесть дней... Так! На этот раз, надеюсь, пройдет скорее. Значит, я смогу присутствовать на премьере комедии, в которой она играет главную роль... А если мне нельзя еще будет выйти... Ничего не поделаешь! Прикажу отложить спектакль.

Б а л ь т а с а р. Ваше высочество! Господин лицензиат Томас де Эскивель покорно просит принять его.

В и ц е - к о р о л ь. Проси. Верно, он хочет попотчевать меня назидательной беседой, а потом выклянчить себе подарок. И то сказать, я не видел его целый месяц.

В х о д и т л и ц е н ц и а т.

Л и ц е н ц и а т. Целую руки вашего высочества.

В и ц е - к о р о л ь. А, господин лицензиат! Я совсем разболелся!

Л и ц е н ц и а т. Весьма сожалею. Значит, приступ подагры помешал вам, ваше высочество, присутствовать сегодня при крещении.

В и ц е - к о р о л ь. Нет у меня никакой подагры... Все это выдумка доктора Пинеды. Просто распухла нога, вот и все. Мне самому лучше знать.

Л и ц е н ц и а т. Впрочем, ваше высочество, не огорчайтесь, что вы не могли присутствовать при крещении. К вашему счастью, вам не пришлось быть свидетелем страшного скандала.

В и ц е - к о р о л ь. Какого скандала?.. (В сторону.) Черт возьми! Верно, из-за Перичолы!

Лиценциат. Да, произошел ужасный скандал, который, несомненно, очень огорчил бы ваше высочество... тем более что, судя по всему, вы, ваше высочество, являетесь его невольной причиной.

Вице-король. В чем дело?

Лиценциат. В такой день, как сегодня, во время такого трогательного обряда!.. Право, ваше высочество, я очень сожалею, что мне приходится огорчить вас... но я обязан все рассказать и рассказать с полной откровенностью, даже рискуя навлечь на себя немилость. Мой долг, а равно и интересы вашего высочества не позволяют мне молчать.

Вице-король. Я не догадываюсь, в чем дело...

Лиценциат. Известная комедиантка...

Вице-король (в сторону). Так я и знал!

Лиценциат. ...которой вы, ваше высочество, как говорят, оказываете большое внимание, была причиной великого смятения. Она так зазналась благодаря вашему покровительству — разрешите мне это вам высказать, ваше высочество, — что считает все дозволенным.

Вице-король. Уверяю вас, я вовсе ей не покровительствую. Я просто почитатель ее таланта, который вполне того заслуживает, господин лиценциат. Но, умоляю вас, расскажите, в чем дело.

Лиценциат. Вот что произошло. Говорят, у нее есть карета, и, по слухам, эту карету подарили ей вы.

Вице-король. Мне эта карета совсем не нужна.

Лиценциат. Ах, монсеньор! Для кареты можно было бы найти гораздо более полезное применение!.. Но сделанного не воротишь. Притом, несомненно, у вашего высочества были свои основания для такого подарка! Что делать, божья воля!.. Я расскажу вам только то, чему сам был свидетелем. Итак, у нее есть карета, и в церковь она едет в этой карете... А так как я запоздал по непредвиденным обстоятельствам, то тоже ехал в карете с маркизой Альтамирано, которая меня пригласила. Мы ехали шагом, как и подобает, когда приближаешься к церкви. Вдруг во весь опор мчится сеньора Перичола, так, что на тридцать туазов вокруг земля дрожит. Мы как раз подъезжали к площади, ей захоте-

лось опередить нас... опередить маркизу!.. Короче говоря, она проехала совсем вплотную и изо всей силы толкнула нашу карету...

Вице-король. Во всем виноват кучер, он такой неловкий...

Лиценциат. Простите, ваше высочество, но я никак не поверю, чтобы кучеру не было дано соответствующее приказание. Ведь, увидев нашу карету, она высунулась из окна и что-то ему сказала, он не мог действовать по собственному почину.

Вице-король. Надеюсь, все обошлось благополучно?

Лиценциат. Какое там благополучно! Чудо еще, что мы живы! Толчок был ужасен: маркиза упала на меня, а я на собачку маркизы и нечаянно ее придавил... Парик мой оказался в канаве... А маркиза сильно ушибла бок.

Вице-король. Слава богу! Я опасался большей беды.

Лиценциат. По-моему, довольно и этого. Карета тоже очень пострадала. Прекрасная карета, весь город уже двадцать лет от нее без ума.

Вице-король. Я заплачу... То есть, я хотел сказать: я прикажу Перичоле возместить все убытки.

Лиценциат. Но как замять скандал, ваше высочество? Я вижу только одну возможность: запретить этой особе выезжать в экипаже, ибо, во-первых, это большой соблазн — позволить комедиантке разъезжать в карете, когда столько достойных священнослужителей ходит пешком, а, во-вторых, из-за ее неосторожности подвергается опасности жизнь мирных лимских граждан... Я еще не все сказал. Мне очень жаль, что я вынужден огорчить вас, ваше высочество. Слуги маркизы, возмущенные оскорблением, нанесенным их госпоже, постарались кулаками вразумить кучера и лакея этой особы. Тогда чернь, которая провожала Перичолу восторженными криками, вступилась за нее. Особенно неистовствовал один мерзавец, мразь, чоло, матадор, некий Рамон. Он избил кучера маркизы, сломал шпагу конюшего и выбил зубы одному из лакеев.

Вице-король. Негодяй! Я прикажу его примерно наказать.

Лиценциат. Это еще не все. Не обратив на нас внимания и не извинившись, она помчалась дальше и чуть-чуть не въехала в карете прямо в церковь. Еще немного, и мулы уперлись бы мордами в дверь, кучер осадил их у самой паперти. Перичола вышла из кареты и вызвала переполох в толпе молящихся... Все оглядывались, чтоб посмотреть на нее... А обряд крещения уже начался. Я сам трепещу от своих слов, но я вынужден сказать, что даже епископ поддался соблазну и отвлекся. Он позабыл, что восприемник должен дать обет воспитать своего крестника добрым христианином. Я был потрясен, возмущен до глубины души, я покинул церковь и поспешил сюда рассказать вам о том, что случилось, и попросить положить конец наглым выходкам этой особы, за которую — не прогневайтесь на мои слова, ваше высочество, — вас очень осуждают.

Вице-король. Она сейчас приедет, и я ее как следует проберу.

Лиценциат. Я должен вас предупредить, что маркиза будет жаловаться и в случае чего дойдет до Мадрида.

Вице-король. Господин лиценциат! Этого нельзя допустить. Вы понимаете, что подобные жалобы могут очень мне повредить.

Лиценциат. Монсеньор!..

Вице-король. Вы пользуетесь доверием маркизы. Уговорите ее удовольствоваться возмещением убытков. Я же, со своей стороны, обещаю сделать внушение Перичоле.

Лиценциат. Монсеньор!.. Я, право, не знаю...

Вице-король. Вашей церкви нужна картина для алтаря главного придела... Пусть Перичола, чтоб искупить вину, принесет вам в дар картину... Я подарил ей *Мадонну Мурильо*, которую она хотела обменять на моего *Святого Христофора*... Значит, вы можете рассчитывать еще и на *Мадонну*... Но только окажите мне услугу и умерьте гнев маркизы... Хорошо? Обещаете?

Лиценциат. Монсеньор! Я сделаю все, что в моих силах, но...

Вице-король. Зайдите ко мне как-нибудь утром вместе с племянником. Мы постараемся что-нибудь для него сделать.

Лиценциат. Он вполне оправдывает доверие вашего высочества. Но, монсеньор...

Вице-король. Я слышу, во двор въезжает карета. Это, верно, она. Вот увидите, как я ее отчитаю.

Бальтасар (докладывает). Его преосвященство, епископ Лимский.

Вице-король. Епископ!

Лиценциат. Наверно, тоже с жалобой.

В дверях появляются епископ и Перичола. Каждый старается пропустить другого вперед.

Епископ. Проходите, сеньорита!

Перичола. Ваше преосвященство! Умоляю вас...

Епископ (берет ее под руку). В таком случае войдемте вместе.

Лиценциат (в сторону). Что случилось? Епископ ведет под руку комедиантку!

Вице-король. Ваше преосвященство! Целую ваши руки... Мне неловко, что я не могу встать, чтобы приветствовать вас, но бедному больному...

Епископ. Сеньорита говорила мне о вашем недомогании, и перед тем, как ехать домой, я решил навестить вас. Благодаря этому я имел удовольствие подвезти сеньориту в своей карете.

Перичола. Я никогда не забуду этой услуги.

Вице-король. Как? Разве моя... твоя... ваша карета... сломалась?

Перичола. Нет, ваше высочество, но у меня нет больше кареты, и я об этом не жалею, так как, мне кажется, я отдала ее на доброе дело.

Епископ. На доброе, на святое дело.

Лиценциат (в сторону). Ничего не понимаю.

Епископ. Вы явили редкий в наш век пример благочестия.

Вице-король. Умоляю вас, объясните, в чем дело...

Перичола. Простите, ваше высочество, что я так скоро рассталась с вашим подарком. Но когда вы узнаете, в чьи руки я его отдала, вы не будете сердиться и одобрите мой поступок. Когда я ехала по городу, мягко покачиваясь на упругих подушках, мне в голову пришла одна мысль, и удовольствия, которым я только что наслаждалась, как не бывало. Я подумала: «Как, я, грешница... жалкое создание... женщина, занимающаяся пагубным для души ремеслом...»

Епископ. Дочь моя! Вы уж очень себя унижаете... Хотя я ни разу не видел вас на сцене... я знаю, что вы подняли свое ремесло на высшую ступень. Святой Генест был актером.

Перичола. Нет, как же так? Я, нежась в удобной карете, с быстротой молнии переносюсь из одного конца города в другой, мне не страшны ни солнце, ни дождь, а люди в тысячу раз более достойные, служители господа бога, несущие утешение болящим, страдают от непогоды, зноя, пыли, усталости? Я вспомнила, что не раз встречала на улицах Лимы достойных пастырей преклонного возраста, которые спешили со святыми дарами к больным, помышляя лишь об одном: поспеть вовремя к постели умирающего. Я сокрушалась о своих прегрешениях, и пречистая дева вразумила меня: во искупление грехов я принесла в дар господу богу карету, которая потворствовала моей гордыне и владеть которой я недостойна⁵.

Епископ. Сеньорита пожертвовала карету нашему собору и, движимая благочестием, прибавила к этому щедрому дару вклад на вечное содержание кареты. Отныне, когда страждущие будут обращаться к нам за утешением, которое церковь дает умирающим, для доставки святых даров у нас будет карета, что обеспечит спасение многим душам, ибо часто случается, что закоренелые грешники только на пороге смерти обращаются к создателю, а бедный священнослужитель не может пешком поспеть вовремя к их изголовью.

Лиценциат. Действительно, эта добрая и святая мысль внушена сеньорите свыше.

Вице-король. Я восхищен вами, Перичола, и хотел

бы тоже принять участие в этом добром деле, взяв на себя...

Перичола. Ах, монсеньор! Предоставьте эту честь мне... Я вполне вознаграждена драгоценным даром его преосвященства. Вот четки, которые девять дней находились в киоте чудотворного изображения богоматери Чимпакирской⁶. *(Подносит четки вице-королю и лиценциату. Те прикладываются.)*

Епископ. Они имеют силу отпускать грехи.

Вице-король. Я так счастлив, что даже позабыл о ноге. Пинеда — дурак, нет у меня никакой подагры.

Перичола. Четки, к которым вы приложились, исцелили вас, ваше высочество.

Епископ. Вполне возможно, я не раз был свидетелем их чудотворной силы.

Вице-король. Я верю, что это так, но еще два дня я буду соблюдать режим. А потом, ваше преосвященство, мне хочется выкинуть еще одну штуку: пригласить вас отужинать у сеньориты для более близкого с ней знакомства.

Перичола. Я не смею надеяться, что вы, ваше преосвященство, соизволите оказать мне такую честь. Но ведь господь, наш спаситель, вкушал пищу с самаритянами... И если это останется в тайне...

Епископ. Посмотрим. Подождем, пока поправится его высочество.

Вице-король. Значит, вы согласны.

Епископ. Боюсь, что у меня не хватит сил отказаться.

Перичола. А что, если господин лиценциат соизволит присоединиться?

Лиценциат. Это для меня слишком большая честь.

Епископ. Господин лиценциат! Мы никому не скажем.

Лиценциат. Ваше преосвященство!

Вице-король. Вы слушаете, как поет Перичола... духовные песнопения, разумеется. Ее голос может обратить в христианскую веру язычника.

Епископ *(раскланиваясь с Перичолой и улыбаясь)*. Боюсь только, как бы он не сбил с пути христианина.

Каноник. Сия карета будет для вас, сеньорита колесницей Ильи-пророка: она доставит вас прямо на небо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вице-короли Перу и Мексики пользуются привилегией иметь двух телохранителей.

² Напиток, употребляемый в Новом Свете. Нечто вроде чая.

³ Чоло — сын мулата. Мулатами называют детей индианки и негра или негритянки и индейца.

⁴ Стихи из комедии Кальдерона *El magico prodigioso* *.

*Pesada imaginación,
Al parecer lisonjera,
Cuando te ha dado ocasión
Para que desta manera
Aflijas mi corazón?*

⁵ Знаменитой лимской актрисе Перичоле пришла однажды фантазия отправиться в церковь в карете. В Лиме в ту пору было мало экипажей, все они принадлежали знатным особам. Перичола, любовница вице-короля Перу, выпросила у него в подарок — правда, не без труда — великолепную карету и, к великому удивлению жителей, проехала в ней по городу.

После того как она около часу наслаждалась каретой, на нее вдруг напало благочестие, и она пожертвовала карету на нужды кафедрального собора, чтобы ею могли пользоваться священнослужители, спешащие принести утешение умирающим. Кроме того, она сделала вклад, предназначенный на содержание кареты. С тех пор в Лиме святые дары возят в карете, а имя этой актрисы пользуется там большим почетом.

⁶ Образ, чтимый в Новом Свете.

---

* «Чудодейственный маг» (исп.).

Жакерия

*Сцены феодальных
времен*

На мадригалы у меня особый дар.
В настоящее время я перелагаю в
мадригалы всю римскую историю.
«Смешные жеманницы».

*When Adam delv'd and Eve span,
Where was then the gentleman?*
«Old Ballad»*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

До нас не дошло почти никаких исторических сведений о Жакерии. В Хрониках Фруасара мало подробностей и много пристрастия. Крестьянский мятеж как будто внушает глубокое отвращение этому историку, восторженно славящему меткие удары копы и отвагу благородных рыцарей.

Что касается причин, вызвавших Жакерию, то о них нетрудно догадаться. Эксцессы феодального строя должны были повлечь за собой эксцессы иного рода. Следует заметить, что почти в то же самое время подобные восстания вспыхнули во Фландрии, в Англии и на севере Германии.

Я думаю, что не погрешил против исторического правдоподобия, поставив во главе восставших монаха. Частые распри разделяли тогда духовенство и дворянство. Английским восстанием руководил священник Джон Болл.

Я пытался дать представление о жестоких нравах четырнадцатого столетия и думаю, что скорее смягчил, а не сгустил краски моей картины.

---

* Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Где был тогда дворянин?

«Старинная баллада» (англ.).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Жильбер, барон д'Апремон
Барон де Монтрёйль
Сенешаль Вексена
Флоримон де Курси
Ангеран де Буси
Готье де Сен-Круа
Персеваль де Ла-Лож

} сеньеры Бове.

Сенешаль барона д'Апремона.

Сир де Белиль — рыцарь на службе короля.

Сивард — предводитель одного из английских вольных отрядов.

Броун — предводитель отряда английских стрелков.

Пердукка д'Акунья — наваррский рыцарь
Эсташ де Лансиньяк — гасконский рыцарь

} предводители
вольных
отрядов.

Ивен Лангуаран — доктор прав.

Аббаг Оноре д'Апремон.

Брат Жан
Брат Игнатий
Брат Сульпиций
Брат Годеран

} монахи аббатства
Сен-Лёфруа в Бовуази.

Буре
Купло
Лагюйар
Майи

} горожане Бове.

Пьер — латник барона д'Апремона.

Оборотень — атаман воровской шайки.

Рено
Симон
Мансель
Моран
Бартельми
Тома
Гайон

} крестьяне Бовуази.

Конрад — сын барона д'Апремона, десяти лет.

Мэтр Бонен — наставник Конрада.

Изабелла — дочь барона д'Апремона.

Марион — ее молочная сестра.

Жанета — крестьянка, сестра Рено.

Люди разных сословий.

Действие происходит главным образом в окрестностях Бове.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Глубокий овраг в лесу. Заходящее солнце еле освещает вершины деревьев.

Со всех сторон появляются разбойники в звериных шкурах, спускаются в овраг и садятся в кружок. Оборотень стоит в середине; у него волчья шкура на плечах и лук в руке.

Оборотень, его помощник, испытуемый,
разбойники и пр.

Оборотень. Все волки в сборе?

Помощник (вставая). Все, только Бордые на страже да Вильфрид Рыжий в разведке.

Оборотень. Волки, товарищи мои! Этьен Дюре— вот этот самый...

Один из разбойников поднимается.

...просится в волки. За те полгода, что он с нами, он вел себя молодцом. У него есть и когти и зубы. Он предан, он лижет руку тому, кто дает ему хлеб, и кусает того, кто швыряет в него камнями. Примете ль вы его в товарищи?

Разбойники. Да. Пусть будет, как и мы, волком.

Оборотень. Приготовьтесь же принять его. Перекреститесь и выньте ваши тесаки. Ты, Гodefруа Косой, будешь ему крестным. Войдите оба в круг. (Испытуемому.) Кто ты такой?

Испытуемый. Я и волк и овца, но хотел бы стать только волком.

Оборотень. А ты знаешь обязанности волка?

Испытуемый. Преследовать овец, загрызть собак, поедать пастухов.

Оборотень. А кто, по-твоему, овцы?

Испытуемый. Крепостные, что работают на сеньеров.

Оборотень. А собаки?

Испытуемый. Лесники, сенешали, латники и монахи, кроме одного.

Оборотень. Назови его.

Испытуемый. Брат Жан из Сен-Лёфруа. Он исцелил Оборотня от болезни святого Кене¹, и Оборотень сказал: «Никогда стрела волка не пробьет его рясы, никогда нож волка не рассечет ему тонзуры».

Оборотень. А кто пастухи?

Испытуемый. Сеньеры.

Оборотень. А кто хуже всех из этих пастухов?

Испытуемый. Жильбер д'Апремон, называющий себя хозяином этой земли, будь он трижды проклят.

Оборотень. Кто волки?

Испытуемый. Самые вольные из обитателей леса. Они повинуются только атаману, которого выбирают по своей воле, работают только на себя и живут по-братски, а потому вся эта страна и принадлежит им.

Оборотень. Что ты сделал, чтобы стать волком?

Испытуемый. Я взял у пастухов все, что только мог, и убил одну собаку.

Крестный. Да, он молодецки распорол брюхо старому сторожу Матьё, которого мы отметили крестом² за повешенного Жана Куцога, живодера.

Оборотень. Коли так, принимаем тебя в товарищи. Поклянись исполнять наши законы, и ты будешь волком. Клянись быть в смертельной вражде с пастухами, овцами и собаками, иначе говоря, барами, крепостными и лесниками.

Испытуемый. Клянусь.

Оборотень. Клянись, что будешь помогать нам, волкам, лесной вольнице, стрелой, ножом, правой рукой, правым глазом.

Испытуемый. Клянусь.

Оборотень. Ты никогда не станешь есть мяса медведей и волков, ибо они, как и ты, воюют с пастухами и овцами. Сверх того, ты будешь поститься по субботам до полудня, ибо в субботу первый волк пошел искать воли в лесу.

Испытуемый. Клянусь соблюдать эти заповеди.

Оборотень. Итак, именем святого Ферреоля Аббевильского, именем Гольфарина, Магометова племянника³, святого Николая и святой Марии Многомилостивой посвящаю тебя в волки и дарую тебе эти леса, а с ними этот лук и этот топор, чтобы защищать их. Хвати топором по этому колу и скажи: «Да поступит так святой Ферреоль с Жильбером д'Апремоном».

Испытуемый. Да поступит так святой Ферреоль с Жильбером д'Апремоном!

Оборотень. Годефрау Косой! Как будут звать его меж волками?

Крестный. Этьен Длиннозубый.

Оборотень. Этьен Длиннозубый, ладно! Годефрау! Скажи ему на ухо наш пароль... Братья, у нас одним братом стало больше!

Разбойники. Ноэль! Ноэль! ⁴

Оборотень. Так выпьем же за здоровье нового брата!.. Тише! Кто-то идет по сухой листве... Стойте! Моя собака виляет хвостом, значит, свой.

Помощник. Это возвращается Вильфрид.

Оборотень. Что нового там, в долине?

Вильфрид. Да ничего особенного. Я иду из Солле. Сивард, самый сильный из предводителей вольных отрядов ⁵, готовится там к походу.

Оборотень. А видел ты, что с ним за люди?

Вильфрид. Он пополнил свой отряд. Я насчитал сорок панцирей и восемьдесят стрелков. Я переоделся торфяным рабочим и потолковал с ними в кабаке. Среди них есть изрядные головорезы, совсем недавно прибывшие из Англии; по-французски они — ни слова, но сильные, хорошо скроенные, всегда готовые выпить, охотники поживиться в этой стране, как раньше поживились их товарищи.

Оборотень (*обращаясь к своему помощнику*). Они, наверно, готовятся к набегу на Апремон. Ты как думаешь?

Помощник. Я того же мнения, что и ты. Завтра день святого Лёфрау; по случаю праздника все крепостные перепьются, и когда они наполнят брюхо пивом и вином, как свиньи желудями, тут-то Сивард и попользуется.

Вильфрид. Англичанин зол на Жильбера, а его стрелки, насколько мне известно, зарятся на его коров.

Оборотень. Клянусь рогами дьявола, у Жильбера отличные коровы, было бы грешно позволить этим английским вора́м угнать их. Мы ввяжемся в это дело, клянусь чревом святого Кене! Рыбу ловят в мутной воде!

Помощник. Атаман прав, черт возьми! Пока анг-

личане и апремонские псы будут заняты поножовщиной, мы сможем здорово поживиться.

Вильфрид. Эх, если б нам захватить какого-нибудь жирного монаха из аббатства Сен-Лёфруа! Мы взяли бы за него знатный выкуп, стоило бы только послать остальным одно ухо пленника.

Оборотень. Что пошлет святой Николай⁶, то и возьмем. Предоставь дело мне. увидишь, я уж не поскоплюсь. Друзья! Вчера мы разбили лагерь в этом овраге, а вы знаете наш обычай. Сегодня мы проведем ночь в большой пещере возле потока. Там мы сможем вволю и попить и повеселиться, не боясь, что лесники застигнут нас врасплох. Итак, в путь! Разведчики, вперед! Тащите котлы и дичь да живей, живей!

Разбойники нагружают себя разным скарбом и трогаются в путь. Вильфрид, Оборотень и его помощник отстают.

Вильфрид. Одно слово, Оборотень.

Оборотень. Чего тебе?

Вильфрид. Я сказал не все новости. Ждал, чтоб они ушли.

Оборотень. Говори.

Помощник. Какая-нибудь беда?

Вильфрид. Жирар-тележник попался. Латники д'Апремона напали на его след.

Помощник. Наш лазутчик? Скверно! Где же он укрылся?

Вильфрид. В аббатстве Сен-Лёфруа.

Оборотень. Дурень! Ему бы убежать в лес.

Помощник. Либо монахи его выдадут, либо Жильбер нарушит право убежища⁷. Жирара можно считать погибшим. Его повесят. Что ты на это скажешь, Оборотень?

Оборотень. Что ж, смерть как смерть!

Помощник. Придется кое-что отложить из первой же добычи, какая нам достанется, и заказать обедню за упокой его души.

Оборотень (*помолчав минуту*). Я сам отслужу по нем кровавую обедню! Сам буду править ее и вот чем стану священнодействовать. (*Показывает палицу.*) А теперь — в пещеру! У меня в глотке горит, как, бывало, в моем горне. Пойдем, выпьем по чарке. (*Уходит с песней.*)

Вильфрид (обращаясь к помощнику). Недобрая
весть!

Помощник. Ничего не поделаешь! Сегодня один,
завтра другой. Идем ужинать.

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Готическая зала в аббатстве Сен-Лёфруа; она освещена множеством
факелов и великолепно убрана.

Капитул монахов, собравшийся для избрания настоятеля.
На авансцене — брат Игнатий, брат Годеран, брат
Сульпиций.

Брат Игнатий (с письмом в руке). Он выражает-
ся ясно. «Выберите в настоятели моего кузена», — гово-
рит он нам. Письмо очень настойчивое, запечатано оно
его гербовой печатью, а вот его крест вместо подписи⁸.
Что делать?

Брат Годеран. То же, что делает тростник при
ветре. Мы лишь слабый тростник, а Жильбер д'Апремон
неистовее аквилона.

Брат Игнатий. Знаю, Годеран, вы противник
крайних мер. Но все же и вам следует помнить, что мы
у смертного одра покойного аббата Бонифация поклялись
избрать брата Жана, его любимца. И разве мы затем не
подтвердили эту клятву самому брату Жану?

Брат Сульпиций. Вот уж ни к чему эта шепе-
тельность! Я, давая клятву покойному настоятелю, по-
тихоньку тут же от нее отчурался⁹. Притом брат Жан —
простой мужик, а нам не мужика надо в настоятели.

Брат Игнатий. Полегче! Он очень полезен нашей
общине.

Брат Годеран. А Жильбер д'Апремон еще полез-
нее. Он наш сторожевой пес, наше копье. Положитесь на
меня: будем благоразумны и выберем в настоятели, как
он того желает, Оноре, его кузена.

Брат Сульпиций. И разве мы не обойдемся без
брата Жана? Так ли уж он полезен аббатству?

Брат Игнатий. Чрезвычайно. Для нас его позна-
ния — сущий клад.

Брат Сульпиций. Так-то оно так, но он хочет сам всем заправлять, хочет заставить всех плясать под его дудку. Покойный настоятель Бонифаций — да пошлет господь мир его душе! — ни в чем не выходил из его воли. Каждому свой черед. Наконец, повторяю, нам пришлось бы повиноваться человеку низкого происхождения!

Брат Годеран. А где он сейчас?

Брат Сульпиций. В лаборатории, за своими ретортами. *(Насмешливо.)* Скромность не позволяет ему присутствовать на собрании капитула, где, как он думает, избирают его.

Брат Игнатий. А брат Оноре?

Брат Годеран. Где же ему быть? Молится в своей келье! День-деньской он только этим и занят.

Брат Игнатий. Право, боюсь, что когда он станет нашим аббатом, то введет более строгий устав. При брате Жане нам по крайней мере жилось бы свободнее.

Брат Сульпиций. Как знать! Не будет ли он хуже?

Брат Годеран. Видите ли, брат Игнатий, если избрать Оноре, то открывается вот какая возможность: он будет занят только спасением своей души, а вы, Сульпиций и я будем водить его за нос.

Брат Сульпиций. А при брате Жане это было бы немыслимо.

Брат Годеран. Да вот и он. Я так и знал, что у него лопнет терпение.

Входит брат Жан.

Брат Жан. Ну, досточтимые отцы, вы что-то засиделись. Или вы еще ничего не решили?

Брат Игнатий *(брату Жану)*. Вот это письмо мессира д'Апремона нас задержало. *(Подает ему письмо.)*

Брат Жан *(прочтя письмо)*. Как! Вы не знаете, что ему ответить?

Брат Годеран. Это не так-то просто.

Брат Жан. Что? Не просто? Чего он суется не в свои дела? Разве мы его вассалы, чтобы повиноваться ему? И что общего между славным аббатством Сен-Лёфруа и каким-то Жильбером д'Апремоном?

Брат Сульпиций. Если мы наживем себе врага в лице Жильбера д'Апремона, кто тогда защитит нас от

англичан, наваррцев ¹⁰, мародерских шаек и всякого сброда, шатающегося по стране?

Б р а т Г о д е р а н. Не говоря уж о нашем соседе Оборотне.

Б р а т Ж а н. Но, клянусь святым Лёфруа, на что нам его покровительство? Разве наши стены не высоки? Разве нет у нас восьмидесяти человек, способных выдержать перестрелку с сильнейшим из отрядов этой вольницы ¹¹?

Б р а т Сульпиций. Вам легко так говорить, брат Жан: вы были солдатом. Но мы-то, остальные, мы умеем только молиться, а перестрелка нам не по душе. Можно быть хорошим монахом и не уметь натянуть тетивы.

Б р а т Ж а н. Что ж! Если вы боитесь стрел, у вас есть Жак-Простак ¹², он будет драться за вас; обращайтесь лучше с вашими крепостными, и вы найдете в них преданных солдат. Но довольно об этом. Я догадываюсь, почему вы хотите изменить слову: Оноре, которого вы собираетесь избрать вместо меня,— сын дворянина.

Б р а т И г н а т и й. По правде говоря, брат Жан, не в этом дело.

Б р а т Г о д е р а н. Не все ли мы на земле братья, особенно здесь, в аббатстве Сен-Лёфруа?

Б р а т Ж а н. Полноте, со мной ни к чему эти уловки, я вас отлично знаю. Вы, Годеран,— сын мелкопоместного дворянчика из Артуа. А вы, Игнатий, и вы, Сульпиций,— внебрачные дети каких-то там баронов да еще хвастаетесь этим. Вы не хотите подчиняться сыну мужика вроде меня. Да, я сын мужика, но зато могу не краснея говорить о своей матери. *(Расхаживает большими шагами, с гневными жестами.)*

Б р а т Г о д е р а н *(Игнатию, тихо)*. Видите, какой у него запальчивый нрав! Чуть что — сейчас бранится. *(Сульпицию.)* Собирайте голоса, пора кончать.

Б р а т Ж а н. Оноре! Брат Оноре — настоятель монастыря Сен-Лёфруа! И вы думаете, он сумеет хотя бы отслужить мессу?

Б р а т И г н а т и й. О, если бы в аббаты выбирали за ученость, то, конечно, выбрали бы вас!

Б р а т Г о д е р а н. Надо жить в добром согласии со своими соседями. Прежде всего мир.

Брат Жан. Оноре! Да ведь это курам на смех! Скажите на милость: разве он добудет вам денег, пуская пыль в глаза и мужикам и дворянам? По совести, кто из вас умеет творить чудеса? Кто другой сумел бы сделать такую раку святому Лёфруа, чтобы ежегодно в день его праздника на ней выступали капли пота? А терновый венец, — кто сможет сделать так, чтобы он расцвёл каждую пасху? Разве он не приносит вам пятьсот флоринов в год? Мне одному открыты тайны чудес. А без чудес в наше время и веры не станет и в кружке святого Лёфруа не будет приношений. В десяти милях отсюда, у монахинь святой Радегунды, есть терновый венец. А что толку? Они ничего не смыслят в алхимии, вот он и не приносит им ни гроша.

Брат Игнатий. Мы надеемся, что вы и впредь не откажете нам в добрых услугах ради пользы веры и нашей общины.

Брат Жан. Считали вы, да не спросясь хозяина! Что, я вам раб, что ли, и должен работать на господ?

Брат Сульпиций (собрал голоса). Все голоса за брата Оноре; недостает еще только ваших трех.

Брат Игнатий (брату Жану). Видите, я ничего не могу поделать. Подаю голос за брата Оноре.

Брат Годеран. И я также.

Брат Сульпиций. Высокочтимые отцы! По внушению духа святого мы единогласно избрали брата Оноре д'Апремона настоятелем нашей обители. Да хранит его богоматерь и святой Лёфруа!

Все (кроме брата Жана). Аминь!

Брат Жан (с горькой усмешкой). Единогласно! А я не подавал голоса. (Сульпицию.) Отчего вы не обратились ко мне?

Брат Сульпиций. Ах, виноват, забыл...

Брат Жан. Я подаю голос за досточтимого брата Сульпиция.

Брат Сульпиций. Весьма благодарен, но он мне ни к чему, и брат Оноре от этого не перестанет быть нашим настоятелем. Поднесем же ему, как полагается по обряду, знаки его власти. Да вот он и сам.

Входит брат Оноре.

Высокочтимый отец! Собранный капитул смиренно просит вас согласиться стать нашим настоятелем и принять знаки этого высокого сана.

Брат Оноре. Ваш выбор мог бы пасть на более достойного. Но я употреблю все силы, чтобы оправдать высокое доверие капитула.

Брат Жан (брату Игнатию). И такой-то вот будет представителем нашего ордена на соборе! ¹³.

Брат Оноре. По милости святого духа и косноязычные становятся красноречивы.

Брат Жан (с насмешкой). Да, на ближайшем соборе мы узрим чудеса.

Брат Оноре. Отцы! Последуйте за мной в церковь. Я хочу вознести краткое благодарение господу нашему. А затем нам надлежит приготовиться к завтрашнему празднику.

Брат Игнатий (брату Оноре). Сир аббат! Время ужинать.

Брат Оноре. Отец мой! Поужинать мы всегда успеем.

Входит монах,

Монах. Ах, отцы, неслыханное дело! Блажен аббат Бонифаций, что не дожид до такого святотатства!

Брат Оноре. Что? Какое святотатство? Ко мне обращайтесь с жалобой для воздаяния: настоятель — я.

Монах. Ах, сир аббат, я доселе дрожу! Латники сеньера д'Апремона высадили сейчас дверь в часовне и схватили тележника Жирара, искавшего там убежища.

Брат Жан. Как? Нарушать право убежища?

Брат Оноре. Что вы сказали? У вас так дрожал голос, что я не расслышал.

Монах. Латники сира д'Апремона схватили Жирара в убежище, у самого подножия статуи святого угодника Лёфруа!

Брат Игнатий. Высадив дверь!

Брат Жан (монахам). По заслугам и воздаяние! Вы униженно искали покровительства сира д'Апремона, вот он вам его и оказал. Прощайте, привилегии нашего аббатства! Ха-ха-ха! (Уходит, смеясь.)

Молчание.

Брат Игнатий (брату Оноре). Сир аббат! Ведь это страшное насилие, за него следовало бы отлучить. Ведь если перестанут уважать право убежища в часовне, то все крепостные, преследуемые своими сеньерами, будут убегать к Оборотню.

Брат Годеран. Притом мы лишимся дохода от права на убежище, а им не следует пренебрегать.

Брат Оноре (после некоторого размышления). Я напишу об этом сир д'Апремону.

Монах. Поздно, сир аббат. С ними был палач, и Жирар, верно, теперь уж покойник.

Брат Оноре. В таком случае мы отслужим обедню за упокой его души. Идемте в церковь. (Уходит.)

Все монахи следуют за братом Оноре, кроме брата Игнатия, брата Сульпиция и брата Годерана.

Брат Игнатий. Недоброе начало!

Брат Сульпиций. Мы все приведем в порядок.

Брат Годеран. Я начинаю бояться, не поторопились ли мы, Сульпиций.

Брат Сульпиций. Слишком легко вы поддаетесь страху. Но слышен благовест. Пора в церковь.

Брат Годеран. Только бы благодарственный молебен не затянулся — желудок дает мне знать, что уже очень поздно.

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Готическая зала в замке Апремон.

Конрад, его наставник мэтр Бонен.

Конрад. Расскажи мне еще какую-нибудь занимательную историю из времен героев.

Наставник. Сударь! Не угодно ли вам послушать историю о знаменитом рыцаре Гекторе Троянском или о благородном бароне Фемистокле? ¹⁴.

Конрад. Все это я уже знаю. Ведь это тот самый, что отравился, когда король персидский захотел обратить его в турецкую веру?

Н а с т а в н и к. Вот именно. А хотите, я расскажу о Ликурге, добром короле Лаконии?

К о н р а д. Ты вечно рассказываешь одно и то же. Я знаю историю о короле Ликурге так же хорошо, как и о короле Артуре.

Н а с т а в н и к. А вы помните устав основанного им рыцарского ордена?

К о н р а д. Ордена Святой Спарты? Конечно.

Н а с т а в н и к. Что за память в таком нежном возрасте! Поистине, сударь, вы знаете больше моего, скоро мне придется брать у вас уроки. Хотелось бы вам быть рыцарем ордена Святой Спарты?

К о н р а д. О да! В этом ордене мне нравится вот что: когда пажи стащат, бывало, где-нибудь пирог или варенье, то у них это не отнимают и не бранят их. А затем, как они потешались над рабами! Как они их тогда называли?

Н а с т а в н и к. Илотами, монсеньер.

К о н р а д. Ах да, илотами. Когда я вырасту и стану пажом, я буду, как и они, охотиться на мужиков.

Н а с т а в н и к. Просто чудеса! Он ничего не забывает. Хотелось бы мне, чтобы его милость барон, насмехающийся над образованием, которое я вам даю, был здесь и послушал вас. Запомнить все, даже самые варварские имена! Ах, сударь, каким вы будете рыцарем!

К о н р а д. Это потому, что я ничего не боюсь. Когда мне приходится играть в войну с моими крепостными, я справляюсь один с пятью-шестью мальчуганами. Под градом палочных ударов они бегут от меня, как зайцы.

Н а с т а в н и к. Послушайте, монсеньер. Не будьте так отважны. Господин сенешаль запретил этим негодным мальчишкам отбиваться от вас. Но у этого народа такие дурные склонности, что когда-нибудь у них может явиться дерзость оказать вам сопротивление. Будьте осторожнее.

К о н р а д. Как бы не так! Я не побоюсь и десяти тысяч мужиков. Я боюсь лишь пауков и лягушек.

Н а с т а в н и к. Об одном молю бога, чтобы дожить до времени, когда я смогу описать геройские дела, которые вы совершите. Вы затмите подвиги Амадиса Галльского.

Входят Изабелла и Марион.

К о н р а д. А, вот и моя сестра. Здравствуй, сестрица Изабо! Что ты ешь? Дай мне.

И з а б е л л а. Я ничего не ем.

К о н р а д. А мне показалось... Разве у тебя нет ничего в шкатулке, которую тебе подарил мой друг Монтрёйль?

И з а б е л л а. Ах ты, обжора! Ты вредишь себе жадностью к лакомствам. Мне говорили, будто ты тащишь у бедных наших вассалов все, что попадет на глаза.

К о н р а д. А разве все, что у них есть, не нам принадлежит?

И з а б е л л а. Мэтр Бонен! Вам следовало бы учить его совсем другому.

Входят д'Апремон и его сенешаль.

Д'Апремон. Немедленно повесить его, затем четвертовать, а куски пусть развешат на дереве!

К о н р а д. Кого это, отец?

Д'Апремон. Да этого негодяя Жирара — он думал было спастись тем, что убежал в часовню Сен-Лёфруа.

К о н р а д (Бонену). Пойдем скорее, посмотрим, как его будут вешать.

И з а б е л л а. Какой ужас! Батюшка! Запретите ему ходить туда.

Д'Апремон. Напрогив, дочь моя, дворянин должен с детства приучаться видеть смерть вблизи, чтобы потом он не робел, видя, как льется в сражениях кровь¹⁵.

И з а б е л л а. Но смотреть, как гибнет безоружный бедняк! К чему это приучит, если не к жестокости?

Д'Апремон. Нельзя же мужчину воспитывать, как женщину.

К о н р а д. Вот тебе: знай свою прялку!

Сенешаль. Не отложить ли нам, ваша милость, до завтра? Казнь пройдет тогда с большей пышностью.

Д'Апремон. Нет, завтра — день святого Лёфруа. Соберется много праздного люда. Не надо выводить из себя Жака-Простака; с некоторых пор он ворчит, когда его бьют.

Сенешаль. Так я велю его повесить.

Д'Апремон. А после четвертования пусть развешат

отрубленные части где-нибудь подальше, чтобы не было видно из замка и чтобы сюда не доносился запах.

Конрад. Пойдите, я тоже с вами, господин сеньешаль.

Конрад, Бонен и сеньешаль уходят.

Д'Апремон (потирая руки). Они выбрали аббатом нашего кузена... Я славно поохотился сегодня и отлично поужинаю... Что же Монтрёйль, говорил он тебе сегодня о любви?

Изабелла (улыбаясь). О! Не больше, чем обычно.

Д'Апремон. Хоть он и не мастер молоть всякий вздор, как трубадур, зато знает все, что полагается знать настоящему рыцарю, а это куда важнее. Где он сейчас?

Изабелла. В нижней зале. Он только что занимался с Пьером фехтованием на тяжелых рапирах.

Д'Апремон. Что я тебе говорил? Вот истинный дворянин! Он постоянно упражняется в искусстве владеть оружием. Неужели ты не радуешься, Изабелла, что такой порядочный человек и сильный боец когда-нибудь станет твоим мужем?

Изабелла. Конечно, отец. Я только хотела бы, чтобы он покрепче держал шпагу. Я видела, как искры сыпались от оружия, когда вдруг Пьер, ударив наотмашь, выбил у него шпагу из рук; еще немного, и она попала бы мне в голову. Я поскорее убежала: при таких забавах опасность больше всего угрожает зрителям.

Д'Апремон. Это может случиться и с самым искусным бойцом. Но мне не по душе, что Монтрёйль всегда фехтует с простым мужиком. Точно у меня в замке нет дворян, которые знают в этом толк! Когда-нибудь Пьер в пылу нападения может позабыть о почтении, с которым он обязан относиться к рыцарю.

Изабелла. Ну, я думаю, он слишком благовоспитан...

Д'Апремон. Благовоспитан! Правда, отец Жан сделал его ученым малым. Но его познания могут придать ему наглости. Глупо давать мужику образование, словно какому-нибудь канцлеру.

Изабелла. Да, но на вас лежит еще большая вина, чем на отце Жане. Это вы, батюшка, научили его владеть шпагой.

Д'Апремон (*улыбаясь*). И мои уроки пошли ему впрок. В самом деле, этот солдат — молодчина, и я позабочусь о нем. А, вот и Монтрёйль!

Входит де Монтрёйль.

Де Монтрёйль. Не из шайки ли Оборотня собираются кого-то вешать?

Д'Апремон. Да, в этом роде, — их лазутчика. Боже правый! Трудно дворянину в наше время жить мирно в своем замке.

Изабелла. Батюшка! Я обещала одной бедной крестьянке просить вас...

Д'Апремон. Выкладывай! Чего еще? Снова просьба о каком-нибудь снисхождении?

Изабелла. Она не может уплатить подать. Ее корову увел Оборотень, и...

Д'Апремон. А! Все они твердят одно и то же. Послушать их, так не с них надо спрашивать деньги, а им же еще платить.

Изабелла. Но вы знаете, отец, что прошлый год был тяжелый.

Д'Апремон. Как видно, Изабелла, мне придется советоваться о моих делах с вами? А что вы сказали бы, вздумай я вмешиваться в ваше рукоделье? Точно у меня самого не было несчастий! Клянусь святым Георгием, я должен возместить свои потери при Пуатье¹⁶! А ведь мы потеряли там побольше, чем при неурожае. Что ты на это скажешь, Монтрёйль?

Де Монтрёйль. Ах, восемь тысяч флоринов, уплаченных за мой выкуп! Как мне вас жаль!

Д'Апремон. Пусть бы ты потерял еще восемь, а я вдесятеро больше, только бы господь даровал нам тогда победу! Наш доблестный король не был бы сейчас пленником в Лондоне. Но лучше об этом не думать. Вымоем руки и пойдем ужинать.

Входит оруженосец.

Оруженосец. Ваша милость! Оруженосец из Арраса привез вам письмо.

Д'Апремон (*глядя на печать*). Львиная пасть. Это от Боэмона де Ласурс.

Изабелла. Он вас, конечно, благодарит за выкуп.

Д'Апремон. Я думаю, он пишет о чем-нибудь по-важнее. Прочти-ка мне письмо, Изабелла. Я так же безграмотен, как его милость мой покойный отец, — он так и не выучился читать молитвенник, но, клянусь святым крестом, между нашими молодыми рыцарями при всей их учености равного ему не найти!

Изабелла (читает). «Высокому и могущественному сеньеру, благородному Жильберу, барону д'Апремону, от Боэмона, сеньера де Ласурс, его слуги и друга, привет. В ту минуту, когда я потерял уже всякую надежду вновь увидеть родину, я узнал с изумлением, равным моей признательности...»

Д'Апремон. С изумлением?

Изабелла (продолжая). «...что ты внес за меня выкуп и что я свободен и могу пасть к твоим стопам, дабы...»

Д'Апремон. Пасть к моим стопам? Да то ли ты читаешь, что написано?

Изабелла. Да, батюшка... «...дабы в меру сил выразить свою благодарность...»

Д'Апремон. Пропусти эти вздорные любезности и перейди к делу. Рыцари должны приберегать эти глупости для дам.

Изабелла. В письме нет ничего, кроме изъявлений благодарности, уверений в дружбе и преданности.

Д'Апремон (взяв письмо). Зря пропал отличный пергамент. Вот чему их обучают ученые люди! Рыцарь удивляется, что товарищ по оружию вносит за него выкуп, и посылает ему целую страницу, испещренную черными значками, чтобы поблагодарить его. В мое время рыцарь говорил своему другу: «У меня вышли деньги, дай-ка мне твой кошелек». Эта откровенная простота наших отцов стоила дороже нынешней вежливости.

Изабелла. Он сделал это с наилучшими намерениями. Боэмон очень привязан к вам.

Де Монтрёйль. А сумма, которой вы не пожалели, вполне заслуживала благодарности.

Д'Апремон. Нужно самому быть неспособным к великодушному поступку, чтобы так напыщенно выражать свою признательность. Но такова жизнь. Старые

обычай выводятся, а с ними и добродетели наших предков.

Изабелла. Не станем, однако, пренебрегать старинным обычаем ужинать. Я вижу отсюда, что кувшин для мытья рук подан.

Д'Апремон. Ты права. Пойдем ужинать.

Уходят.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Площадь в деревне Апремон. Расставлены столы.

Крестьяне сидят и пьют. Впереди за одним столом: Броун, Рено, Моран, Гайон. Броун одет простым стрелком.

Броун (*стуча по столу*). Вина! Вина! Умирать нам от жажды, что ли? Я король стрелков и плачу за всех.

Гайон. Честное слово, господин стрелок, для англичанина вы славный малый.

Рено. Верно, и я прощаю ему то, что он взял приз.

Броун (*показывая лук*). Вот это лук! Шесть футов тисового дерева без сучков, и прям, как копье, когда не натянут. Берись за тетиву правой рукой на уровне глаз, а левой сгибай самый лук, пока не останется всего три дюйма железного наконечника стрелы. И это будет такой выстрел, что о нем заговорят¹⁷.

Моран. Да, мы видели: у вас верный глаз и твердая рука.

Броун. Еще бы, черт возьми! А вы знаете, что натянуть английский лук удастся далеко не всякому, тогда как крепчайший из ваших луков сломится под английской стрелой?

Рено. Был тут прежде человек, от его лука у вас образовались бы мозоли.

Броун. Клянусь святым Георгием, мне бы очень хотелось поглядеть на такое диво!

Рено. Этого лука уже здесь нет. А если бы стрелок, которому под силу натянуть его, был тут, с нами, вам бы не выиграть так легко кубка и перевязи¹⁸. За ваше здоровье, приятель!

Броун. А что случилось с этим стрелком? Я готов пройти пешком двенадцать миль, чтобы поглядеть на него.

Рено. Кто знает, может, он и не так далеко.

Моран (крестится). Господь его ведает...

Броун. Где же он? Как с ним повидаться?

Рено. Повидаться? Не всякий, кто хочет, его видит.

Гайон. А бывает и так, что видит тот, кто не хочет. В этом-то и беда.

Моран. Слыхали вы про Оборотня?

Броун. Слышал кое-что.

Моран. Ну так постарайтесь, чтоб он не повстречался с вами на дороге.

Броун. Как! Этот главарь воровской шайки так хорошо стреляет?

Гайон. Что он вор, это бы еще ничего, но говорят вам, он оборотень.

Броун. Я пошел бы взглянуть на самого дьявола, знай я только, что он стреляет лучше меня. А нет ли у него другого имени — у того, кого вы зовете Оборотнем?

Моран. Его звали Кретьеном Франком, когда он жил еще в этом мире.

Броун. Так, значит, он умер?

Моран (снова крестится). Нет, но он стал волком-оборотнем.

Броун. Что вы меня дурачите? Говорите яснее. И отчего вы так перепугались? Что такое сделал этот человек и почему вы его прозвали Оборотнем?

Моран (тихо). Постойте, пусть пройдет латник сеньера барона... Слушайте: в день святого Николая исполнится два года, как Франк — по ремеслу он был кузнецом — вернулся к себе после того, как дал лекарство лошади моего кума Анрио, и не застал дома жены. Сосед — всегда найдутся такие добрые души — сказал ему, что барон потребовал ее в замок, что она, мол, ему приглянулась; что она, жена Франка, не лучше других и ей-де лестно, что сеньер положил ее к себе в постель. Франк в ответ ни слова. Наконец возвращается она. Он стоял у горна. Видит, как она входит. «А, вот и ты!» — говорит он. «Да!» — говорит она. «Получай», — говорит он и одним ударом тяжелого молота вышибает ей мозги.

Броун. Что ж, молот — доброе оружие... Конечно, после лука.

Моран. Он разбил ей голову, как я разбил бы яйцо. Барон посадил его под замок; он хотел его повесить, но не знаю уж, то ли Франк продался черту и тот освободил его, то ли он знал слово против замка...

Рено. А я думаю, подмастерье подбросил ему через отдушину напильник и он перепилил решетку.

Моран. Как бы то ни было, но он убежал в лес. Там старый белый волк, которого никак не мог убить отец барона,— старый волк, которому... почитай что больше двухсот лет, его все знают...— словом, этот старый белый волк поглядел на Франка, прежде чем тот его заметил¹⁹, и Франк сейчас же обернулся волком. Он оброс шерстью и кусает всех, кто к нему подходит. А те, кто от этого не умирает, становятся, как он сам, оборотнями и нагоняют ужас на всю округу.

Гайон. Полгода назад его увидал Этьен Дюре и взбесился.

Рено. Я не думаю, чтобы он был настоящим оборотнем, но он так же опасен. Не больше двух недель назад мы нашли старого лесника Матьё, растерзанного этими дьяволами в клочья.

Моран. Днем у них еще образ человеческий, ночью же они совсем волки и ходят на четвереньках. Не дальше, как вчера вечером, я слышал их вой.

Броун. И вы верите этим бабьим сказкам? Ваш Оборотень — просто храбрый малый, и он из мести пошел в разбойники. Лучше бы он поступил стрелком в какой-либо вольный отряд. Но для этого надо еще посмотреть, как он стреляет.

Моран. Будьте покойны, стреляет он так, что барон никогда не выедет на охоту без хорошей охраны да еще надевает кольчугу под бархатное платье.

Броун. Английская стрела не пробьет только миланскую кольчугу, надетую поверх плотного гамбизона²⁰. А ну-ка, выпьем!.. Не очень-то вы любите, как я погляжу, своего барона; везде одно и то же.

Рено. Да, везде. Вот в Жене есть...

Моран. Тсс! Тебя подслушивают.

Броун. С вами обращаются, как со скотом.

Гайон. Хуже! Лошадей они кормят на славу и лечат их.

Броун. Да, и, по правде говоря, вы послушнее, чем лошади.

Моран. Послушнее?

Броун. Да, вы послушнее, терпеливее, чем лошади: вас быют, а вы не брыкаетесь. У меня на родине народ не такой смиренный. Когда я кланяюсь сеньеру, он снимает шапку передо мной. А вздумай первый лорд Англии поспать с моей женой, я заставлю его уплатить пени двести франков, и счастлив он будет, коль я не всажу в него стрелу.

Моран. Ну и ну! Значит, крестьяне у вас — господа, что ли?

Гайон. Кто ж у вас работает в поле?

Броун. Всяк работает на себя, паренек; всякому достается то, что он зарабатывает. Мы все, видишь ли, свободные люди. Выпьем же во славу старой Англии!

Гайон. Выпьем. Когда я с друзьями, меня всегда мучит жажда, а я давненько не пил вина! Мы голь; нам его купить не на что.

Рено. Не стану я пить за Англию. Память о битве при Пуатье камнем легла мне на сердце.

Моран. А я выпью за здоровье короля стрелков, потому что он славный товарищ. Надо выпить: ведь он платит за вино, а для нас не каждый день бывает такой праздник.

Броун. Хорошо сказано! Выпьем, почтеннейшие! Забудьте ваши печали! Мы, англичане и французы, теперь на полгода друзья²¹. А вы, там, тоже наполняйте стаканы, полно вам думать о Пуатье.

Рено (Броуну). А ведь король-то попал в плен по вине господ.

Броун. Ах, если бы вы видели, как эти господа, закованные в железо, валились под нашими стрелами, — можно было лопнуть со смеху!

Гайон (Броуну). Что вам стоило приберечь одну для сеньера д'Апремона?

Моран. Берегись, Гайон! Ты, как выпьешь, становишься чересчур болтлив.

Гайон. Наплевать! Что мне от этого сделается? Буду говорить! Хочу уехать в Англию и хочу, чтоб Жильбер д'Апремон ломал шапку передо мной.

Моран. Он пьян!

Рено (*Броуну*). Мне говорили, что наши стрелки славно дрались при Пуатье, но сеньеры погубили дело.

Броун. Это правда.

Гайон. Да, это правда. Они все губят. Кто посмеет сказать, что это не так?

Моран. Да замолчи же!

Броун. Вашим стрелкам хотелось драться как следует. Но с такими луками, как у них, только по воробьям стрелять.

Гайон. Господин стрелок! Возьмите меня в Англию, я хочу стать наконец барином.

Броун. Хочешь, молодчик? Тогда возьми лук, пойди разыщи военачальника, которого я тебе назову, и ты станешь вольнее и счастливее любого короля.

Гайон. Да, да! Я хочу стать королем, клянусь чревом святого Ферреоля.

Броун. А вам, друзья, вот что надобно сделать. С такими руками и плечами, как ваши, не стыдно ли вам ковырять землю? Шпага сбоку, щит на спину — и весь свет будет ваш.

Рено. Я люблю родину, как ни тяжело мне здесь жить.

Моран. Разве нам можно уйти с земли барона? Он нас живо заставит снова взяться за плуг. И у меня спину ломит, лишь подумаю, как он наказал бы нас за такую затею.

Броун. Даже король не в силах вернуть тебя из вольного отряда. Мы повинемся только начальнику, которого сами же избираем.

Рено. Будь мы даже свободны, мы не стали бы шататься по свету. Мы любим кров, под которым родились.

Броун. Все вы, французы, одинаковы. Вечно жалуетесь, а все не можете набраться смелости, чтобы стать свободными.

Моран. Вам легко говорить, приятель.

Появляется Симон.

Рено. Что такое с Симоном? Эй, Симон! Что с тобой? Ты нездоров?

Симон. Не мудрено заболеть от того, что я сейчас видел. Там, подле дерева, валяется тело Жирара; оно разрублено на куски, и барские псы пожирают его.

Все (кроме уснувшего Гайона). Какой ужас!

Броун. Как! Святой Георгий! Он кормит собак человеческим мясом?

Симон. Я стал швырять камнями в собак и хотел закопать тело, да мимо шел сенешаль; он грозился меня повесить за то, что я бью барских собак и нарушаю правосудие барона.

Броун. Ну, пусть он только попадется мне на полет стрелы!..

Моран. Видано ли такое беззаконие? Вот отчего на раке святого угодника Лёфруа не проступили сегодня капли пота. Он разгневан.

Гайон (просыпаясь). Что вы там говорите? Почему перестали пить?

Броун. Кормить собак человеческим мясом!

Гайон. Кто говорит о еде? Я готов хоть сейчас. При еде надо пить, не то подавишься.

Рено. Знаете, друзья, что мы сделаем?

Симон. Что?

Рено. Пойдем все вместе и похороним тело.

Моран. Ну нет, я не пойду! Вон идет сенешаль с десятком латников.

Симон. Меня однажды избили палками за такую попытку.

Рено. Трусы! Когда-нибудь и с вами может случиться то же.

Броун (к Рено). Послушай, паренек, пойдем вместе — я возьму с собой лук.

Рено и Броун уходят.

Моран. Дай бог, чтобы им никто не помешал.

Симон. Вон с той стороны подходит сенешаль, уберемся подобра-поздорову.

Моран и Симон уходят.

Гайон. Ну вот! Все расходятся, никто не хочет выпить со мной за компанию. Придется, видно, осушить все эти бутылки мне одному.

Появляются сенешаль, Пьер и несколько латников.

Эй, господин сенешаль! Снимайте шапку при встрече с приличными людьми.

Сенешаль. Что говорит этот бездельник?

Латник. Сними шапку, дурак! Не видишь разве, что перед тобой господин сенешаль?

Гайон. Сенешаль или барон, а подавай мне двести франков пени, не то я всажу в тебя стрелу.

Сенешаль. Ах ты, мерзавец! Так-то ты смеешь со мной разговаривать? Ты у меня живо заговоришь по-другому!.. Взять этого болвана и отхлестать кожаными поясами, да тем концом, где пряжка.

Пьер. Господин сенешаль! Этот мальчишка хлебнул лишнего и захмелел. Велите ему идти домой. Он образумится, когда проспится.

Сенешаль. Пьян он или нет, пусть его отстегают. Вся эта сволочь обнаглела, ей нужен урок.

Пьер. Найдутся другие, виновнее этого.

Сенешаль. Тем всыпят вдвое. (Латникам, которые бьют Гайона). Ну, молодцы, бейте во всю мочь! У Жака-Простака толстая шкура.

Гайон. Помогите! На помощь! Убили! Убивают!

Сенешаль. Поддайте жару! Вы только пыль из плэтья выколачиваете.

Появляется Симон.

Симон. Что это? Что тут такое?

Гайон. На помощь, Симон, дружище! Они убьют меня.

Появляется Моран.

Моран. Как! Истязать беднягу Гайона? Что же худого он сделал?

Гайон. Я ничего не сделал! Я ничего не сделал! На помощь! Убивают!

Появляется толпа крестьян.

Бартельми. Как! Бить человека в праздник святого Лёфруа?

Другой крестьянин. Нынче день свободы. Этого так оставить нельзя.

Третий крестьянин. Неужто мы позволим убивать его на наших глазах?

Сенешаль. Прочь отсюда, бездельники, не то я велю вам отрезать уши!

Гайон. Выручите меня, друзья! Я не виноват!

Толпа крестьян. Отпустите его! Давайте его освободим!

Бартельми. Берись за дубины! Ну же, хватай дубины! Лёфруа!

Крестьяне. Бери дубины! Эй, за дубины!

Сенешаль (латникам). Ребята! Мечи наголо! Атакуйте этих пьянчуг!

Крестьяне. Перебьем их камнями! — Их всего десяток! — Мы их прикончим! — Возьмем из кабака наши луки! — Сюда, апремонские стрелки!

Суматоха. Появляется брат Жан.

Брат Жан (в сторону). Что я вижу! Они нападают на сенешаля! Вино, значит, подняло в них дух. Пусть бы они побили камнями монахов! (Громко.) Дети мои! Какой позор! В день святого Лёфруа! Перестаньте, или я отлучу вас от церкви!

Крестьяне. Пойдите, пойдите! Это отец Жан; он лечит нас, когда мы больны. — Перестаньте бросать камни.

Сенешаль. Черт побери, отче, не суйтесь не в свое дело! Вы здесь не на земле аббатства, а если бы и так, то вы ведь не аббат. Знайте свой требник и уходите отсюда.

Брат Жан. Сенешаль! Вы забываете, что говорите со служителем бога.

Крестьяне. Вперед! Брат Жан за нас!

Брат Жан. Прежде в день святого Лёфруа запрещалось наказывать преступника. А вы так жестоко мучаете ни в чем не повинного мальчика.

Появляются Изабелла, де Монтрёйль, свита.

Сенешаль. Ко мне, сир шевалье! Помогите нам наказать этих наглецов! Смелей! Они от нас не уйдут!

Крестьяне обращаются в бегство.

Изабелла. Боже мой! Из-за чего такая сумятица? Ради бога, остановитесь! Сенешаль! Не преследуйте этих бедняг...

Де Монтрёйль. Что тут произошло?

Сенешаль. Я велел проучить одного из этих мужиков, а товарищи хотели отбить его у нас. Они забросали

ли меня камнями, и вот, посмотрите: две стрелы упали подле меня. Уж я дознаюсь, кто их пустил!

Изабелла (*указывая на Гайона*). Бить этого бедного мальчика! У него такой кроткий вид. Господин сенешаль! Простите его, пожалуйста, сделайте это для меня.

Сенешаль. После этого с ними сладу не будет. (*Гайону.*) Удирай, бездельник! (*Бьет его шпагой плашмя.*)

Гайон убегает.

Де Монтрёйль. Прелестная кузина! Вы слишком добры к своим крепостным. Это собаки, готовые разорвать вас, выпусти вы только хлыст из рук.

Изабелла. Ну как вы можете называть христиан собаками?

Пьер (*вполголоса*). Да здравствует наша добрая госпожа!

Изабелла (*де Монтрёйлю*). Видите, отец Жан поговорил с ними, и они молча расходятся. Они опять стали кротки, как агнцы.

Де Монтрёйль. Плохо вы знаете это отродье! Они, подлецы, побежали, увидев, что я подхожу с моими латниками.

Сенешаль. Мы поощряем их нашей снисходительностью.

Появляется женщина и становится на колени перед Изабеллой.

Женщина. Добрая госпожа! Сжальтесь над несчастной вдовой, которой нечем кормить четверых детей!

Сенешаль. Прочь отсюда! Пошла вон, старуха!

Изабелла. Сенешаль! Не гоните бедняжку! Она обращается ко мне. Что тебе, матушка?

Женщина. Я вдова Жирара. Его повесили вчера по приказу барона. Он добывал детям хлеб; как я одна прокормлю их?

Сенешаль. Пряди коноплю, теперь самая пора.

Изабелла. Бедная женщина!

Женщина (*сенешалю*). Мне не на что купить конопли.

Изабелла. Вот вам, милая, четыре флорина. Жаль, что у меня нет больше с собой.

Женщина. Бог вам воздаст, моя добрая госпожа.

благослови вас господь! (*В сторону.*) Да простит он ее отцу ради нее! (*Громко.*) Окажите мне еще одну милость, добрая госпожа.

Изабелла. Говорите.

Женщина. Позвольте унести тело моего бедного мужа: оно брошено на землю, и господин сенешаль запретил хоронить его.

Появляется Броун.

Изабелла. Неужели это правда?

Сенешаль. Таков приказ барона.

Изабелла. Отец не мог отдать подобного приказанья. (*Своей свите.*) Ступайте, заройте труп.

Пьер. Бегу.

Броун. Все уже сделано.

Сенешаль. Кто посмел?

Броун. Я. Мне, видите ли, не по нутру смотреть, как собаки пожирают человеческое мясо.

Сенешаль. Зачем ты суешься куда не следует? Что ты тут делаешь?

Броун. Стреляю из лука... Разве вам не известно, что я знаю в этом толк?

Изабелла (*Броуну*). Король стрелков! Вы храбрый малый и хороший христианин. Бог наградит вас за это.

Женщина (*Броуну*). О господин стрелок! Как я вам благодарна! Вы похоронили моего мужа.

Броун. Не стоит благодарности, матушка. Такие услуги люди обязаны оказывать друг другу. Вот вам флорин, выпейте за мое здоровье.

Появляется англичанин, переодетый крестьянином.

Англичанин (*Броуну, тихо*). Ну?

Броун (*тихо*). Я видел, как Жильбер выехал из замка. На нем только легкая кольчуга, и с ним всего пять человек. Вот его дочь. Беги к капитану Сиварду и скажи, что пора.

Англичанин и Броун уходят.

Сенешаль. По виду это настоящий разбойник.

Де Монтрёйль. Он назвался стрелком капитана Диллона.

Изабелла. Кто бы он ни был, он вел себя молодцом. Жаль, что у моего отца немного таких хороших слуг.

Де Монтрёйль. Скажите лучше: таких хороших стрелков.

Сенешаль. Он дал денег этой старой нищенке из чванства. Кто знает, не украл ли он вчера тот флорин, который подал сегодня?

Изабелла. Вы все видите в дурном свете.

Де Монтрёйль. Отойдем немного в сторону, мужики собираются играть в кинтану. По-моему, нет забавнее зрелища, чем когда иной пентюх хватится со всего маха оземь, получив добрый удар по плечам.

Сенешаль. Что там за топот? Какие-то всадники мчатся по большой аллее.

Изабелла. Это не отец; я его вижу — вон он.

Де Монтрёйль. Никак боевой клич?

Изабелла. Вы пугаете меня! Перестаньте, этим не шутят!

Крестьяне. Англичане! Англичане! Тревога!

Изабелла. Боже! Англичане! Куда бежать? Где отец?

Де Монтрёйль. Теперь все зависит от быстроты. Постараемся раньше них добежать до подъемного моста. Назад! Назад! Сир сенешаль! Подайте руку моей кухне, а я буду прикрывать отступление.

Со всех сторон бегут мужчины, женщины и дети, угоняющие скот и прочее.

Моран (де Монтрёйлю). Ах, ваша милость! Помогите, не то нам конец!

Сенешаль. А! Теперь-то ты вспомнил о нас! Беги за топором, плут, и возвращайся помогать нам.

Пьер (де Монтрёйлю). Ваша милость! Отступить к замку невозможно. Видите двадцать человек в зеленой одежде? Это их стрелки; они отрезали нам путь.

Сенешаль. Это верно, клянусь Бовезской божьей матерью! А вон впереди предатель, получивший приз.

Де Монтрёйль. Пресвятая дева! А на нас нет панцирей!

Свита Монтрёйля и часть крестьян, сплотившись в небольшой отряд, устраивают заслон из столов и скамей. В глубине появляются Сивард, Броун и англичанин; они угоняют скот и грабят.

Изабелла. Пресвятая дева! Что с нами будет?

Пьер (Изабелле). Войдите в хижину, сударыня. Вы будете там в безопасности, а тем временем подоспеет подмога. Я стану у дверей и, пока жив, никого не пущу.

Де Монтрёйль (Изабелле). Да, да, постарайтесь где-нибудь укрыться. (Своим.) Крепко держитесь, друзья!

Изабелла. Я умираю. Не знаю, хватит ли у меня сил дойти.

Пьер. Не погнушайтесь тем, что я возьму вас на руки. (Одному из товарищей.) Жофруа! Держи перед ней стол, чтобы разбойники не ранили ее стрелой. (Уносит Изабеллу в дом.)

Англичане. Сивард, вперед! Наша взяла!

Де Монтрёйль. Держитесь, молодцы! Мужики, за оружие!

Сражаются. Появляется брат Жан.

Брат Жан. Я ненавижу д'Апремона, но кровь во мне закипает при виде того, как англичане грабят французскую деревню. Так и разбирает охота снова взяться за прежнее ремесло. Вот и пика валяется — соблазнительно! Ко мне, друзья! Святой Лёфруа да избавит нас от этих дурных христиан!²².

Разбойники (за сценой). У-у-у! Оборотень!

Крестьяне. И Оборотень вдобавок, чтобы нас доконать! Пропали мы!

Появляются Оборотень и его шайка.

Оборотень. Они в наших руках! Бей всех, и англичан и французов! Зажигайте крыши! У-у-у! У-у-у! Волк-оборотень!

Один из разбойников собирается бросить горящую головню в хижину, где укрылась Изабелла. Пьер, не покидающий своего поста возле дверей, убивает его. Отдельные схватки. Отряд Монтрёйля увеличивается с каждой минутой, его пополняют крестьяне, спешащие укрыться. Жильбер д'Апремон, которому удалось пробиться сквозь толпу наседавших на него англичан, становится во главе своих.

Д'Апремон. Ко мне, мои храбрые друзья! Вы сражаетесь за свои дома, за своего сеньера!

Сенешаль. Они рассеялись для грабежа! Будь мужики похрабрей, мы могли бы выпутаться из беды.

Брат Жан. Смелее, дети! Смотрите, и волки напали на англичан.

Де Монтрёйль. Ах, если бы наши люди из замка поспешили на помощь!

Д'Апремон. Монтрёйль! Где моя дочь?

Де Монтрёйль. Полагаю, в безопасности. Клянусь святым Георгием, битва прежде всего! Подумаем, как защитить себя от их стрел.

Сивард (своим). Деррик! Скажи, чтобы скот гнали на большую дорогу. Да чтобы пока не грабили. Жильбер, надо полагать, в этом небольшом отряде — я захвачу его. Славный будет выкуп.

Схватка.

Брат Жан (крестьянам). Ставьте упором ваши пики в землю и направляйте их острием в ноздри лошадям.

Де Монтрёйль. *Gloria tibi, Domine!* *. Подъемный мост опускается, помощь идет.

Д'Апремон. Монжуа Сен-Дени! Апремонская богоматерь! ²³.

Сивард. Сивард, вперед!

Оборотень (разбойникам). Вон какая свора спешит из замка! С нас довольно, деревня горит! Спасайте добычу! Отступайте в лес! Волки, за мной! (Уходит со своими.)

Броун (Сиварду). Назад, капитан! Сюда скачет княгиня. Наши люди так увлечены грабежом, что не слушаются приказа.

Сивард. Сивард не так-то скоро отступает. Много ли их там, верховых?

Броун. Немало, и все закованы в железо: наши стрелы будут отскакивать от их лат, как от наковальни. Отступайте же, черт возьми!

Сивард. Собери стрелков, я ударю на них с моими людьми.

Броун. Ваши латники заняты грабежом. Отступайте, говорят вам!

Латники Д'Апремона (за сценой). Сен-Дени! Апремонская богоматерь! На выручку, апремонцы!

---

* Слава тебе, господи! (лат.)

Д'Апремон. Мы долго защищались, пора перейти к нападению! За мной, за вашим сеньером! За Жильбером д'Апремоном!

Сивард. Вот он, д'Апремон. Я давно ждал этой минуты! Ко мне, Жильбер! Сразимся на копьях в честь наших дам!

Сивард и д'Апремон несутся друг на друга; д'Апремон выбит из седла. Пьер перерубает сухожилие у лошади Сиварда, вслед за тем падает и Сивард.

Пьер. Сдавайтесь, капитан, или я всажу в вас кинжал!²⁴

Сивард. Не сдамся я мужику. Где твой господин?

Пьер. Ну так умри! (Хочет заколоть его.)

Д'Апремон (вскочив на ноги). Постой, Пьер! За него отсыпят золота. Сдавайтесь, капитан!

Сивард. Вот моя шпага!

Броун (в глубине сцены). Покойной ночи, капитан! В другой раз будете мне верить. А это вот тому, кто взял вас в плен.

Пьер (поражен стрелой). Господи Иисусе! Умираю! (Падает.)

Д'Апремон. Монтрёйль! Садись на моего коня, бери моих латников и скачи в погоню за грабителями. Вон они бегут в беспорядке... Где моя дочь? Сенешаль! Вы ее не видели?

Пьер. Она вон там, в хижине... Уведите ее оттуда... Пламя повернуло в ту сторону.

Д'Апремон (входит в хижину). Изабелла, дочь моя, где ты?

Брат Жан. Бегите тушить пожар, дети! Пусть латники преследуют англичан. Снесите этот дом, чтобы остановить огонь. Бейте в набат. (Натыкается на тело Пьера.) А, это ты, бедняга Пьер! В тебя попала стрела... Скажи: ты еще жив? Ты не узнаешь меня?

Пьер. Как, это вы. сударыня?.. Вы снисходите... Но... где я?

Брат Жан. Бедняга! Он в бреду... Успокойся, рана не смертельна. Половина железного наконечника торчит над раной: буйволова перевязь ослабила удар.

Д'Апремон (выходя из хижины). Эй, Пьер!.. Помоги мне!.. Э, да он умер! Жаль! Жакоб, Менье! Уст-

ройте носилки из копий и плащей: моя дочь в обмороке, надо перенести ее в замок. Брат Жан! Идите скорее с нами. Дочь моя больна, мы нуждаемся в ваших познаниях²⁵.

Брат Жан. Вот человек, которому они гораздо нужнее.

Д'Апремон. Черт побери! По-вашему, жизнь моей дочери можно приравнять к жизни крепостного? Идите, я вам хорошо заплачу. (Уходит.)

Изабеллу уносят.

Брат Жан (одному из крестьян). Принеси-ка воды. (Дает пить Пьеру.) Пей, пей, дружок. Как ты себя теперь чувствуешь?

Пьер. Немного лучше... А где англичане?

Брат Жан. Бежали.

Пьер (смотрит на хижину, где была Изабелла). Дверь открыта... Где наша госпожа Изабелла?

Брат Жан. Отец отправил ее в замок. Она в обмороке, и он потребовал, чтобы я бросил тебя и занялся ею.

Пьер. Отец! Идите туда... Она, быть может, ранена!

Брат Жан. Нет, нет. Вся ее болезнь — один испуг. И твоя рана — пустяки, будь молодцом. (Делает Пьеру перевязку.)

Возвращается де Монтрёйль с латниками и крестьянами.

Де Монтрёйль. Победа! Мы отбили у них добычу.

Симон. Вот они, мои бедные коровушки! Вас не съедят теперь англичане.

Моран (обращаясь к одному из своих быков). Вот и ты, Рыжик с черной полоской, голубчик ты мой! На-терпелся ж ты страху...

Сенешаль (Симону). Симон! Ведь это были твои коровы?

Симон. Да, господин Сенешаль, все шесть.

Сенешаль (латникам). Одна, две, три; одна, две, три. Вот эти две теперь баронские; уведите их.

Симон. Как так? Что вы сказали?

Сенешаль. Да, они наши по праву, как вознаграждение за спасенное имущество²⁶. Не зря же мы трудились!

Симон. Но...

Сенешаль. Я тебе их дешево перепродам. Я знаю, у тебя водятся деньжонки.

Симон. Но, господин сенешаль...

Сенешаль. Без разговоров, дружище. Мы забираем треть скота. А завтра мы с вами договоримся, по какой цене вы можете его выкупить.

Крестьяне. Да это разбой! Мы сами их отбили. Бартельми (*убивая корову*). Ну, этой у меня не отымут.

Сенешаль. Ах, негодяи! Я вам покажу! Вы у меня узнаете, как я наказываю наглецов! Дорого вы заплатите за камни, которые вы швыряли в меня!.. Латники! Гоните эту строптивую сволочь!

Сивард. Смелее! Бей крепче! Меня разбирает смех при виде того, как дерутся между собой французы.

Де Монтрёйль. Прочь отсюда, мужичье! Или мы насадим вас на копья.

Крестьяне разбегаются.

Сенешаль. Денек выдался жаркий — пятнадцать убитых. (*Толкая труп ногой.*) А вот один из тех злодеев, волков, как их зовут. Они как явились внезапно, так и скрылись.

Де Монтрёйль. Пожар потушен, пора возвращаться. Трубач! Труби отбой! (*Сиварду.*) Мессир рыцарь! Не угодно ли пожаловать с нами?

Брат Жан (*держа лошадь под уздцы*). Вот лошадь без хозяина. Садись на нее, Пьер, если ты в силах.

Сивард (*Монтрёйлю*). И вы допустите, чтобы я шел пешком, как слуга? Разве так обращаются с рыцарем?

Сенешаль. Пьер! Отдай свою лошадь дворянину.

Пьер. Но ведь я ранен.

Сенешаль. Без разговоров!.. Этот болван только оттого, что грамотен, корчит из себя важного барина, он смотрит на своих господ почти как на ровню.

Сивард садится на лошадь Пьера и отъезжает с Монтрёйлем и латниками.

Брат Жан. Но, господин сенешаль, он не сможет дойти до замка пешком.

Сенешаль. Пусть устраивается как знает. (Уходит.)

Брат Жан. Вот награда за службу господам! Спасай им жизнь, а они бросят тебя, как искалеченную лошадь.

Пьер. Я думаю, что доберусь до замка пешком.

Брат Жан. Нет, лучше поедem со мной в монастырь. Кто-нибудь уж даст нам осла. (Крестьянам, которые держатся в отдалении.) Эй, друзья мои, сюда!

Появляются Симон, Рено, Моран и другие крестьяне.

Симон. Да тут один из этих псов-латников. Чтоб ему околеть!

Брат Жан. Это славный парень, от него вы ничего, кроме добра, не видали. Помогите мне перенести его в монастырь, я там перевяжу ему рану.

Моран. Э, да это Пьер Ламброн, сын моего кума Ламброна! Бедняга! Рана не опасна?

Брат Жан. Он спас дочь барона, а в награду месье Жильбер оставил его тут истекать кровью да еще потребовал, чтоб и я его бросил.

Симон. Ах, добрый отец Жан! Вы наше провидение! Не будь вас, кто нас утешил бы? Круто нам приходится теперь от сеньеров.

Рено. Что ни день, то новое мученье!

Моран. Сегодня нас грабили и жгли англичане! А потом грабили и били наши же господа!

Брат Жан. Ваши жалобы справедливы. Но одних жалоб мало! Эх, если б со мной так обращались...

Симон. А что?

Брат Жан. Чем они лучше вас? По какому праву они вас мучают? Разве вы не такие же дети Адама, как они? Не такая ж у вас плоть, как и у этих надменных сеньеров? Отчего же вы отданы им на съедение, как овцы волкам?

Симон. Вы нам задаете вопросы, отец, точно мы в силах на них ответить. Мы простые деревенские люди, народ темный. Но коли так устроен свет, значит, почему-нибудь да надо, чтобы мы были несчастны.

Брат Жан. А я вам скажу, почему вы так несчастны. Вы несчастны потому, что вы трусы. Разве вы не так же ловки, не так же сильны, как ваши господа? Много ли между ними молодцов, которые смогут поднять такой тяжелый молот, как у тебя, Моран?

Моран. Да, это правда, молот у меня тяжелый.

Брат Жан. Отчего же ваши притеснители так зазнались? Оттого, повторяю, что вы трусы. На вашу трусость они и рассчитывают. Видали вы, чтобы одна собака напала на другую, когда та оскалит зубы? А вот в ту, что первая кинется бежать, в ту немедля вцепятся: ведь и трус набирается храбрости, видя, что враг удирает. Легко выказывать смелость с теми, у кого заячье сердце, кто дрожит при виде платья, расшитого гербами. Но я только теряю с вами время, а Пьеру нужна моя помощь. Кто даст мне осла, чтобы его перевезти? Оставил ли вам сенешаль хоть одного?

Брат Жан уходит с Пьером и несколькими крестьянами.

Симон. Люблю я отца Жана. Он говорит с нами так, точно мы сами беседуем друг с другом. Совсем не то, что покойный аббат Бонифаций, да пошлет господь мир его душе! Тот нам такие читал проповеди, что сам черт не разберет.

Рено. А видали вы, как он, даром что монах, взялся за пику и как он бился? Он так же храбр, как и учен.

Симон. Он нам сказал и повторил то, что английский стрелок говорил давеча утром.

Моран. Да, но этот стрелок оказался предателем, вы же видели.

Рено. Согласен, а все же и он мог сказать правду.

Симон. Конечно, и я начинаю сильно задумываться над этим.

Рено. А я уже давно об этом думаю.

Моран. Я хорошо знаю, о чем ты думаешь, и сам раздумываю не меньше твоего.

Симон. Воин и монах, не сговариваясь, сказали одно и то же.

Рено. Он говорил чистую правду. Да, мы трусы, если нас безнаказанно стригут люди, которые не сильнее нас.

Моран. Как это он сказал: собака не нападает на другую, когда та оскалит зѳубы?

Симон. Он еще говорил, что мы трусим перед платьем, расшитым гербами. Гм... Но ведь я, если захочу, одним махом надвое перерублю это дерево, а голову отрубить не труднее.

Моран. А мы-то, простофили, позволили увести столько наших коров!

Симон. А я — бедного моего бычка. Сожрут они его!

Рено. Эх, кабы все да одно думали!

Симон. Рено! Я, кажется, тебя понимаю. У меня лук недурен, не в обиду будь сказано англичанину. Если ты на что-нибудь решишься, я с моим луком стану рядом с тобой.

Моран. Верно. У нас только и осталось, что наши луки. Почти все остальное у нас забрали.

Уходят.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Крестьянская хижина.

Рено, Симон и Жанета сидят около постели, на которой лежит покойница.

Симон. Умерла моя бедная Елизавета, и мой ребенок умер с ней.

Жанета. Умерла, не успев приобщиться!

Рено. Будь проклят ее убийца!

Симон. Если бы еще наш добрый отец Жан пришел вовремя да успел дать ей какого-нибудь лекарства или хоть причастил ее!

Рено (Жанете). Ступай домой, сестра! Это зрелище не для женщины.

Симон. Да, уходи, Жанета. Пойди к Моранам; они люди добрые, истинные христиане. Они хорошо тебя примут.

Жанета. Нет, я не покину ее, пока гроб не засыпят землей; у меня довольно мужества. Я хочу сама сшить ей саван.

С и м о н. Не знаю, хватит ли у меня денег достойно похоронить ее.

Р е н о. Отец Жан отслужит заупокойную мессу за полцены.

С и м о н. Ну, какая уж это месса, за полцены! Я хочу, чтоб были две свечи и суконный черный покров с шелковой обшивкой. Пусть моя бедная Елизавета видит, как я любил ее.

Ж а н е т а. А я оберну ее в мою красивую белую фату, пусть ее в ней и похоронят. Хотя бы мне целый год пришлось ткать себе новую, зато не скажут, что мою сестру похоронили без белой фаты.

С и м о н. Добрая сестра! Святая Катерина вознаградит тебя за это.

Р е н о. Вот и отец Жан.

Входит брат Жан.

Б р а т Ж а н. Ну, как больная, дети мои?

Р е н о. Ей уже не надобна ваша помощь.

Ж а н е т а. Ах, поглядите хорошенько, отец наш! Правда ли, что она умерла? Она еще теплая. Мне кажется, она дышит.

Б р а т Ж а н. Нет... Все кончено. Вы послали за мной слишком поздно. Да и я не мог уйти тотчас же, как мне хотелось. Шла служба, а наш аббат не позволяет уходить до конца даже ради доброго дела. Что вам стоило известить меня раньше?

С и м о н. Да она, отец наш, до вчерашнего вечера не жаловалась. Вы знаете, какая она была терпеливая.

Б р а т Ж а н. Значит, то, что мне рассказали, правда?

Р е н о. Да, отец наш! Ее убил сенешаль.

Б р а т Ж а н. Злодей!

Р е н о. Вчера была суббота, день барщины. Она пошла по приказу барона подбирать после жатвы колосья...

Б р а т Ж а н. Подбирать колосья! Видана ли такая скаредность? Да ведь это значит — воровать хлеб у нищих!

Ж а н е т а. Велеть подбирать колосья на девятом месяце беременности!

Рено. Она очень устала и присела отдохнуть на сноп. Подошел сенешаль... Ох, бедная сестра!

Брат Жан. Мужайтесь, дети мои! Господь не оставит такого преступления безнаказанным.

Симон. Сенешаль изо всей силы ударил ее ногой в живот, на девятом месяце!

Жанета. Я видела это своими глазами. Я стояла подле нее. Сам Оборотень не поступил бы так.

Симон. Сначала она как будто не чувствовала боли, но прошедшей ночью сильно мучилась. Наутро она родила мертвого ребенка и скончалась, как зазвонили к вечерне.

Жанета. Она все жаловалась, что ей холодно. Я положила ее руку к себе на грудь и сейчас еще чувствую, точно держала лед.

Симон. Мы прочли отходную. Ничего другого мы не могли сделать.

Брат Жан. Дети мои! Ваша кроткая Елизавета вознеслась прямо в рай. А что до ее убийцы, то надо добиваться правосудия. Я расскажу об этом случае мессире Жильберу.

Рено. Что пользы? Жанета рассказала ему, как все было. Но сенешаль уже успел налгать ему, и Жанету прогнали с такой руганью, что я и повторить не смею.

Брат Жан. Все эти подлецы-дворяне одинаковы.

Рено. Верно.

Симон. Отец наш! Не отслужите ли вы мессу за упокой ее души? Мы заплатим пять су, только бы все было как следует.

Брат Жан. Не нужно мне ваших денег, бедные. Я богаче вас. Я и так отпою ее, а вот вам деньги на покупку траурного платья.

Симон (*целует руку брата Жана*). Ах, отец наш! Вы ангел небесный!.. Бедная моя жена! Лучший священник Франции отслужит по тебе отличную панихиду.

Жанета. Вы наш спаситель. Без вас наш край был бы сущим адом.

Рено (*Симону, тихо*). Симон!

Симон. Что?

Рено. Брать ли нам эти деньги?

Симон. Конечно! Бедная моя Елизавета! Что за радость будет ей в раю, когда она увидит, что для траура по ней сшиты новые платья!

Рено. Ладно!.. Симон! Надо сходить к могильщику заказать могилу. А ты, Жанета, ступай за своим покрывалом.

Симон. Прощайте, добрейший отец Жан! Я всем расскажу о вашей щедрости.

Жанета. Барону станет стыдно.

Симон и Жанета уходят.

Брат Жан. Нет, никому не рассказывайте! Запрещаю вам это! Ну, дружище Рено, не убивайся. Настанут, может быть, лучшие времена!

Рено. Я только и живу этой надеждой.

Брат Жан. Дай-ка руку. У тебя лихорадка, парень, ты болен.

Рено. Нет, я не болен. Пойдите, отец, скажите мне еще словечко. На этой неделе через нашу деревню проходил монах-проповедник. Он говорил о гробе господнем, об оскверняющих его язычниках, о святом короле, который снискал себе небесный венец, стараясь освободить его. И он призывал последовать этому благородному примеру и идти походом на язычников и сарацин.

Брат Жан. Вечно одна и та же проповедь!

Рено. Скажите, отец: что это за народ — сарацины?

Брат Жан. Нечестивцы, не верующие в господя нашего Иисуса Христа, поклоняющиеся Магомету и отказавшиеся есть свинину.

Рено. Правда, что они люди жестокие и заставляют своих рабов-христиан претерпевать всевозможные мучения?

Брат Жан. Разумеется. Но к чему все эти вопросы? Разве ты настолько глуп или до того отчаялся, что готов идти умирать в Палестину? Полно! Оставайся лучше в деревне и живи добрым христианином.

Рено. Отец! Я не думаю идти в Палестину. Но еще один вопрос: если человек жесток и зол..., значит, он не следует Христу? Значит, он язычник?

Б р а т Ж а н. Да. Что ты хочешь этим сказать?

Р е н о. Да то, что такой человек, хотя бы даже он ел свинину и притворялся, что слушает мессу, — такой человек, если он скуп, жесток и зол, все равно что сарацин, язычник.

Б р а т Ж а н. Говорят, будто в Провансе есть эти негодяи сарацины²⁷. Да испепелит их огонь святого Антония!

Р е н о. Я рад, что верно понял доброго монаха-проповедника.

Б р а т Ж а н. Рено, друг мой! Немало найдется у нас таких язычников, у которых на плаще нашит крест. Прощай! Не падай духом, и небо умилосердится над тобою. *(Уходит.)*

Р е н о *(оставшись один, опускается на колени перед покойницей)*. Добрая моя сестра, дорогая Елизавета! Выслушай мою клятву. Я отомщу злодею, язычнику, убившему тебя! Если никто не захочет помочь мне, я буду мстить один — клянусь тебе спасением моей души!

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Зала в замке Апремон.

Жильбер д'Апремон, Изабелла, Марион.

Изабелла. Ну что ж, вернулся наконец наш бедный Пьер?

Марион. Да, сударыня. Бедняга! Он пришел сегодня утром еще очень бледный. Правда, это ему к лицу, кожа у него теперь, как у благородной девицы, белая-белая... Я никогда не видала, чтоб у мужчин была такая нежная кожа.

Изабелла. Вели его позвать.

Марион уходит.

Какое счастье — иметь таких верных слуг! Этого храброго молодого человека ранили, когда он защищал меня, когда он спасал вам жизнь.

Д'Апремон. Спасал мне жизнь... Ну, пусть он этим не хвастается. Я уж поднялся на ноги, когда англичанин собрался круто повернуть лошадь, чтобы напасть

на меня. Я приготовился нанести ему мечом один особенный удар, он мне всегда удастся. Впрочем, я люблю Пьера: он отлично ездит верхом, смышлен и храбр. Помоему, у него лишь один недостаток: он пишет и читает.

Изабелла. Но ведь и у меня такой же недостаток.

Д'Апремон. Ты другое дело: ты знатного рода. Но когда мужик знает больше моего, мне это не по вкусу.

Изабелла. И вы полагаете, что кому-либо взбрет на ум сравнить ученость клерка с благородством рыцаря?

Д'Апремон. Ну, все равно. Мне хочется наградить его, и я отдаю его тебе в конюшие. Ты можешь сказать ему от моего имени, что впредь он будет принадлежать тебе.

Изабелла. С удовольствием принимаю его.

Д'Апремон уходит. Входят Пьер и Марион.

Пьер. Сударыня!.. (Становится на колени.)

Изабелла. Спаситель мой! Милый Пьер! Как я тебе благодарна! Я обязана тебе жизнью!

Пьер. Я исполнил долг вассала...

Изабелла. А что, твоя рана все еще мучает тебя?

Пьер. Я больше не чувствую ее, по милости бога и доброго отца Жана.

Изабелла. Когда ты совсем оправившись, ты станешь моим конюшим. Мой отец...

Пьер (радостно). Вашим конюшим!

Изабелла. Так решил мой отец, и я очень довольна. А ты?

Пьер. Сударыня, я... О, как мне выразить вам мою признательность! Я хотел бы сражаться за вас... я хотел бы до капли пролить за вас кровь!..

Изабелла (улыбаясь). Этого я от тебя не требую.

Пьер. Я сегодня чувствую себя уже так хорошо, сударыня, что могу сейчас же приняться за дело.

Изабелла. Что ж, я согласна. Утомлять тебя я не стану. Ты будешь носить за мной молитвенник к мессе, а за ужином будешь наливать мне вино. Ты знаешь мой кубок?

Пьер. Да, сударыня.

Марион (тихо). Я видела, как ты пил из него краденое вино.

Изабелла. А так как мне хочется, чтобы в это недоброе время у меня был хорошо вооруженный конюший, то вот толедский кинжал, он недурен; Монтрёйль считает его превосходным, — дарю его тебе.

Пьер. Мне?.. Сударыня!..

Изабелла. Возьми еще этот кошелек, я сама его вышивала; в нем ты найдешь несколько экю, купи на них платье, отделанное мехом. Ну, мне пора. Возьми мой молитвенник и следуй за мной в часовню.

Изабелла и Марион уходят.

Пьер (один). Кинжал... кошелек... который она сама вышивала... мне! Господи Иисусе! Не знаю, наяву это или во сне и все это исчезнет сейчас, как сон?.. Нет, это не сон, она сейчас говорила со мной... Неужто самые дерзновенные мечты мои могут исполниться?.. Мне предсказывала одна цыганка, что в будущем я стану начальником, я, предназначенный по рождению быть слугою!.. Такая знатная дама... и я, жалкий крепостной!..

Марион возвращается.

Марион. Пьер! Пьер! Чего ты стоишь в оцепенении, точно статуя в часовне?

Пьер. Иду, иду!

Пьер и Марион уходят.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Аббатство Сен-Лёфруа. Келья брата Жана.

Брат Жан, брат Игнатий.

Брат Жан. Гром небесный, разрази это аббатство и всех ханжей в нем!

Брат Игнатий. Господин аббат был сначала в ужасном гневе; он говорил, что вас по меньшей мере надо бросить в тюрьму, заковать в кандалы²⁸.

Брат Жан. Пусть попробует! Он увидит, что сила во мне еще есть.

Брат Игнатий. Мы все возмутились, и тут брат Годеран всем показал, какой он вам друг. Он резко возражал господину аббату и немало сделал, чтобы заставить его переменить решение.

Брат Жан. Теперь поздно проявлять ко мне дружеские чувства! Надо было проявить их на собрании капитула.

Брат Игнатий. Как бы то ни было, при нашем посредстве все уладилось. И вот на чем мы порешили: мы обещали, что в течение месяца вы будете поститься и читать каждое утро и каждый вечер по семи покаянных псалмов...

Брат Жан. Пусть черт меня возьмет, если я соглашусь на это!..

Брат Игнатий. Да вы только согласитесь, а там дело ваше. Не пойдет же настоятель проверять, читаете ли вы молитвы...

Брат Жан. Ну, ладно. Ах, какого труда мне стоит притворяться, что я повинуюсь этому дураку!

Брат Игнатий. Единственно, на чем он упорно настаивал, это на том, чтобы вы на коленях, в церкви, испросили у него прощения за ваше непослушание и неверие.

Брат Жан (в ярости). Я!.. На коленях!..

Брат Игнатий. Он этого требует, а мы все умоляем вас подчиниться.

Брат Жан. Мне стать перед ним на колени?.. Мне?.. Перед этим ханжой?.. Да я скорее подожгу монастырь и пойду в капелланы к Оборотню!

Брат Игнатий. Видите ли, мой милый друг, он наш аббат, наш настоятель; при желании он может причинить вам много зла.

Брат Жан. Проклятие глупцам, избравшим его!

Брат Игнатий. Увы! Что сделано, того не воротишь. Об этом не стоит больше думать. А теперь он может заточить вас на всю жизнь в подземелье. Вот чего не надо забывать.

Брат Жан. О, если б мне удалось ему отомстить!

Брат Игнатий. Здесь немало людей, ненавидящих вас за ваши познания, и они станут подзадоривать настоятеля, чтобы он поступил с вами покруче. По-моему, самое благоразумное...

Брат Жан. Клянусь богом, я сниму с себя иноческий чин и опять надену латы.

Брат Игнатий. Не так-то легко отсюда уйти — вспомните судьбу бедного Коле: ведь он тоже хотел было сбросить рясу. Послушайте: я придумал уловку, чтобы хоть отчасти избавить вас от неприятностей этой церемонии. Вы войдете в церковь перед началом службы и остановитесь перед ним. А я зазвоню в колокольчик, и вы, понятно, станете перед ним на колени. Но и ему придется сделать то же самое, и если вы проведете при этом сквозь зубы два-три слова, то тем все и кончится. Ваша честь будет спасена, так как вы сможете сказать, что стали на колени вовсе не перед ним.

Брат Жан. Хороша выдумка!

Брат Игнатий. Тюрьма, пост, цепи, бичевание плоти или уловка, к которой вы отнеслись с таким презрением. Выбирайте. Я оставлю вас и скоро вернусь, чтобы узнать ваше решение. Прощайте!

Брат Жан. У меня ад в душе, я не знаю, на что решиться, но все же я благодарен вам, брат Игнатий.

Брат Игнатий уходит.

(Один.) Я отомщу или умру. Я больше не в силах сносить издевательства этого сумасброда.

Стук в дверь.

Кто там еще лезет ко мне?

Входит послушник.

Послушник. Отец! Крестьяне из Апремона хотят поговорить с вами.

Брат Жан. Ну, чего им от меня нужно? Неужели меня надо поминутно тревожить из-за бездельников, которые лезут исповедоваться?

Послушник. Они говорят, что пришли по важному делу.

Брат Жан. Пусть войдут. Какая скука! Наверно, надо уладить какую-нибудь тяжбу. Но ничего не поделаешь, с крестьянами приходится считаться.

Входят Симон, Моран, Бартельми, Гайон. Тома.
Послушник уходит,

С и м о н. Простите за смелость, ваше преподобие, но мы пришли поведать вам великую тайну. Ведь правда, братцы, это великая тайна?

В с е. Да, великая тайна.

Б р а т Ж а н. Говорите скорее, мне некогда.

С и м о н. Эта тайна... Да вот Моран вам все расскажет.

М о р а н. Нет, говори ты; ты начал.

С и м о н. Нет, ты скажешь лучше моего.

Б р а т Ж а н. Ну? Скоро вы кончите? Говори ты, Моран, что вам от меня надо?

М о р а н. Отец! Вот этот человек из Жене, его зовут Тома, у него сестра замужем за моим двоюродным братом, тележником из Жене.

Б р а т Ж а н. Ну?

М о р а н. Ну вот, приходит он из Жене и говорит, что все у них мрут с голоду: сами знаете, год был неурожайный, и все злы.

Б р а т Ж а н (*нетерпеливо*). Ну?

М о р а н. Все злы на мессира Филиппа де Батфоля, владельца Жене.

С и м о н. И на всех прочих сеньеров. (*В сторону.*) Смело сказано, а?

Б р а т Ж а н (*с притворной небрежностью*). Ну так что же?

М о р а н. Вот вы бы ему и сказали хорошую речь, вроде той, какую мы недавно от вас слышали. Помните, вы тогда говорили нам, что мы трусы, если позволяем скверно обращаться с собой людям, у которых не больше силы и ловкости, чем у нас?

Б р а т Ж а н. А какая мне нужда повторять то, что вы так хорошо запомнили?

Т о м а. Постойте, отец, я вам прямо, начистоту скажу. По нашим местам много найдется людей, которые могли бы крепко ударить, только б нашелся человек, который бы сказал: «Бей!»

Б р а т Ж а н (*в сторону*). Гроза готова разразиться.

М о р а н. То же самое, что у нас, происходит и в Розевале, в Бернильи, в Ласурсе, во всех деревнях Бовуази, всюду... Все считают, что сеньеры для нас хуже саранчи.

Брат Жан. Значит, вы все в заговоре... Вы сговорились между собой, чтобы освободиться?

Симон. Правильно. Мы все заодно.

Брат Жан. И вы отважились бы пустить в дело копьё, чтобы стать свободными?

Моран. Да. С тех пор, как у меня отняли быков, я чувствую в себе отвагу воина. Я теперь уже не струшу перед копьём.

Симон. Мне бы только отомстить злодею сенешалю, а уж я не побоюсь удара копьё, ничего не побоюсь.

Все крестьяне. Да, черт побери, мы готовы теперь наносить удары и не боимся получать их.

Брат Жан. Что ж, это вы хорошо придумали! Но от меня-то что вам нужно? Вы, как видно, приняли свои меры, и мне не следует...

Симон. Мы столкнулись, только у нас нет вожака.

Моран. Да, нам надобен вожак.

Тома. Человек всем известный.

Бартельми. Словом, если б только вы взялись руководить нами!.. Ведь вы и так наш заступник...

Симон. Да, будьте нашим вождем.

Брат Жан. Дети мои! Я монах.

Симон. Ну и что ж такого? Но ведь вы носили когда-то латы, знаете алхимию, умеете читать и писать, вы самый ученый и самый лучший человек в округе.

Моран. И, несмотря на это, вам предпочли двоюродного брата мессира д'Апремона. Ведь это стыд, что аббат он, а не вы.

Брат Жан. А как, по вашему расчету, много ли мужиков пойдет за вами?

Бартельми. Да только крикните: «Воля мужикам! Долой сеньеров!» — и весь край подыметя.

Моран. Ручаюсь.

Все. Крикните только: «Воля!» — и у вас будет целое войско.

Брат Жан. А вы поклянетесь вашему вождю в верности и неизменном послушании?

Симон. Об этом нечего и говорить.

Моран. Мы рискуем больше вашего.

Бартельми. Ну, значит, вы наш предводитель. Решено!

Брат Жан. Протяните руку к распятию.

Крестьяне. Клянемся повиноваться вам!

Брат Жан. Знайте же, что я сумею наказать клятвопреступника, будь он от меня хоть за сто миль. Видите эти приборы?.. Видите эти книги?

Моран (со страхом). Не раскрывайте их... не надо!

Брат Жан. И у вас хватит духу исполнять все, что бы я ни приказал?

Моран. Мы на все готовы.

Томас. Ну вот, отец, мы вам присягу дали. А вы нам дадите?

Брат Жан. На этом же самом распятии клянусь, что все мои старания, все средства употреблю на освобождение рабов Бовуази. Пусть не увижу я рая, если не сдержу клятвы!

Симон. Теперь скажите, что мы должны делать?

Брат Жан. Надо, чтобы каждый из вас точно знал, на сколько человек он может рассчитывать. В первый же раз, как мы соберемся, мне нужно будет знать ваши силы.

Бартельми. Это нетрудно.

Брат Жан. Почему Рено нет с вами?

Симон. Он ни во что не вмешивается. Он говорит, что у него свои замыслы.

Брат Жан. Кто из вас посмелей?

Моран. Мы все не трусы.

Бартельми. Взять хотя бы меня. Я первый бросил камень, когда сенешаль приказал отделать как следует Гайона... Только вы об этом не рассказывайте.

Гайон. И я подраться горазд!

Брат Жан (с легким презрением). Чудесно, дети мои. Тогда я пошлю Бартельми, раз он так смел, с поручением к Оборотню.

Бартельми. К Оборотню? Господи Иисусе! Пресвятая дева!

Все. К Оборотню?

Брат Жан. Что? Побледили, трусы?

Бартельми. Но ведь Оборотень...

Брат Жан. Что ж, Оборотень — тот же Кретъен Франк, которого ты знал. И тебе страшно?

Бартельми. Я не побоялся бы Кретъена Фран-

ка, он был мне другом. Но он погубил свою душу, он заколдован... Он волк-оборотень.

Брат Жан. Дурень! Франк — человек смелый. Он сам себя освободил, а вы даже и не пытаетесь это сделать.

Бартельми. Погодите. Если бы мне знать какой-нибудь заговор против дурного глаза, я пошел бы к нему.

Брат Жан. Вот тебе четки вместо заговора. Франк узнает их. Передай ему, что отец Жан из аббатства Сен-Лёфруа велит ждать его ночью, через три часа после того, как погасят огни, под вторым дубом, считая от креста святого Стефана.

Бартельми (робко). Что ж, я скажу ему... раз это нужно.

Симон. На что нам Оборотень?

Брат Жан. Он будет нам полезным и верным союзником. Я оказал ему кое-какие услуги, я вылечил его, и он вспомнит обо мне. Есть у вас оружие?

Моран. Почти у всех нас есть луки.

Брат Жан (вынимая из сундука деньги). Купите оружие на эти деньги, я вам дарю их. Но если вы посмеете истратить их на что-нибудь другое, я растоплю этот металл в ваших руках, и он прожжет вас до костей.

Моран. Клянемся честью: все до последнего су будет истрачено на оружие.

Брат Жан. Покупайте его в Бове, в базарный день, но только у разных оружейников, чтобы не возбуждать подозрений.

Моран. Предоставьте нам действовать: мы не так уж глупы.

Симон. Положитесь на нас.

Брат Жан. Завтра после вечерни я приду к Морану и поделюсь с вами своими замыслами. Прощайте! Разумеется, я расскажу вам и о моей встрече с Франком. *Rex vobiscum* *, дети мои!

Крестьяне. Аминь! Молитесь за нас!

Моран, (уходя, товарищам). Я вам говорил, что он умеет делать золото!

Все уходят.

---

* Мир вам (лат.).

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Комната Изабеллы.
Изабелла, Марион.

Марион (глядя в окно). Какая ужасная погода! Никуда не выйдешь, даже в сад. Ах, какая скука!

Изабелла. Ну вот! Вместо того, чтобы развлекать меня, ты, кажется, хочешь, чтоб я тебя забавляла? Пожалуйста, не зевай так страшно!

Марион. Сударыня! Знаете, что мы предпримем? У вас есть конюший, ему нечего делать. Прикажите позвать его: он расскажет вам какую-нибудь историю или прочтет вам фавлю.

Изабелла. В самом деле, Пьер умеет читать.

Марион. И писать, сударыня. Наш добрый отец Жан обучил его всей своей премудрости. Он пишет, читает, играет на мандоре и самбуке. А что касается до веселой науки²⁹, то он знает столько же, сколько любой менестрель из Тулузы.

Изабелла. Когда я брала его в конюшие, то не думала, что делаю такое прекрасное приобретение.

Марион. Можно, я прикажу ему от вашего имени прийти сюда?

Изабелла. Это ты хорошо придумала.

Марион уходит и тотчас же возвращается с Пьером.

Марион. Вот и он. Легок на помине... Он стоял за дверью.

Изабелла. Ты, Пьер, говорят, большой ученый.

Пьер. Сударыня! Вы слишком добры. Досточтимый отец Жан научил меня кое-чему. А я постарался извлечь пользу из его уроков.

Изабелла. Отлично. Но раз ты так много знаешь, то, может быть, тебе известно средство, как позабавить двух скучающих девиц?

Пьер. Сударыня...

Марион. Позабавь же нас, слышишь!

Изабелла. У тебя в руках книга — прочти нам что-нибудь.

Марион. Какую-нибудь веселую историю, такую... чтоб она нас рассмешила.

Пьер (перелистывая книгу). Прочесть вам фавлю *О девице, священнике и мужике?*

Изабелла. Посмотрим, что это за история.

Пьер (делая вид, что читает). «Одну благородную богатую девицу любили священник, рыцарь и бедный мужик...»³⁰.

Изабелла. Постой. Я догадываюсь, в каком роде эта история. Я не люблю, когда дурно говорят о священниках.

Пьер. Но в этой истории, сударыня, нет ничего такого...

Изабелла. Все равно. Сочинитель — наглец. Священник не может любить любовью мирянина. Прочти другой рассказ. А тем временем я постараюсь довязать шарф для господина де Монтрёйля.

Марион. Ах, сударыня! Фавлю про монахов так забавны!

Изабелла. Замолчи, глупая! А ты, Пьер, прочти мне какую-нибудь рыцарскую историю, если только найдется такая в твоей книге.

Пьер (перелистывая книгу). Не прочесть ли историю про Губительницу сердец и мужика Данена?

Изабелла. Хорошо. Заглавие заманчиво.

Пьер (нерешительно). «Жила некогда... знатная и могущественная дама... наделенная такой красотой... что ее прозвали Губительница сердец... Больше десятка рыцарей Круглого стола умерли от любви... к ней... или постриглись в монахи... потому что она была столь же холодна и надменна, сколь прекрасна и сладкоречива... Во славу ее сломали на турнирах целую кучу копий...»

Изабелла. Да он в самом деле читает недурно. Для простого мужика это просто невероятно.

Пьер (увереннее). «...На турнирах никто не мог добиться от нее даже одобрительной улыбки. Мать напрасно предлагала ей самые выгодные партии; она отвергала их, говоря, что хочет сохранить свою свободу... и что ей приятно иметь столько поклонников. Родители, огорченные таким упрямством, отправились за советом к славному Мерлину, который в то время случился в их краю. Мерлин, раскрыв свои колдовские книги, страшным голосом сказал: «Дочь ваша отказала всем благо-

родным мужам Франции; по определению судьбы она выйдет за мужика». Произнеся эти слова, он сел на колесницу, запряженную четырьмя голубыми драконами, и вскоре скрылся за облаками. Легко судить о печали родителей, принадлежавших к высшей знати. Чтобы как-нибудь предотвратить исполнение пророчества, они заключили Губительницу сердец в башню высотой в сто футов, окруженную отвесным рвом глубиной тоже в сто футов. И они поместили в этой башне тридцать воинов-дворян и рыцарей, большею частью с собственным знаменем...³¹ И вот случилось, что турецкий султан Хаджи-Мурат высадился в Турени с двумястами тысячами войска и прошел с огнем и мечом до самого сердца королевства. Король, тронутый мольбами подданных, собрал войско и выступил против поганых турок... В войске у него был ловкий стрелок из лука... сын бедного крестьянина... по имени Данен... Судьбе было угодно, чтобы битва произошла как раз против той башни, где была заключена Губительница сердец. Неверные пустили в наших столько стрел из своих луков, сделанных из буйволового рога, что в воздухе потемнело и не осталось ни нагрудника, ни щита, ни лат, которых бы не пробили стрелы. Вскоре приведенные в ужас этим ураганом латники и стрелки стали спасаться бегством, некоторые из них укрылись в башне. Турки, наполнив ров мертвыми телами, овладели башней, убили тридцать рыцарей и уже готовы были увести в неволю Губительницу сердец, испускавшую страшные вопли... (воодушевляясь), как вдруг Данен, сражавшийся неподалеку, бросился к башне с палицей в руке. «Где вы, рыцари? — закричал он. — Неужели вы покинете Цвет красоты?» Но никто не слышал его, рыцари и оруженосцы бежали по полю. «Что ж, я и один освобожу ее». И вот он бросается на турок, нанося им страшные удары палицей. Они падают перед ним, как орехи с дерева осенью. Кто не убит, спасается бегством... Он освобождает Изабеллу... (спохватившись)... Губительницу сердец... и... и... освобождает короля, которого неверные хотели было обезглавить, и собственными руками отрубает голову жестокому Хаджи-Мурату. Говорят, он убил в этот день добрую тысячу сарацин. Губительница сердец между тем стояла на площадке и видела все его

подвиги. Стрелы, которые порою падали вокруг нее, не могли заставить ее оторвать глаза от Данена. Она вскрикивала при всякой новой схватке храброго крестьянина, и в сердце ее все сильнее разгорался тайный пламень. Словом, к концу битвы бесчувственная красавица была без ума от него. Король, чтобы наградить Данена, позволил ему выбрать среди всех девушек королевства ту, которая ему больше понравится, будь это даже его собственная дочь, но Данен и думать не хотел об этом. Он видел Губительницу сердец, а кто хоть раз видел ее, тот не мог ее не полюбить. И он попросил ее руки у родителей, и те из-за клятвы короля не посмели отказать ему. Он женился на ней, а король возвел его в дворянское достоинство и дал ему в лен поместья. Впоследствии он сделался сенешалем Артуа и стал украшением двора великого императора Карла. У него были храбрые сыновья и красивые дочери; он был богат и счастлив; он основал несколько монастырей и жил в благочестии. Так господь награждает своих избранных. Аминь».

Изабелла. И это все?

Пьер. Да, сударыня.

Изабелла. Глупая история! Кто ее сочинил?

Пьер (в смущении). Не знаю.

Изабелла. Правда, от фаблюю особого глубокомыслия ожидать не приходится, но все же есть границы, которых не следовало бы переступать. У кого хватит дерзости сказать, что знатная дама может полюбить мужика? Это все равно, что утверждать, будто орел может полюбить сову.

Пьер. Так вы полагаете, что это невозможно?

Изабелла. Конечно, всякий может отвечать только за себя, но я думаю, что даже самому красивому мужчине во Франции, самому сильному бойцу, убей он даже целых десять тысяч турок, вырви он меня из рук сарацин или из когтей Люцифера, если только он мужик, не дожидаться от меня другого чувства, кроме признательности.

Пьер (со вздохом). Я боюсь надоест вам, сударыня, я лучше уйду.

Изабелла. Постой, дай мне книгу с этими чудными фаблюю.

Пьер (в замешательстве). Книгу?

Изабелла. Да.

Пьер. Сударыня... но...

Изабелла. Дай мне ее. Я требую. Отчего ты смутился?

Пьер (протягивая ей книгу). Сударыня... в моей книге этого нет. Я только делал вид, что читаю, я рассказал вам одну старинную хронику, которая пришла мне на память.

Изабелла (перелистывая книгу). Однако у вас отличная память... Что это? «Тридцать мер овса... солома на подстилку...»

Пьер. В эту книгу я записываю расходы по конюшне.

Изабелла. А вот, кажется, стихи...

Пьер. Ах, сударыня! Не читайте их!

Изабелла (читает, улыбаясь). «Красавице из красавиц, знатной и могущественной даме...» (Внезапно умолкает.)

Пьер (в сторону). Я погиб!

Изабелла (прочитав, ледяным тоном). Вы и стихи сочиняете? Теперь мне понятны ваши фаблио... Пьер! Вы не знаете, что произошло с конюшим графини Бланш де Рамель?

Пьер. Нет, сударыня...

Изабелла. Сходите в Лан... и вы увидите его голову в клетке, над воротами святого Иакова. Марион! Принеси мою шкатулку. (Открывает шкатулку и вынимает из нее деньги.) Пьер! Вот вам двадцать флоринов, снимите вашу ливрею. Я отпускаю вас на волю. Уходите отсюда!

Пьер (на коленях). Сударыня... ради бога... велите лучше убить меня!

Изабелла. Без всяких разговоров! Повиновение — долг вассала! Уходите!

Пьер уходит.

Марион. Что это значит, сударыня?

Изабелла. Оставьте меня в покое!.. Какая неслыханная дерзость!.. Должно быть, я вела себя очень легкомысленно, если презренный... Какое унижение!.. Я готова заплакать от бешенства!

М а р и о н. Сударыня!.. Неужели Пьер... влюбился в вас?

И з а б е л л а. Замолчите, дерзкая девчонка! Вы меня окончательно выведете из себя. Ступайте и, если вы дорожите своей шкурой, никогда не заговаривайте о том, что сейчас слышали.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Дорога. Ночь.

Б р а т Ж а н (один). Назначенный час миновал. На это отродье нельзя полагаться. Боюсь, не зря ли я в это дело впутался. Уж не ослепила ли меня жажда мести? Чу! Шаги... Кто идет?

Появляется Оборотень с четками в руках.

Оборотень. Дьявол, который молится по четкам.

Б р а т Ж а н. Это Франк.

Оборотень (замогильным голосом). Франка уже нет на свете.

Б р а т Ж а н. Ну полно, атаман! Прибереги свои рассказы для других. Ты думаешь напугать меня волчьей шкурой? Не больно-то ты храбр, как я вижу, раз вооружился до зубов, идя на свидание с монахом.

Оборотень. Если мое оружие пугает вас, отец, я его брошу. Но я не причиню вам никакого зла.

Б р а т Ж а н. Нег, оставайся при нем. Давай поговорим о деле. Что тебя заставило избрать тот образ жизни, который ты ведешь?

Оборотень. Черт возьми! Почему вы спрашиваете о том, что знаете не хуже меня?

Б р а т Ж а н. Говорят, ты ушел в лес, чтобы мстить.

Оборотень. Да, я поклялся в смертельной ненависти к сеньерам.

Б р а т Ж а н. Значит, враги сеньеров должны быть твоими друзьями?

Оборотень. Ну да, клянусь дьяволом! Но к чему вы клоните речь?

Б р а т Ж а н. Значит, если б нашлись молодцы и вздумали сыграть с господами шутку, ты бы охотно стал на их сторону?

Оборотень. Стоит ли об этом спрашивать!

Б р а т Ж а н. Так вот, сын мой, здешнему люду опротивело, что сеньеры угнетают и грабят его, и он решил восстать и отделаться от них раз навсегда.

Оборотень. И это говорите мне вы?

Б р а т Ж а н. Да, я! Я тоже хочу отомстить.

Оборотень. Хорошо, отец. Но только не доверяйтесь здешнему народу. Это трусы — они бледнеют при виде золоченых шпор. Идите лучше к нам в леса, там вы найдете храбрецов.

Б р а т Ж а н. Ты же знаешь: трус, доведенный до отчаяния, становится героем. Запри кошку в комнате и бей ее плетью — три удара она еще снесет, а на четвертом вцепится тебе в глаза.

Оборотень. Хорошо. Но кто они, эти молодцы?

Б р а т Ж а н. Моран, Симон, Гайон...

Оборотень. Да, это коты, которых надо стегать плетью, чтобы заставить драться, и сильно стегать.

Б р а т Ж а н. Бартельми...

Оборотень. У этого хватит смелости.

Б р а т Ж а н. Тома из Жене и много других. Я готов поручиться за всех мужиков на две мили в округе. Я рассчитываю также на Пьера, конюшего Изабеллы д'Апремон.

Оборотень. Бездельник, который гордится тем, что обучен грамоте, и тем, что Жильбер подарил ему новую ливрею с гербами! Не ждите ничего путного от раба.

Б р а т Ж а н. Он славный мальй, поверь мне. Он может быть нам полезен. В его руках все ключи замка.

Оборотень. Вы ничего не сказали о Рено.

Б р а т Ж а н. Рено пока не хочет примкнуть к нам. Со дня смерти сестры он ни во что не вмешивается. Он целыми днями, закрыв руками лицо, о чем-то думает. Боюсь, не сошел бы он с ума.

Оборотень. Надо бы залучить его.

Б р а т Ж а н. Чуть только свистнет первая стрела, Рено будет с нами. Много ль у тебя народу?

Оборотень. Семьдесят два человека всего-навсего, но каждый стоит десятка ваших. Это сущие дьяволы.

Брат Жан. Я полагаюсь на твой выбор. Значит, Франк, друг мой, ты теперь наш. Но для большей верности присягни на этом распятии.

Оборотень (пяясь). Ну, ну, отец! Я больше не клянусь распятием. Какой я к черту христианин?

Брат Жан. Как! Что ты сказал, негодяй?

Оборотень. Да пусть сожжет меня антонов огонь, я больше не верю в то, во что верят сеньеры. Только пресвятой деве я еще поклоняюсь³².

Брат Жан. Хоть этим утешил. Мне теперь некогда наставлять тебя на путь истины. Дай мне слово и поклянись чем хочешь.

Оборотень. Вот вам моя рука, дайте вашу. Эта клятва стоит всякой другой, не правда ли?

Брат Жан. Я тебе верю. Ты скоро обо мне услышишь, а потом я приду с моими друзьями к вам в лес держать совет.

Оборотень. Всегда к вашим услугам. Прощайте!

Расходятся.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Дорога близ замковых рвов. Ночь.

Пьер (один, в крестьянском платье). Мне хочется еще раз взглянуть на эти старые башни!.. Я мужик, она знатная дама! Безумец! Как мог я вообразить?.. Как смел поднять глаза на ту, чьей руки добиваются самые могущественные бароны?.. А ее слова — они еще звучат в моих ушах... я принимал их за слова любви... Она говорила со мной, как могла бы говорить со своей собачонкой... А кошелек... она дала мне его только потому, что в нем было золото... И если мое присутствие не стесняло ее, хотя она покраснела бы, оказавшись наедине с дворянином³³, то лишь потому, что в ее глазах я что-то вроде животного... Я для нее меньше, чем собака... я мужик... Ах, это слово жжет мне сердце!.. Я хотел бы стереть с лица земли всех, кто носит золоченые

шпоры. А барон де Монтрёйль! Проклятие! Счастливцу! Небо осыпало его своими милостями! Он знатен... Он будет ее мужем... Он дворянин, рыцарь, у него родовое знамя, а я — я мужик... Он дворянин... Но я крепче его держусь в седле, и если бы мы устремились друг на друга с копьями наперевес, то я сумел бы всадить ему копье под забрало³⁴. На турнире он имеет право сражаться, чтобы быть вышибленным из седла, а мне — мне отказано даже в праве побеждать³⁵. Он — Монтрёйль! Вот так рыцарь! Не умеет ни читать, ни писать, знает толк в лошадях и больше ни в чем... А я владею искусством трубадуров, но я — мужик! Силы небесные! Почему он не стоит сейчас передо мной?

Появляется брат Жан.

Брат Жан. Эй! Кто там размахивает руками?

Пьер. Судя по голосу, это отец Жан.

Брат Жан. Это ты, Пьер? Что ты тут делаешь в такой поздний час?

Пьер. Проклинаю свою судьбу, отца, породившего меня, и небо, по воле которого я создан мужиком.

Брат Жан. Многие страдают не меньше тебя, Пьер. Но те, кто посильнее духом, не обвиняют небо, а лишь просят его помочь им.

Пьер. Моему горю помочь нельзя. Меня прогнали из замка.

Брат Жан. Так это, по-твоему, горе? Ты перестанешь быть слугою, и только.

Пьер. Я думал, что могу быть счастливым в этом замке.

Брат Жан. Чем же ты провинился?

Пьер. Я проклинаю те знания, которые вы дали мне! Я возгордился; я забыл, что я отверженный, что я пес. Я объяснился в любви молодой госпоже из замка.

Брат Жан. Пресвятая дева! Да ведь это — ужасное преступление!

Пьер. Меня прогнали, завтра я должен быть за чертой баронских владений.

Брат Жан. А этот увалень, которого зовут бароном де Монтрёйль, женится на дочери д'Апремона.

Пьер. О, не говорите мне этого!

Брат Жан. А разве ты не знаешь?

Пьер. Знаю. Но когда я об этом слышу, мне хочется поджечь замок.

Брат Жан. Это лучше, чем улепетывать, как жалкий плут.

Пьер (помолчав). К чему об этом мечтать?

Брат Жан. Кто тебе сказал, что это только мечты?

Пьер. У мужиков сердца из грязи. Они никогда не осмелятся поднять голову, чтобы потребовать у господ ответа за жестокости, которые они от них терпят.

Брат Жан. Я слышал, однако, будто нашлось несколько смельчаков: они поняли наконец, что могут избавиться от своих господ силой, и уже готовятся к этому.

Пьер. Что вы говорите?

Брат Жан. Если бы все крепостные этой баронии взялись за оружие, если б замок загорелся и Монтрёйлю проломил голову, а Изабелла оказалась в твоих руках, — как ты думаешь, сказала бы она тебе тогда: «Убирайся прочь, мужик!»?

Пьер. У меня кровь закипает от ваших слов!

Брат Жан. Дворяне пришли к нам с королем Франком³⁶. Они победили наших предков, потому что были в кованых железных доспехах и лошади их были в латах³⁷. Они нас поработили... Но если мы возьмемся за оружие и, в свою очередь, нападём на них, то как, по-твоему: разве мы не сумеем доказать, что наша старая галльская кровь не хуже их крови?

Пьер. Да, клянусь святым Георгием! Мы сумели бы им это доказать!

Брат Жан. Ну что же, присоединишься ты к тем, кто отважится на этот благородный подвиг?

Пьер. Присоединюсь ли я? Располагайте моей жизнью, моей душой! Но почему вы со мной об этом заговорили?

Брат Жан. Все это легко может осуществиться. И кто знает: не станет ли Изабелла д'Апремон женой Пьера Ламброна?

Пьер. Но, ради святого Лёфруа, скажите мне, как это может случиться?

Брат Жан. Проводи меня до монастыря: здесь говорить небезопасно. По дороге я все тебе расскажу.

Уходят.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Дорога на опушке леса.

Симон и Мансель сидят с топорами у кучи дров. Вбегает Рено.

Рено (Симону). Идет! Со мной ты или нет?

Симон. Так ты не хочешь подождать отца Жана?

Рено. Кто ждет помощи от других, тот легко может просчитаться. Вот мой топор и моя рука — верные мои друзья. Они меня не выдадут.

Симон. А все-таки потерпел бы ты еще недельку.

Рено. Со мной ты? Отвечай: да или нет?

Симон. Ну ладно. Будь что будет. Пусть не говорят, что я покинул моего шурина в минуту опасности.

Рено. А ты, Мансель, пошел с нами, не зная наших намерений... Ты приходишься Елизавете всего только двоюродным братом... Мы ввязываемся в опасное дело... Лучше уйди отсюда, я тебе очень советую.

Мансель. Симон кое-что мне рассказал. Вам грозит опасность — я остаюсь.

Рено. Ладно! Вот черный креп. Закройте лица, чтобы вас не узнали.

Симон. Но...

Рено. Делайте, что вам говорят. А когда все будет кончено, то бегите что есть духу вдоль пруда к деревне с таким видом, будто очень торопитесь, будто дома вас ждет спешная работа. Обо мне не заботьтесь.

Симон (глядя на дорогу). Рено! С ним еще кто-то.

Рено. Да, монах.

Мансель (тихо). Черт возьми! Неужели и его придется убить?

Рено. Нет! Это господь послал ему священника.

Симон. Чтоб его спасти.

Рено. Чтобы напутствовать его перед смертью. Богу не угодно, чтобы я погубил его душу.

Симон. А если священник узнает нас?

Рено. Он не сможет узнать вас под крепом. (Симону.) Твой топор хорошо наточен?

Симон. Да.

Рено (Манселю). А твой?

Мансель. Да.

Рено. Бейте только в случае сопротивления... И следите, чтобы не убежал священник... А я убью сенешаля.

Симон. Помоги нам, мать божья!

Рено. Станьте за этой кучей дров, чтобы им не бросился в глаза наш черный креп. Как только я схвачусь за шпагу сенешаля, подбегайте ко мне... Они уже вышли на опушку... Вот они.

Появляются сенешаль и аббат Оноре. Рено точит топор, словно собирается рубить дрова.

Сенешаль (аббату). Вы говорите, что эти деревья ваши. Но у нас есть грамота, доказывающая права барона.

Аббат. Вы ошибаетесь, сенешаль, вы зря поспешили с порубкой. Лес подарен аббатству Эсташем д'Ап-ремоном, дедом Жильбера.

Как только сенешаль поравнялся с Рено, тот вырывает у него шпагу. Симон и Мансель подбегают с поднятыми топорами.

Рено. Смерть сенешалю!

Сенешаль. Ах, предатель!

Аббат. Помогите! На помощь!

Симон (изменив голос). Крикни только — убью!

Аббат. Сжальтесь над нами!

Рено. Сенешаль! Пришла твоя смерть... Ты слушал сегодня мессу?

Сенешаль. Это ты, Рено? Не убивай безоружного. Возьми мой кошелек, оставь мне жизнь.

Рено. Мне кровь твоя нужна!

Сенешаль. Что я тебе сделал?

Рено. Вспомни Елизавету. (Указывая на аббата.) Вот тебе исповедник, приготовься.

Сенешаль. Я выхлопочу тебе вольную, если ты оставишь меня в живых, клянусь тебе...

Рено. Солнце садится. Посмотри на тень этой березы; когда оно коснется камня, ты умрешь.

Сенешаль (аббату). Отец! Упросите его пощадить меня!

Рено. Подумай о своей душе. Друзья! Отойдем

немного, пусть исповедуется, если хочет христианской кончины.

Сенешаль (*аббату*). Отец! Попытайтесь тронуть их сердца!

Аббат. Я насилу говорю... Ноги меня не держат.

Сенешаль (*Симону и Манселю*). Ради бога! Друзья мои!.. Сжальтесь над нами! У вас доброе сердце, я знаю.

Аббат. Если вы христиане, не убивайте его.

Сенешаль (*аббату*). Да пригрозите же им отлучением!

Аббат. Не смею — они могут убить меня.

Сенешаль. Если вы убьете меня, барон д'Апремон отомстит за мою смерть. Если он и не дознается, что убили меня вы, все равно он казнит каждого десятого в деревне, и жребий может пасть на ваших родителей, ваших братьев, ваших детей... Аббат же отлучит вас от церкви...

Аббат. Что вы говорите, сенешаль?.. Господа! Я не сказал ни слова.

Рено. Тень приближается.

Сенешаль. Варвары! Сердце у вас тверже этого камня. Как! Только моя смерть может вас удовлетворить? Клянусь вам: оставьте мне жизнь, и я покину этот край или постригусь в монахи, если угодно... Я пожертвую все мое состояние на больницу... Ради божьей матери.

Рено (*поднимая топор*). Тень дошла до камня.

Сенешаль (*обнимая аббата*). Помилосердствуйте!.. Рено! Сжальтесь надо мной... Святой отец! Святой отец!

Аббат. Не убивайте меня, добрые друзья мои! Не убивайте, я вам не причинил никакого зла!

Рено (*нанося удар сенешалю*). Ступай же в ад! Ты увидишь Елизавету в лоне Авраамовом.

Сенешаль. Господи Иисусе! Матерь божья, заступница!.. (*Умирает.*)

Аббат (*на коленях*). Помогите мне, Бовезская богоматерь! (*К Рено.*) Монсеньер!.. Я уверен, что у вас нет причин жаловаться на меня.

Симон (к Рено, тихо). Он знает, как тебя зовут. Беги к Оборотню.

Рено. Нет. Ты слышал: каждый десятый в деревне умрет, если убийца не будет найден. (Тихо говорит с Симоном и Манселем.)

Аббат (все еще на коленях). Святой угодник Лёфруа! Если ты смилуешься надо мной и вечером я вернусь невредимым в аббатство, даю обет, что сделаю тебе ризу из лучшей парчи, какая только найдется во Фландрии.

Симон (плача, к Рено). Мой бедный друг!

Рено. Спасайтесь, время не терпит!

Симон. Дай мне руку.

Рено. Прощай! И ты прощай, Мансель... Если когда-нибудь (шепчет)... Не забудьте тогда обо мне.

Симон. Никогда мы тебя не забудем.

Рено. Прощайте же!.. Пойдите. (Тихо.) Там у меня собака... позаботьтесь о ней. (Громко.) Прощайте, молодцы! Спасибо Оборотню за помощь.

Симон и Мансель. Прощай, цвет храбрецов! (Убегают.)

Рено. Ну, мой отец...

Аббат. Я духовное лицо... Взгляните на мою тонзуру, господин Оборотень. Вы совершите большое преступление, подняв руку на того, кто посвятил себя богу... О боже! Что он делает?

Рено (отрубив сенешалю голову и взяв ее в руки). Мы поступим с твоим телом, как с телом убийцы. (Аббату.) Идем!

Аббат. Пощадите! Пощадите! Господин Оборотень! Не уводите меня в свою пещеру.

Рено. Мы идем в замок д'Апремона.

Аббат. В замок!..

Рено. Идем со мной.

Аббат. Господи Иисусе! Дева Мария! Я не в силах идти!

Рено. Вот вам моя рука.

Аббат. О небо!.. Я пойду один... Святой угодник Лёфруа! Заступись за аббата твоей обители! ³⁸.

Рено и аббат уходят.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Зала в замке Сиварда.

Оруженосец Сиварда, Броун, де Лансиньяк,
д'Акунья.

Оруженосец. Решайте скорее, рыцари! Я обещал моему господину сегодня же принести ответ.

Де Лансиньяк. Так ты говоришь, десять тысяч франков?

Оруженосец. Десять.

Де Лансиньяк. Десять тысяч трехдневных лихорадок этой собаке д'Апремону! Слыханное ли дело — требовать десять тысяч франков выкупа за бедного предводителя вольного отряда, у которого только и есть, что копьё да конь?

д'Акунья. Я отделался пятьюстами флоринов от сира Молеврие, а ведь он любит денежки не меньше других.

Броун. Предводителю следовало бы знать, что у нас нет здесь десяти тысяч франков, которые мы могли бы выбросить за окно.

Оруженосец (Броуну). Он надеялся, что два его благородных друга присоединятся к вам и что-нибудь да сделают, чтобы выручить его из беды.

д'Акунья. Клянусь святым Иаковом, я люблю Сиварда: доброе копьё, добрый товарищ... Но десять тысяч франков — это чертовски дорого.

Оруженосец. Потому-то он и обращается к вам.

Броун. Черт возьми! Зря он не послушался меня, когда я кричал ему, что надо отступить! Но он норовит все делать по-своему!

Оруженосец (д'Акунье и де Лансиньяку). Мой господин полагает, что если каждый из вас одолжит ему тысячу экю...

д'Акунья. Как! Тысячу экю! Тысячу экю! Да ведь это значит три тысячи франков!

Броун. Ровным счетом!

Де Лансиньяк. Нынче тяжелый год: негодяи прячут деньги так, что и не найдешь. Поживиться нечем.

д'Акунья. Мой отряд велик. Боюсь, не пришлось бы по недостатку средств распустить половину.

Броун. И мне надо платить моим стрелкам.

Де Лансиньяк. Пьер д'Эстувиль, этот старый гуляка, третьего дня выиграл у меня две тысячи франков.

Д'Акунья. Кстати, о потерях. Вы ведь знаете моего коня персиковой масти?

Де Лансиньяк. Да.

Д'Акунья. Во время моего последнего набега на Лан мерзавец мельник, у которого мы угнали быков, хватил его вилами по задним ногам. Бедное животное упало, я не мог поднять его, а этот болван набросился на меня с двумя своими товарищами. Пресвятая дева! Они колотили по моей спине, точно по наковальне! К счастью, подоспели мои люди, а то эти подлецы испортили бы мне панцирь.

Де Лансиньяк. А Чендос? Так ведь звали вашего коня?

Д'Акунья. Что делать! Его нельзя было спасти. Я велел снять с него шкуру, и теперь ее дубят, чтобы сделать мне седло. Ах, бедный Чендос! Долго я буду жалеть о тебе!

Оруженосец. Прискорбно, конечно, потерять доброго боевого коня, но вернемся к делу, которое меня сюда привело. Сеньер д'Апремон предложил мессиру Сиварду скостить пять тысяч с его выкупа, если он согласится поступить к нему на службу на год со всем своим отрядом³⁹. В случае, если я не добуду денег, мой господин поручил мне спросить вас, мессир Броун, примете ли вы это предложение.

Де Лансиньяк. А! Вот дело и улаживается.

Д'Акунья. Пять тысяч франков за целый год — это слишком мало.

Оруженосец. Ну, так как же, мессир Броун?

Броун. Во-первых, я считаю насмешкой оценивать службу такого отряда, как наш, в пять тысяч франков; во-вторых, я знаю, как в таких случаях происходит дележ добычи: д'Апремону — все, нам — ничего. Наконец срок перемирия истекает через полгода, и настоящие англичане, как мы, не могут наниматься на год к французскому барону.

Де Лансиньяк. Но Сивард, по-видимому, согласен на такую сделку.

Б р о у н. О, пусть капитан поступает, как ему угодно: пусть идет на службу сам, со своим копьем и с людьми, которые последуют за ним. Что до меня, то, если он будет служить герцогу Нормандскому⁴⁰ или его баронам, я перейду к сирю Джону Чендосу, под начальством которого я сражался при Пуатье. За мной пойдут мои стрелки, и тогда Сивард узнает, много ли можно сделать без стрелков. Если бы даже все его латники примкнули к нему, ручаюсь, что без стрелков ему не добыть и тысячи франков в год.

О р у ж е н о с е ц. И это ваш ответ, благородный сир?

Б р о у н. Да, любезный оруженосец. Мне досадно за капитана, но что поделаешь! Если мы как-нибудь захватим французского барона, он пойдет в обмен.

Д'А к у н ь я. Бедняга Сивард! Значит, он остается в клетке.

Д е Л а н с и н ь я к. Хорошо ли с ним по крайней мере обращаются?

О р у ж е н о с е ц. Как с пленным рыцарем — этим все сказано. Барон д'Апремон — знатный сеньер; кухня у него недурна, а вино лучше того, что мы пили здесь.

Д е Л а н с и н ь я к. Хоть это меня утешает.

Д'А к у н ь я. Скажи ему, что я куплю у него рыжего английского мерина, если он продаст. Я готов дать за этого коня шестьсот франков⁴¹.

Д е Л а н с и н ь я к. А я отправлюсь поискать фуража к Жильберу д'Апремону. Пусть видит, что я не забываю своих друзей.

О р у ж е н о с е ц. Он будет очень тронут этим доказательством вашей дружбы. Но денег вы не даете, — это ваше последнее слово?

Д'А к у н ь я. Клянусь телом господним, во Франции нет денег со времени битвы при Пуатье.

Б р о у н. Пойдемте, господа, обсудим наш ближайший набег. Ничто так не освежает мыслей, как стакан доброго вина. А потому перейдем в столовую, и там, за бутылкой, облокотившись на стол, составим план похода. (Оруженосцу.) Выпей с нами, приятель, за здоровье твоего господина!

О р у ж е н о с е ц. Нет, не могу. Он ждет меня, а отсюда до Апремонского замка немалый конец.

Броун. Раз так, счастливого пути!

Д'Акунья. Дружеский привет Сиварду! Помни о рыжем мерине. Шестьсот франков, не забудь!

Де Лансиньяк. Опорожним несколько бутылок, а там и на коня.

Уходят.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Большая зала в замке Апремон.

Жильбер д'Апремон, де Монтрёйль, Сивард, аббат Оноре, Конрад д'Апремон, прокурор, латники и крестьяне.

Д'Апремон. Присядьте, мессир Сивард, если вас это занимает. Посмотрите, как у нас во Франции отправляется правосудие.

Сивард. Охотно. Я не прочь взглянуть на рожу такого смелого плута.

Садятся.

Конрад (Жильберу д'Апремону). Отец! А пытаться его будут?

Д'Апремон. Там будет видно.

Конрад. Его будут пытаться!

Д'Апремон. Что ж, начнем. (Латникам.) Введите убийцу.

Входит Рено в кандалах.

Сивард. Молодчина, и славно сложен, честное слово! Широкие плечи, уверенный вид! Он был бы хорош с луком в руках и колчаном сбоку.

Д'Апремон. Так это ты, злосчастная тварь? И ты еще смеешь глядеть людям в глаза?

Де Монтрёйль. По лицу видно, что он способен на всякое преступление.

Аббат. При одном его виде меня трясет лихорадка.

Д'Апремон (пошептавшись с прокурором). Отве-

чай, злодей: какой дьявол внушил тебе мысль убить нашего доброго сенешаля?

Рено. Я уже сказал. Он был виновником смерти моей сестры.

Д'Апремон. Да разве это причина, чтобы вассал посмел поднять руку на своего господина?

Рено. По-моему, да.

Д'Апремон. Он еще гордится своим преступлением! Найдется ли для такого мерзавца достаточно суровая кара? Ага, ты опускаешь голову! Собираешься заплакать. Только попробуй разыграть передо мной притворное раскаяние — увидишь, поможет ли это тебе.

Рено. Я не раскаиваюсь.

Д'Апремон. Так ты, гадина, не раскаиваешься?! Почему же ты отдался в руки правосудия?

Рено. Я боялся, что за одного виновного могут пострадать невинные. Вы могли бы казнить каждого десятого или пытали бы женщин и детей, как это было в прошлом году в Бур-Нёфе. Я отдал себя в ваши руки, чтобы предотвратить несчастье.

Де Монтрёйль. Болван!

Д'Апремон (Сиварду тихо). Мне просто стыдно, что у этого негодяя больше мужества, чем у некоторых дворян!

Аббат. Да он одержим бесом!

Де Монтрёйль (Сиварду). Есть у вас в Англии такие негодяи?

Сивард. Клянусь копьем святого Георгия, смелость этого чудака мне нравится! Хотел бы я, чтоб он был англичанин и служил у меня латником.

Аббат (тихо). Рыбак рыбака видит издалека.

Прокурор (д'Апремону). Монсеньер! С вашего позволения, следовало бы спросить его, были ли у него сообщники.

Рено. Их было двое.

Д'Апремон. Назови их.

Рено. Не могу.

Д'Апремон. А ты не знаешь, что у меня есть средство заставить тебя заговорить?

Конрад. Ага, ага, его будут пытаться!

Де Монтрёйль. Помолчи, увидим.

Д'Апремон. Что же, ты одумался? Назовешь?

Рено. Да как же я могу это сделать? Мне помогли двое из шайки Оборотня. Я их не знаю.

Д'Апремон. Я подвергну тебя пытке.

Рено. Все равно я ничего больше не могу вам сказать.

Аббат. Два человека, его помощники в этом отвратительном убийстве, были черны, как черти, и действительно он просил их передать несколько слов Оборотню.

Д'Апремон. Что же он сказал, кузен?

Аббат. Я был так потрясен, что ничего не расслышал.

Д'Апремон (*пожимая плечами*). Да, правда, для духовных лиц мужество не обязательно. (*К Рено.*) Что ты им сказал?

Рено. Я просил этих людей поблагодарить их атамана Оборотня.

Д'Апремон. А откуда ты знаешь разбойника, которого зовут Оборотнем?

Рено. Я встретил его раз в лесу. Я сильно горевал после смерти сестры и попросил его помочь мне отомстить. Он мне обещал и прислал двух человек.

Д'Апремон. Где теперь Оборотень?

Рено. Не знаю. Говорят, он никогда не проводит двух ночей в одном месте.

Д'Апремон. Да, это правда. (*Прокурору.*) Мэтр Гюг! Что ты на это скажешь?

Прокурор. Дело ясное, монсеньер: он сознается в убийстве, указывает сообщников, свидетели подтверждают его слова. Остается вынести приговор.

Д'Апремон. Значит, пытка не нужна?

Прокурор. Если вашей милости угодно, пытку можно применить. Но этот человек сказал все, что требуется знать.

Д'Апремон. Тем лучше.

Конрад. Как, папа, неужели его не будут пытать? А мне сказали, что его вздернут на дыбу!

Д'Апремон. Молчи, негодник! Беги лучше во двор стрелять из лука. Тебе тут нечего делать... Ну, мэтр Гюг, как мы казним этого злодея?

Прокурор. По обычаю, монсеньер, в подобных случаях виновного вешают после того, как ему отрубят кисть руки и отрежут язык.

Де Монтрёйль. Его следовало бы сжечь живьем.

Конрад. Да, сжечь! Я никогда не видел, как сжигают живьем.

Прокурор. Это не в наших обычаях.

Аббат. Как! Сжигать? А что же вы сделаете с тем, кто убьет духовное лицо?

Д'Апремон. Мой кузен аббат прав, он всегда стоит за привилегии духовенства. Мэтр Гюг! Составь приговор по своему усмотрению. У этого злодея есть мужество, у меня невольно пробуждается к нему жалость. К тому же я не люблю мучить без нужды божью тварь. Если мне случается долго преследовать дикого кабана, который лихо защищался и разорвал у меня не одну собаку, то я всегда стараюсь вогнать рогатину прямо в сердце, чтобы свалить его одним ударом. Человек этот убил моего сенешаля, но я не хочу, чтобы его калечили перед смертью.

Рено. Покорнейше вас благодарю, монсеньер.

Д'Апремон. Посмотрим, так ли ты будешь хладнокровен, когда пойдешь на виселицу.

Входит стольник.

Стольник. Сударь! Слуга мессира Филиппа де Батфоль привез прекрасного, жирного оленя в подарок от своего господина. Дочь вашей милости Изабелла спрашивает, как вы прикажете его приготовить.

Д'Апремон. Спроси у этих господ.

Сивард. Он жирен?

Стольник. Жира на полгора пальца.

Сивард. Приготовьте филе на вертеле. Я не знаю лучшего жаркого, если олень жирен.

Де Монтрёйль. Вы правы, а в соус положите побольше пряностей.

Конрад. А мне пусть дадут оленью ножку на ручку для плети.

Д'Апремон. Ты этого не стоишь, ты еле держишься на коне.

Конрад. Мне не для верховой езды, а чтобы хлестать собак.

Д'Апремон. Ну, давайте кончать. Пусть уведут этого человека. Когда писец напишет приговор, я приложу печать.

Рено. Монсеньер! Сделайте милость, не откажите мне в духовнике.

Д'Апремон. В духовнике? Зачем он тебе, проклятый злодей? Или ты надеешься примириться с небом?

Аббат. Благородный кузен! На грех и милость. Этот человек еще сохранил некоторое почтение к духовным особам, нельзя отказать ему в священнике.

Д'Апремон. За час до того, как тебе придется иметь дело с мэтром Клодом, палачом, тебе пришлют священника из моего замка.

Рено. Если вы ничего не имеете против, я предпочел бы досточтимого отца Жана.

Д'Апремон. Я замечаю, что все негодяи в округе знают отца Жана и исповедуются у него.

Аббат. Увы! Надо сознаться, отец Жан не может служить примером для назидания в нашей общине.

Д'Апремон. Не в одной ли из своих проповедей он внушил этому мужику дьявольскую мысль убить моего сенешаля?

Рено. Я действовал по собственному побуждению.

Д'Апремон. Будь я на вашем месте, сир аббат, я стал бы зорко смотреть за этим монахом. Он вечно трется среди мужиков. Я очень сомневаюсь, чтобы он призывал их к повиновению. (К Рено.) С тебя довольно и монаха из замка. Благодарю за то, что мы проявляем хоть некоторую заботу о такой душе, как твоя... Когда у нас базарный день?

Прокурор. В будущий четверг.

Д'Апремон. Ну, приготовься же к четвергу, сын Вараввы!.. Увести его.

Рено уводят.

Конрад. В феодальном суде нет ничего забавного. Пойду на кухню за оленьей ножкой.

Д'Апремон. Пойди скажи дворецкому, чтобы принес из погреба четыре бутылки испанского — отличное вино к дичи.

С и в а р д. Скажи, малыш, пусть лучше подадут шесть, а не четыре.

Д'А п р е м о н. Шесть так шесть... Вы славный собутыльник, мессир Сивард.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Другая зала в замке Апремон.

С и в а р д, п а ж.

П а ж (у окна). Вот это все, до той колокольни,—владения барона.

С и в а р д. Прекрасная барония! И маленький обжора получит все это в наследство?

П а ж. Да, монсеньер.

С и в а р д. Жаль, что дочь не единственная наследница! У нее было бы княжеское приданое.

П а ж. О, приданое у нее будет отличное, ручаюсь вам. Бабушка завещала ей в Артуа великолепный лен; говорят, он приносит больше десяти тысяч флоринов.

С и в а р д. Так эти десять тысяч флоринов вместе с ней самой предназначаются тому толстомордому, с зеленым пером? Клянусь святым Георгием, я знаю человека, которому они больше бы подошли!

П а ж. Мессир де Монтрёйль получит большое богатство с дядиной стороны.

С и в а р д. Тем хуже, потому что он не сумеет распорядиться им как следует: ведь он ужасный скаред.

П а ж. Простите, монсеньер, меня ждут мои обязанности.

С и в а р д (дает ему денег). Большое спасибо, мальчуган. Вот тебе, выпей за мое здоровье.

П а ж уходит.

Десять тысяч флоринов дохода! На это можно содержать отличный отряд! Если Жильбер соединится со мной, мы будем предписывать законы всей Бовуази. А после его смерти все перейдет ко мне. Ведь этот маленький дурачок...

Входят Изабелла и Марион.

Изабелла. Прекрасный рыцарь! Вы печально глядите в окно. Вам, кажется, хотелось бы выбраться поскорее из наших старых стен и снова нестись по этим красивым местам во главе своего отряда.

Сивард. Нет, прекрасная дама, я не думал о моих воинах. Я мечтал о том, как приятно было бы скакать по этой равнине с соколом на руке, в вашем обществе.

Изабелла. Это удовольствие доставить легко. Мой отец вовсе не желает лишать своих пленников развлечений, которые могут скрасить им жизнь.

Сивард. С таким милым тюремщиком тюрьма отраднa.

Изабелла. А долго ли мы будем иметь честь сторожить вас, монсеньер?

Сивард. Кажется, еще некоторое время я буду иметь счастье оставаться поблизости от вас. Никак не могу договориться с вашим отцом. Он требует королевского выкупа, на который не хватает ни собственного моего кошелька, ни кошелька друзей.

Изабелла. Ах, монсеньер! Если бы английские леди знали, что вы в плену, я уверена, они продали бы золотые кольца и булавки, чтобы освободить мессира Сиварда.

Сивард. Если бы английские леди увидели владелицу замка, которая держит меня в плену, они решили бы, что я о них забыл.

Изабелла. Как, рыцарь? Они такого дурного мнения о вашем постоянстве?

Сивард. Сударыня! Какой Амадис сохранил бы верность, увидев ваши прекрасные глаза? Все рыцари Круглого стола...

Изабелла. Ах, избавьте меня от лести! Узнаю вас, предводителей вольных отрядов. Когда вы не в состоянии больше рыскать по стране, угоняя быков и лошадей, тогда вы снисходите до нас, бедных девиц, и стараетесь прельстить нас учтивыми речами.

Сивард. Увы! Бедная рыцарская вольница! Все-то нас бранят. Дамы смеются над нами потому, что мы круглый год на конях, со шлемом на голове, и нам некогда обучаться нежному языку любви. Рыцари, из тех, что чаще одеваются в шелк, чем в железо, покоряют

сердца красавиц, которых они не посмели бы оспаривать у нас с копьем в руке.

Изабелла. Что касается языка любви, мессир Сивард, то вы доказываете, что у вас хватило времени научиться ему.

Сивард. О, когда бы небу угодно было, чтоб я показался вам красноречивым!

Изабелла. Оставим это, монсеньер. Вы ведь знаете, что я невеста, и мне не следовало бы прислушиваться к нежным словам, которые вы мне говорите.

Сивард. Невеста! А разве это обещание нерушимо?

Изабелла. Нерушимо? Этого я не могу сказать.

Сивард (в сторону). Город взят! (Громко.) Возможно ли?..

Изабелла. Я могу нарушить его... но при одном маленьком условии.

Сивард. При каком? Говорите, ради пресвятой девы!

Изабелла. Условие заключается в том, что если я не выйду за мессира де Монтрёйля, то мое поместье в Артуа — а оно составляет все мое состояние — перестанет мне принадлежать.

Сивард (в сторону). Черт побери!

Изабелла. Что с вами, монсеньер? Вы как будто... несколько смущены?

Сивард. Нет, но... поневоле чувствуешь себя несчастным... когда... когда... Престранное, однако, условие... Кажется, сегодня что-то запаздывают с обедом. Мне не терпится отведать оленя, которого вам прислали.

Изабелла. Сейчас позвонят.

Сивард. Вот мессир д'Апремон идет по галерее... Кажется, он сделал мне знак, он зовет меня. (Уходит.)

Изабелла. Ха-ха-ха! Куда девалась вся его учтивость? Моя выдумка сразу оборвала нить его любезностей.

Марион. Он действительно отважный рыцарь, если смеет притязать на руку девицы, владеющей крупным дворянским леном! Какой-то атаман грабителей, у которого только и состояния, что конь да старые латы.

Изабелла. Замолчи! Мессир Сивард — дворянин, и тебе не пристало дурно отзываться о нем.

М а р и о н. Дворянин! Такой же, как вся эта голь, тотчас же выдумывающая себе герб, как только ей удастся собрать вокруг себя десяток вооруженных негодяев. Право, я предпочла бы принимать ухаживания этого бедняги Пьера, которого вы прогнали.

И з а б е л л а. Кажется, я раз навсегда запретила тебе говорить о нем.

И з а б е л л а и М а р и о н уходят.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Поляна в лесу с большим дубом посредине. Ночь.

Б р а т Ж а н, С и м о н, М а н с е л ь, Б а р т е л ь м и, Т о м а, М о р а н, Г а й о н, О б о р о т е н ь, к р е с ь т ь я н е, р а з б о й н и к и.

О б о р о т е н ь (брату Жану). По заслугам и честь. Досточтимый отец! Садитесь сюда, под этот дуб, на сноп соломы. Ей не сравниться с прекрасными резными креслами вашего аббатства. Но это все, что мы можем предложить. (Остальным.) А вас я приглашаю последовать моему примеру. (Садится наземь, остальные тоже.) Не бойтесь, нас не застигнут врасплох. Я сам расставил волков — они хорошие сторожа: надо быть большим ловкачом, чтобы провести их.

Б р а т Ж а н. Возлюбленные дети мои и земляки! Я вас созвал сюда, чтобы условиться, как нам действовать. Я призываю всякого высказать то, что он считает за лучшее, открыто заявить о том, что он считает правильным. Но раньше узнаем, что делают крестьяне в других деревнях. Где наши друзья из Жене?

Т о м а. Досточтимый отец и вы все, господа и друзья мои! Должен вам сообщить, что весь честной народ в Жене, крестьяне и обыватели, готовы свернуть шею мессину Филиппу де Батфолю и в случае нужды помочь вам сделать то же самое и с вашими господами. Спросите вон тех трех — они из Жене, — солгал ли я вам хоть в чем-нибудь.

Т р о е к р е с ь т ь я н. Да, это верно. Мы рады свернуть ему шею.

Б р а т Ж а н. Есть у вас оружие?

Т о м а. Хватит на всех. Я накупил мечей и пик и все это запрятал в яму под скалой, хорошенько обернув, чтобы не заржавело.

Б р а т Ж а н. Вот это хорошо. (*Другим крестьянам.*)
А вы, кажется, из Бернильи, вы из Ласурса, а вы...

К р е с т ь я н е. Мы из Валь-о-Корнье.

Б р а т Ж а н. Что у вас нового?

К р е с т ь я н е. Все готово, вожаки выбраны. Выступим, когда прикажете.

В т о р о й к р е с т ь я н и н. Оружие у нас есть.

Т р е т ь и й к р е с т ь я н и н. Назначьте день, и мы двинемся.

Б р а т Ж а н. Я вижу, все вы полны решимости. Придумаем же наилучший способ избавиться от баронов и всех сеньеров этого края. У кого есть какое-нибудь предложение?

О б о р о т е н ь (*поднимаясь*). Волки... то есть, я хочу сказать, друзья мои! Вам известно, что Апремонский замок — самый крепкий в Бовуази. Нам, жителям этой округи, выпала самая трудная задача, а потому я думаю, что все остальные, кому надо будет убить лишь одного-двух человек да спалить беззащитный дом, должны подать нам руку помощи, чтобы взять сообща Апремонский замок.

Т о м а. Так мы и сделаем. Если потребуется хоть сотня наших, — вам стоит только слово сказать.

С и м о н. Это все уладится. Нам надо знать, как овладеть замком и когда за это дело взяться.

М о р а н. Мне кажется, досточтимый отец... и вы, все присутствующие, — низко вам всем кланяюсь... Мне кажется, что лучше повременить немного, пока все крестьяне Бовуази не примкнут к нашему союзу. По крайней мере мы будем знать тогда наши силы...

О б о р о т е н ь. Незачем дольше ждать, черт возьми! Нас и так немало, начнем! Другие наберутся храбрости, когда увидят хороший пример, который мы им подадим. Итак, заноси палицы, бей, круши — вот мой совет!

С и м о н. Притом, дорогие господа, человек, которого вы все любите, Рено из Апремона, мой шурина, сидит в тюрьме и ждет казни. Позор, если мы дадим ему умереть и не попытаемся спасти его.

Бартельми. Да, Рено стоит того, чтобы помочь ему.

Мансель. Вы все знаете, как великодушно он поступил. Убив злодея сенешаля, он сам отдал себя в руки барона, чтобы не казнили каждого десятого из односельчан и не пытали их.

Оборотень. Молодец, клянусь бычьей тушей! Только ради того, чтобы его спасти, стоило бы перебить всю французскую знать. Завтра же возьмемся за оружие, подступим к замку, постараемся выломать ворота и...

Моран. Ишь ты! А про стражу и подъемный мост забыл?

Бартельми. А что, если завтра ночью нагрянуть врасплох?..

Моран. Нужны лестницы, чтобы взобраться на стену, а у нас их нет.

Гайон. У меня есть лестница, чтобы лазить на чердак. Я охотно ее дам.

Моран. Дурень! В твоей лестнице пятнадцать футов, а стены — выше сорока.

Бартельми. Так наделаем лестниц, клянусь кровью божьей матери! Нарубим шестов...

Моран. А если нас за этим делом накроют?

Симон. Притом у нас не остается времени. Рено казнят в четверг, в базарный день.

Бартельми. Ну, тогда, черт побери, я уж и не знаю, что делать!

Оборотень. Если бы Жильбер или его дочка выехали из замка, мы могли бы...

Брат Жан. Вы говорите, Рено хотят казнить в четверг?

Симон. Да, в четверг.

Брат Жан. На базарной площади?

Симон. На базарной площади. Там уже ставят виселицу.

Брат Жан. В четверг и надо его освободить. При нем стражи будет десятка два латников, не больше. Жильбер, конечно, будет присутствовать при казни. Он любит такие зрелища. Случай выдается отличный: ровное место, сотня против одного. Успех обеспечен.

Оборотень. Так будет лучше всего, и придумал это наш отец Жан!

Брат Жан. Как только латники перейдут подъемный мост, сотня наших, спрятавшись за домом Морана, бросится к воротам. Если внезапно напасть, ими нетрудно будет овладеть. Во всяком случае, мы захватим Жильбера. А раз он попадет к нам в руки, замок продержится недолго.

Симон. И мы освободим Рено!

Все. Отец Жан прав! Он это хорошо придумал.

Бартельми. Если хотите, я нападу на ворота.

Брат Жан. Хорошо... Моран! Ты пойдешь с ним и с Пьером, который сейчас явится сюда. Он знает замок и будет вашим проводником. Ты, Франк, станешь со своими молодцами у опушки леса и кинешься к нам на подмогу по первому знаку.

Оборотень. Меня не заждетесь.

Брат Жан. Тома! Ты со своей сотней выйдешь из Жене ранним утром. День будет базарный, и ваша вагата не вызовет подозрений. Спрячьте оружие в возы с соломой. (Другим крестьянам.) А вы оставайтесь дома и займитесь Филиппом де Батфолем. Да не забудьте в знак победы зажечь огонь на вашей колокольне.

Крестьянин. Я точу топор каждый день и не промахнусь.

Брат Жан. А вы, добрые люди из Ласурса, Бернильи и Валь-о-Корнье, пришлите к нам ваших молодцов и хватайте всякого, кто носит платье, расшитое гербами. Не забывайте извещать нас о ваших успехах, раскладывайте костры на возвышенных местах.

Другой крестьянин. Я приду, а мой брат останется.

Еще один крестьянин. Я приду с шестью десятками на все готовых парней.

Моран (поднимаясь). Тсс! Я слышу шум. Нас накрыли.

Оборотень. Трус! Разве ты не видишь, что это один из моих волков?

Моран. Да, но с ним еще люди.

Брат Жан. Это Пьер, это наши друзья. Я послал их в Бове закупить оружие, вот они и принесли его.

Появляется Пьер. За ним несколько крестьян несут оружие.

Пьер. Получайте! Этого хватит, чтобы вооружить самый большой отряд во всей Франции.

Брат Жан (*Пьеру*). Что нового в Бове?

Пьер. У мессира Ангерана де Буси не больше сорока копий и сотни стрелков. Он ничего не сможет предпринять против нас.

Брат Жан. Никто не удивлялся, что ты покупаешь столько оружия?

Пьер. Нет. Я частенько закупал его для барона. Притом вольные отряды и разбойники так опустошают страну, что все им запасаются.

Оборотень (*своему помощнику, тихо*). Не нравится мне что-то этот разжалованный латник.

Брат Жан. Все готовятся точно к празднику... И праздник настанет в четверг...

Моран (*брату Жану, тихо*). Вы уверены в Пьере?

Брат Жан (*тихо*). Как в самом себе. (*Пьеру*.) Пьер! Велика ли стража у замковых ворот?

Пьер. Больше десятка стражников не бывает. Притом половина без оружия: валяются по лавкам, спят и играют.

Брат Жан (*остальным*). Слышите? Пьер! Пока мы будем освобождать Рено, ты с сотней этих молодцов захватишь ворота и подъемный мост. Я потом подробно изложу тебе план.

Пьер. Только, друзья, поклянитесь, что вы не делаете зла женщинам. Малейшее оскорбление им...

Оборотень (*грубо*). Что он толкует, этот Жильберов холоп? Все, что ни есть дворянского, обречено.

Пьер. Обречено тобой, бешеный волк. Но, к счастью, все эти достойные люди на тебя не походят.

Оборотень. Прекрасный менестрель! Я заставлю тебя пропеть песенку и буду отбивать такт по твоей голове вот этой палицей.

Пьер (*обнажая меч*). Подойди-ка сюда, злодей!

Брат Жан. Остановись, Франк! Что это за ссора в нашем собрании? Или вы не знаете, что дочь д'Апремона — добрая и милосердная дама? Кто станет это отрицать?

Крестьяне. Никто, никто! Горе тому, по чьей вине упадет хоть волос с ее головы!

Оборотень. Ладно, ее мы не тронем. Но мы поработаем вовсю! (Садится.)

Пьер вкладывает меч в ножны.

Моран. Мы начинаем большое дело. Нужно придумать название для нашего войска.

Оборотень. Моран прав, я кое-что скажу по этому поводу. Друзья! Вы знаете, что я первый начал войну против сеньеров, и я был бы вправе дать название нашему союзу. Я мог бы предложить вам называться «Волками»: это имя уже прославленное, но оно могло бы вызвать между нами раздоры. А потому придумаем что-нибудь другое. Назовем себя, скажем, «Отрядом бешеных медведей» или «Отрядом смерти» — это произведет сильное впечатление! Под черным знаменем с двумя белыми виселицами на нем!

Пьер. Какой ужас! Настоящее разбойничье знамя!

Оборотень. Пьер! Мне придется пустить тебе кровь. Ты чересчур горяч, с тобой нельзя спокойно разговаривать.

Брат Жан. Мир! Еще раз приказываю вам! Названия, которые предлагает наш друг Франк, не годятся для такого святого дела. Чего мы хотим? Освободиться от тирании сеньеров, образовать свободные общины. Назовемся же «Лигой общин». Что касается боевого клича, то что может быть лучше, чем имя святого угодника Лёфруа, покровителя нашего края?

Крестьяне. Да! Да! Общины! Лёфруа! Лёфруа!

Оборотень. Имя святого? Экая смехота!

Крестьяне. Общины! Свобода! Лёфруа! Лёфруа!

Оборотень. Идет! Лёфруа! Отлично! И это имя может пойти нам на пользу. Лёфруа! Бей! Бей! Лёфруа!

Брат Жан. Кто из вас умеет трубить в рог?

Гайон. Я умею недурно трубить, отец Жан. Мои поросята узнают мой рог за полмили, истинный господь!

Брат Жан. Хорошо. Ты затрубишь, когда я тебе прикажу. Франк! Ты поспешишь по этому сигналу к нам. А вы, Пьер и Бартельми, бросайтесь к воротам.

Все. Аминь!

Моран. Утренняя звезда поднимается, мы едва успеем вернуться домой.

Брат Жан. Еще минутку, друзья мои. Я с горестью

заметил признаки раздора в наших рядах. Двое из вас, оба люди храбрые и преданные общему делу, как будто не забыли еще, что в минуту гнева обменялись несколькими чересчур горячими словами. Раньше, чем мы разойдемся, пусть Пьер и Франк, как братья, подадут друг другу руки.

Пьер. Я?..

Все. Да, помиритесь.

Оборотень. Отлично. Только пусть он оставит свои дворянские замашки.

Пьер. А ты...

Брат Жан. Подайте друг другу руки, и чтобы все было забыто.

Пьер и Оборотень подают друг другу руки.

Оборотень (Пьеру). У тебя маленькая белая ручка, точно у женщины.

Пьер. А у тебя рука чересчур красная.

Оборотень. Я этим горжусь.

Брат Жан. Прежде чем разойтись, поклянемся собраться в четверг после ранней мессы на базарной площади.

Все (поднимают руки). Клянемся!

Брат Жан. Благословение господне и святого угодника Лёфруа да будет над вами! В четверг мы собираемся и уже не разойдемся.

Все уходят.

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Келья брата Жана в аббатстве святого Лёфруа.

Брат Жан, Пьер.

Пьер. Не по душе мне эта смесь среди наших заговорщиков. Будь у вас только кроткие и человеколюбивые люди, как Симон или Моран, а то этот пьяница Гайон и особенно Франк!.. Я не могу без дрожи подумать о всех жестокостях, которые он совершил. А кроме того, разве он, да и вся его шайка не отступились от бога?

Брат Жан. Франк был жестоко оскорблен. Его месть была ужасна, я это знаю, но ведь то была месть.

Притом в такое время нельзя быть слишком разборчивым. Франк — мужественный человек, у него твердая рука. Его помощью нельзя пренебрегать.

Пьер. Когда все эти разбойники станут господами положения, они будут хуже диких зверей.

Брат Жан. Но ведь я же их предводитель! Неужели ты думаешь, я не сумею держать их в повиновении? Именно для того, чтобы их сдерживать, я и решился стать во главе их.

Пьер. Дай-то бог, чтобы вам это удалось!

Брат Жан. Успех нашего предприятия прежде всего. Звонят к ранней мессе. Помоги мне надеть кольчугу и сутану поверх нее. Это последняя служба, которую я услышу... по крайней мере здесь. Ступай и жди меня на площади. С этой бородой, в плаще, никто тебя не узнает.

Пьер. Благовест! Никогда мое сердце так не билось при приближении опасности.

Брат Жан. Отступать уже поздно. Нынче вечером мы будем свободны, или нас повесят. Что до меня, то я приложу все усилия, чтобы избежать виселицы. Следуй моему примеру и думай о награде, которая тебя ожидает.

Звон колокола.

Пьер. Господи!

Брат Жан. Прощай! После мессы я разыщу тебя.

Брат Жан и Пьер уходят.

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Базарная площадь в деревне Апремон. На помосте виселица. Вдали виден замок.

Симон, Моран, Мансель, Бартельми, толпа крестьян.

Бартельми (*Морану*). Ты что-то бледен, друг. Не трусишь ли ты?

Моран. Отца Жана все нет.

Симон. Гайон пошел за ним.

Моран. А есть ли вести от Тома?

Бартельми. По большой дороге едут повозки. Это наши.

Мансель. Бартельми! Тебе с Мораном пора бы уже быть на посту.

Моран. Чутьочку подождем. Никто не выходит из замка. А вдруг они что-нибудь заподозрили?

Бартельми. Держи язык за зубами и не пугай других. Здесь не место трусам...

Мансель. На сторожевой башне еще не звонили. Бояться пока нечего.

Появляется Гайон.

Гайон. Досточтимый отец идет следом. Говорят, у барона приступ подагры и он не будет присутствовать при казни.

Моран. Черт возьми, это портит все дело!

Бартельми. Ничуть. Мы доберемся до его постели и полечим его.

Моран. Ради бога, тише!

Мансель. Посмотри, Симон: ведь это Тома из Жене сидит на телеге?

Симон. Он самый. И вид у него такой, точно он уже сделал свое дело. Пойти спросить его. (Уходит.)

На башне звонят.

Моран (крестясь). Пресвятая дева! На сторожевой башне звонят: это к началу казни.

Бартельми. Хотел бы я знать, о чем сейчас думает Рено. Бьюсь об заклад, что он и не догадывается.

Моран. Тсс!.. Подъемный мост опускается.

Появляется брат Жан.

Брат Жан (тихо). Ну, дети мои, все ли вы готовы?

Бартельми (распахивая плащ и показывая рукоять меча). Видите эту штучку?

Брат Жан. Хорошо, спрячь ее пока.

Моран. Вон от замка спускаются пешие и верховые, целая процессия.

Брат Жан. К делу! Бартельми! На место! И как только зазвучит рог...

Бартельми. Да, да.

Брат Жан. Моран! Иди за ним.

Моран. Благословите меня, отец.

Брат Жан. Ступай и ничего не бойся — святой угодник Лёфруа будет нам помощником.

Моран. Аминь.

Бартельми. А где Пьер?

Брат Жан. Вон он, закутался в плащ. Он делает тебе знаки.

Моран и Бартельми уходят.

Мансель (брату Жану). Отец! Видите дым там, вдалеке? Это наши друзья из Ласурса подают весть.

Брат Жан. Хорошо, хорошо!

Появляется Симон.

Симон. Я виделся с Тома, досточтимый отец. Мес-сир де Батфоль... (Проводит рукой по шее.)

Брат Жан. Хорошо.

Симон. Тома встретил по дороге Оборотня. Он готов: лук натянут, стрела в тетиве.

Брат Жан (Симону). У тебя зычный голос, ты закришишь первый. Гайон! А где твой рог?

Гайон. Вот он. Я утром выпил бутылочку, чтобы прочистить горло.

Мансель (брату Жану). Смотрите: вон еще дымок!

Появляется крестьянин.

Крестьянин (брату Жану). Мы всех порешили и пришли помогать вам.

Брат Жан. Внимание! Дело начинается.

Появляется Тома с возом соломы.

Тома. Кому соломы? Не даром заплатите денежки.

Симон. Конец копья торчит... Пойду засуну его поглубже.

Въсзают верхом де Монтрёйль, Сивард, Конрад и его наставник. За ними идут: Рено, палач, глашатай, латники.

Де Монтрёйль. Дорогу!

Конрад. Дорогу, мерзавцы!

Наставник. Дорогу монсеньеру Конраду д'Апремону!

С и в а р д (указывая на Тома). А этот мужик не дурак. Взгромоздился на воз — оттуда ему будет хорошо видна казнь.

К о н р а д (смеясь). Ха-ха-ха! Что если поджечь солому, пока мужик разлегся наверху? То-то он заплясал бы!

Н а с т а в н и к. Забавная мысль! Вы проказник, монсеньер. Но, монсеньер, ведь эта солома принадлежит, без сомнения, барону, вашему батюшке, и если вы ее сожжете, вы уничтожите ваше собственное добро.

К о н р а д. А мне все равно! Я охотно отдал бы всю эту солому, только чтобы увидеть рожу мужика, когда он почувствует, что его поджаривают.

Г л а ш а т а й. «От лица знатного и могущественного сеньера, благородного мессира Жильбера, барона д'Апремона, объявляется всем, кому ведать надлежит: по приговору суда будет казнен Рено, крепостной и вассал апремонского лена, обличенный и сознавшийся в убийстве мессира Тома Гатиньи, сенешаля вышеупомянутого мессира Жильбера, барона д'Апремона. Смотрите и поучайтесь».

Р е н о (на помосте). Прошу вас всех, жители этой деревни: помолитесь о спасении моей души.

Б р а т Ж а н. Ну, Гайон, труби сильнее! Лёфруа!

С и м о н и М а н с е л ь. Лёфруа! Свобода общинам! Лёфруа!

Гайон трубит в рог. Все крестьяне повторяют клич. Одни нападают на латников, стоящих на помосте, другие вытаскивают оружие из соломы. Переполох. Появляются Оборотень и его люди.

Д е М о н т р ё й л ь. Мужики взбунтовались, спасайся в замок! (Пускается вскачь.)

Т о м а (хватая Конрада). Стой, змееныш! Ты расплатишься за отца.

К о н р а д. Друзья мои! Не убивайте меня! (Наставнику.) Друг мой! Защитите меня.

Н а с т а в н и к. Пощадите благородного отпрыска д'Апремона!

Т о м а. Вот тебе, отпрыск д'Апремона! (Убивает Конрада.)

О б о р о т е н ь. Получай и ты! Проводи его к дьяволу. (Убивает наставника.)

Помост опрокинут, Рено освобожден.

С и м о н (к Рено). Наконец-то мы свиделись, паренек! Обними меня.

М а н с е л ь. Возьми арбалет и иди с нами. Надо драться.

С и м о н, М а н с е л ь и Р е н о уходят по направлению к замку:

С и в а р д (среди вооруженных крестьян). Эй, господа! Я вовсе не родня Жильберу. Я его заклятый враг и вдобавок пленник, если только вы меня не освободите.

Первый крестьянин. Смерть ему! Это дворянин!

Второй крестьянин. Бей его! Он грабитель!

Третий крестьянин. Спроси у отца Жана, что с ним делать. (Брату Жану.) Досточтимый отец! Этот человек говорит, что он пленник Жильбера д'Апремона. Убить его?

Б р а т Ж а н (Сиварду). Кто вы такой?

С и в а р д. Меня зовут Фрэнсис Сивард. Я англичанин, я был в плену у барона д'Апремона.

Б р а т Ж а н. Это вы командуете отрядом латников... вольным отрядом?

С и в а р д. Я...

Б р а т Ж а н. Знаю. (Крестьянам.) Не причиняйте ему зла. Пусть двое посторожат его, пока мы пойдем на приступ. За мной, дети мои!

Появляются Бартельми, Пьер, Моран и Симон.

Б а р т е л ь м и (Морану). Трус! Дурак! Это ты виноват.

М о р а н. У тебя не хуже моего сверкали пятки.

П ь е р. Если бы вы бросились вперед, как я вам говорил, этого не случилось бы.

Б р а т Ж а н. Что такое? Отчего вы вернулись?

Б а р т е л ь м и (указывая на Морана). По его вине мы не взяли замка.

О б о р о т е н ь. Э! Все вы трусы, кроме Бартельми и Пьера... Мы были уже на подъемном мосту, когда эти негодяи увидели, что толстяк Монтрёйль мчится во весь опор с полдюжиной латников. Тут они потеряли голову и, сбивая друг друга с ног, стали улепетывать что есть мочи. Словом, подъемный мост был поднят, и нас чуть было не захватили.

Пьер. А Монтрёйль проскочил со своими в замок.

Брат Жан. Нечего огорчаться, дети мои: через несколько дней замок будет в наших руках. Мы обложим его со всех сторон и станем зорко следить, чтоб в него не провезли припасов... Мессир Сивард! Подойдите. Мне надо поговорить с вами.

Сивард. Верните мне свободу, и вы убедитесь, что я, как и вы, враг сира д'Апремона.

Брат Жан. Ну, хорошо. Предположим, мы освободим вас. Окажетесь ли вы настолько благородным рыцарем, что не забудете этого благодеяния?

Сивард. Скажите только, как вас отблагодарить.

Брат Жан. Здешние крестьяне взялись за оружие, чтобы вернуть себе волю и отомстить за жестокость баронам, особенно Жильберу, вашему врагу. Мы были бы рады, если б вы примкнули к нам и присоединили свой конный отряд к нашим стрелкам. Вы знаете, что сеньеры нашего края богаты, а добычу будем честно делить.

Сивард. Клянусь святым Георгием, вот это дело! Я сам собирался предложить вам свои услуги. Я отправлюсь сейчас же, а завтра водружу мой рыцарский стяг на этой площади, рядом с вашими знаменами.

Брат Жан. Дайте руку. (Крестьянам.) Дети мои! Одним другом у нас стало больше. Храбрый Сивард присоединяется к нам.

Пьер (в сторону). Вот еще один союзник вроде Оборотня.

Брат Жан (Сиварду). Подождите, мне надо посоветоваться с вами насчет осады... Бартельми! Расположитесь против замковых ворот и каждого, кто только выглянет, встречайте стрелами. Разложить большой костер в ответ на сигналы наших друзей! Пьер! Пойди покажи эгим молодцам, как делают фашины. Нарубите хворосту в лесу и завалите ров. Не будем терять времени. Пусть женщины и дети таскают землю и камни, пусть каждый приложит руку. (Оборотню, тихо.) А ты со своими волками ступай в монастырь. Ты знаешь, чего я хочу.

Оборотень. Да, да. С тонзурой или без тонзуры, мне все равно. (Уходит.)

Сивард. Вот двенадцать убитых латников. Это как раз то, что нужно, чтобы завалить ров.

Тома. Идем! Пусть они попрыгают.

С и в а р д. Натаскайте сюда дверей и столов, устройте заслоны против стрел. Хотите, я вас научу сыграть шутку с Жильбером? Возьмите пеньки, обмакните ее в смолу, намотайте на острие стрел, подожгите и пускайте в замковые конюшни — там сена много, пожар будет на славу.

Б р а т Ж а н. Это правильно. Живо!.. Живо принимайтесь за работу!

К р е с т ь я н и н (*показывая брату Жану отрубленную голову*). Вот голова мессира Филиппа де Батфоля.

Б р а т Ж а н. Отлично! Вздень ее на кол против замка.

С и в а р д. Филипп де Батфоль! Клянусь мечом Роланда, я очень доволен. Этот злодей повесил моего стрелка.

К р е с т ь я н и н (*показывая брату Жану женскую голову*). Взгляните на эту голову, досточтимый отец: это голова владелицы Бернильи. Чудесные волосы! Хотите сделать из них опахало от мух?

Б р а т Ж а н. Какая гадость! Волосы слиплись от крови.

С и в а р д. Жаль! Она была недурна собой! Впрочем, для порядочных людей их всегда найдется достаточно.

Б р а т Ж а н (*Сиварду*). Давайте обойдем ров, и вы скажете мне свое мнение.

Б р а т Ж а н и С и в а р д у х о д я т.

КАРТИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Внутренний двор монастыря святого Лёфруа. Ворота на крепком запоре. Груда всякого оружия⁴².

А б б а т О н о р е, на коленях перед ракой святого Лёфруа, б р а т И г н а т и й, б р а т Г о д е р а н, монахи, крестьяне — вассалы аббатства.

Б р а т И г н а т и й (*крестьянам*). Смелее, дети мои! Защитите тех, кто дает вам хлеб. Помогите нам прогнать этих злодеев, восставших на своих господ.

Б р а т Г о д е р а н (*крестьянам*). Ну, берите оружие! Тут его вдоволь, всякий найдет по своему вкусу.

Б р а т И г н а т и й. Ручаюсь, они будут вести себя молодцами. Не правда ли, дети мои, вы будете защищать

святые мощи и святую обитель нашу до последней капли крови?

Брат Годеран (брату Игнатию, тихо). Молчат.

Брат Игнатий (крестьянам). Я спрашиваю вас, дети мои: будете вы нас защищать? Ведь все равно наш друг сир д'Апремон живо расправится с бунтовщиками, и тогда аббатству нечего будет опасаться.

Несколько крестьян. Да, мы вас защитим.

Другие крестьяне (между собой, тихо). Жильбер д'Апремон мертв. Его убили.

Брат Игнатий (аббату, тихо). Сир аббат! Поговорите вы с ними. Призовите их к исполнению долга.

Аббат, словно погруженный в созерцание мощей, не отвечает.

Я говорю, сир аббат, что надо сказать им слово. Кто знает, как далеко пойдет этот бунт? Поймите, что эти мужики должны драться за нас, надо поднять в них дух. (В сторону.) Он ничего не слышит. Дурак! Сколько бы ты ни молился перед этим ящиком, который я сделал вместе с братом Жаном, он тебя не спасет...

Брат Годеран. А Сульпиция все нет. Он пошел разведать, что делается за стенами монастыря. Боюсь, не случилось ли чего с ним.

Брат Игнатий. Следовало бы написать в Бове губернатору мессиру Ангерану де Буси, чтобы он прислал нам латников.

Первый крестьянин (своему товарищу). Жан! Дай-ка мне твой нож.

Второй крестьянин. На. Зачем он тебе?

Первый крестьянин. Перерезать тетиву арбалета. Я не смогу тогда стрелять из него.

Брат Игнатий. Ну, дети мои, все ли выбрали себе оружие по душе? Вот еще пики. Возьмите и их.

Третий крестьянин. У этой пики древко гнилое.

Брат Игнатий. Возьми другую. Видишь? Вон ту.

Третий крестьянин. У нее помят железный наконечник.

Брат Игнатий. Она еще послужит.

Первый крестьянин. У моего арбалета нет тетивы.

Брат Игнатий. Найди тетиву. Да поторапливайся.

Второй крестьянин. Мой тоже без тетивы.

Четвертый крестьянин. Пойду поищу новую. Несколько крестьян. И мы тоже.

Идут к воротам.

Брат Игнатий (*преграждая им путь*). Стойте, стойте, голубчики! Куда это вы?

Крестьяне. Домой, за оружием лучше.

Брат Игнатий. Нет, не ходите, дети мои! Хорошо и это оружие. Да и в нем, по милости божьей и святого угодника Лёфруа, не представится надобности.

Сильный стук в дверь.

Аббат (*поднимаясь с испугом*). Боже мой! Святой Лёфруа! *Adjuva nos!* *

Брат Игнатий. Кто там?

Голос (*снаружи*). Отворите! Это я, Сульпиций!

Брат Игнатий. Отворяйте скорее!

Входит сам не свой от страха брат Сульпиций.

Ну, что? Что там такое?

Брат Сульпиций. Ах, друзья мои!..

Брат Игнатий. Говорите тише.

Брат Сульпиций (*крестьянам*). Все идет отлично! Отлично, друзья мои! Сир д'Апремон разбил их.

Крестьяне. Слава святому Лёфруа и нашим благородным сеньерам!

Брат Сульпиций подходит к аббату, монахи окружают его.
Крестьяне остаются в глубине двора.

Брат Сульпиций. Все погибло. Крестьяне взбунтовались. Мессир д'Апремон, говорят, убит. Вся Бовуази ополчилась против дворянства.

Брат Годеран. Значит, против нас у них нет дурных намерений?

Брат Игнатий. Дай-то бог!

Брат Сульпиций. Но самое ужасное — я ушам

---

* Помоги нам! (*лат.*)

своим не поверил — это то, что брат Жан, казначей нашего аббатства, стал во главе мятежников.

Брат Игнатий и брат Годеран. Брат Жан! Аббат. Нечестивец, антихрист! О боже! Предашь ли ты ему овец своих?

Брат Сульпиций (брату Игнатию). Вот он каков! А вы ему еще покровительствовали, брат Игнатий! Что вы теперь скажете?

Брат Игнатий. Я поражен.

Брат Годеран. И я тоже. Я считал, что он не способен на такое преступление.

Аббат. Вот что, братья мои, надо взять раку святого угодника Лёфруа, захватить как можно больше наличных денег и бежать без оглядки в Бове, не то этот филистимлянин придет и перережет нас всех.

Брат Годеран. Но, благодарение богу, опасность еще не так близка.

Брат Сульпиций. Не теряя минуты, я послал слугу к мессиру Ангерану. Помощь скоро прибудет.

Брат Игнатий. Стены у нас высокие.

Аббат. Ах, братья мои! Плохо вы знаете это отродье сатаны! Этому нечестивцу стоит поколдовать — и наши стены падут скорее, чем деревянные подсвечники. Бежать! Бежать!

Брат Игнатий. Говорите тише, сир аббат, мужики могут услышать.

Аббат (взявшись за одну из ручек раки). Скорей! Кто мне поможет нести эту драгоценную святыню?

Слышны крики.

Брат Игнатий. Слышите?

Аббат. *Consummatum est* *. Пришел нечестивец. (Бросается на колени.)

Брат Сульпиций. Стучат! Господи Иисусе! Дева Мария!

Сильный стук в ворота.

Аббат (упавшим голосом). *Vade retro, Satanas!* **

---

* Свершилось (лат.).

** Отойди, сатана! (лат.)

Брат Игнатий. Кто так неистово стучится в ворота святой обители?

Оборотень (за сценой). Отворяйте, во имя дьявола! Отворяйте, или я выломаю ворота!

Аббат. Боже мой! Подай мне силы принять мученический конец!

Брат Игнатий. Если вы сейчас же не уберетесь, мы забросаем вас камнями и стрелами.

Оборотень (за сценой). Мы не боимся ни ваших стрел, ни ваших отлучений! Отворяйте ворота, или я их выломаю!

Брат Игнатий (крестьянам). Стреляйте, друзья, из бойниц в этих разбойников.

Оборотень (за сценой). Вассалы монастыря! Мы пришли освободить вас от рабства. Помогите нам, мы ваши братья! Я, Кретъен Франк, пришел вас освободить.

Аббат. Оборотень! Господи Иисусе! Матерь божья!

Все. Оборотень!

Первый крестьянин. Я не решусь пустить стрелу в Оборотня.

Большинство крестьян отходит от ворот.

Оборотень (за сценой). Ну, сейчас вы узнаете, что значит палица Оборотня.

Раздаются частые удары в ворота.

Тащите бревно. Сюда, Франсуа! Сюда, Жан Куцый! Стой! Бейте в лад. Раз, два, три.

Ворота сотрясаются от страшных ударов.

Отлично! Дай-ка еще тумака! Раз, два, три.

Одна доска вылетает.

Брат Игнатий (хватая пику). Надо быть смелей, не то нас прикончат. (Аббату и другим монахам.) Беритесь за оружие, вместо того чтоб молиться и креститься, как бабы. (Крестьянам.) За мной, друзья!

Ворота взломаны. Входит Оборотень со своим отрядом. При виде его монахи и крестьяне пьются. Он вырывает пику из рук брата Игнатия и ударом древка валит его с ног.

Оборотень. Не тебе бы братья за оружие, старая плешь! Воля крестьянам! Нет больше рабства! Ну, крестьяне, кричите: «Воля!»

Крестьяне. Воля! Нет больше рабства.

Оборотень. Нет больше рабства! Нет барщины! Нет сеньеров! Все, что их, наше!

Крестьяне. Воля! Все, что их, наше!

Оборотень. Прежде чем начать грабеж, учиним расправу. Где тут некий Оноре, зовущий себя настоятелем этого монастыря?

Аббат (*в сторону*). Боже мой! Не смерти боюсь, но боюсь умереть во грехах.

Оборотень. Что же, никто не отвечает? По одеже вижу, что вот это брат Оноре. (*Хватает его за шиворот.*) Красивый аббат, ничего не скажешь.

Крестьяне смеются.

Аббат. О боже! По крайности сократи мои мучения!

Брат Сульпиций (*Оборотню*). Сжальтесь над служителями господними!

Оборотень. Замолчи! (*Аббату.*) А ну, говори, как ты смел стать настоятелем этого аббатства в ущерб достойному и глубокочтимому отцу Жану?

Аббат (*лепечет*). Я... я... я...

Оборотень. Говори яснее, или, клянусь святым Георгием, я задушу тебя.

Аббат (*указывая на монахов*). Они избрали меня.

Оборотень. Они сейчас поплатятся за это избрание. Но скажи мне, презренный монах, разве ты не знал, что отец Жан лучше тебя в десять раз? Отвечай!

Аббат. Убейте меня скорее.

Оборотень (*замахиваясь палицей*). Сейчас получишь.

Монахи. Пощадите, пощадите, господин атаман!

Оборотень. Прежде чем я тебя убью, ответь мне, бритая макушка, где монастырская казна?

Аббат. Это... достояние бедняков... Но... возьмите его... Брат Годеран вас проводит.

Оборотень. Сколько вас, монахов, в аббатстве?

Аббат. Ка... а... жется... от восьмидесяти двух... до... восьмидесяти трех.

Оборотень. Восемьдесят два с половиной, что ли? Дурак! И стада своего счесть не умеет!

Аббат. Восемьдесят два...

Оборотень. Досточтимые отцы! Пишите вашим друзьям, чтобы они прислали по сто франков выкупа за каждого из вас, и не позднее чем через месяц. А пока что я запру вас на вашей голубятне. В случае просрочки каждому отрежу по уху; еще две недели просрочки — по второму; еще две недели — голову долой. Устраивайтесь как знаете. Имеющий уши да слышит.

Несколько монахов. Мы из бедных семей, и никогда...

Оборотень. Молчать! Увести этих болтунов! (Одному из разбойников.) Вильфрид! Ступай, осмотри монастырские сокровища. Жан Куцый! Пойди запри эту кучу черных сутан! Постой! Кто из вас Игнатий? Отвечайте! Кто из вас Игнатий?

Брат Игнатий. Я. Что вам угодно?

Оборотень. Вы можете отправляться, куда захотите, без выкупа. Благодарите за это отца Жана и атамана Франка, прозванного Оборотнем. Возьмите с собой все, что вам принадлежит, и счастливого пути!

Брат Игнатий. Благодарю вас. Но только дайте мне провожатых до Бове, иначе...

Монахов уводят.

Оборотень. Ладно! Ладно! Там посмотрим! (Аббату.) Что касается тебя, то ты из проклятого рода д'Апремонов и не можешь рассчитывать на пощаду: я сожгу тебя живьем перед замком твоего двоюродного братца.

Аббат (на коленях). Пресвятая дева! Святой Лёфруа! Какие муки уготовали вы мне!

Оборотень. Этот золоченый сундучище, вероятно, рака святого Лёфруа? Пусть его отнесут в наш стан, он принесет нам счастье. (Толкает раку ногой.)

Аббат (поднимаясь, запальчиво). Нечестивец! Ты оскорбляешь святые мощи, и я накажу тебя своими слабыми руками!

Аббат бросается на Оборотня и пытается схватить его за горло; тот легко сбивает его с ног. Аббат падает на раку и обхватывает ее обеими руками.

Оборотень. Видали вы рассвирепевшего барана?

Аббат. Теперь я не боюсь умереть. Я жажду мученической смерти. Пока я жив, ты не осквернишь этих мощей!

Оборотень. Отдай сундук, или я размозжу тебе голову.

Аббат. Злодей! Отлучаю тебя от церкви, тебя и брата Жана!

Оборотень. Вот тебе за отлучение! *(Разбивает ему голову.)*

Аббат. Боже! *(Умирает.)*

Среди крестьян ропот.

Несколько крестьян. Убить аббата на раке святого Лёфруа! Это — святотатство!

Оборотень. Что говорят эти подлые рабы? Кто сказал, что это — святотатство? Кто из вас хочет поговорить со мной? Пусть заявит, пусть выступит, я ему отвечу...

Молчание.

(Разбойникам.) Уберите этот труп и бросьте в яму. А вы несите раку.

Разбойники колеблются.

Один из разбойников. Но, атаман... ведь...

Оборотень. Как, трус? Ты боишься, что святой Лёфруа, мертвый, что-нибудь тебе сделает? Смотри, дурак. *(Приподнимает раку.)* Теперь берись. Видишь, от этого не умирают.

Разбойники уносят раку.

Ну, друзья, сегодня наш день. Кутнем. Погреб у монахов хороший. Пойдем заглянем.

Несколько крестьян. Да, пойдём! Попируем, выпьем монашеского винца!

Один из крестьян. Добром это не кончится. Я охотней пошел бы грабить мессира д'Апремона.

Входит Моран.

Моран. Кретьен Франк! Кретьен Франк!

Оборотень. Чего тебе?

Моран. Отец Жан послал меня к тебе сказать, чтоб у аббата и волос не упал с головы.

Оборотень. Клянусь рогами Магомета, ты маленько запоздал. Да я и не стриг его, посмотри. (Указывает на труп.)

Моран. Пресвятая дева! Что ты наделал?

Оборотень. Да разве он был не той же змеиной породы? Или, ты думаешь, свет станет хуже оттого, что одним монахом стало меньше? Пойдем-ка в трапезную да выпьем.

Оборотень и Моран входят в монастырь. Разбойники и часть крестьян идут за ними, остальные расходятся. Двое остаются возле тела аббата.

Первый крестьянин. И подумать только, не дальше как вчера он служил мессу.

Второй крестьянин. Он убил его наповал. Нехорошо он поступил.

Первый крестьянин. Я сперва думал, что рака сотворит чудо. А как увидел, что ничего такого не происходит, то у меня появились нехорошие мысли насчет аббата.

Второй крестьянин. Надо бы его похоронить.

Первый крестьянин. У него на шее красивая цепь, ей-ей красивая. Не зарывать же ее вместе с ним. (Снимает цепь.)

Второй крестьянин. Ты берешь цепь?

Первый крестьянин. А почему бы нет?

Второй крестьянин. Конечно... А почему бы и мне тогда не взять кошелек? Вон из-за пояса торчит шнурок.

Первый крестьянин. Одежда у него еще хорошая. Зачем ей пропадать?

Второй крестьянин. Снимем и поделим.

Первый крестьянин. Сутана шерстяная, тонкая, отличное воскресное платье выйдет для жены.

Второй крестьянин. Мы бросим потом жребий, кому достанется.

Обирают труп.

Первый крестьянин. Э, да что нам за нужда хоронить его! Другие об этом позаботятся,

Второй крестьянин. И в самом деле, лучше припрятать то, что у нас есть, а не то еще отнимут. Народ тут ненадежный.

Первый крестьянин. Верно. Пойдем припрячем добычу.

Крестьяне уходят.

КАРТИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Холм в нескольких милях от Бове.

Ангеран де Буси, Флоримон де Курси, рыцари, оруженосцы, латники.

Ангеран (своей свите). Водрузить мое знамя на этих дроковых кустах! Трубить!

Флоримон (своему оруженосцу). Ришмон! Укрепите здесь мое знамя. (Ангерану.) Мессир Ангеран приказал трубить своему знамени, точно он нами командует.

Ангеран. Клянусь господней смертью, мессир Флоримон, разве я не губернатор провинции?

Флоримон. Согласен. Но сеньеры, прибывшие сюда, чтобы помочь нашему другу Жильберу д'Апремону, еще не решили, будете ли вы предводительствовать нами в этом походе.

Ангеран. Другими словами, вы оспариваете у меня эту честь?

Флоримон. Да, пожалуй.

Ангеран. Клянусь головой Крестителя, любопытно было бы посмотреть, как станет командовать столькими доблестными рыцарями ребенок, которого несколькими месяцами раньше я мог бы взять в пажи.

Флоримон. Бароны, приближающиеся сюда, возможно, окажутся того мнения, что рыцарь с родовым знаменем, вышедший в поле с тринадцатью значками, более достоин командовать ими, чем старый, сидящий рыцарь, который на моих глазах вчера вечером повернул коня и галопом умчался от нескольких мужиков, вооруженных палками. Скажите, мессир Ангеран, шпоры у вас целы? Уж очень вы безжалостно пришпоривали коня!

Ангеран. Вы меня оскорбляете! Я докажу вам с копьём в руке, что я более мужественный рыцарь, чем вы.

Флоримон. Я к вашим услугам. Назначьте место, и я буду с вами драться.

Ангеран. Завтра на этом самом месте: три удара копьём, три — шпагой и три — бердышом. Вот моя перчатка.

Флоримон. А вот моя.

Оруженосцы поднимают перчатки. Появляются сенешаль Вексена, Оливье де Лодон, Персеваль де Ла-Лож, Готье де Сен-Круа, рыцари и прочие.

Сенешаль. Что такое, сеньеры? Вы, кажется, взволнованы?

Ангеран. Взволнованы?.. Ничуть, сенешаль.

Флоримон. Не будем терять времени, решим, кто будет предводителем, и выберем боевой клич.

Оливье. Под чьим знаменем больше бойцов?

Ангеран. Сеньеры! Король вверил мне управление Бове.

Флоримон. Так и управляйте, черт возьми, вашим городом! Нам нужен не губернатор, а предводитель.

Ангеран. Наглец! Вы обязаны повиноваться приказам короля.

Флоримон. Я выступил с тринадцатю значками, и я буду вам повиноваться, только если король поручит вам усмирить бунтовщиков.

Сенешаль. Ради бога, рыцари, не ссорьтесь в час битвы! Вы оба достойны быть предводителями. Но поверьте старому солдату: единство прежде всего.

Оливье. Сенешаль! Ведь и у вас есть полномочия от моего грозного сеньера герцога Нормандского. Так будьте вы нашим предводителем.

Персеваль. Да, пусть он будет нашим предводителем.

Сенешаль. Сеньеры! Вы оказываете слишком много чести моим седидам. Под моим знаменем всего несколько солдат. Лучше выберите кого-нибудь из этих двух храбрых рыцарей.

Готье. Сенешаль! Вы командовали войском короля — будьте же сегодня нашим предводителем.

Персеваль. Да, пусть командует сенешаль.

Оливье. Кто хочет, чтобы командовал сенешаль, поднимите правую руку.

Все поднимают руки, кроме сенешаля, Ангерана и Флоримона.

Ангеран. По крайней мере не этот дерзкий мальчишка.

Флоримон. По крайней мере не трус.

Оливье. Сеньер сенешаль командует нами. Пусть знамена и значки отсалютуют его знамени.

Готье. А теперь скорей за дело. Наш боевой клич?

Оливье. Следует принять клич командира.

Персеваль. Значит, будем кричать: «Бодуэн сенешаль!»

Флоримон (*молодому рыцарю, тихо*). «Болван сенешаль!»

Ангеран. Сеньеры! Большинству наших латников этот клич незнаком. Надо выбрать другой, с которым они уже сражались.

Сенешаль. Вы правы. Рыцари! Я предлагаю вам кричать: «Матерь божья Бусийская!»

Флоримон. Со мной тринадцать значков, и, мне кажется, у меня больше оснований, чем у других, предложить свой клич: «Де Курси с Красным Львом!»

Готье. Да, он прав. У него тринадцать значков.

Персеваль. А что из того, что у него тринадцать значков? Пусть молодой человек подождет, пока у него вырастет борода, а потом уже предлагает свой клич.

Ангеран. «Матерь божья Бусийская» частенько пугала англичан.

Флоримон. Да. Но, кажется, этот клич вовсе не пугает Жака-Простака.

Сенешаль. Прекратим спор, сеньеры. Пусть каждый сохранит свой клич, но в честь Франции я предлагаю вначале прибавлять: «Монжуа Сен-Дени!»

Все. Монжуа Сен-Дени!

Сенешаль. Поскорее составим план нападения. Мессир Оливье де Лодон и мессир Персеваль де Лалож руководили разведкой и дадут нам сейчас отчет в том, что видели.

Оливье. Рассказать недолго. Вы отсюда можете видеть, как расположились эти негодяи. По правую сто-

рону от них ручей с крутыми берегами, слева они прикрылись повозками. Они образовали две линии защиты — стрелки впереди.

Флоримон. Мужичье хочет походить на настоящее войско.

Сенешаль. Позиция, занятая мужиками, крепка и трудна для приступа. К ним, должно быть, пробралась какая-нибудь английская лиса и построила их таким образом.

Флоримон. Тем лучше! В победе над ними будет хоть немного славы! А я уж боялся, что они разбегутся, не дождавшись нас.

Сенешаль. Мессир де Курси! Много ли вы видели сражений?

Флоримон. Мессир сенешаль! Вы это спрашиваете в насмешку над моей молодостью?..

Сенешаль. Я вовсе не шучу, молодой человек. Сегодня вы увидите битву, а не турнир с затупленными копьями. Я знаю здешний народ: у них длинные стрелы и тяжелые копья. Поверьте мне, день будет жаркий.

Флоримон. Как! Жак-Простак станет драться? Полноте! Ну, пусть еще вольные отряды, не постыдившиеся присоединиться к крестьянам...

Сенешаль. Мессир Флоримон! Желаю, чтоб вам сегодня не пришлось на горьком опыте убедиться в храбрости ваших соотечественников.

Появляется Оборотень под конвоем нескольких солдат.

Солдат. Сеньеры! Захвачен пленник. Этот дюжий негодяй рискнул слишком близко подойти к нам, но сейчас же струсил и сдался без сопротивления.

Сенешаль. Подойди, мужлан, и, если жизнь тебе дорога, говори правду. Много ли там народу?

Оборотень. Ах, монсеньер!.. О чем вы меня спрашиваете?

Солдат (угрожающе). Отвечай как следует, негодяй!

Сенешаль. Не надо дурно с ним обращаться... А ты, мужлан, слушай! Если ты скажешь правду, я пощажу тебя да еще дам шерстяной плащ.

Оборотень. Монсеньер! Нас больше трех тысяч... больше четырех. Вот и все. И это так же верно, как то, что все мы тут честные люди.

Сенешаль. Ты обманываешь меня, подлец! Вчера твоих товарищей было по меньшей мере восемь тысяч.

Флоримон. Сенешаль! Вы стары, и вы уже не в силах определить на глаз, сколько тут войска. Их не более четырех тысяч.

Сенешаль. Мои глаза тоже говорят мне, что тут четыре тысячи. Но моя опытность подсказывает, что в этих болотах и лощинах скрывается еще столько же.

Оборотень. Монсеньер! Вы так нас напугали, что половина разбежалась.

Флоримон. Я говорил, что они удерут. Скорей в атаку!

Сенешаль (Оборотню). Ты неплохо повторяешь урок, которому тебя научил твой начальник... Меня подмывает приказать отрезать тебе уши.

Оборотень. Ах, какая жалость, монсеньер!

Сенешаль. Где вольный отряд?

Оборотень. Увы! Половина его тоже ушла, и мы не очень-то рассчитываем на остальных. Но вот там — англичане Сиварда, который не мог уйти от нас, потому что у него сломана нога. А там вон, где тридцать, не то сорок лошадей, это наваррцы. Эх, будь их у нас хотя бы две сотни!

Сенешаль. Сплошное вранье! Эти блестящие латы, которые я вижу в центре, говорят мне о многочисленном вольном отряде.

Оборотень. Простите, монсеньер, это отряд Оборотня да половина крестьян из Апремона. Другая половина, как вы знаете, вместе с крестьянами из Жене осаждают Апремон под командой Пьера и Тома.

Сенешаль. Откуда у мужиков взялись такие блестящие шлемы, и почему это они огородились кольями на манер англичан?

Оборотень. Что до шлемов, монсеньер, то они чистят их песком, оттого они так и блестят. А что до кольев, то, говорят, они для того, чтоб загородить вам дорогу. Но, боюсь, эти колья ни к чему против добрых коней, как у вас.

Флоримон. Э, чего вы добиваетесь от этого болвана? Сенешаль! Мы только теряем время. Давайте сигнал.

Сенешаль. Я ваш начальник, и не мне получать от вас приказания. (Оборогню.) Если ты солгал, то помни: тебя ждет веревка. Не скажешь ли ты еще чего? Подумай.

Оборотень. Монсеньер! Я сказал правду.

Сенешаль. Уведите его.

Оборотень. А шерстяной плащ?

Сенешаль. Плащ или веревка — после битвы.

Оборотень. А какого цвета будет плащ?

Оборотня уводят.

Сенешаль. Что скажете, рыцари?

Флоримон. Сейчас же атаковать, вот мое мнение.

Персеваль. И мое...

Флоримон. Развернем знамена и с копьями наперевес вперед! Галопом!

Все (кроме сенешаля). Вперед!

Сенешаль. Храбрые рыцари! Позвольте моему старому опыту руководить вашей доблестью. Фронт неприятеля прикрыт хорошими стрелками, и они перебьют половину ваших лошадей раньше, чем вы приблизитесь на длину копья. Притом вчера шел сильный дождь, земля промокла, и лошади будут увязать по брюхо в грязи. Поэтому, мне кажется, лучше послать вперед арбалетчиков. Их арбалеты бьют дальше луков, и они легко расстроят ряды этих плохо вооруженных мужиков. Мы же сойдем с коней, тесно построимся в большой отряд, обрубив копья до пяти футов, поддержим наш авангард и с божьей помощью разобьем наголову бунтовщиков.

Флоримон. Нам сойти с коней и драться рядом с арбалетчиками!

Оливье. Спешиться перед мужиками, точно мы имеем дело с английским или фламандским войском!

Персеваль. Французские рыцари должны сражаться верхом, как их предки.

Готье. Французским рыцарям не к лицу сражаться, смешавшись с арбалетчиками⁴³.

Сенешаль. Господа! Помните Пуатье!.. У англичан считается почетным сражаться вместе со стрелками!

Флоримон. Э! Что нам англичане и их обычаи? Французам нет надобности учиться у кого бы то ни было.

Сенешаль. Какую пользу принесут нам лошади в этой болотистой местности, где неприятель засел в окопы? Мы не удержим строя при нападении.

Флоримон. Сенешаль! Позвольте мне с моими латниками смять эту кучу разбойников. Вы двинетесь за нами, и вам останется только убивать тех, кого мы опрокинем.

Сенешаль. Молодой человек! Верьте седой бороде, видевшей больше настоящих битв, чем вы переломали копий.

Флоримон. Я верю моему копыю и моим шпорам. Даю обет дамам, героям и цапле, перья которой я ношу⁴⁴, что водружу мое знамя посреди лагеря мятежников.

Персеваль. Мы последуем за вами.

Готье. Моя лошадь перенесет меня в полном вооружении хоть через реку.

Ангеран. Я согласен с мессиром Бодуэном. Сражаться в конном строю, пустив в дело копыя, здесь не позволяет почва.

Оливье. Моя лошадь обошлась мне в четыреста франков. Я это помню и не хочу, чтобы ее покалечила неприятельская стрела.

Сенешаль. Вы избрали меня своим предводителем, и я вправе требовать от вас повиновения. Пусть арбалетчики начинают атаку, а латники, спешившись, двинутся за ними.

Флоримон. Со мной тринадцать значков, и я буду сражаться верхом.

Готье. Посмотрите на мужиков: они до того обнагтели от нашей медлительности, что их стрелки выступают вперед, чтобы напасть на нас.

Флоримон. Други! Неужели мы потерпим, чтобы мужики первыми пустили стрелу? Разверните мое знамя, я раздавлю этих негодяев.

Сенешаль. Я один здесь начальник, без моего приказанья никто не должен выступать. Господа, приказываю спешиться! (Одному из военачальников.) Скажите арбалетчикам, чтобы шли вперед.

Военачальник. Монсеньер! Арбалетчики прошли по грязи четыре мили, они просят один час на отдых.

Флоримон. Что? Эта трусливая сволочь станет предписывать законы французским рыцарям? Святой Георгий! Мы пойдем на врага по телам этих мерзавцев⁴⁵. На коней! Поднять значки! Де Курси с Красным Львом!

Сенешаль. Остановитесь, вы все погубите! Остановитесь, я вам приказываю!

Флоримон (сидясь на коня). Я повинуюсь только моей даме и королю. (Своему отряду.) Копья наперевес! Де Курси с Красным Львом! И прекрасная Мателина!..

Трубы Флоримона трубят. Флоримон отъезжает со своим отрядом.

Готье. Клянусь святым Дионисием и святым Георгием, я последую за этим храбрым рыцарем! Святой крест, помоги нам! (Отъезжает со своими.)

Персеваль. За мной, мое знамя!..

Вместе с Персевалем отъезжает множество рыцарей; сенешаль тщетно пытается удержать их. Шум. Появляется Оборотень верхом на коне, за ним бежит пеший латник.

Оборотень. Они от нас не уйдут. Возьмусь-ка я опять за свой лук! (Пускается вскачь.)

Латник. Держите! Держите разбойника! Он убил моего товарища и украл у нас коня! (Убегает.)

Сенешаль (рыцарям, оставшимся с ним). Безумцы! Они покидают меня и сломя голову бросаются в трясины,—оттуда им не выбраться. Сеньеры! Хотите победить под королевским знаменем? Тогда следуйте за мной, ради святого Георгия! Постараемся, насколько возможно, исправить их ошибку.

Оливье. Слышите крики? Клянусь покровом божьей матери, они налетели на наших же арбалетчиков и опрокинули их.

Сенешаль (хватаясь за голову). О безумцы, безумцы!

Ангеран. Вот они уже завязли в грязи, и стрелки бьют их, как птиц, попавшихся на клей. Пресвятая

дева! Со всех сторон появляются отряды стрелков! Они были в засаде. Посмотрите: лошади сира де Курси падают в беспорядке под их стрелами. Ах, юный рыцарь! Дорого вам обойдется ваша самонадеянность! Сенешаль! На вашем месте я бросил бы его там, куда его увлекла собственная заносчивость.

Сенешаль. Как можно, монсеньер! Рыцари! Поспешим к нему на помощь! Он опрометчив, но отважен. Мы опозорим себя навеки, если покинем его в беде. Мессир Ангеран! Соберите, если можно, арбалетчиков! А вы, мессир Оливье, за мной! Попытаемся с нашими латниками пешком перейти болото. Монжуа Сен-Дени! На выручку!

Сенешаль и его свита отъезжают.

КАРТИНА ДВАДЦАТАЯ

Невысокий холм близ поля сражения. Издали доносится шум битвы.

Брат Жан. Скорей к повозкам, Моран! Пришли им еще стрел. Колчаны наших стрелков пустеют.

Моран. Бегу! (Убегает.)

Сивард. Это поручение ему по вкусу. Он не любит смотреть чересчур близко, как быют быков.

Симон (окидывая взглядом поле сражения). Слава богу и святому Лёфруа, они попали в болото, как птицы на клей.

Сивард (брату Жану). Когда же вы позволите мне ввязаться в дело?

Брат Жан. Ударьте им покрепче во фланг. Только не попадите в болото. Видите эти ивы? За ними земля достаточно надежна для ваших коней в латах.

Сивард. Вы сейчас увидите, на что я способен.

Брат Жан. Поверните влево от той купы тополей. Когда вы окажетесь на твердой земле, смело бросайтесь на них, я вас поддержу с моими копейщиками.

Сивард. За мной, латники! За Сивардом! За Сивардом! (Отъезжает.)

Симон. А мы что станем делать?

Брат Жан. Ступай, скажи Рено, чтобы он не слишком увлекался преследованием левого крыла. Затем приходи ко мне, я выдвину копейщиков. Мы нанесем решительный удар сенешалю.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Другая часть поля битвы.

Сенешаль, Оливье. латники, все пешие. Знамя сенешаля воткнуто в землю.

Сенешаль. Друзья! Вы поклялись защищать это знамя. Помните же о вашей клятве.

Оливье. Наши кони захвачены... Что нас ждет?

Сенешаль. Надо победить или умереть. Ах, если б у нас была хоть сотня хороших генуэзских арбалетчиков! Они удержали бы неприятеля на почтительном расстоянии.

Появляется Флоримон верхом, со шпагой в руке, с разорванным знаменем. С ним несколько солдат.

(Флоримону.) Сюда, Флоримон! Мы еще держимся. Что, молодой человек, будете верить старому солдату?

Флоримон. Ах, мессир сенешаль, это я все погубил! Боже! Почему меня не убили при первом натиске!

Сенешаль. Не будем отчаиваться. Соединим наши усилия, и, может быть, мы еще выпутаемся из беды. Что случилось с мессиром Готье?

Флоримон. Стрела... Ах, сенешаль! На моих глазах более сотни воинов было убито подлыми стрелками, прежде чем наши успели коснуться стрелков копьем. Все эти храбрецы погибли по моей вине!

Сенешаль. Я еще надеялся... Если б мессир Готье... Ну да все равно... (Флоримону.) Вы верхом. Что, не видеть ли мессира Ангерана?

Флориан. Этот трус давно удрал.

Сенешаль. Да будет воля божия! Постараемся подороже продать свою жизнь.

Флоримон. Да, моя единственная надежда — умереть с честью. Но вы, сенешаль, ради короля и Фран-

ции сохраните свою драгоценную жизнь! Возьмите моего коня: он вынес меня из болота и из гущи врагов, он доставит вас невредимым в Бове. *(Слезает с коня.)*

Сенешаль *(взяв его за руку)*. Доблестный юноша! Такой старик, как я, уже не может быть полезен королю. Сохраните для него отважного рыцаря; ему недоставало опытности, но сегодня он приобрел пятидесятилетний опыт.

Флоримон. Мне не пережить моего позора. Садитесь скорей, сенешаль, пока не поздно.

Сенешаль. Нет, дорогой мой Флоримон, вы проживете еще достаточно, чтобы отомстить за это поражение... А мне, мне, быть может, уже не представится другого случая умереть на поле битвы.

Флоримон. Клянусь богом, я останусь! Садитесь, отец мой, и передайте этот шарф Мателине де Арпеданн...

Сенешаль. Я поклялся защищать знамя короля и, пока я дышу, останусь при нем.

Флоримон. Ну, так умрем вместе. *(Убивает своего коня.)*

Сенешаль. Что вы делаете?

Флоримон. По крайней мере на него не сядет подлый мужик. Отец мой! Обнимите меня и простите мне безумную самонадеянность.

Сенешаль *(обнимая его)*. Несчастный юноша! Ты лишаешь Францию доблестного рыцаря!

Флоримон *(своим латникам)*. Сверните мое знамя: оно недостойно развеваться рядом со знаменем сенешаля. Друзья мои! Вот то знамя, которое мы должны защищать. Монжуа Сен-Дени! Бодуэн сенешаль!

Сенешаль *(крестясь)*. Сомкните ряды — они приближаются.

Появляются Броун, Сивард, Оборотень, солдаты вольных отрядов и крестьяне.

Броун. Предоставьте это дело нам, господа! Не подвергайте себя риску попасть на их копья, как на вертел! Ко мне, Оборотень! Вот прекрасная цель для наших стрел. Посмотрим, кто из нас лучше пробьет миланский панцирь.

Оборотень. Посмотрим, смелый англичанин. И так, в тот золоченый шлем!

Битва. После долгого сопротивления отряд сенешаля разбит.

Сенешаль (*раненный насмерть*). Господи! Прости мои прегрешения!

Флоримон. Никто не осмеливается приблизиться ко мне! Я не могу даже умереть! (*В него попадают две стрелы.*) Ах, если бы хоть рыцарским копьем... Иисусе! (*Умирает.*)

Броун. Это моя стрела.

Оборотень. Клянусь дьяволом, моя!

Броун. Он упал, когда я пустил в него стрелу.

Оборотень. Я метил ему в ухо, где шлем не так толст.

Броун. А я в сердце.

Оборотень. Честное слово, одна у него в ухе, а другая в сердце. Поздравляю, приятель!

Броун. А я тебя.

Оливье (*Сиварду*). Пощадите, рыцарь, пощадите!

Сивард. Вы дворянин? Вы богаты?

Оливье. Да, я могу дать вам хороший выкуп.

Сивард. Снимите железную перчатку, вы мой пленник⁴⁶.

Оборотень. Пленник! Братъ дворянина в плен! Клянусь богородицею, я этого не потерплю. Смерть ему! Во имя святого Алипентена! (*Убивает Оливье.*)

Сивард. Как! Ты посмел убить моего пленника?

Оборотень. Мы деремся не из-за одной только добычи, а чтобы истребить дворянскую породу. Поняли, начальник?

Сивард. Не знаю, что меня удерживает...

Появляется Симон.

Симон (*Сиварду*). Отец Жан послал меня за вами. Неприятель все еще защищает свой обоз. Говорят, нас там ждет богатая добыча.

Броун. Вперед! Клянусь усами Иуды!

Сивард. Друзья, вперед!

Оборотень. За мной, волки!

Все уходят.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Бивак мятежников на поле битвы.
Броун и Оборотень сидят и пьют.

Броун. Теперь уж нам, приятель, ссориться нельзя. Мы выпили из одного кубка. Ты подарил мне свой лук, а я тебе свой. Другому я ни за что не отдал бы его, предложи он мне столько же золотых, сколько я выпустил из этого лука стрел. А все же, мой храбрый волк, я на тебя сердит. Нет, что ни говори, а не следовало тебе убивать дворянина, когда капитан объявил его своим пленником.

Оборотень. Черт меня побери, если я позволю другому сказать и половину того, что сказал мне ты! Для вас, англичан, война — та же торговля.

Броун. А разве мы не правы, клянусь бычьим брюхом?

Оборотень. Да я и сам люблю добывать деньги мечом и стрелой. Но я до того ненавижу дворян, что ради удовольствия убить одного из них готов, кажется, отказаться от военной добычи.

Броун. У всякого свой вкус. Ты волен следовать своему. Но, забубенная головушка, предоставь и другим действовать по-своему. Сивард зол на тебя, как сто чертей. Он говорит, что ты лишил его по меньшей мере трех тысяч франков.

Оборотень. Что поделаешь! Зато я доставил себе удовольствия на десять. Э, да что говорить о мертвых! Их не воскресишь. Видишь палицу? Я сделал на ее рукоятке тридцать три зарубки. Понимаешь, что это значит?

Броун. Нет.

Оборотень. Это значит, что я самолично убил тридцать трех дворян или их прислужников. И я поклялся не спать в постели до тех пор, пока не дойду до полусотни. Я очень рассчитываю на то, что мой старый недруг д'Апремон доставит мне случай сделать еще одну отличную зарубку.

Броун. Действуй! Ты молодчина! Только не убивай чужих пленников. Обещай мне, дружок, что в другой раз этого не будет.

Оборотень. Ладно! Я твой друг, и обещаю я это тебе, а не твоему начальнику. До него мне столько же дела, сколько до сломанной стрелы.

Броун. Вот молодец! Ты жемчужина среди французов, и я твой друг, дьявол меня задави! Слушай, Оборотень: может случиться, что мы когда-нибудь встретимся под враждебными знаменами. Но, клянусь святым Георгием, если я натяну против тебя лук... то... то я промахнусь, чума меня возьми!

Оборотень. Обними меня, приятель! Давай-ка выпьем за нашу дружбу.

Броун. Согласен. Я выпью за твое здоровье целую пинту.

Оборотень. Дай мне кубок, я выпью столько же за твое. Мы с тобой как святой Кастор со святым Поллуксом,— два лучших стрелка и два лучших друга на свете.

Броун. Святой Кастор и святой Поллукс... А откуда они были родом?

Оборотень. Один был француз, другой англичанин.

Броун. За их здоровье!

Оборотень. А потом, если хватит вина, выпьем за Лигу общин и за отца Жана.

Броун. Твой отец Жан не очень-то мне нравится.

Оборотень. Почему?

Броун. Не люблю я, когда монах в черной сутане командует людьми в латах.

Оборотень. Что же, ты предпочел бы рыцаря, закованного в железо, который оттого и храбр, что его негде и булавкой уколоть?

Броун. Ты знаешь, какого я мнения об этих железных статуях. Но, право, у всякого свое ремесло. А вождь-чернец мне все же не нравится. Он не любит, чтоб отлучались для грабежа. Он против всякого насилия, он за то, чтобы все шло как на настоящей войне. А затем, время от времени, он произносит проповеди, а я до них не охотник.

Оборотень. Да пусть себе говорит — все равно я делаю по-своему.

Броун. Куда он думает нас вести? Не хочет ли он опять подойти к апремонской норе?

Оборотень. Думаю, что так. Старый барон еще держится.

Броун. Лучше идти вперед и грабить. По крайней мере побывали бы в новых местах.

Оборотень. Вот и отец Жан, мы от него все узнаем.

Появляется брат Жан.

Брат Жан. Франк! Ты пойдешь осаждать Апремон. Тома прислал сказать, что Пьер щадит врага. Надо с этим покончить; нельзя оставлять несломленного врага в тылу нашего войска.

Оборотень. Негодяй Пьер! Я никогда ему не доверял.

Брат Жан. А мы пойдём на Бове. Мне сказали, что там у нас есть друзья; они только и ждут нашего прихода, чтобы прогнать гарнизон и открыть нам ворота.

Броун. На Бове! Черт возьми! Вы, отец, отлично придумали. Славный город, есть что пограбить!

Оборотень. А меня, чтоб черт поднял всех на рога, там и не будет!..

Брат Жан. Будь покоен, ты получишь свою часть добычи. А теперь поспеши осадить Апремон и поскорей дай о себе знать. Когда мы возьмем Бове, я пришлю вам на подмогу, если понадобится, тысячу человек.

Оборотень. Вы скоро обо мне услышите... Прощай, друг! *(Пожимает руку Броуну и уходит.)*

Броун. Прощай! Желаю удачи!

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Бове. Городская ратуша.

Купло, Майи, Лагюйар, Буре, старшины
и горожане.

Купло. Неужели это правда?

Майи. Истинная правда, сосед.

Лагюйар. Мессир Ангеран де Буси проехал через город с остатками латников; они падали от изнемо-

жения, некоторые из них ранены. Он оставил нам всего сотню стрелков.

Буре. Да, дела дворян плохи. Недаром мессир Ангеран, всегда такой надменный и гордый, ходил сегодня как в воду опущенный. Я встретил его на улице. Завидев меня, он притронулся к шляпе и подошел ко мне: «А, мой милый Буре! Как поживаете?» — «Хорошо, монсеньер, — всегда к вашим услугам!» — «А ваша жена? А дети?» — «Ничего, слава богу!» — «А как торгуете?» — «Не шибко. Сами извольте знать, шерсть дорожает». — «Ах, мой дорогой! — сказал он мне. — До вас, конечно, уже дошло, что кругом Апремона взбунтовались Жаки-Простаки. К ним присоединились предводители вольных отрядов. Вчера у нас была с ними схватка, и вот они послали большой отряд против нашего города, да хранит его пресвятая дева!» — «Неужели?» — спросил я. — «Да, — отвечал он, — я еду искать для вас помощи, но оставляю вам моих стрелков. Впрочем, — прибавил он, — герцог полагается на вас. Он знает своих добрых бовезцев и только ждет случая, чтобы даровать им новые привилегии». Сказав это, он сел на коня и уехал с латниками и со всем дворянством, какое только было в городе.

Купло. И это подлое мужичье осмеливается идти против нас?

Майи. Он сказал, что их много?

Лагюйар. Я знаю из достоверных источников, что все деревни восстали. С ними и английские и наваррские военачальники. Мне называли Сиварда, бежавшего из тюрьмы, д'Акуню, де Лансиньяка, барона Галá и многих других.

Буре. Когда медведь выходит из лесу, волки и лисицы бегут за ним, чтобы возле него поживиться.

Майи. Но мы здесь даром теряем время. Мятажники приближаются. Перед замком мессира Жильбера они оставили немного народу. А все остальные с главарями вольных отрядов и с монахом, который ими предводительствует, идут на Бове.

Лагюйар. Клянусь мессой, беда на носу, а у нас всего сто стрелков.

Буре. Мы можем зазвонить в большой колокол и вооружить цехи.

Купло. Вооружить цехи? Покорно благодарю! До этого мы еще, слава богу, не дошли! Черт возьми! Вооружить простонародье!

Лагюйар. Чернь нас не любит, и как только мы дадим ей в руки оружие, она станет диктовать нам условия.

Майи. Надо же на что-нибудь решиться.

Буре. Вы хотите, чтобы мужики взяли Бове?

Купло. Конечно, нет.

Буре. Так вооружим цехи, пусть защищают нас. Или дадим денег крестьянам, чтобы они оставили нас в покое. Они говорят, что враждуют только с дворянством.

Купло. Старинный буржуазный род, как, например, мой, это для них все равно, что дворянский.

Майи. И опять давай денег да денег!

Лагюйар. Не так-то легко заработать флорин. Неужели же, как только он завелся в кармане, так сейчас и отдавать его ворами?

Буре. Поступайте как знаете, но только решайте скорей.

Купло. Давайте вышлем на стены всех буржуа поменьше. У них столько же причин опасаться мужиков, как и у нас. А мы останемся здесь и будем распоряжаться. Или, если хотите, поднимемся на колокольню: оттуда нам будет виднее, все ли на своих постах.

Буре. Боюсь, что буржуа не проявят достаточно храбрости. Ремесленники дерутся куда лучше.

Купло. Надо сказать всем горожанам, что герцог даст им новые привилегии, если они будут благоразумно вести себя.

Буре. Конечно, надо сказать. Но поверят ли они нам? Король — да благословит его господь — уже обещал нам разные привилегии за то, что мы отстояли город от англичан, но до сих пор мы так ничего и не получили.

Купло. А, может быть, опасность не так уж и велика? Стены у нас высокие, во рву — вода.

Входит один из буржуа.

Майи. Что там? Что такое, мэтр Моклер?

Буржуа. Мессир! Со стороны ворот святого Иоанна виднеется большое облако пыли. Десятка три разведчиков показали на полет стрелы от заставы.

Буре. А что же наши стрелки?

Буржуа. Они с несколькими горожанами на стенах, но грозятся уйти, если им не дадут подкреплений. А работники заодно с ремесленниками начинают шуметь и кричать, что присоединятся к мужикам.

Купло. Пресвятая дева! Хуже этого ничего быть не может!

Майи. Как! Эти мерзавцы смеют бунтовать против тех, кто дает им хлеб?

Лагюйар. Мои работники не получают платы уже десять дней. Боюсь, не наделали бы они глупостей.

Входит привратник городской ратуши.

Привратник городской ратуши. Там цеховые ломятся в двери, хотят поговорить с советом.

Купло. Отлично. Они, разумеется, пришли предложить нам свои услуги. Надо раздать оружие этим молодцам. Впустите их.

Входят несколько работников.

Буре. Ну что, друзья мои, дети мои? Собираетесь биться с нашими врагами? Хотите предложить нам свои услуги?

Работник. Да, хозяин. Мне только хотелось бы сказать вам словечко, с позволения присутствующих.

Майи. Говори, не бойся, приятель.

Купло. Дайте этому молодцу стакан вина.

Лагюйар. Как поживает твоя благоверная?

Работник. Разрешилась седьмым.

Купло. Вот так молодец! Семерых ребят подарил королю! А сколько у тебя мальчиков?

Работник. Пятеро, с вашего позволения, хозяин.

Купло. Ты пришел просить оружия, не так ли?

Работник (беря стакан, который ему подносят). Пью за здоровье всей честной компании.

Буре. Спасибо, дружочек! Ну, а теперь о деле.

Работник. Хозяин! Чесальщики шерсти, с позволения вашего и всех присутствующих, послали меня просить вас... Не смею сказать, о чем.

Купло. Говори, сынок.

Работник. Ну, да ладно! Хозяин! Чесальщики шерсти, с вашего позволения, зарабатывают всего тридцать денье в день, а это очень мало, особенно если, как у меня, благодарение богу, есть жена и дети. Так вот... мы и просим вас... соблаговолите платить нам по шестидесяти вместо тридцати.

Купло. Шестьдесят денье, негодяй! Шестьдесят вместо тридцати!

Майи. И у тебя хватило совести сказать нам это в глаза?

Лагюйар. Палку мне сюда! Палку!

Буре (тихо). Полегче, господа! Враг у ворот. (Работнику.) Ты просишь шестьдесят денье, не так ли?

Работник. Не я один, хозяин, а все чесальщики шерсти, не в обиду вам будь сказано.

Купло. Ах, злодей! Я посажу тебя в тюрьму!

Майи. Повесить его для примера!

Буре. Эх, господа, перестаньте витать в облаках! (Работникам.) Выйдите на минутку, голубчики, мы вам сейчас дадим ответ.

Работники уходят.

Купло. Шестьдесят денье! Шестьдесят дюжин чертей вам!

Буре. Поймите, сосед... Чего нужно от нас стражу с городской башни?

Входит страж с башни.

Страж с башни. Почтенные господа! Крестьяне подбивают рабочих к бунту. Латники вольных отрядов спешили, обрубали копья и трубят на приступ. Все кричат: «Грабь! Громи!»

Буре. Скорей дадим им, чего они требуют!

Купло. Шестьдесят денье! Да мы все разоримся!

Буре. А грабеж, по-вашему, лучше?

Лагюйар. Шестьдесят денье!.. Что ж, придется согласиться.

Майи. Мы с них же взыщем потом. Зовите этого негодяя.

Входит работник.

Буре. Приятель! Вы будете впредь получать по шестидесяти денье. Скорее на стены!

Работник. Хозяин! Шестьдесят — мало. Чесальщики шерсти просят, с вашего позволения, восемьдесят.

Купло. Ах, злодей! Да ты только что просил шестьдесят.

Работник. Я ошибся, хозяин.

Буре. На стены! На стены! После сочтемся!

Лагюйар. Слышите крики?

Крики за сценой: «Да здравствуют цехи!», «Долой буржуа!»,
«Хватай дубины!»

Купло. Беда! Они взбунтовались!

Буре. Хорошо, вы получите восемьдесят.

Входят шумной толпой работники.

Работники. Двенадцать су в день! Вино вместо пива! И чтоб работа круглую неделю!

Купло. Что такое, мерзавцы?

Буре. Мы пропали! Бегу домой, — не удастся ли припрятать хоть что-нибудь... (Уходит.)

Работники. Двенадцать су! Не то все разграбим!

Купло. Мы всех вас перевешаем, подлецы!

Входит начальник арбалетчиков.

Начальник арбалетчиков. Мессеры! Мы одни больше не в силах защищать стену. Цеховые забрасывают нас камнями и уже спускают веревки и лестницы мужикам.

Купло. Что делать? Ах, Бовезская мать божия! Даю обет пожертвовать тебе серебряное паникадило с меня ростом... если...

Работники. Двадцать су в день, или мы все разграбим!

Купло, Майи, Лагюйар. Дети мои, дети мои! Друзья мои!

Работники. Грабь! Грабь!

Купло. Послушайте, мои милые!

Работники. Грабь! Громи! Долой богатых! Долой буржуа!

Крики за сценой: «Они вступили в город!», «Грабь! Грабь буржуа!»

Купло, Майи, Лагюйар. Господи помилуй! Спасайся! Грабят! (Скрываются.)

Крестьяне и латники (за сценой). Лёфруа! Город взят! Бей, громи буржуа!

Работники. Громи буржуа! Да здравствуют цехи! (Уходят.)

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Зала в замке Апремон.

Д'Апремон, раненый, опирается на палку. Изабелла.

Изабелла. Куда вы, батюшка? Вы еще так слабы!

Д'Апремон. Рана моя пустячная. Я и так слишком долго провалялся в постели. Хочу взглянуть на этих мерзавцев.

Изабелла. Но вы едва ходите. Вам еще нельзя надевать латы, а их стрелки всегда настороже.

Д'Апремон. Все равно! Я не хочу умереть в постели, как монах. Мой отец пал при Креси. Все мои предки умерли на поле сражения, а я, последний из рода д'Апремонов, умру в постели!.. Сын мой!.. Бедный мой сын!.. Не думал я, что он умрет раньше меня!

Изабелла. Мужайтесь, батюшка! Не все еще потеряно. Говорят, замок долго может продержаться.

Д'Апремон. Замок Жофруа д'Апремона возьмут измором крестьяне!.. Замок Апремон, против которого выступило когда-то восемьдесят знамен, который устоял против двух тысяч копий!..

Изабелла. Терпеть осталось недолго... Притом нас скоро выручат друзья.

Д'Апремон. Выручат!.. Мятежники говорят правду. Я узнал голову моего старого друга сенешаля и его знамя. Вольные отряды погубили деорянство Бовуази, без их помощи мужики ни за что не выдержали бы первого удара. Пресвятая дева! Рыцари — ведь Сивард рыцарь — присоединились к мужикам и режут дворян!

Изабелла. Пусть они и в самом деле одержали победу, но Бове еще не взят. Если же они осмелятся осадить его, то у монсеньера дофина будет довольно времени, чтобы прислать латников и уничтожить их.

Д'Апремон. Монсеньеру дофину и без того трудно водворить мир в своем королевстве. Если б гибель моего замка могла спасти Францию, я охотно бы на это согласился. Но, ах!.. Проклятие! Я болтаю, как женщина, вместо того чтобы быть на своем посту. *(Идет к выходу.)*

Изабелла. Не ходите, батюшка! Ради бога, не ходите! Чего вы там не видели? Смотрите, вот господин де Монтрёйль возвращается с обхода.

Входит де Монтрёйль.

Д'Апремон *(садится)*. Ну что?

Де Монтрёйль. Ночью еще пятеро наших латников спустились по веревке в ров и сдались мятежникам.

Д'Апремон. Они все меня покинут.

Изабелла. Надо этому радоваться: пятью ртами стало меньше.

Де Монтрёйль. Радоваться нечему. Мятежники узнают от них о нашем положении.

Д'Апремон. А на бовезской дороге ничего?

Де Монтрёйль. Ничего.

Д'Апремон. Мужики не предприняли чего-нибудь нового? Подкопа не ведут?

Де Монтрёйль. Надеюсь, что нет.

Д'Апремон. Они ожидают, что голод заставит нас отдаться в их руки без сопротивления.

Де Монтрёйль *(помолчав)*. Не пойти ли нам на капитуляцию?

Д'Апремон *(горячо)*. На капитуляцию! Как ты смел мне это сказать? Рыцарю, пока он еще дышит, пока у него меч на боку, сдаться мужикам!

Де Монтрёйль. Вы владелец замка, я обязан вам повиноваться. Если вы решили умереть здесь, то и я умру с вами. Но подумайте о дочери.

Изабелла. Батюшка! В случае нужды я сумею умереть. Но отчего вы отвергаете то, на что соглашаются храбрейшие из рыцарей?

Д'Апремон (*пожимая ей руку*). Я знаю твое мужество, милая Изабелла. Монтрёйль! Я хотел отдать тебе ангела!

Де Монтрёйль (*помолчав*). Что же нам делать?

Д'Апремон. Нет ли здесь какого-нибудь рыцаря из вольных отрядов, которому мы могли бы вручить наши мечи?

Де Монтрёйль. Они все пошли на Бове.

Д'Апремон. И ты хочешь, чтобы Жильбер д'Апремон отдал свой меч мужикам?

Де Монтрёйль. Ваша дочь...

Д'Апремон. Несчастное дитя! Да будет проклят день, когда твоя мать родила тебя!

Изабелла. Сдаться после славной защиты — в этом позора нет.

Де Монтрёйль. Рыцарские обычаи это допускают.

Д'Апремон. Кто предводительствует этой сволочью?

Де Монтрёйль. Тот, кого они зовут Оборотнем...

Д'Апремон. Убийца, вор!

Де Монтрёйль. Некий Тома, плотник из Жене, и Пьер.

Д'Апремон. Злодей! Бессовестный изменник! И мне отдать ему свой меч! Мне просить пощады... у моего слуги! И ты смеешь мне это предлагать?

Изабелла. Быть может, этот слуга, если он не совсем погибший человек, сохранил некоторое уважение к своим господам.

Д'Апремон. Презренный! Никогда не прикоснется он к рукояти моего меча! Я умру в проломе стены, не испытав этого позора.

Де Монтрёйль. Ваша...

Д'Апремон. Нечего тебе указывать на мою дочь. Я скорее убью ее собственной рукой, чем обещаю свой род...

Изабелла. О, если вы хотите умереть, убейте раньше меня!

Д'Апремон. Моя Изабелла! У тебя одной здесь мужественная душа.

Изабелла. Но разве это значило бы обесчестить род?..

Де Монтрёйль. Герцог Беррийский, мой грозный сеньер, в злосчастной битве при Пуатье сдался простому английскому стрелку.

Д'Апремон. Это правда... Боже мой! За что ты так унижаешь нашу гордость!

Де Монтрёйль. Истинный христианин безбоязненно встречает смерть, но он не призывает ее.

Д'Апремон. Христианин... Ты рассуждаешь, как монах, а не как рыцарь. Ни твой отец, ни мой не сказали бы этого, как бы они ни были благочестивы.

Изабелла. Послушайте его, батюшка, он говорит правду.

Д'Апремон (помолчав). Неужели же я сам должен выкинуть белое знамя?

Де Монтрёйль. Я избавлю вас от этого труда.

Изабелла. Вот белый шарф, он может вам пригодиться.

Де Монтрёйль берет шарф и уходит.

Д'Апремон. Мне чудится, будто Жофруа д'Апремон, встав из гроба, проклиняет меня и называет трусом!

Изабелла. Не Жофруа д'Апремону называть вас трусом!

Д'Апремон. Не кощунствуй! Чти память моего отца. Я видел, как он, весь в крови, со шлемом, рассеченным бердышом латника, отказывался отдать свой меч рыцарю с родовым знаменем... А я...

За сценой громкие крики.

Изабелла. Слышите радостные крики? Они принимают капитуляцию.

Д'Апремон. Ты ошибаешься. Я слышу их боевой клич: они не сдаются! (Поднимается.)

Изабелла. Мессир де Монтрёйль!..

Входит де Монтрёйль.

Де Монтрёйль. Злодеи! Убийцы! Стрелять в белое знамя!

Д'Апремон. Я это предвидел.

Де Монтрёйль. Вся шайка Оборотня ответила градом стрел на звук моего рога. Чудо, что не убили меня.

Д'Апремон. Умрем же!

Де Монтрёйль. Негодяи!

Д'Апремон. Умереть, выказав малодушие! Но мы искупим вину нашей смертью, Монтрёйль.

Де Монтрёйль. Я постараюсь умереть, как подобает рыцарю, но вы... раненый...

Д'Апремон. Латники вынесут меня на носилках из пик. Это будет моим смертным одром... Он достоин сына Жофруа...

Де Монтрёйль. Но...

Д'Апремон. Неужели нам ждать, когда голод отдаст нас, обессиленных, этим коршунам? Нет, Монтрёйль, у нас хватит запасов еще на одну трапезу. Завтра на заре мы выйдем. Солдаты вынесут меня на плечах, впереди развернут мое знамя... И я надеюсь, что раньше, чем изменники успеют зарезать своего сеньера, мой добрый бордосский меч еще послужит своему господину.

Изабелла. А я? Что станет со мной?

Д'Апремон. Изабелла! Отец не допустит твоего бесчестия. (Уходит.)

Изабелла. Да, так надо! Я не плачу о своей судьбе... Но бедный отец... раненый... Если он живым попадется в их руки... Ах, я как сейчас вижу голову брата моего, которую они несли на копье!

Де Монтрёйль. Монсеньер Жильбер всегда любил меня, я собирался стать его зятем... Я окажу ему услугу, в которой он не отказал бы мне, будь я ранен.

Изабелла. Что же вы сделаете?

Де Монтрёйль (берясь за кинжал). Я...

Изабелла. Как!.. Вы, вы посмеете?.. Вы? Монтрёйль?

Де Монтрёйль. Это последняя услуга, какую воин может оказать другу⁴⁷.

Изабелла (помолчав). Выслушайте меня. Сама пресвятая дева внушила мне эту мысль. Быть может, еще есть средство спасти отца, спасти всех храбрых людей, защищающих замок. Кому-нибудь надо пожертвовать собой. Дочь должна пожертвовать собой ради отца.

Де Монтрёйль. Что вы хотите этим сказать?

Изабелла. Мы с вами обручены, я получила от вас это кольцо...

Де Монтрёйль. Увы!

Изабелла. Возьмите его обратно, если вы любите моего отца, если вы любите меня.

Де Монтрёйль. Зачем мне брать его обратно? Что вы задумали?

Изабелла. Откажитесь от меня, молю вас об этом на коленях!

Де Монтрёйль. Встаньте, прелестная кузина! Что с вами?

Изабелла. Я для вас потеряна... Мы все погибнем... Возьмите же обратно это кольцо!

Де Монтрёйль. Я догадываюсь, что вы хотите дать обет, и беру назад кольцо. Признаюсь, я и сам дал обет постричься в монахи, если только спасусь от грядущей нам гибели.

Изабелла. Так, хорошо. Вот ваше кольцо. Пойдите прочтите отходную молитву, пока я буду готовиться в своей молельне.

Де Монтрёйль. Но...

Изабелла. Ради бога, идите, Монтрёйль! Дайте мне вашу руку. Мы друзья, не так ли?

Де Монтрёйль. Навсегда...

Изабелла. Да, навсегда... Прощайте! (Уходит.)

Де Монтрёйль. Что она задумала? Да поможет ей пресвятая дева! (Уходит.)

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Ставка Пьера перед осажденным замком.

Пьер, Оборотень.

Пьер. Позор! Даже сарацины так бы не поступили. Белое знамя и тот, кто его несет, должны быть так же чтимы, как святое причастие и священник, который выносит его народу.

Оборотень. Мне плевать на ваши обычаи и законы, господа войны! Не думайте, что вы здесь командуете послушными наемниками. Мы взяли за оружие, чтобы добыть себе волю, и ведем борьбу не на живот, а на смерть.

Пьер. Ты воображаешь, будто ты один здесь начальник и можешь отказать в капитуляции потому, что тебе так хочется?

Оборотень. А не думаешь ли ты, что вправе заставить нас предложить ее, раз ты настолько труслив, что еще боишься своих бывших господ? Чего тебе здесь надо? Почему ты не под Бове? Отец Жан звал тебя.

Пьер. Стану я тебе отдавать отчет в моем поведении, разбойник! Наш военный совет будет судить тебя и твоих волков, я обращусь туда с жалобой.

Оборотень. Это только мне и нужно. Пусть нас рассудят.

Пьер. А до тех пор я полный хозяин на этом участке. Уходи!

Оборотень. Я уйду, но буду следить за тобой, помни!

Входит конник.

Конник. Начальники! Досточтимый отец Жан и благородные вожди Лиги ставят вас в известность, что ими взят город Бове. После трехдневного грабежа они возвращаются с осадными машинами и пушками, чтобы взять этот замок.

Пьер. Что ж, город был взят приступом?

Конник. Нет, добрые люди отворили нам ворота. Стоило посмотреть, как бежали буржуа, как кричали женщины, как горели дома! Эх, славная досталась нам добыча деньгами и движимым имуществом! И это, не считая более ста богатых горожан, которых держат ради выкупа.

Пьер (в сторону). В какую пропасть я ринулся!

Оборотень. Скоро ли наши вернутся?

Конник. Конница уже недалеко. Сивард в авангарде, а вы знаете, как он проворен.

Оборотень. Этот сразу двинет вперед наше дело. Прощай, холоп д'Апремона! На днях я сведу с тобой счеты. (Уходит с конником.)

Входит крестьянин.

Крестьянин. Атаман! Толстуха Марион выскочила из окна и сдалась нам. Хотите допросить ее?

Пьер. Пусть войдет.

Входит Марион.

Марион. Вот и свиделись неожиданно-негаданно... Как вы хорошо одеты, мессир Пьер! Вас не узнать в этом атласном платье!

Пьер. Ты убежала из замка?

Марион. Да, там больше нечего есть. *(Делает ему знак.)*

Пьер *(крестьянину)*. Уходи.

Крестьянин уходит.

Нечего есть, говоришь? А почему вы не сделали вылазку, чтобы захватить быков, которых послали пастись на самый край рва?

Марион. Гарнизон слишком слаб, и мы боялись, что вы устроили нам ловушку... Прочтите письмо.

Пьер. Письмо?.. Ко мне?.. От госпожи Изабеллы?

Марион. Бедная барышня! Немало она пролила слез, пишучи это письмо.

Пьер. Я просто глазам не верю!

Марион. Когда прочтете, еще больше удивитесь.

Пьер *(прочтя письмо)*. Ты лжешь, Марион! Твоя госпожа не могла написать это! *(Перечитывает письмо.)* «Господин Пьер! Если вы пропустите моего отца, мессира де Монтрёйля и гарнизон замка и поможете им добраться до безопасного места, то я отдаюсь в ваше распоряжение и готова стать вашей женой. Если вы согласны, то поклянитесь на святом евангелии, которое находится у подагательницы этого письма».

Марион. Ах, бедная барышня!.. Ее отец ранен, и она хочет спасти ему жизнь...

Пьер. Несчастливая!

Марион. Вот евангелие, дайте клятву, которую она требует.

Пьер. Нет, я еще не настолько жесток, чтобы принять ее жертву.

Марион. Как! Вы не хотите?

Пьер. Я спасу ее или погибну... Я прошу у нее одной милости — быть по-прежнему ее конюшим!.. Нет! Я не смею, я не должен просить об этом!

М а р и о н. Требуйте денег, всего, что вам угодно, но смотрите: вы обещали спасти ее!

П ь е р. Я готов умереть ради нее. Слушай, наше войско на пути сюда, оно возвращается из Бове. Завтра я уже ничего не смогу сделать. Вы должны сегодня же ночью уйти из замка.

М а р и о н. Нынче ночью? Но куда же мы пойдём?

П ь е р. В Санлис. На этой дороге вы подвергаетесь меньшей опасности встретиться с нашими отрядами. Я удалю часовых... Что касается Оборотня... я готов сразиться с ним, если понадобится... Пусть я погибну... Мне все равно!.. Вернись к своей госпоже и скажи ей...

М а р и о н. Но как мне вернуться, чтоб меня не заметили? Напишите все, что нужно, и пустите письмо со стрелой в четвертую бойницу четырехугольной башни.

П ь е р. Да охранят их на пути все святые! Я сейчас напишу письмо. Пойдем со мной.

М а р и о н. Счастье еще, что луна сегодня всходит поздно!

П ь е р и М а р и о н уходят.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Дорога в лесу, неподалеку от замка. Ночь.

Жильбер д'Апремон, которого несут на носилках, Изабелла, де Монтрёйль, раненые латники, крестьянин-проводник.

К р е с т ь я н и н. Мэтр Пьер не может еще к нам присоединиться. Он остался с Оборотнем и поведет его на приступ опустевшего замка. Темная ночь благоприятствует нам.

Д е М о н т р ё й л ь. Скорей, скорей, ради бога! Не будем ждать его. Хорошо, что мы сняли доспехи,— нам до света предстоит сделать длинный конец.

Д'Апремон. Мой бедный замок!

Изабелла. Скорей, скорей!

Л а т н и к. Я слышу впереди конский топот и звон оружия.

К р е с т ь я н и н. Погодите, я посмотрю, что там такое.

Де Монтрёйль. Ты не убежишь от нас, плут! Если нас накроют, я всажу в тебя этот кинжал.

Д'Апремон. Тише, ради бога! Сойдем с дороги и углубимся в лес.

Де Монтрёйль (тихо). Шум приближается. Я слышу голоса.

Сворачивают с дороги в лес.

Голос. Кто идет?

Д'Апремон (тихо). Тсс!..

Голос. Эй! Сюда! Вперед, разведчики! Кто идет?

Д'Апремон (крестьянину, тихо). Отвечай боевым кличем крестьян.

Крестьянин. Общины! Лёфруа!

Голос. Какая деревня?

Крестьянин. Жене!

Другой голос. Эй, Тома! Тома из Жене! Отзовись!

Крестьянин. Его тут нет. Кто вы такие?

Первый голос. Кто бы вы ни были, стой! А вы вперед!

Д'Апремон. Мы погибли. Бросьте меня и бегите, Монтрёйль! Я поручаю тебе мою дочь.

Изабелла. Я вас не оставлю.

Де Монтрёйль. Спасайтесь, кузина, мы понесем его на плечах.

Д'Апремон (Изабелле). Беги, не то я убью тебя!

Первый голос. Стрелки! Вот они. Пускайте стрелы!

Д'Апремон (вынимая меч). Подойди, Изабелла!.. (Собирается поразить ее, но в эту минуту в него попадает стрела.) Ах!.. Монтрёйль!.. Убей ее, бедняжку! (Умирает.)

Де Монтрёйль. Ах, если б на нас были доспехи!..

Изабелла (на коленях). Убейте меня, кузен!

Появляются Сивард, Броун и вооруженные крестьяне.

Сивард. Лёфруа! Смерть им! Смерть!.. Э! Ты что это задумал, толстый свинопас? (Нападает на Монтрёйля, убивает его и хватает Изабеллу.)

Изабелла. Ради бога и его святой матери, сжальтесь надо мной!

Сивард. Не бойся, дитя мое. Ты хорошенькая.

Изабелла. Судя по вашему панцирю, вы рыцарь. Сжальтесь над дочерью рыцаря.

Сивард. Черт возьми! Да ведь это моя красавица-хозяйка! Не бойтесь ничего. Красавицам не приходилось еще жаловаться на меня. *(Снимает шлем.)*

Изабелла. Это вы, монсеньер Сивард? Доверяюсь вашей рыцарской чести.

Сивард. Не бойтесь ничего, сударыня! Я отнесусь к вам с большей любезностью, чем вы ко мне. Вы уделите мне место в вашем замке, я дам вам место в моей постели. *(Обнимает ее.)*

Изабелла. Ради бога, монсеньер!

Сивард. Не кричите, это вам не поможет... Броун! Веди наших людей в замок. Славная там будет добыча. В зеленой комнате... Там казна. Эдмон проводит тебя туда. Вон виднеется хижина... Через четверть часа я вернусь... Луи, Деррик! За мной!

Броун. Он все такой же! Ну, детки, в замок! На грабеж! Сиварду захотелось помолиться.

Сивард садится на коня, а его оруженосцы кладут перед ним лишившуюся чувств Изабеллу. Броун уходит с англичанами и крестьянами, обобрав мертвых.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Заброшенная хижина в лесу. Ночь.

Деррик и Луи сторожат трех оседланных лошадей.

Луи. О боже! Я видел не один город, отданный на разграбление, но никогда еще с такой болью не прислушивался к крикам.

Деррик. Ты еще недостаточно закален. Пускай сатана изнасилует передо мной хоть одиннадцать тысяч дев, — бровью не поведу.

Луи. Старый безбожник! Постигнет тебя когда-нибудь кара, нечестивец!

Деррик. Посмотрим.

Луи. Эта молодая дама — благородного происхождения.

Деррик. Что ж, и предводитель — дворянин.

Луи. Очень это для нее утешительно.

Деррик. Разумеется. Ведь она таким образом не лишится дворянства.

Луи. Не думал я, что предводитель способен на такие скверные дела.

Деррик. Э! Мало ли за ним таких дел! Только волосы у него стали уже седеть. Не тот уж он бес, каким был во время осады Ренна.

Луи. Что же он тогда вытворял?

Из хижины выходит Сивард.

Сивард. Коня!

Деррик. Пожалуйста, начальник!

Сивард. Там внутри женщина. Доставьте ее в деревню. Сделайте для нее носилки из копий и плащей. Бережно обходитесь с нею: вы ответите за нее головой.

Деррик. Слушаю, начальник!

Луи и Деррик уходят.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Комната в замке Апремон.

Сивард, Изабелла.

Изабелла. На коленях умоляю вас!

Сивард. Встаньте, ради бога.

Изабелла. Нет, я не поднимусь. Вы сделали меня несчастнейшей из женщин. Вы должны теперь либо убить меня, либо оказать мне одну милость.

Сивард. Говорите, сударыня. Но, умоляю вас, сядьте!

Изабелла. Если в вас есть хоть сколько-нибудь рыцарской чести, сжальтесь над несчастной девушкой, которую вы можете избавить от позора. Если вы христианин, мессир Сивард, то дайте мне вашу руку перед алтарем. Благоволите жениться на мне.

Сивард (изумлен). Жениться на вас?

Изабелла. В награду за эту милость все мои по-

местья в Артуа, все, что принадлежало моему отцу, все, что можно будет собрать из его состояния в более спокойное, чем сейчас, время, — все это я повергаю к вашим стопам, монсеньер, и сочту себя счастливой, если вы это примете.

Сивард. Сударыня!..

Изабелла. Ради Христа, не отвергайте меня!

Сивард. Вас — отвергнуть? *(В сторону.)* Черт возьми! Я не такой дурак! *(Громко.)* Я польщен вашим выбором.

Изабелла. Вы согласны дать мне ваше имя?

Сивард. Еще бы, даю слово рыцаря! Вы знаете, что я всегда этого желал.

Изабелла. Еще одна просьба! Позвольте мне удалиться в монастырь Сен-Дени, к моей родственнице, аббатисе. Я чувствую, что не могу жить возле убийцы... Я буду вам в тягость... Жизнь, полная приключений, которую вы ведете...

Сивард. Сударыня! Мне, конечно, тяжело будет расстаться с вами...

Изабелла. Ах, монсеньер!..

Сивард. Но раз вы этого требуете... я согласен... еще на некоторое время...

Изабелла. Теперь последняя просьба, мессир Сивард... Если... у меня родится.. сын, то позвольте мне воспитать его, позвольте, чтоб он носил имя д'Апремона. Лен, который я вам приношу в приданое и который он наследует после вас, дает ему на это право.

Сивард. Имя Сиварда не хуже всякого другого. Но пусть он носит имя д'Апремона, я ничего не имею против. Что касается его воспитания, то займитесь с ним сами. Однако когда ему исполнится шестнадцать лет, пришлите его ко мне — я научу его владеть копьем и сделаю из него воина.

Изабелла. Я сейчас же составляю дарственную запись на мои владения.

Сивард. Мы говорим о воспитании сына, а между тем мы еще не уверены... Ах, да!.. Вы удаляетесь в монастырь? В добрый час... Но зимой, когда военные действия прекратятся... неужели я буду обречен на разлуку с женой?.. Вы понимаете? Нелегко отказаться от такого лакомого кусочка... *(Берет ее за руку.)*

Изабелла. Сивард! У вас на мече кровь... (Заливается слезами.)

Сивард. Полноте, успокойтесь!.. Простите, что я заговорил об этом. (В сторону.) Поплачет, а там будет видно.

Изабелла. Пошлите за священником... Пусть поторопится... Я очень плохо себя чувствую.

Сивард. Я в отчаянии. Но это у вас пройдет. Приободритесь! Хотите, я попрошу отца Жана благословить наш брак?

Изабелла. Нет... только не этого священника: он внушает мне ужас.

Сивард. Так не хотите ли славного ирландца, монаха-исповедника из моего отряда?

Изабелла. Если ему дано на это право... пошлите за ним.

Сивард (оруженосцу). Эй, Луи! Ступай за монахом. Пусть его почистят, наденут на него лучшую сутану, и пусть он явится в часовню со своей книгой. А я пойду за моими друзьями де Лансиньяком и д'Акуньей, они поведут нас к алтарю... Вы очень бледны, дорогая Изабелла... Не подкрепиться ли вам?

Изабелла. У меня еще хватит сил спуститься в часовню.

Сивард. Деррик! Поди принеси госпоже стакан вина с пряностями. Да захвати лист пергамента и перо. (Изабелле.) Я пойду за друзьями и сейчас вернусь к вам. (Уходит.)

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Зала в замке Апремон.

Брат Жан, Пьер.

Пьер. Разрази меня гром небесный, если я не отомщу!

Брат Жан. Безумец! Куда ты идешь?

Пьер. Он в замке. Я найду его и убью.

Брат Жан. Пьер! Ради успеха нашего святого дела нельзя нарушать согласие между нами и нашими союзниками.

Пьер. Проклятие вашему святому делу и тому, кто меня втянул в него!

Брат Жан. Ради женщины ты отказываешься от блестящей будущности? Ради женщины ты готов преступить клятву?

Пьер. Ради нее я обнажил свой меч. Какое мне дело до ваших прав и вольностей? Клянусь моей жизнью, я клятвопреступник, я изменил своему господину! Я второй Иуда! Я погубил свою душу... И чтоб я не отомстил!.. (Уходит.)

Брат Жан. Он ускользает от меня... А крестьяне и вольные отряды, которые и без того уже ненавидят друг друга, вот-вот передерутся. Надо остановить его не добром, так силой... Вон Оборотень! До чего кста-ти! (Уходит.)

КАРТИНА ТРИДЦАТАЯ

Двор в замке Апремон. Дверь в часовню открыта.

Из часовни выходят Сивард, д'Акунья, де Лансиньяк, воины вольного отряда и крестьяне.

Сивард (своим оруженосцам). Бегите скорей! Попросите отца Жана прийти сейчас же. Он даст ей какого-нибудь бальзама.

д'Акунья. Боюсь, что ей уже ничто не поможет.

Сивард. Во всяком случае, вы свидетели, что мы обвенчаны.

д'Акунья. Клянусь головой святого Антонина, я готов подтвердить это перед самим папой.

де Лансиньяк. Она упала в обморок уже после того, как сказала «да».

Пьер (за сценой). Обвенчана! Обвенчана с Сивардом!

Голос за сценой. Держите, держите его!

Вбегает Пьер с мечом в руке.

Пьер. Вот он! Ты умрешь от моей руки, предатель!

д'Акунья. Чего здесь нужно этому пьянице?

Пьер (бросая железную перчатку в лицо Сиварду). Я бросаю тебе вызов, трус! Бросаю тебе его в лицо! Защищайся, или я убью тебя!

Сивард. Что надо этому наглецу?

Крестьяне. Он с ума сошел! Обезоружить его!

Пьер. Уйдите! Кто подойдет ко мне, убью!

Сивард. Как? Ты смеешь вызывать меня на поединок? Ты?..

Пьер. Защищайся, злодей!

Сивард. Не стоило бы тебе оказывать такой чести. (Обнажает меч.) Место! Место нам! Для честного боя!

Сивард и Пьер становятся в позицию. Входят Оборотень с палицей в руке и брат Жан.

Брат Жан. Мечи в ножны, дети мои! Перед часовней...

Оборотень. Клянусь бычьим чревом, два предводителя Лиги обнажают мечи друг против друга!

Пьер (Сиварду). Хотя бы все твои грабители были с тобой, ты умрешь!

Все. Разнимите их! Мечи в ножны!

Оборотень. Остановитесь! Я убью первого, кто поднимет меч.

Сивард. Оставьте нас, не мешайте!

Оборотень (поражая Пьера). На, получай старый должок!

Пьер. Ах! (Падает.)

Сивард (Оборотню). Черт бы тебя побрал! Зачем ты суешься куда не следует?

Оборотень (поднимая свою палицу). Ого! Уж не хочешь ли и ты отведать этого?

Броун (удерживая его руку). Успокойся, приятель, довольно и того, что сделано.

Брат Жан. Перестаньте, дети мои! Что за споры между братьями? Опустите палицу, Франк. А вы, Сивард, вложите меч в ножны.

Сивард. Виданное ли дело — вмешиваться в поединок, когда уже закричали: «Честный бой»?

Брат Жан. Прекратите спор. Тем более что зачинщик ссоры, как я вижу, поплатился. Мир его душе!

Де Лансиньяк (глядя на труп Пьера). Клянусь бородой Магомета, он вбил ему мозг в самую глотку.

Оборотень. Я кончаю с одного маха.

Д'Акунья (повертев палицей Оборотня). Клянусь телом Христовым, славная это у вас штука!

Сивард. Досточтимый отец! Там, в часовне, больная дама нуждается в вашей помощи.

Брат Жан. Изабелла д'Апремон!

Сивард. Она самая! Теперь она Изабелла Сивард!

Брат Жан. О господи! (Входит в часовню.)

КАРТИНА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Стан мятежников у замка Апремон. Слышны звуки труб, видны повозки, нагруженные кладью, заметны и другие приготовления к походу.

Оборотень, Броун.

Броун. Наконец-то я слышу давно желанный сигнал к походу! А я уж думал, что мы останемся тут до страшного суда.

Оборотень. Да, я слышу и трубы вашего отряда и рог моего помощника, но один черт знает, заставит ли это сдвинуться с места крестьян.

Броун. По приказанию черной сутаны развернуто большое знамя. Мы идем на Мо.

Оборотень. Давно бы нам следовало там быть, но эти пентюхи-крестьяне не хотят уходить из своего края. Моран, Симон, Рено только о том и толкуют, как бы возвратиться к плугу.

Броун. Жалкие людишки! Все стремления крестьянина сводятся к тому, чтобы иметь добрую упряжку быков и побольше навоза. Клянусь бровью божьей матери, их стоило бы утопить в этом навозе!

Оборотень. А я скоро позабыл и соху, и горн, и все остальное, как только отведал походной жизни.

Броун. Ты говоришь, Рено тоже потянуло к навозной куче?

Оборотень. Он сам мне говорил. Сначала я считал его молодцом за дело с сенешалем, но храбрость

появляется у него, как у других лихорадка,— приступами.

Броун. Вот он идет сюда с Бартельми.

Оборотень. Надо выпить с ними, чтобы поднять их дух. Эй, Рено!

Входят Рено и Бартельми.

Броун (показывая бутылку). Идите сюда оба, выпьем стаканчик перед походом.

Рено. Охотно, начальник. Итак, досточтимый отец Жан хочет идти на Мо, чтобы выгнать дворян, которые там укрылись?

Бартельми. За ваше здоровье, товарищи!.. Не знаю, довольно ли у нас людей, чтоб идти туда?

Броун. Как?

Бартельми. Моран и половина апремонцев хотят остаться дома.

Броун. Труссы!

Оборотень. Мы не позволим, чтобы эти негодяи бросили войско.

Рено. Послушай, Франк. Эти люди дрались так же храбро, как и ты, пока перед ними был враг. Теперь же, когда никакая опасность нам не грозит, они хотят повидаться с семьями, и притом надо же окончить жатву.

Оборотень. Сто дюжин чертей! Пусть они бросят свою жатву! У них будет достаточно обильная жатва во дворцах Парижа и Мо.

Рено. Да ведь кому-нибудь надо же обрабатывать землю?

Броун. Согласен! Предоставим это сволочи.

Бартельми. Кого это вы называете сволочью?

Рено. Да как обойтись без землепашцев? Вы без них не проживете, сир стрелок.

Броун. У кого в груди храброе сердце, а в руках лук, тот не должен сеять ни хлеба, ни овса: он может брать хлеб для себя и овес для лошади в закромах своих врагов.

Рено. Вы, кажется, враг всех мирных людей.

Оборотень. Рено! Не груби моему другу англичанину, слышишь? Надо заставить работать дворян. Пусть они таскают навоз, а жены их пусть жнут хлеб и таскают корзины. Мы лопнем со смеху, глядя, как они

станут ходить, согнувшись в три погибели и натирая серпом волдыри на своих белых ручках.

Бартельми. Неплохо придумано! А мы тем временем будем прохлаждаться в замках.

Рено. Если вы будете продолжать, как начали, то вам придется, видно, работать самим. Скоро во всей Бовуази не останется ни одного дворянина.

Оборотень. Там видно будет... А ты, Рено, тоже думаешь нас бросить?

Рено. Нет, я не могу. Я поклялся отцу Жану всюду следовать за ним.

Броун (к Бартельми). Ну, а ты, приятель, неужто с такими руками опять станешь чистить навоз? Клянусь, они созданы для меча.

Бартельми. Я, видите ли, останусь, пока мы не разграбим Париж: либо сколочу себе деньжонок, либо шею сломаю.

Оборотень. Золотые слова! Выпьем-ка, молодец!

За сценой гул голосов.

Рено. Ого! Что это за шум?

Бартельми. Весь лагерь взбунтовался.

Входит брат Жан с вольным отрядом и Моран с отрядом крестьян.

Брат Жан. Вы пойдете с нами на Мо, мужичье! Приказываю вам под страхом отлучения.

Моран. Не боимся мы отлучения. Сами же вы говорили, что этого не надо бояться и что никто от этого еще не умирал.

Брат Жан. Если вы посмеете меня ослушаться, если вы не пойдете за большим знаменем, я сумею принудить вас.

Моран. Досточтимый отец! Вы же нам говорили, что когда мы все станем свободными, то сможем поступать, как нам заблагорассудится. Почему же теперь вы нам не позволяете остаться дома? Да и наши поля ждут нас.

Брат Жан. Их обрабатывают ваши жены.

Моран. А если придут грабители, кто защитит наших жен?

Брат Жан. Мы очистили наш край от грабителей. Теперь бояться нечего.

Моран. Все равно я не солдат. Я сыт войной по горло и останусь дома.

Брат Жан. Непослушные людишки! Презренное мужичье! Неужели вас ничем не проймешь, кроме наказания?! Первый, кто покинет знамя, будет повешен как дезертир.

Оборотень. Хорошо сказано!

Моран. Повешен! Да вы кто такой, чтоб нас вешать? По какому праву...

Рено. Полно, Моран, замолчи!

Брат Жан. Я ваш предводитель! Вы меня избрали, вы обязаны мне повиноваться.

Моран. Мы избрали вас нашим предводителем? Ну, так теперь мы смещаем вас.

Брат Жан. Наглец! *(Солдатам вольного отряда.)* Эй, господа! Помогите мне наказать этого дерзкого мятежника.

Сивард. Вперед! Мечи наголо! *(Приближается с несколькими латниками, чтобы схватить Морана.)*

Моран *(своим единомышленникам)*. На помощь! Поддержите меня, друзья!

Симон *(брату Жану)*. Отец Жан! Мы все вас любим, но не трогайте Морана, не то мы будем против вас.

Рено *(брату Жану)*. Отец! Пусть он остается в деревне! Какая польза от солдата поневоле?

Брат Жан. Нет, нет. Другим нужен пример.

Сивард. Научим этих негодяев военной дисциплине! За Сивардом! За Сивардом!

Броун *(брату Жану)*. Пустить в него стрелу? Тем все и кончится.

Оборотень. Пускай, молодчик. Я всегда недолюбливал этого труса Морана.

Рено *(Броуну, который натягивает лук)*. Остановись, не то половина наших людей погибнет от меча своих же братьев.

Симон. Мы не потерпим, чтобы англичане тронули одного из наших.

Мансель *(Морану)*. Да простит тебя святой Лёфруа, Моран! Боюсь, как бы ты не наделал большой беды.

Тома (крестьянам). Апремонцы! Если англичане на вас нападут, мы вас поддержим.

Толпа крестьян. Не выдавать апремонцев! Поддержим честь Франции! Долой англичан! Монжуа Сен-Дени! (Угрожающе наступают друг на друга.)

Рено (брату Жану). Отец! Видите, какая свалка начинается? Уступите им в чем-нибудь.

Мансель (Морану). Мечи обнажены, и стрелки уже натягивают луки. Не будь же так упрям, Моран!

Моран (струсив). Я охотно соглашусь на все разумное, только не дайте этому страшному англичанину пустить в меня стрелу.

Мансель. Успокойтесь, люди добрые! Помиритесь!

Рено. Опустите оружие! Во имя святого Лёфруа, никаких ссор в Лиге общин!

Моран. Я не хочу быть виновником ничьей смерти. А потому я согласен остаться до Иванова дня, если досточтимый отец этим удовольствуется.

Брат Жан. Начальнику вступать в сделки со своими солдатами?

Сивард (брату Жану). Тут вавилонское столпотворение, но у них силы больше.

Д'Акунья. Их двадцать против одного. Они нас перебьют, если вы не согласитесь на их требования. Если бы мы еще были на конях...

Брат Жан (помолчав). Раз эти благородные атаманы меня за него просят, то я прощаю ему. Пусть он послужит до Иванова дня. Если тогда война еще не кончится, все равно он и другие вроде него могут уйти. Со мной останется достаточно молодых. (В сторону.) Только бы мне вывести их отсюда, уж я сумею помешать им возвратиться.

Рено. Мир! Мир! Слава святому Лёфруа! На Мо! Живо в поход!

Все. На Мо! Идем на Мо! Закончим войну!

Д'Акунья (Сиварду). Вы видите, как мало смысла помогать этим тварям. Они уже готовы разбрестись во все стороны, не думая о том, что у французских дворян есть еще войско в Париже.

Сивард. Чего же вы хотите? Помогать мужику — все равно что мыть голову ослу.

Все уходят.

КАРТИНА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Лагерь мятежников по дороге в Мо. Палатка совета.

Брат Жан, предводители крестьян и вольных отрядов.

Брат Жан. Вот видите, они явились к нам для переговоров. А разойдись мы по домам, они набрались бы смелости и разбили бы нас по частям.

Симон. Не спорю. Посмотрим, однако, чего они хотят.

Брат Жан. Ввести их.

Входят Жан де Белиль и мэтр Ивен Лангуаран.

Кто вы, мессирсы, и что вам нужно от верховного совета общин?

Белиль. Высокодоблестный военачальник! Меня зовут Жан де Белиль, я придворный рыцарь. А этот мессир — ученый, доктор прав, мэтр Ивен Лангуаран. Мы оба посланы нашим грозным сеньером, герцогом Нормандским, правителем королевства, для переговоров о мире.

Лангуаран. То есть для того, чтобы выслушать ваши жалобы и удовлетворить их, если это окажется возможным.

Белиль. Это изложено в письмах, которые мы имеем вам вручить. *(Передает письма брату Жану.)*

Лангуаран *(Белилю)*. Мессир Жан! Как вам известно, говорить надлежит мне. Моя речь готова, и я прошу вас мне не мешать.

Белиль *(тихо)*. С богом! Но покороче, пожалуйста.

Лангуаран. Хм... хм... хм... *(Снимает шапку и трижды кланяется, затем надевает шапку, откашливается и откидывает длинные рукава.)*

Брат Жан. Начинайте же, мы слушаем.

Лангуаран. Господин! И вы, господа! Анаксагор, древний философ и врач Дионисия Первого, короля Сицилии, на вопрос упомянутого Дионисия о том, что, на его взгляд, полезнее всего для благоденствия государства, ответил, что есть два условия, необходимые для общественного блага, и третье, столь же обязательное.

Моран *(к Рено)*. Ты что-нибудь понимаешь?

Симон. О чем это он разглагольствует?

Оборотень. Да по-французски ли он говорит?

Брат Жан. Ближе к делу, доктор.

Лангуаран. Так вот, господин, и вы все, господа! (Обнажает голову.) Знаете ли вы, каковы эти три условия? По мнению философа Анаксагора, *primo* — это добрый король; *secundo* — плодородная почва; *tertio* — мир, *id est* * — доброе согласие между королем и его народом. Но, может быть, вы, господин, и вы, господа (обнажает голову), здесь остановите меня, возразив, что вышеупомянутый ученый философ Анаксагор был только нечестивый язычник, что он поклонялся ложным богам и что он был вполне, как выражаются наши учителя, римляне, *toto coelo, tota via aberrans* ** в делах религии, что он не ведал установлений нашей святой матери церкви и священного учения господа нашего и спасителя Иисуса Христа. (Обнажает голову и крестится.)

Брат Жан и все присутствующие следуют примеру Лангуарана.

А потому, господин, и вы, господа (тот же самый жест повторяется до конца речи), какой же ответ дам я вам, как вы думаете, на ваше возражение?.. Доказательный. Я аргументирую так... Хм... хм... хм... Да, господин, и вы, господа, Анаксагор был, без сомнения, нечестивый язычник, и, как таковой, он обречен, подобно виноградной лозе, брошенной в огонь. Но, господин, и вы, господа! Невзирая на это, его ответ королю Дионисию, по божественному соизволению, был мудр, *imo* согласен со священным писанием, и я это доказываю. *Quomodo? Sic* ***. Что полезно для общественного блага? *Primo* — добрый король. А что говорит священное писание? *Dominator hominum, justus dominator in timore. Dei, sicut lux aurorae, oriente sole, mane absque nubibus, rutilat, et sicut pluviis germinat herba de terra...* ****.

Оборотень. Это уж чересчур!

Симон. Должно быть, он хочет нас околдовать волшебными словами.

Сивард. Если он не перестанет, я засну.

---

* Во-первых... во-вторых... в-третьих... то есть (лат.).

** Всецело во всем заблуждающийся (лат.).

*** И даже... Каким образом?.. Вот как (лат.).

**** Владыка людей, владыка праведный, подобно свету зари при восходе солнца и при безоблачном небе, сияет во страхе божием и, подобно дождям, животворит землю... (лат.)

Брат Жан. Несносный говорун! К делу! К делу!
Лангуаран (продолжает среди все возрастающего шума). *Secundo*, говорил Анаксагор,— плодородная почва. Доказать это ничего не стоит. Разве не сказал господь Аврааму: «Благословлю потомство твое и дам ему землю Ханаанскую»? Но *quid** Ханаанская земля, если не плодородная почва, *quae revera fluit lacte et melle, ut ex his fructibus...***.

Симон. Долой доктора!

Оборотень. Он нас заговаривает, я его прикончу.

Томас. Изрубим его, как мясо в начинку, если он не замолчит.

Брат Жан. Несносный болтун! Разве нельзя сказать в немногих словах, в чем состоит ваше предложение?

Лангуаран. Тише, господин, и вы, господа! Я не окончил еще вступления.

Брат Жан. Ну и ступай ко всем чертям со своими вступлениями! (Белилю.) Не сможете ли вы вразумительно сказать и объяснить нам в двух словах то, чего ему не сказать и в двух десятках тысяч?

Лангуаран (Белилю). Уйдем отсюда.

Белиль (брату Жану). Охотно. Только сперва позвольте мне от имени монсеньера герцога Нормандского спросить вас: почему вы взялись за оружие?

Брат Жан. А разве он этого не знает? Почему лев нападает на человека? Не потому ли, что человек воюет с ним? Французские крестьяне восстали против дворян потому, что дворяне обращались с ними, как с врагами.

Лангуаран. Дайте мне ответить ему. Уж я сумею довести его до *quia****.

Белиль. Нет, мэтр Ивен, не говорите больше ни слова... Отец! Ваш ответ справедлив. Но почему же у вас не было доверия к царственной доброте монсеньера герцога, и почему вы не принесли ему жалоб? Он огорчен тем, что не знает, в чем они состоят; ведь его единственное желание — удовлетворять и малых и великих.

---

* Что такое (лат.).

** Коя поистине обильна млеком и медом, дабы из плодов ее... (лат.).

*** Почему (лат.)

Во Франции, как вам известно, король — всегда отец народа.

Брат Жан. Мессир рыцарь! Вы видите этот меч? В наших руках он служил возмездию; он лучше защищал наше дело, чем гусиное перо. С его помощью мы добьемся освобождения всех крепостных во Франции.

Крестьяне. Да, да! Мы всех освободим!

Бартельми. Мы хотим, чтобы все французы были дворянами.

Оборотень. Исключая дворян. Всякому свой черед.

Белиль. Клянусь святой мессой, досточтимый отец, у вас славный бордоский меч, и вы, кажется, умеете владеть им так же хорошо, как и пастырским посохом. Но, не в обиду вам будь сказано, разве нельзя было прийти к соглашению? Разве нельзя было освободить всех крепостных в королевстве без того, чтобы одна половина Франции истребляла другую?

Симон. Наконец-то мы услышали толковое слово!

Тома. Его по крайней мере можно понять.

Рено. Не мешайте ему говорить.

Брат Жан. Я вижу, к чему вы клоните, монсеньер. Но вы не заставите нас своими сладкими речами сложить оружие.

Белиль. Выслушайте меня, добрые люди! Дорогие соотечественники! Выслушайте меня и рассудите, хочу ли я обмануть вас. Монсеньер герцог предлагает вам свободно и откровенно изложить ваши жалобы. Он рассудит вас по справедливости. На все, чего вы ни потребуете, он ответит согласием. Ведь я уверен, что вы добиваетесь только справедливости.

Оборотень. Я хочу, чтобы король сделал меня бароном, а не то...

Брат Жан. Замолчи, Оборотень!

Рено. Долой барщину! Полная воля!

Крестьяне. Да, долой барщину! Общины! Воля!

Белиль. Если в этом состоят ваши требования, то они, я уверен, будут удовлетворены без труда. Когда обе стороны высказываются откровенно, то нетрудно прийти к соглашению. Лучше объясниться по-семейному, чем начинать с драки. Слава богу, вот мир и заключен!.. Добрые ли вы французы? Да. Значит, вы не хотите отдать

Францию англичанам? Нет. А убивая дворян, вы убиваете своих же солдат. Это то же самое, как если пехота убивает свою конницу. Когда французские крестьяне заживут в согласии с дворянством, кто осмелится напасть на нас? Никто. У кого найдется в руках столько силы, чтобы переломить колчан с двумя дюжинами стрел? Ни у кого. Самсон или хотя бы этот вот богатырь (показывает на Оборотня) только натрут себе волдыри. А выньте стрелы из колчана, и любой ребенок порознь разломает их. Отделите мужиков от дворян — англичанин бросится на одних и легко с ними справится, потом на других и с теми покончит без труда. Живя в единении, французы могут никого не бояться, а разъединенных первый встречный может оскорблять безнаказанно.

Оборотень. Вот этот умеет говорить.

Симон. Заключим мир и будем все заодно!

Тома. Заключим мир!

Крестьяне. Мир! Мир!

Сивард. Так скоро? Трусы! Иль вы забыли, что нам предстоит еще поход на Мо, по стране, где денег пропасть?

Брат Жан. Какие же гарантии дадите вы нам, что все эти обещания будут честно выполнены?

Симон. Да, это важный вопрос.

Белиль. Требуйте каких угодно гарантий... Королевское слово... Но, право же, вы смешны с вашими гарантиями. Разве не в ваших руках сила? Триста крестьян на одного дворянина... Заключайте перемирие, посылайте в Лувр депутатов — и дело уладится как нельзя лучше.

Брат Жан. Вы добиваетесь перемирия, чтобы выиграть время, собрать войско и, получив перевес, напасть на нас.

Белиль. Правду говорят, что монахи недоверчивы!.. У нас вовсе нет желания вторично братья за копья. Если угодно, не расставайтесь с оружием во время перемирия. Но только не переходите Уазу. Вот и все, что от вас требуется. Неужто это много?

Сивард. Нет, нет! Не надо перемирия! Он хочет выиграть время и лишит нас добычи, которая нас ждет.

Д'Акунья. Перейдем Уазу! Пойдем на Мо! Мы все разбогатеем!

Белиль. Этим господам хочется воевать. Я их понимаю. Они грабят не свои земли, они вытаптывают конями не свои хлеба. Они знают, что в мирное время солдат вольного отряда — тот же вор и что его ждет веревка. Хоть они и дворяне, но они ее дождутся.

Сивард. Отрубим уши этому бездельнику!

Д'Акунья. Назвать нас ворами!

Брат Жан (солдатам вольных отрядов). Стойте, господа! Я дал ему охранную грамоту.

Симон. Он говорит правду. Весь край разорен, ячмень вздорожал на два су за меру.

Бартельми. Вольные отряды все предают огню и мечу.

Моран (тихо). Они наши злейшие враги, хуже дворян.

Оборотень. Это правда: где они пройдут, там гладкое место.

Рено. Зачем было впутывать их в наши дела?

Брат Жан. Молчать, говорят вам! Англичане и французы — братья в священной Лиге общин!

Моран (тихо). Да, как Авель и Каин!

Сивард (в сторону). Они сильнее, но они мне заплатят за все.

Белиль. Ну что ж, друзья, решайте: война или мир?

Крестьяне. Мир! Мир!

Белиль. Ну, так в ожидании мира заключим перемирие на три месяца, в течение которых мы должны уладить все наши разногласия.

Крестьяне. Перемирие! Перемирие! Разойдемся по домам! Время приниматься за уборку.

Брат Жан. Я никогда не соглашусь на три месяца перемирия. Мессир посол! Вы плохо скрываете ваш умысел.

Белиль. Я человек сговорчивый. Один месяц перемирия. Вы довольны?

Крестьяне. Да, да! Вот это благородный рыцарь.

Брат Жан. Ладно... Мы соглашаемся на перемирие, но с тем, чтобы нам сдали Мо. Это будет залогом искренности ваших намерений.

Белиль. Ах, добрые друзья мои! В Мо никого нет, кроме несчастных женщин, полумертвых от страха. Что

за гарантия для вас этот город? Вам дадут каких хотите заложников.

Сивард. Нам нужен Мо — это надежнее.

Крестьяне. Да что нам в нем?

Симон. Мы и без того слишком далеко зашли.

Моран. Достаточно хороших заложников...

Крестьяне. Мир! Перемирие!

Брат Жан (крестьянам). Разве вы не видите, что он хочет нас обмануть? Он отказывает нам в гарантиях.

Белиль. Я вам уже сказал, добрые люди, что в городе графиня Мо со своими дамами. В ее свите нет ни одного латника. Вы знаете, что это добрая и милосердная дама. Ради святого Лёфруа, вашего покровителя, пусть она там себе живет тихо и мирно.

Крестьяне. Пусть нам дадут заложников, и хватит с нас.

Брат Жан. Но...

Крестьяне. Заложников и мир! Мир!

Брат Жан. Каких же заложников предлагаете вы нам, мессир рыцарь, в обеспечение безопасности наших посланцев?

Белиль. Да хоть себя самого! Вот доказательство, что я вовсе не собираюсь вас обмануть. Моя шея так же дорога мне, как любому из вас. Мэтр Лангуаран тоже останется здесь, и если вам мало рыцаря и ученого, то вам дадут еще двух именитых и честных рыцарей.

Крестьяне. Вот это честный рыцарь! Перемирие! Мир!

Белиль. Вы, отец, кажется, их предводитель. Так не отправитесь ли вы в Париж для мирных переговоров?

Брат Жан. Нет, монсеньер, я не люблю путешествий. Да и ваша голова, если вам ее отрубят, все-таки не придется к моим плечам так, как моя собственная.

Белиль. Ну, хорошо. Пошлите кого хотите, я остаюсь. Надеюсь, у вас есть хорошее вино?

Симон. Да, к вашим услугам.

Белиль. Отлично. Я велю перенести мои вещи в ваш лагерь, а потом пусть мне дадут вина: я много говорил, надо промочить горло.

Крестьяне. Будьте покойны, любезный рыцарь, с вами будут хорошо обращаться.

Брат Жан. И зорко за вами следить.

Белиль. У меня нет желания вас обманывать, и потому мне нечего бояться.

Белиль и Лангуаран уходят.

Симон. Поезжай в Париж, Моран: ты на язык остер.

Моран. Поезжай сам. Отец Жан не едет, я остаюсь с ним.

Тома. А я, если хотите, поеду. Чего мне бояться?

Брат Жан. Вы этого хотели, и кончено. Нечего об этом рассуждать. Подумайте теперь о ваших требованиях. Завтра мы пошлем наших выборных в Париж. Но, повторяю, будем едины: не надо расходиться! Как раз во время перемирия, перед заключением окончательного мира, нельзя выпускать из рук оружия.

Симон. Вы знаете, что половина наших через неделю должна разойтись для уборки.

Брат Жан. А еще через неделю вернуться под знамена.

Моран. Мы это помним, не беспокойтесь.

Брат Жан. Сегодня вечером приходите ко мне: я вам сообщу условия, которые я хочу предложить герцогу Нормандскому.

Уходят все, кроме Сиварда, д'Акуньи и де Лансиньяка.

д'Акунья. Что ж, Сивард, нас бросают... Они заключают мир.

Сивард. Что поделаешь.

де Лансиньяк. Этот мир нас разорит.

Сивард. Я мира не заключал. Если они сговорятся, я вернусь в мой замок и возобновлю набеги.

д'Акунья. Хорошо сказано. Притом скоро конец перемирию между Англией и Францией. С божьей помощью, у нас не будет недостатка в работе.

де Лансиньяк. Нас ждет слава и прекрасные удары копья.

д'Акунья. И французские бароны для выкупа.

Сивард. И деревни и города для грабежа.

д'Акунья. Рано еще расставаться с нашим ремеслом!

Сивард, д'Акунья и де Лансиньяк уходят.

Дом, где содержится под стражей Жан де Белиль.
Белиль сидит. Входит Сивард с мечом под мышкой.

Сивард *(надменно)*. Вы хотели поговорить со мной, мессир де Белиль?

Белиль *(вставая)*. Да, мессир Сивард. Я давно уже хотел повидаться с вами. Садитесь, пожалуйста, нам надо о многом побеседовать. Прежде всего я должен извиниться за оскорбительные выражения, неосторожно у меня вырвавшиеся по поводу благородного ремесла вольных рыцарей, которое вы украшаете, посвятив себя ему.

Сивард. Если б вы не были нашим заложником, монсеньер, я ответил бы на ваши слова так, как они заслуживали.

Белиль. Когда я произносил их, сердце мое было не в ладу с устами. Но мне было поручено уговорить мужиков, и я принужден был льстить им и сообразоваться с их грубой речью. Как видите, я откровенен. Эти оскорбительные слова вовсе не выражали моей мысли. Пресвятая дева! Стану ли я дурно думать о вольных рыцарях, этих столпах странствующего рыцарства? Еще раз прошу извинить меня! Позвольте мне вот этой цепью сковать и ваш гнев и вашу руку. *(Надевает ему на руку дорогой браслет.)*

Сивард. Святой Георгий! До чего красиво! Какая тонкая работа! Что за прелестные рубины!.. Ах, мессир де Белиль! *(С чувством пожимает ему руку.)*

Белиль. Он достался мне на турнире. Я поклялся, что подарю его только доброму бойцу, каким вы и показали себя в Ниоре.

Сивард. Как! Вы не забыли ниорского турнира?

Белиль. Забыть его? Такой блестящий праздник, столько красивых дам, прекрасных ударов копьями! Мы были оба в числе отличившихся. Помнится, вы так крепко держались в седле, что принуждены были спешиться, чтобы доказать зрителям, что латы у вас не привинчены к броне вашего коня⁴⁸.

Сивард. Там-то я и пронзил руку сиру де Жуаньи. Говорили, будто я поступил против правил⁴⁹. Но ваш дядя был в числе судей на турнире, и он так горячо

вступился за меня, что я был оправдан. Не то меня лишили бы коня и оружия⁵⁰.

Белиль. Давайте же отобедаем вместе и, вспоминая те славные дни, выпьем за здоровье наших старых друзей.

Сивард. От всего сердца.

Белиль. Я приглашу также вашего друга мессира д'Акуню. Когда рыцари перестают сражаться, то лучшее, что они могут сделать, это повеселиться вместе.

Сивард. Кстати, перемирие кончается. Отчего это мы не получаем никаких вестей от наших посланцев?

Белиль. Не знаю, что вам сказать. Их притязания смешны, и я заранее уверен, что они ничего не получат. Но оставим это и, раз уж вы меня любезно навестили, поговорим о более интересных для нас с вами предметах. С тех пор как я здесь, у меня не было случая беседовать с дворянином. Все мое общество составляли три-четыре мужика, несноснейшие люди на свете.

Сивард. По правде говоря, общество мужиков не очень-то занимательно для таких людей, как мы. Не будь со мной английских и гасконских дворян, я умер бы с тоски.

Белиль. Еще куда ни шло, если вам хорошо платят.

Сивард. Платят! Разве наше войско — это королевская армия? Мы делим добычу и получаем свою долю, вот и все.

Белиль. Маловато. Если вам придется выступать против латников, добыча будет невелика.

Сивард. Боюсь, что так.

Белиль. Между нами говоря, война возобновится. Никогда мой грозный сеньер, герцог Нормандский, не согласится на нелепые требования мужиков.

Сивард. Гм...

Белиль. А в таком случае мне жаль вас, потому что ваша сторона, по-видимому, проиграет. Де Буш, под начальством которого вы, кажется, служили, вернулся из Германии; он собирает огромное войско. Мятежники могут выставить лишь очень немного латников. Можно ли сомневаться в исходе борьбы? Вы окажетесь в толпе возмущившихся крестьян, а с ними — позвольте мне сказать вам это откровенно, по-солдатски, — с ними вам не следовало связываться.

С и в а р д. Они освободили меня из плена, и не успел я оглянуться, как мне пришлось действовать с ними заодно.

Б е л и л ь. Но разве теперь поздно отстать от них?

С и в а р д. Не знаю, так ли я вас понял... Говорите со мной с откровенностью солдата, и я вас пойму лучше.

Б е л и л ь. Хорошо! Если вы оставите бунтовщиков, если вы возвратитесь под знамена вашего прежнего начальника, то можете рассчитывать на благодарность монсеньера герцога.

С и в а р д. Золотые слова, но ими не прокормишь отряд.

Б е л и л ь. А что бы вы сказали, если б монсеньер герцог Нормандский взял ваш отряд к себе на службу на весь этот поход, с тем же самым жалованьем для латников, какое получают французы, и постоянным содержанием в сто экю для предводителя?

С и в а р д. Я охотно соглашусь, если только меня повысят в чине и дадут право на свое знамя. Для этого есть достаточные основания — у меня на службе много младших дворян.

Б е л и л ь. Я могу подтвердить рыцарским словом, что вы все это получите. Не желаете ли вы еще чего-нибудь?

С и в а р д. Право же, нет. Ваши предложения столь благородны, что я не могу им противостоять. Рассчитывайте на меня.

Подают друг другу руки.

Б е л и л ь. В вашем отряде, если не ошибаюсь, пятьдесят коней и сто стрелков.

С и в а р д. Сто сорок стрелков. Стрелки, собственно, не мои, хотя они следуют за моим значком. Но если вашим войском командует де Буш, то они пойдут за мной с радостью.

Б е л и л ь. Получите вперед жалованье за месяц полновесными флоринами, а вот и ваши сто экю.

С и в а р д (сосчитав). Вы удивительно точны.

Б е л и л ь. А взамен вы не дадите расписочки? Не подпишете ли обязательство?

С и в а р д. Подписать-то я не смогу за неграмотно-

стью, но я поставлю крестик и, если угодно, скреплю моей печатью.

Белиль. Отлично. Через несколько дней де Буш будет в Мо, и тогда вы перейдете на его сторону.

Сивард. Да, клянусь рыцарской честью.

Белиль. Я мог бы сообщить вам еще кое-что, если б только мне удалось столкнуться с вашими товарищами, предводителями вольных отрядов. Я сделаю все возможное, чтобы их удовлетворить; к их услугам у меня немало флоринов и нобилей.

Сивард. Я отвечаю за них, как за самого себя.

Белиль. Устройте так, чтоб я мог с ними переговорить. Когда настанет время приступить к исполнению наших планов, вы мне доставите веревочную лестницу, чтобы выбраться отсюда. Благоразумие не позволит мне оставаться с мужиками, когда наши латники выступят против них.

Сивард. У вас будет веревочная лестница и, если нужно, будут лошади с проводниками.

Белиль. Благодарю вас. Все пойдет отлично.

Сивард. Я сейчас приведу к вам д'Акунью и мессира де Лансиньяка. Не сомневаюсь, что вы останетесь ими довольны.

Белиль. Идите же и возвращайтесь скорей.

КАРТИНА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Лагерь мятежников.

Симон, Моран, Мансель.

Симон. Нет, как хотите, а он совсем из другого теста, чем наши покойные господа. Он говорит о жатве и землепашцах, точно сам двадцать лет ходил за плугом.

Мансель. И всегда у него найдется какая-нибудь шутка.

Моран. А все же я не знаю, что случилось с теми, кого мы послали для переговоров о мире. Особенно опасюсь я за беднягу Тома.

Симон. Полно! Чего бояться? Разве у нас в руках нет заложников? Ведь это заложники, так, кажется, зовет их отец Жан?

Мансель. Моран вечно ждет беды.
Моран. Этак-то вернее.

Слышны трубы.

Симон. Трубят! Что-то случилось...

Входит Рено.

Рено. Слыхали новость?

Симон. Какую?

Рено. Дворяне выставили большое войско. У них больше десяти тысяч копий, и де Буш — черт побери этого язычника с его дьявольским именем! — командует ими. Он идет на нас, завтра вернее всего будет бой.

Моран. Господи Иисусе! Дева Мария! Пропали мы!

Мансель. Быть не может, Рено!

Рено. Франк видел их разведчиков. У него сейчас была с ними схватка, да такая, что они ранили человек двенадцать, между прочим, и молодого Топино — выше колена, до самой кости.

Моран. Клянусь страстями господними, нас предали! Нам ничего не остается, как...

Симон. Пусть меня жгут черти в аду, если я не отомщу этому вероломному рыцарю! Топино — брат моей крестной.

Весь лагерь охвачен волнением. Входят брат Жан, Сивард,
Оборотень.

Брат Жан. Измена! Этот мерзавец убежал!

Сивард. Эй, Деррик! Луи! Приведите мне моего гнедого, давайте оружие! Я сыщу его на дне преисподней!

Оборотень. На коня, на коня!

Моран. Кто, кто убежал?

Оборотень. Белиль, черт побери этого краснобая! А королевские латники наступают.

Сивард. На коня, Оборотень! Он, наверно, бежал туда, к лесу.

Оборотень. Нет, я видел следы лошадиных копыт близ ручья. Он сделал крюк, чтобы сбить нас со следа.

Сивард. А я тебе говорю, он бросился в лес. Один из моих людей видел какого-то всадника — он направлялся к лесу.

Б р а т Ж а н. Поезжайте каждый в свою сторону и перестаньте спорить. А вы бегите к вашим отрядам. Через час выступаем.

Сивард и Оборотень уходят.

М о р а н. Какое несчастье, отец Жан!

М а н с е л ь. Говорят, их много.

С и м о н. Как они смогли переправиться через Марну?

Б р а т Ж а н. Ступайте за оружием, вместо того чтобы задавать дурацкие вопросы. (Уходит.)

С и м о н. Никогда я не видел его таким растерянным.

М о р а н. Плохой знак!

М а н с е л ь. А все же давайте вооружаться.

М о р а н. Отец Жан сдает, это заметно.

С и м о н. Не ты один это замечаешь...

М а н с е л ь. Если королевское войско нападет на нас, мы разделаемся с ним, как с войском сенешаля.

М о р а н. С востока потянула стая воронов. Господи Иисусе, мать божия! Да не послужим мы им пищей!

С и м о н. Вечно ты пророчишь беду! (Уходит.)

КАРТИНА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Равнина близ Мо. Битва началась; видны убитые и раненые. Оборотень и его люди в перестрелке с неприятельским авангардом.

Оборотень (делая зарубку на палице). Еще один! Сегодня, надеюсь, я dokonчу свою полсотню... Эй, вы! Ступайте направо, в вересковую заросль, и отбросьте королевских стрелков. Они будут сопротивляться не дольше, чем лани Бовуази.

Появляется брат Жан верхом, в сопровождении нескольких начальников отрядов.

Б р а т Ж а н. Доброе начало, храбрый Оборотень! Будем смелей сегодня, и война кончена.

Оборотень. Уж я не поскуплюсь на удары! А как дела на вашей стороне?

Брат Жан. Отлично! Не боюсь я латников де Буша. Вольные отряды справа от нас готовятся встретить их как следует. Поеду посмотрю, что делается слева. (Уезжает.)

Оборотень. Жан! Перемени тетиву на моем луке... Эй вы, там, берегите стрелы! Расстояние слишком велико. Подбирайтесь, подбирайтесь к ним ближе, пока не разглядите белков их глаз. Отлично, ребята, спускайте! Ах, этот толстый стрелок, как он кувырнулся! Куда к черту запропастился Броун? Неприятель отходит к своему резерву, английские стрелки были бы теперь очень кстати. Дам ему сигнал. (Трубит в рог.) Бьюсь об заклад, что он пьет где-нибудь в сторонке. Пока у него в запасе полная бутылка, он не примется за дело.

Слышен ответный рог. Входит Броун.

Броун. Волк, друг мой! Не хочешь ли стать англичанином?

Оборотень. Я? Зачем?

Броун. Вы все пропали. К вечеру вас изрубят, как начинку для пирога. Одно спасенье тебе — стать англичанином.

Оборотень. Не смейся, приятель! Я из тех, кто сам ест пироги, и нужен ловкий повар, чтобы посадить меня в печь.

Броун. Вы все погибли. Вам изменили.

Оборотень. Что это значит?

Броун. Мы уходим от вас. Я тут ни при чем, но де Буш был когда-то нашим начальником. Мне жаль только тебя. Ступай с нами, стань англичанином!

Оборотень. К черту англичан! Говори, в чем дело, черт побери!

Броун. Прощай, прощай! Покажи мой лук англичанам и скажи, что получил его от капитана Броуна. (Уходит.)

Оборотень. Постой же, погоди! Бежит, точно его черт уносит. Пойти предупредить отца Жана. Я не пойму, о чем он тут говорил, а он разберется. Вильфрид! Оставайся вместо меня и веди перестрелку, да будь осторожнее! (Уходит.)

КАРТИНА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Лес. Ночь.

Брат Жан, Оборотень, Моран, Симон, Бартельми, Гайон, восставшие крестьяне.

Брат Жан стоит в стороне, прислонясь к дереву. Другие, лежа или сидя вокруг костра, жадно едят. Некоторые ранены, все явно изнемогают от усталости.

Оборотень. Сорок три человека! Лишиться в один день сорока трех храбрейших стрелков на свете! Чума задуши англичан за то, что они нас предали!..

Симон. Чтоб черт задавил де Буша!

Моран (шепотом). И магометова монаха, который повел нас на бойню!

Оборотень. Ты все тот же, старый Моран. Молчишь и прячешься, когда удары сыплются градом, но зато тебя всегда можно встретить у печки и услышать твое карканье. Клянусь бычьим чревом, Рено убит, а среди вас только он один и был молодцом.

Моран. Ты бы помолчал! Сам не хуже нас улепечивал!

Оборотень. Моран! Перестань жужжать мне в уши. Я и без того сейчас не в духе, и мне еще легче проломить тебе голову, чем допить эту бутылку.

Моран. Ты всегда сердишься по пустякам!

Оборотень (поднимаясь). Ну, мои волки, кончайте еду! Черт возьми! Глядя, как вы жуете, можно подумать, что вы расселись за свадебным столом. Вставайте, бездельники! До наших лесов конец немалый.

Симон (Морану). Вот так храбрый боец! Ему кажется, что де Буш все еще недостаточно далеко.

Брат Жан (подходя). Мы снимемся с лагеря..

Симон (тихо). Он называет это лагерем!

Брат Жан. Франк! Ты со своими молодцами пойдешь в арьергарде. Завтра, перейдя Уазу, мы будем в безопасности и можем снова начать войну.

Моран (тихо). Тебе все еще мало?

Оборотень. Я со своими стрелками отступлю отдельно.

Брат Жан. Что это значит? Выполняй приказ!

Оборотень. Послушайте, отец Жан! Вы стали нашим предводителем черт знает как и почему. Я еще до вас сделался вольным. Я помогал вам всеми силами. Ради вас я и мои ребята лезли на стену. И вот вы шлепнулись в лужу... Клянусь бородой Магомета, выбирайтесь из нее сами! Прощайте!

Брат Жан. Я ошибся в тебе. Я считал тебя воином, а ты всего лишь вор. Тебе важнее всего добыча после победы. А теперь...

Оборотень. Теперь... Если б вы не выманили меня из лесу, я был бы атаманом сотни добрых молодцов, вольных, как ветер. А вы, с вашим военным искусством, едва не довели нас всех до веревки. Прощайте!

Брат Жан. Что ж, беги, трус! Я останусь с этими молодцами. С ними я еще одолею врага.

Оборотень. Желаю успеха, ваше преподобие.

Брат Жан. Но знай, что, если счастье нам улыбнется и ты возвратишься, я повешу тебя, как разбойника, и...

Оборотень громко трубит в рог, собирает свой маленький отряд и уходит с ним в лес.

Моран. А ведь Оборотень прав: дураки мы, что остаемся с этим проклятым колдуном.

Брат Жан. Симон и ты, Гайон! Соберите оставшихся стрелков. Я с вами пойду в арьергарде.

Гайон. Премного благодарен за ваш арьергард! Чтоб нас изрубили на кусочки? Нашли дурака!..

Симон. Отец Жан!.. Отец Жан!..

Моран (тихо Симону). Ты что, намерен ему подчиняться?

Брат Жан (Симону). Ты колеблешься?

Симон. Что поделаешь, войско разбито. Каждый за себя. В арьергарде пойдут хромые.

Бартельми. Вы что же, все еще хотите командовать нами?

Брат Жан. А вы думаете выйти из повиновения? Говори, Гайон! (Хватает его за горло.)

Гайон. Я?.. Нет, нет, отец Жан... Но...

Симон. Это вы виноваты во всем, что случилось.

Гайон. Вы нас довели до этого.

Бартельми. Вы нас подбили на бунт...

Моран. Против наших добрых господ.

Брат Жан (подходя к нему). Что ты сказал, мерзавец?

Моран пятится в страхе.

Симон. Мы доверились вам.

Гайон. А вы нас, как баранов, повели на бойню.

Моран (крестьянам). Если б у вас хватило духу, он больше не был бы нашим предводителем.

Симон. Вы больше не предводитель.

Бартельми. Вы нас предали.

Все. Предательство! Предательство!

Моран. Это он велел убить почтенного аббата д'Апремона.

Несколько крестьян. Это принесло нам несчастье.

Брат Жан. Трусливая сволочь! И вы смеее возвышать против меня голос! Или вы забыли, что без меня вы до сих пор были бы рабами? Забыли, что только благодаря мне вы победили ваших господ и овладели их богатствами? Разве моя вина, что из-за вашей трусости нас постигла беда? Если б я предоставил все вашим собственным силам, давно бы вы качались на виселицах. И если теперь...

Бартельми. Нечего слушать этого изменника!

Гайон. Заставим его замолчать!

Моран. Смерть ему, отступнику!

Симон. Убьем его, как он убил барона д'Апремона!

Все. Смерть ему, смерть!

Моран. Выдадим его де Бушу, барону де Белилю!

Брат Жан (с мечом в руке). Подойдите, трусы, подойдите! Я не боюсь вас. Кто из вас осмелится поднять руку на своего предводителя?

Крестьяне. Покончим с ним! Смерть ему! Долой монаха!

Брат Жан ранен стрелой в спину. Он падает, но тотчас, схватившись за дерево, становится на колени.

Брат Жан. Это похоже на вас. Презренные твари... Вы наносите удар в спину.

Голос за сценой: «Королевские латники!»

Я буду отомщен!.. Бегите, предатели.. Вам не спастись... от их длинных копий... Колесованье... виселицы ждут вас... Я отлучаю вас... и обрекаю на вечные муки. (Умирает.)

Моран. Спасайся, кто может!

Голоса. Мы окружены! Спасайся, кто может!

Несколько крестьян. Кто будет нашим предводителем?.. Симон, Симон!

Симон. Бежим, мы пропали!

Латники (за сценой). Де Буш! Де Буш! Бей их, бей!

Все. Спасайся, кто может!

Общее смятение и бегство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Врачами в то время были только священники, а лекарствами — почти исключительно молитвы да обеты; поэтому не удивительно, что болезни обозначались именами святых, которые излечивали от них набожных людей или насылали их в наказание на нечестивых и неверующих.

² Человека обрекают дьяволу, перекрестив его левой рукой. Необходимо еще при этом произнести какие-то определенные слова.

³ В этот невежественный век было в обычае смешивать при клятвах имена святых с именами злых духов. Гольфарин, племянник Магомета, изображается в старинных легендах страшным колдуном. Некоторые ученые видят в этом слове испорченное имя халифа Омара.

⁴ Радостный клич. Ноэлями называли также особый род веселых песенок.

⁵ «Вольными отрядами», «искателями приключений», «авантюристами» называли тех, кто в мирное время грабил, а в военное нанимался к тому феодалу, который платил больше.

⁶ Всякое ремесло должно было иметь своего покровителя, поэтому воры избрали таковым св. Николая.

⁷ Убежище, где можно было спастись от судебного преследования.

⁸ Надо все время помнить о тогдашнем невежестве. Писать умели почти исключительно монахи.

⁹ Такая мысленная оговорка, при случае весьма удобная, еще до сих пор применяется в детских играх.

¹⁰ Солдаты, сражавшиеся за короля Наваррского. Этот государь владел тогда многими замками на севере Франции.

¹¹ Лица духовного звания в то время нередко носили оружие. Вольные отряды в мирное время избирали себе предводителя и располагались обычно в каком-нибудь замке, служившем им складом для добычи и крепостью против возможных нападений со стороны крестьян, которых они грабили.

¹² Прозвище французского крестьянина.

¹³ Многие французские аббатства имели право посылать своих настоятелей на соборы.

¹⁴ См. рыцарские романы.

¹⁵ Рассказывают, что граф де Сен-Поль через час после сражения приказал убивать пленников своему двенадцатилетнему сыну, «которому это, по-видимому, доставляло большое удовольствие». (*История герцогов Бургундских.*)

¹⁶ Битва при Пуатье, где король Иоанн был взят в плен. Он не был выкуплен и умер в Англии.

¹⁷ Английские стрелки натягивали лук левой рукой, держа правую неподвижно. Французы крепко держали лук левой рукой и натягивали тетиву правой. Ловкость английских стрелков была, впрочем, всеми признана, и это давало им перевес над другими нациями.

¹⁸ Приз при стрельбе из лука.

¹⁹ Старинное поверье, еще сохранившееся в некоторых странах:

Lupi Moerim videre priores *.

Вергилий. «Буколики».

²⁰ Очень узкое одеяние, обычно из буйволово́й кожи или из холста, подбитого толстым слоем ваты; латники носили его под латами. Оно служило для того, чтобы железо не натирало кожу и чтобы ослаблять удары.

²¹ Срок перемирия.

²² Хотя англичане и были тогда католиками, но их считали не очень усердными богомольцами; история часто упрекает их в грабеже церквей, осквернении мощей и т. п.

²³ «Монжуа Сен-Дени!» — тогдашний боевой клич французов; каждый сеньер добавлял к нему свой особый клич, который его вассалы повторяли во время сражения.

²⁴ «Кинжал милосердия». Лезвие у этого кинжала было чрезвычайно крепкое и острое. Даже сброшенного с коня рыцаря не так-то легко было ранить сквозь латы. Победитель старался приподнять одну из частей панциря и всадить туда острие своего кинжала, наподобие того, как вводят нож между двумя створками устриц.

Фруасар называет эту операцию «сунуть кинжал в тело». В те времена было в обычае убивать всех, кто не мог заплатить выкупа или чья платежеспособность внушала сомнения.

²⁵ Большинство духовных лиц были сведущи в медицине.

²⁶ Это странное право соблюдается еще и сейчас в прибрежных местностях.

²⁷ Провансальские каготы, которых долгое время считали сарацинами, уцелевшими после поражения Абд-Эр-Рахмана.

²⁸ Власть аббата над монахами простиралась еще дальше.

²⁹ Всякого рода знания, необходимые для трубадура.

³⁰ Из французских фавлио видно, как непочтительно отзывались трубадуры о священниках и монахах.

---

* Волки раньше увидели Мерия (лат.).

³¹ Тогда различались рыцари с собственным знаменем и рыцари со значком (маленьким треугольным клочком материи на древке копья). Чтобы иметь право «поднять свое знамя», надо было владеть определенным количеством ленных поместий и держать при себе значительный отряд рыцарей и оруженосцев.

³² См. фавлио о воре, почитавшем только богоматерь и вошедшем в рай благодаря ее заступничеству.

³³ В те времена знатные дамы пользовались услугами мужчин в таких случаях, когда теперь требуются горничные. «Сударыня, вы потеряли подвязку; ваш паж плохо ее подвязал». (*Тирант Белый.*)

³⁴ На турнирах обыкновенно целили в шлем. См. у Фруасара описание турнира в Кале.

³⁵ Для участия в турнире требовалось представить доказательство дворянского происхождения.

³⁶ По старинному преданию, французские короли произошли от Франка, сына Приама, троянского царя.

³⁷ В старину доспехом служила кольчуга. Отец Жан допускает здесь явный анахронизм.

³⁸ Лет тридцать назад четверо русских крестьян убили управляющего имением при обстоятельствах, сходных с описанными в этой сцене. Чтобы из-за них не пострадал каждый десятый в деревне, они явились затем к губернатору. Их сослали в Нерчинские рудники, отрезав им носы и уши.

³⁹ Подобные сделки были не редки.

⁴⁰ Дофин, позднее король Карл V.

⁴¹ Цены на лошадей, по-видимому, никак не соотносились с ценами на припасы. Латник, которому король давал коня, стоившего 200 франков, получал жалованья всего 30 франков в год.

⁴² Все монастыри, находившиеся за пределами городских стен, были более или менее укреплены и снабжены оружием.

⁴³ См. ответ Баярда императору Максимилиану при осаде Падуи.

⁴⁴ Клятвенная формула. См. *Поэму о цапле.*

⁴⁵ Подобное безрассудство было причиной поражения при Азинкуре.

⁴⁶ По снятой перчатке узнавали пленных рыцарей.

⁴⁷ Амбруаз Паре рассказывает, что после небольшой стычки в Пьемонте трое или четверо солдат были страшно обожжены при взрыве пороховниц. Один из их товарищей спросил знающего хирурга, есть ли надежда на спасение; получив отрицательный ответ, он каждому «любезно» перерезал горло.

⁴⁸ Некий шотландский рыцарь, бившийся на копьях на Лондонском мосту, до того крепко держался в седле, что народ принудил его спешиться, чтобы посмотреть, не был ли он привязан к седлу.

⁴⁹ По правилам турниров, надо было наносить удары «между четырьмя конечностями».

⁵⁰ Обычное наказание. См. у Фруасара описание турнира в Кале.

ДРАМАТУРГИЯ МЕРИМЕ («Театр Клары Гасуль», «Жакерия»).

Начало работы Мериме над «Театром Клары Гасуль» относится, вероятно, к 1823 году. Во всяком случае, уже в сентябре 1823 года двадцатилетний писатель сообщает Линге, одному из своих старших друзей и литературных советчиков, что хотел бы получить сведения об испанском генерале Ла Романа, которого он думает изобразить в пьесе «Испанцы в Дании», и шутливо добавляет: «Заметьте, пожалуйста, при этом, что с упомянутой просьбой к Вам обращается Клара Гасуль». Как видно из письма, у Мериме в то время был уже готов пролог к «Испанцам в Дании». Явственно чувствуется в этом письме связь между тематикой «Театра Клары Гасуль» и отношением Мериме к французской военной интервенции в Испании и к росту реакции в стране: «Я уверен, что мы возьмем Кадис с одного приступа, потому что принц генералиссимус и белая кокарда прикажут делать это автоматам, получающим десять су в день, а называются эти автоматы — «французы». Согласитесь, что жизнь в таком подлом веке, как наш, очень жалка. Подрастающее поколение уже развращено, иезуиты готовятся обратить в свою веру наших детей. На свободу нет надежды!»

В 1824 году Мериме заканчивает работу над книгой. В конце мая 1825 года «Театр Клары Гасуль» выходит из печати в парижском издательстве А. Сотле.

Вскоре по выходе в свет «Театра Клары Гасуль» появилось несколько рецензий на него в периодической прессе. 4 июня 1825 года в органе либералов «Глоб» была помещена большая рецензия Ж.-Ж. Ампера на книгу Мериме. Автор рецензии, тесно связанный с кругами писателей, которые стремились утвердить основы новой литературы, свободной от устаревших навыков классицизма, от-

мечает в комедиях Мериме естественность и правдивость изображения, простоту, легкость и остроумие.

В июне — июле 1825 года «Глоб» возвращается к книге Мериме и в статьях на более общие темы, а 18 июня печатает письмо в редакцию от «одного из подписчиков», где особенно подчеркивается новаторство автора комедий и где оно связывается именно с правдивостью его искусства. «Подписчик» замечает, что впервые в этих комедиях люди его времени говорят и действуют так, как они говорят и действуют в самой жизни. Заканчивая подробный разбор комедий, автор письма высказывает мысль, что создатель «Театра Клары Гасуль», подобно Вальтеру Скотту, «в высочайшей степени правдивый современный писатель». Появление «Уеверли», романа Вальтера Скотта, «произвело революцию во всей эпической области нашей литературы, изображая с неведомой дотоле правдивостью нравы и характеры. Автор «Театра Клары Гасуль» довершает эту революцию, внося такую же правдивость в изображение страстей, а следовательно — в драму», — утверждает «Подписчик».

Всего при жизни писателя «Театр Клары Гасуль» издавался девять раз.

С 1827 года пьесы «Театра Клары Гасуль» ставятся время от времени на сцене, нередко в переделках. Так, при жизни Мериме, в 1827 году, была поставлена в «Театре новинок» его «Африканская любовь», в 1850 году в театре Французской комедии шла «Карета святых даров» (с существенными купюрами: роль лимского епископа была целиком вымарана, начиная со второго представления). Ставились пьесы «Театра Клары Гасуль» и в нашем веке: так, можно отметить спектакли «Карета святых даров» в театре «Вье Коломбье», 1920 год, «Случайность» в театре Ателье, 1922—1923 годы, «Африканская любовь» (в постановке Г. Питоева) в театре Искусств, 1926 год.

На сюжет «Кареты святых даров» Ж. Оффенбах написал оперу-буфф «Перикола», поставленную впервые театром Варьете в 1868 году.

После того, как Стендалем были провозглашены принципы исторической народной драмы, чувствовалась необходимость осуществить их в художественной практике. Драма, задуманная Стендалем совместно с Мериме, так и не была написана. Над своей драмой «Кромвель» Мериме работает с 1822 года и, по-видимому, заканчивает ее к 1824 году, но дальнейшая судьба ее неизвестна, не сохранилась даже рукопись.

В апреле 1828 года Мериме публикует в «Ревю триместриэль» отрывок из «Жакерии», а в июне того же года «Жакерия» совместно с пьесой «Семейство Карвахалья» выходит отдельной

книгой. Начиная с 1842 года «Жакерия» при жизни Мериме издается еще шесть раз.

Новая пьеса Мериме носила подзаголовок «Сцены феодальной жизни» — этим подчеркивалась и средневековая тематика пьесы и свободный характер драматургической композиции, не подчиненной классицистским требованиям единства места и времени. Как в том, так и в другом отношении Мериме следовал Шекспиру, хроники которого — «Король Джон», «Король Ричард Третий», «Король Генрих Четвертый» — он ко времени создания «Жакерии» видел на французской сцене.

Исторический материал для своей «Жакерии» писатель черпал из книги Д.-Ф. Секуса «Заметки по истории Карла II, короля Наваррского» (1758), из работы Ж.-Б. Лакюрна де Сент-Пале «Заметки о старинном рыцарстве как политическом и военном установлении», в трех томах (1759—1781). Особенно широко пользовался Мериме французскими старинными хрониками, которые в 20-е годы начал публиковать историк Ж.-А. Бюшон, — в это время им была уже издана хроника Фруасара и Жана из Венеты.

Рецензенты рассматривали «Жакерию» с точки зрения ее литературной актуальности. Между тем в ней можно было усмотреть и актуальность политическую, о которой по вполне понятным причинам рецензенты молчали. В 1828 году, когда пьеса вышла в свет, режим Реставрации был близок к крушению, феодально-католическая реакция делала отчаянные усилия уберечься от революционной грозы. В своей пьесе Мериме обращался к давнему прошлому, но именно к тем страницам французской истории, в которых наиболее сильно чувствовалась ненависть народа к своим угнетателям — феодалам, и «Жакерия» Мериме звучала не только как отголосок истории, но и как грозное предостережение обществу его времени.

КОММЕНТАРИИ

ТЕАТР КЛАРЫ ГАСУЛЬ

Стр. 3. Эпиграф взят из пролога ко II части «Дон Кихота» Сервантеса. Перевод Н. Любимова.

ЗАМЕТКА О КЛАРЕ ГАСУЛЬ

Стр. 5. *...нес гарнизонную службу в швейцарском полку Ваттвиля.*— Этот полк вымышлен автором.

Андалусская герилья.— Здесь речь идет о партизанах Андалусии, участвовавших в национально-освободительном движении испанского народа в 1808—1813 годах против оккупации Испании войсками Наполеона I.

...монашеского ордена, недавно упраздненного мудрым королем испанским.— Здесь имеется в виду орден доминиканцев, так как инквизиционные суды находились в их руках, а опекун Клары Гасуль — инквизитор. Орден доминиканцев в действительности испанским королем Фердинандом VII не упразднялся; после народного восстания, поднявшегося против абсолютизма, была упразднена в 1820 году инквизиция, но и то ненадолго; в 1823 году она была восстановлена и просуществовала до 1835 года.

Освободительная война.— Имеется в виду война испанского народа против армии Наполеона, оккупировавшей Испанию.

Стр. 6. *...мягкосердечного мавра Гасуля, которого мы знаем по старинным испанским романсам.*— Мавр Гасуль действительно упоминается в испанских романсах.

Стр. 7. *...роль доньи Клары в пьесе «Святоша».*— «Святоша» — комедия испанского драматурга Леандро Фернандеса де Моратина (1760—1828). См. статью Мериме «Драматическое искусство в Испании», том V настоящего издания.

Священный трибунал.— Имеется в виду суд инквизиции, которая именовала себя «священной».

...восстания войск, расквартированных на острове Леон...—

Леон — испанский остров в Атлантическом океане недалеко от Кадиса. На этом острове в 1820 году началось восстание против испанского абсолютизма. Полковник Риго (1785—1823), командовавший полком, расквартированным на острове Леон, двинулся с военным отрядом в Андалусию в расчете поднять Испанию на борьбу за ограничение королевской власти и восстановление принятой в 1812 году либеральной конституции. Риго вынужден был вскоре распустить свой отряд, его поход не удался, но восстание разрослось, охватило всю Испанию, и король Фердинанд вынужден был пойти на уступки, восстановив конституцию. Испанская революция 1820 года, буржуазно-либеральная по своему характеру, привела к изданию законов, направленных против феодализма и против господства католической церкви; в частности, была упразднена инквизиция. Однако феодальные владения были закреплены за помещиками в качестве частной собственности.

Конституционалисты во время испанской революции 1820 года требовали введения конституции и боролись с испанским абсолютизмом.

... во время резни 10 марта.— Имеются в виду кровавые события 1823 года, сопровождавшие победу испанской контрреволюции над конституционалистами.

Сайнет — небольшая веселая комедия (исп.).

Стр. 8. *Сервилес* (раболепные) — так называли сами себя ярые сторонники абсолютной власти Фердинанда VII, крайние реакционеры.

Кирога, Антонио (1784—1841) — испанский революционер; участвовал в войне испанского народа против оккупационной армии Наполеона (1808—1813); возглавил наряду с Риго испанскую буржуазную революцию 1820 года.

...в начале Реставрации...— В Испанию в 1823 году вторглась сотысячная французская армия, посланная реакционным французским правительством. Это вторжение, как и неспособность испанского либерального правительства подняться на борьбу с французскими войсками народные массы, способствовало реставрации абсолютной монархии Фердинанда VII.

Стр. 9. *...роялистские хунты поспешили внести их в запретный список.*— *Хунта* — собрание (исп.). Во время освободительной войны испанского народа с оккупационной наполеоновской армией восстанием руководили организованные в провинциях и областях хунты, подчинявшиеся Центральной хунте. Хунтами назывались и объединения роялистов, сторонников Фердинанда VII. После реставрации абсолютизма в Испании роялистские хунты, или, как они еще себя именовали, «очистительные хунты», занимались самым жестоким преследованием противников абсолютизма, бросали их в тюрьмы, подвергали их пыткам и казням. Роялистские хунты боролись с малейшими проявлениями свободной мысли: добивались закрытия университетов и литературных обществ, заточения поэтов в монастыри и т. п. *Запретный список*;— список книг, чтение которых запрещалось католической церковью. Так как список запрещенных книг издавался самой церковью, то роялистские хунты внести в него сочинения Клары Гасуль не могли, они могли лишь добиваться внесения.

Стр. 10. *Комедия в трех днях.*— Мериме называет акты своей комедии «днями», согласно традиции испанской драматургии.

Эпиграф к комедии, по мнению французских исследователей, сочинен по-испански самим Мериме.

Маркиз де Ла Романа.— В этой пьесе Мериме изобразил, правда, впадая в сильную идеализацию, подлинное историческое лицо — Педро Каро-и-Суредра маркиза де Ла Романа (1761—1811), испанского генерала, участника испанской войны за независимость против оккупационной армии Наполеона. Генерал де Ла Романа отнюдь не был такой благородной личностью, какой изображен он в пьесе «Испанцы в Дании». Действуя во время войны за независимость в качестве комиссара Центральной хунты, Романа боролся со стремлением испанских патриотов произвести в стране социально-политические реформы, уничтожал окружные хунты, назначал вместо них военных губернаторов. Деспотическое обращение генерала Романа с хунтами испанских провинций Галисии и Астурии привело к тому, что Галисия и Астурия стали уклоняться от деятельного участия в освободительной войне.

Вентура Каро, дон (ок. 1742—1808) — испанский генерал; в 1793 году воевал против французской революционной армии.

Стр. 11. *Остров Фюн* — датский остров.

...весть о мадридских событиях 2 мая 1808 года...— 2 мая 1808 года в Мадриде народ восстал против французского вторжения.

Понте-Корво — Жан-Батист Бернадот, князь Понте-Корво (1763—1844), наполеоновский маршал; усыновлен был в 1810 году шведским королем Карлом XIII; в 1818 году стал, под именем Карла XIV, королем Швеции, а впоследствии — присоединенной к ней Норвегии. С 1812 года действовал против Наполеона, придерживаясь русской и английской ориентации.

Эспиноса.— Здесь подразумевается Эспиноса де Лос Монтерос, город в Испании, в семидесяти четырех километрах к северу от Бургоса. 11 ноября 1808 года французские войска под предводительством маршала Виктора одержали под Эспиносой победу над восставшими испанцами.

Стр. 12. *После того как французы вступили в Андалусию...*— В 1810 году почти вся Андалусия (область, лежащая на юге Испании) была занята французской армией. Испанская армия была разбита, и в дальнейшем борьба испанцев за свою национальную независимость приняла характер партизанской войны. Партизанская война испанских патриотов продолжалась до весны 1813 года, когда Наполеон, после разгрома французской армии в России, вынужден был отозвать свои войска из Испании.

Торрес-Ведрас — город в Португалии на реке Тахо.

Масена, Андре (1756—1817) — наполеоновский маршал; в 1810 году командовал шестидесятитысячной французской армией, предназначенной для завоевания Португалии.

Стр. 13. *Гранд* — звание лица, принадлежащего к испанской высшей знати,

Стр. 15. *А как же насчет... трех единств?* — Имеются в виду три единства, соблюдение которых в трагедиях и комедиях приверженцы классицизма считали обязательным. Во имя единства места нельзя было переносить действие пьесы из одного места в другое. Единство времени заключалось в том, что на сцене изображались события, занимающие в целом около суток. Единство действия заключалось для сторонников классицизма в тесной сюжетной связи всех эпизодов и действующих лиц между собою.

Стр. 16. *Годой*, Мануэль Альварес де Фарса (1767—1851) — герцог, фаворит короля Карла IV, предшественника Фердинанда VII на испанском престоле; в 1801—1808 годах — главнокомандующий испанской армией. В результате предательской политики Карла IV и Годоя Испания в 1808 году была оккупирована наполеоновскими войсками. За несколько дней до вступления французов в Мадрид испанский народ, возмущенный действиями Годоя, поднял против него восстание в Аранхуэсе, и Годой бежал во Францию, а король Карл IV отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда VII.

Дон Хуан Диас Порльер (1785—1815) — один из организаторов испанских партизанских отрядов, действовавших против французских оккупационных войск в 1808—1813 годах. Боролся за установление в Испании конституции, ограничивающей королевскую власть. Конституция была провозглашена в 1812 году. После того как Фердинанд VII вернулся в 1814 году на испанский престол, узурпированный при помощи военной силы братом Наполеона Жозефом Бонапартом, конституция была отменена. Порльер поднял в 1815 году восстание сторонников конституции, но оно было подавлено, и Порльер предстал перед военным судом; 13 октября 1815 года был повешен (Мериме в своих примечаниях о Порльере дает неточные сведения).

Стр. 19. *...своего августейшего брата* — то есть Жозефа Бонапарта, занимавшего испанский престол с 1808 по 1813 год.

Стр. 21. *Тальма*, Франсуа-Жозеф (1763—1826) — знаменитый французский трагический актер.

Стр. 39. *Пишегрю*, Шарль (1761—1804) — генерал, организовавший роялистский заговор против Наполеона. Заговор был раскрыт, и Пишегрю был арестован. Умер он в тюрьме при загадочных обстоятельствах.

Стр. 42. *Романс*. — Романс, который поет г-жа де Кулаиш, сочинен самим Мериме.

Стр. 61. *Ваттель*, Эммерих (1714—1767) — немецкий юрист, автор трактата «Международное право, или Принципы естественного закона, примененные к поведению и делам наций и государей» (1758).

Стр. 69. *...под Трафальгаром, под Эйлау, под Фридландом...* — У мыса Трафальгар, к северо-востоку от Гибралтара, в 1805 году произошло большое морское сражение, в котором английский флот под командованием Нельсона одержал победу над соединенным флотом французов и испанцев; под прусским городом Эйлау (недалеко от Кенигсберга, ныне — Калининграда) в 1807 году произошло кровопролитное сражение, закончившееся победой наполеоновских войск над немецкими и русскими войсками; под восточно-

прусским городом Фридландом произошла битва между французскими и русскими войсками, выигранная Наполеоном.

Стр. 74—75. ...превратились в неприступные твердыни, подобные Сарагосе.— Сарагоса, Херона и другие испанские города мужественно сопротивлялись в 1808 году французским захватчикам. Французы дважды подвергали Сарагосу осаде; крепость пала лишь в феврале 1809 года. Испуганный геройским сопротивлением испанских патриотов и позорным поражением, которое потерпел французский генерал Дюпон, Жозеф Бонапарт бежал из Мадрида.

Стр. 75. Король наш в плену.— Наполеон, воспользовавшись раздорами в королевской семье, заманил Фердинанда VII во Францию, где тот оказался в положении пленника и отрекся от испанского престола в пользу Жозефа Бонапарта.

Пелайо (719—737) — полупоупендарный король Астурии, боровшийся с завоевателями Испании — маврами.

Стр. 77. Не судите строго автора! — традиционная концовка испанских комедий.

Стр. 78. Следует помнить, что комедия была написана при конституционном режиме.— В 1820—1823 годах в Испании произошла вторая буржуазная революция, в результате которой была восстановлена конституция 1812 года, ограничивавшая власть короля и сокращавшая дворянские привилегии.

ЖЕНЩИНА—ДЬЯВОЛ

Стр. 79. Торкемада (1420—1498) — испанский инквизитор, прославившийся своей жестокостью.

Аутодафе — буквально «акт веры» (португальск.) — торжественное публичное сожжение еретиков на костре по постановлению инквизиции. Этот вид казни широко был распространен в Испании и Португалии особенно начиная с XV века. Просуществовал до первой четверти XIX века. Последнее аутодафе было произведено в Валенсии в 1826 году, то есть уже после выхода в свет «Театра Клары Гасуль».

Сан-бенито — буквально «святой Бенедикт» (исп.) — смертное одеяние желтого цвета, в котором осужденные шли на аутодафе. Название «сан-бенито» дано было этой одежде потому, что она напоминала одеяние монахов-бенедиктинцев.

Стр. 80. Война за престолонаследие — иначе война за испанское наследство (1701—1714), возникшая по поводу завещания испанского короля Карла II: завещанием этим право наследования испанского престола передавалось герцогу Филиппу Анжуйскому из династии Бурбонов; будучи наследником также и французского престола, герцог Анжуйский должен был, таким образом, объединить французскую и испанскую короны. Боясь усиления Франции, Англия с помощью коалиции ряда западноевропейских держав вступила с Францией и Испанией в войну. Война закончилась победой Англии. Герцог Анжуйский занял испанский королевский престол под именем Филиппа V, но отказался от французского престола.

Стр. 81. *Лойола* — Игнатий Лойола (1491—1556) основал в Испании монашеский орден иезуитов, известный своими низкими политическими интригами, лицемерием и коварством. Католической церковью Игнатий Лойола причислен к «лику святых».

Стр. 87. «Позор тому, кто видит в хорошем дурное» — точнее: «Да будет стыдно тому, кто подумает об этом дурное» — девиз английского ордена Подвязки.

Стр. 90. *Трапписты* — монашеский орден, отличающийся чрезвычайно строгим уставом.

АФРИКАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Стр. 96. *Калиф*, или халиф, — верховный правитель у мусульман.

Стр. 97. *Джем-Джемские ворота* — арабское название городских ворот Кордовы.

Стр. 98. *Назарейский* — здесь в смысле христианский.

Абдерам — Абд-Эр-Рахман I (ок. 734—788) — основатель арабской династии Омейядов в Кордовском государстве, образованном им на землях Пиренейского полуострова, захваченных арабами и берберами (впоследствии получившими общее название мавров) у исконного населения.

Стр. 106. «*Странствия Али-Бея*». — Имеется в виду книга испанского автора «*Странствия Али-Бея эль Абасси (Доминго Бадья-и-Лейблих)* по Африке и Азии в годы 1803, 1804, 1805, 1806, 1807» в 3-х томах, под редакцией Рокфора, Париж, 1814. Из этого издания, как и из тех, что упомянуты ниже, Мериме воспроизвел много подробностей в «*Театре Клары Гасуль*», стремясь соблюсти «местный колорит».

«*Путешествие...*» г-на Оттера. — Имеется в виду книга Оттера «*Путешествие в Турцию и Персию, дополненное сообщением об экспедициях Томаса Куликана*», в 2-х томах, Париж, 1748.

Письма леди Монтегю. — Имеется в виду парижское издание на английском языке «*Леди Монтегю. Письма, написанные во время путешествия по Европе, Азии и Африке, с прибавлением стихотворений того же автора*» (1789—1801).

Злой дух, вроде Медузы или Ламии. — М е д у з а в греческой мифологии — одна из трех Горгон, женоподобных чудовищ, от взгляда которых все живые существа превращались в камень. Л а м и я в греческой мифологии — чудовище, пожиравшее детей.

ИНЕС МЕНДО, ИЛИ ПОБЕЖДЕННЫЙ ПРЕДРАССУДОК

Стр. 109. *Алькальд* — городской голова (исп.).

Стр. 113. ...командором ордена *Алькантары*. — А л ь к а н т а р а — испанский рыцарский орден. К о м а н д о р — высшее звание в рыцарском ордене.

Стр. 129. ...до *Португальской революции*. — В 1640 году Португалия в результате восстания отделилась от Испании.

«*Иезекииль*» — одна из книг «*Ветхого завета*».

Инес де Кастро — жена наследного принца Португалии, убитая в 1355 году интриганами-придворными.

«*Саламейский алькальд*» — комедия испанского драматурга Кальдерона (1600—1681).

ИНЕС МЕНДО, ИЛИ ТОРЖЕСТВО ПРЕДРАССУДКА

Стр. 139. *Герцог де Лерма* (1555—1625) — кардинал, министр испанского короля Филиппа III.

Оливарес — герцог Гаспар Оливарес (1587—1645) — испанский политический деятель; пользовался большим политическим весом при короле Филиппе IV.

Жоан де Браганса — герцог, в дальнейшем первый по времени португальский король, вступивший на престол после вспыхнувшего в Португалии восстания против испанского владычества (1640).

Стр. 146. *Тристан* — герой средневекового романа «Тристан и Изольда», прекрасный юноша.

Ланселот — герой средневекового романа, храбрый и благородный рыцарь.

Амадис — герой рыцарского романа «Амадис Галльский» (первое известное нам издание — Сарагоса, 1508).

НЕБО И АД

Стр. 166. Эпиграф, вопреки ссылке Мериме, взят из пьесы Кальдерона «Луис Перес Галисиец» (д. I, явл. 4).

Стр. 169. *Фома Кемпийский* (1380—1471) — средневековый мистик, проповедник аскетизма, автор книги «Подражание Христу» и многих других.

Стр. 175. «*Цветник святых*» — «Жития святых», сборник, составленный испанским иезуитом Риваденейрой (1527—1611).

«*Араукана*» — эпическая поэма испанского поэта Алонсо де Эрсилья (1533—1595), воспевающая покорение Арауканы — страны в Южной Америке (ныне — южная часть республики Чили), осуществленное военной экспедицией испанского короля Филиппа II.

СЛУЧАЙНОСТЬ

Стр. 196. *Капитан Матамор* — буквально: капитан «Истребитель мавров» (исп.) — хвастун, традиционный комический персонаж испанского театра.

КАРЕТА СВЯТЫХ ДАРОВ

Стр. 221. *Хитанилья* — цыганочка (исп.).

Стр. 244. *Генест* — римский комический актер III века н. э. Принял христианство и был замучен при императоре Адриане. Католической церковью причислен к «лику святых»,

ЖАКЕРИЯ

Стр. 249. Первый эпитафия, явно иронического характера, взят из комедии Мольера «Смешные жеманницы» (явл. 10). Перевод Н. Яковлевой.

В «Хрониках» Фруасара...— «Хроники» в средневековой Франции — исторические произведения, составившие преимущественно из записей событий, современных автору. Жан Фруасар (1338—1404) — один из крупнейших французских историков-хронистов. Его «Хроники», в 4-х книгах, охватывают время с 1325 по 1400 год. Связанный с западноевропейской феодальной аристократией, пользуясь ее покровительством и получая от нее сведения об исторических событиях, Фруасар в своих «Хрониках» выражает ее взгляды и проводит ее тенденции. Описывая восстание французских крестьян 1358 года, так называемую Жакерию, Фруасар говорит о восставших с ненавистью и презрением.

Джон Болл — английский священник XIV века, выступавший в своих проповедях против феодальных привилегий и крепостного права, против католической церкви и церковных налогов (так называемой «десятины»); призывал к ниспровержению феодализма и установлению такого строя, когда «все различия между людьми будут уничтожены, когда лорды перестанут быть господами». За свои проповеди был отлучен от церкви и заключен в тюрьму. В 1381 году, после освобождения Болла из тюрьмы восставшими английскими крестьянами, он стал одним из вождей этого крестьянского восстания, известного в истории как восстание Уота Тайлера, по имени главного руководителя. В том же году был схвачен властями и казнен. Ему принадлежит баллада, из которой Мериме взял второй эпитафия.

Стр. 250. Сенешаль — в средние века должностное лицо, состоявшее в качестве управителя при короле или крупном феодале. В ведении сенешаля были и некоторые судебные дела.

Стр. 255. Капитул — в средние века собрание монахов или священников, существовавшее при некоторых католических церквях и монастырях, ведавшее их управлением, избиравшее их должностных лиц и т. п.

Стр. 260. ...о знаменитом рыцаре Гекторе Троянском.— Имеется в виду герой «Илиады», сын троянского царя Приама. Рыцарем он, конечно, быть не мог, так как рыцарства в античной древности не было, оно возникло лишь в средние века.

...о благородном бароне Фемистокле.— Имеется в виду Фемистокл (VI—V вв. до н. э.), крупный политический и военный деятель древних Афин, прославившийся во время греко-персидских войн. Бароном быть не мог, так как этого титула в Древней Греции не было, он возник лишь в пору раннего средневековья.

Стр. 261. Ликург — полупоупендарный законодатель, которому приписывали установление (в VIII в. до н. э.) государственного строя одного из древнегреческих государств — Спарты — в Лаконии, области, расположенной в юго-восточной части Пелопонеса.

...ордена святой Спарты.— Рыцарского ордена, то есть объединения рыцарей, подчиняющихся особому уставу, в Древней

Греции быть не могло. Название древнегреческого города и государства Спарты невежественный Бонен принимает за имя христианской святой.

Илоты — рабы в древней Спарте.

Стр. 276. *Кинтана* — старинная французская народная игра; участники ее наносят удары по чучелу, к руке которого прикреплена палка таким образом, что бьет по игроку в случае его неловкого удара.

Стр. 297. *Фаблио* — один из жанров французской городской литературы средних веков, коротенькая повесть в стихах.

Мандора — средневековый струнный инструмент, несколько большего размера, чем современная мандолина. Просуществовал во Франции до начала XVII века.

Самбук — щипковый музыкальный инструмент греческого происхождения. Форма у него треугольная; по типу напоминает арфу.

...менестрель из Тулузы. — *Менестрели* — певцы-поэты в средневековой Западной Европе, переходившие из замка в замок и исполнявшие для их обитателей свои песни под собственный аккомпанемент. *Тулуза* — старинный город на юге Франции, в средние века носившем название Прованса. Был одним из крупных центров средневековой лирической поэзии. Впрочем, в XIII веке, после двадцатилетних «альбигойских войн», предпринятых северофранцузскими феодалами под предлогом борьбы с так называемой «ересью альбигойцев», Прованс был razорен, там была учреждена инквизиция, преследовавшая светскую поэзию; искусство средневековых певцов-поэтов пришло в упадок, многие из них бежали от преследований инквизиторов в другие страны: Италию, Испанию, Германию.

Стр. 298. *Рыцари Круглого стола* — изображаемые в средневековых романах рыцари, обычно наделенные сказочной храбростью, силой и верностью своей «даме» — какой-либо высокородной женщине, которую они окружают поклонением, совершая в ее честь необычайные подвиги; собираются они при дворе своего покровителя — сказочного кельтского короля Артура, за круглым столом, где все места одинаково почетны, в знак существующего между этими рыцарями равенства.

Мерлин — действующее лицо многих западноевропейских рыцарских романов; изображен в них как мудрец и могучий волшебник.

Стр. 318. *Варавва* — разбойник, упоминаемый в евангелии. По евангельской легенде, правитель Пилат предложил иудеям соблюсти обычай и по случаю праздника пасхи отпустить одного из узников; Пилат надеялся, что они освободят Иисуса Христа, но иудеи предпочли ему разбойника Варавву, и Христос был распят.

Стр. 338. *Филистимлянин.* — *Филистимляне* — древний народ, обитавший в Сирии и Палестине, упоминаемый в Библии. Здесь — в смысле нечестивый.

Стр. 345. *Вот моя перчатка.* — Ангеран, согласно средневековому обычаю, в знак вызова на поединок бросает наземь свою железную перчатку; такие перчатки составляли часть рыцарских доспехов.

Стр. 346. *Тринадцать значков.*— Флоримон говорит здесь о флажках с треугольными цветными полотнищами. С такими флагами-значками рыцарские отряды выступали в бой, и по цвету значков можно было во время битвы определить местоположение каждого отряда.

Стр. 357. *Кастор и Поллукс* — в греческой и римской мифологии братья-близнецы, сыновья Леды. Считались покровителями воинов в битве. Причисляя их к христианским святым и одного из них, несколько далее, называя французом, а другого англичанином, Оборотень дает еще один образец той путаницы в представлениях о древнем мире, которую вышучивает Мериме в третьей картине «Жакерии».

Стр. 380. *Мо* — старинный французский город, недалеко от Парижа. В 1358 году присоединился к восстанию против феодалов, требуя расширения прав третьего сословия, и был сожжен и разграблен королевскими войсками, а городская община Мо лишена была прежних привилегий по самоуправлению.

Стр. 385. *Анаксагор* (род. ок. 500 г.— ум. 428 г. до н. э.) — древнегреческий философ.

Дионисий Первый (род ок. 431 г.— ум. 367 г. до н. э.) — тиран древнегреческого города-государства Сиракуз на о. Сицилия. Из сопоставления годов жизни Дионисия и Анаксагора видно, что Анаксагор умер, когда Дионисию было только около трех лет от роду, и, следовательно, беседа между ними, о которой говорит Лангуаран, не могла иметь места. Несмотря на свою степень «доктора прав», схоласт Лангуаран так же невежествен в представлениях об античном мире, как и другие действующие лица «Жакерии».

Стр. 387. *Ханаанская земля* — упоминаемая в Библии плодородная, цветущая земля.

Стр. 403. *Омар* — Омар-ибн-эль-Хаттаб, арабский халиф с 634 по 644 г., завоевал обширные территории в Сирии, Персии и Египте.

Стр. 404. *Lupi Morigit...* и т. д.— Согласно древнему римскому поверью, тот, кого волк при встрече увидит первым, становится немым.

Стр. 405. *Баярд* (ок. 1473—1524) — знаменитый французский полководец.

Максимилиан I — германский император с 1493 по 1519 год.

Валентина Дынник

ПОПРАВКА

По вине корректуры на стр. 130, в 1-й строке эпиграфа, допущена ошибка. Напечатано: *s a s a i s*, следует читать: *s a c a i s*.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕАТР КЛАРЫ ГАСУЛЬ

Заметка о Кларе Гасуль. Перевод Б. Загорского . . .	5
Испанцы в Дании. Перевод Н. Рыковой	10
Женщина—дьявол, или Искушение святого Антония. Перевод Аргю	79
Африканская любовь. Перевод Б. Загорского . . .	96
Инес Мендо, или Побсжденный предрассудок. Перевод Аргю	107
Инес Мендо, или Торжество предрассудка. Перевод Аргю	130
Небо и ад. Перевод Н. Любимова	166
Случайность. Перевод Н. Любимова	183
Карета святых даров. Перевод И. Татариновой . . .	215
ЖАКЕРИЯ. Перевод Н. Славятинского	249
Драматургия Мериме. Валентина Дынник	406
Комментарии	409

Индекс 70664.

Проспер М е р и м е
Собрание сочинений в 6 томах.
Том III.

Технический редактор
А. Ш а г а р и н а.

Подп. к печ. 6/XI 1963 г. Тираж 350 000 экз.
Изд. № 2007. Зак. 2141. Форм. бум. 84×108¹/₃₂.
Физ. печ. л. 13,13. Условн. печ. л. 21,52.
Уч.-изд. л. 21,81. Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47,
улица «Правды», 24.

